

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 23

В 2 частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2024

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 22 декабря 2023 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю. Л. Баньковская

Белорусский государственный аграрный
технический университет, Минск

Yu. L. Bankouskaya

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 101.8:316.3

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ «АКТОР» В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ ОБЩЕСТВА

THE ESSENCE AND SPECIFICS OF THE ACTOR CATEGORY IN THE NETWORK STRUCTURES OF SOCIETY

Следствием развития и распространения процессов сетевизации и цифровизации общества является трансформация роли субъекта. Выявление сущности и специфики категорий «субъект» и «актор» необходимо для раскрытия особенностей функционирования сетевых структур. Использование данных понятий в сетевом подходе обусловлено поливариативностью, многоуровненностью коммуникативного взаимодействия акторов. Пересмотр роли субъекта в социальных взаимосвязях сетевых элементов обусловлен формированием новой системы устройства взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: субъект; актор; сетевые структуры; взаимодействие; взаимосвязи.

The consequence of the development and spread of network and digitalization processes of society is the transformation of the subject' role. The identification of the subject and actor categories essence and specifics is necessary to reveal the peculiarities of the network structures functioning. The use of these concepts in the network approach is due to the multivariability, multilevelness of the actors' communicative interaction. The revision of the subject' role in the social interrelationships of network elements is due to the formation of arrangement new system of relationships between them.

Keywords: subject; actor; network structures; interaction; interrelations.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, происходящее во всех сферах жизнедеятельности общества, привело к изменению роли и функций субъекта, реализуемых в сетевом пространстве. В настоящее время наблюдается все большая вовлеченность людей в различные сетевые образования. Изменяется специфика их взаимодействия, обусловленная тем обстоятельством, что технические средства становятся неотъемлемым атрибутом их взаимосвязей. Следовательно, необходимо осуществить пересмотр традиционной модели субъект-субъектных и субъект-объектных отношений.

Сетевая структура представляет собой многоуровневую модель взаимодействия элементов, характеризующуюся наличием поливариативных, многофункциональных коммуникативных взаимоотношений между ними.

Испанский социолог М. Кастельс рассматривает ее как «комплекс взаимосвязанных узлов» [1, с. 494–495]. Российские ученые И. В. Лысак, Л. Ф. Косенчук определяют данный феномен как «децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность» [2, с. 49]. Британский исследователь Р. Хаггинс рассматривает ее как структуру, включающуюся «в себя две или более компании, преследующих общие цели или работающих над решением совместных проблем, взаимодействующих на протяжении длительного периода времени» [3, с. 112]. Британский социолог Ф. Уэбстер раскрывает сущность данного феномена в качестве «свободной гибкой коалиции, управляемой из единого центра, выполняющей такие важные функции, как образование альянсов и руководство ими, координация организации финансовых ресурсов и технологий, определение сфер компетенций и стратегий, реализующей соответствующие вопросы управления» [4, с. 32]. На основании изложенного можно дать следующее определение сетевой структуры. Она представляет собой сложное многокомпонентное полифункциональное образование, выстраиваемое в соответствии с определенным характером взаимосвязей и взаимоотношений между акторами. Сетевое взаимодействие представляет собой процесс формирования социальных связей и взаимозависимостей между элементами сети посредством осуществления ими совместной деятельности на основании ценностно-нормативных стандартов.

Акторы являются основными элементами сетевой структуры. Специфика их проявления в сети обуславливается одновременным наличием у них атрибутов индивидуальности и социальности. Отражение в сети всего многообразия социальных взаимоотношений, характер которых предопределяется как индивидуальными характеристиками субъекта, особенностями его восприятия тех или иных феноменов, так и социальными процессами, функционирующими в обществе, воздействует на качественные признаки сетевой структуры. Белорусским философом Е. М. Бабосовым отмечено, что «сущностным ядром, но одновременно действующим субъектом и объектом становления всех социальных систем является человек» [5, с. 7]. Личностные качества человека, такие как коммуникабельность, инициативность, бесконфликтность, принадлежность к определенной социальной группе, реализуемые им социальные роли и функции, оказывают непосредственное воздействие на специфику выстраиваемых им способов взаимодействия с сетевыми элементами. Огромное значение приобретают его ценности и цели, используя которые, им выстраивается алгоритм соответствующей деятельности. Уникальность человека проявляется в его выборе сетевого образования в соответствии со своими предпочтениями, в его возможностях оказывать влияние на процесс функционирования сети, в осуществлении соответствующих действий по урегулированию противоречий. С. Вассерман и К. Фауст утверждают, что «социальные роли предполагают наличие расширенных связей между людьми и, следовательно, приводят к формированию сложных отно-

шений в дополнение к простым... Человек задает тип и характер связей» [6, с. 484–485]. Социальные сети отображают, прежде всего, взаимосвязи между людьми и социальными группами. «В конечном счете, однако, все организации, институты и сети – результат действий человеческих акторов, даже если это действие было институализировано» [7, с. 27].

Элементами сети могут выступать как межгосударственные или государственные коалиции, так и отдельные субъекты в рамках межличностных взаимодействий. «Акторы – это дискретные индивидуальные, корпоративные или социальные объединения. Примерами акторов являются люди в группе, отделы в системе государственных учреждений в городе, национальные государства в мировой системе» [6, с. 17]. Сложность, многоуровневость и динамичность сетевого образования, наличие множества взаимосвязей между его элементами позволяют при рассмотрении особенностей функционирования сети отвлечься от отдельных личностных проявлений. В процессе взаимодействия акторы формируют взаимосвязи как с другими людьми, так и с различными объектами действительности. Данные объекты, переплетаясь с социальными взаимоотношениями, образуют разветвленную гибридную сеть. Американским исследователем Дж. Ло акцентируется внимание на гетерогенной сущности акторов, являющихся «отчасти социальными, отчасти техничными» [8, с. 20].

Онтологическим основанием процесса конституирования сети является механизм создания и выстраивания социальных связей и отношений между акторами. «Сетевые связи действуют как проводники трансляции информации, знаний, материальных ресурсов» [9, с. 389–390]. Осуществляя определенную деятельность, имеющую «координированный характер, который достигается за счет коммуникационных, информационных, финансовых ресурсов» [10, с. 35], актор удостоверяет свое местоположение. Французский философ и антрополог Б. Латур акцентировал внимание на том факте, что действие представляет собой инструмент, направленный на трансформацию информационного поля. Соответственно актором становится любой носитель информации, представляемый компьютерной программой, вирусом и являющийся «источником действия» [11, с. 182]. Актор как действующее лицо [12, с. 1422] характеризуется М. Грановеттером в качестве фундаментально неопределенного феномена, создающего и изменяющего свою сущность в процессе взаимодействия с элементами сети.

Необходимость прояснения релевантности понятия «актор», его отличия от категории «субъект» обусловлены значимостью концептуализации данного феномена для обозначения действующих лиц сети. Актор является действующим субъектом, участвующим в конфликте и модифицирующим наличную ситуацию в соответствии с имеющимися ресурсами. Если для него обязательной характеристикой является наличие деятельностного начала, поскольку ему присущи такие черты, как автономность при принятии решений, возможность оказывать влияние на функционирование социальной системы, то в качестве субъекта может выступать человек или социаль-

ная группа, обладающие некоторыми интересами и потребностями, но не способные их защищать, отстаивать и активно действовать для реализации имеющихся целей. Российский ученый И. М. Сампиев отмечает: «понятие „актор” имеет смысл лишь в сцепке с конкретным социальным действием (действиями), в то время как понятие «субъект» акцентирует скорее рациональность сознания и поведения, способность к реализации свободного выбора. Субъект становится актором применительно к действию, а актор рассматривается как субъект при наличии определенных характеристик сознания» [13, с. 160]. В ряде ситуаций часть людей, относящихся к некоторым социальным группам или общностям, не проявляют никакой активности. Данные индивиды являются субъектами, но не могут выступать в качестве акторов. Американский исследователь Дж. С. Коулман обратил внимание на тот факт, что актором является не любой субъект, а только если он осуществляет социальные действия на основании наличных ресурсов и стратегий для достижения имеющихся целей [14, с. 28–37]. К примеру, при наличии конфликта между социальными группами может создаться иллюзия, что множество взаимодействующих с ними общностей влияют на противоборство в соответствии со своим видением проблемы. В действительности большинство из них не может оказать реального воздействия на ситуацию. Данные группы, являющиеся участниками конфликта, выступают в качестве его субъекта. Актор активно действует в развертывании противостояния и его разрешении.

Динамизм, сложность и гибридность социальной реальности, являющиеся следствием развития информационно-коммуникационных технологий, приводят к тому, что в сети значимость приобретает само действие. Сетевые элементы не могут иначе проявить свое существование в данном образовании. Этимологически слово сеть в переводе на английский означает network, что можно трактовать как сетевая работа. Следовательно, подчеркивается активный, деятельностный характер функционирования ее элементов. Актор ориентирован на изменение окружающей среды в результате совершения им определенной деятельности.

Изменяется и традиционное представление об объектах, которые в современном мире опосредуют область социальных взаимодействий людей. «Фундаментальное различие мира людей и мира вещей теряет свою очевидность» [15, с. 162–163]. Б. Латур акцентирует внимание на том факте, что объекты способствуют воспроизведению, выстраиванию и изменению социальных связей, воздействуют на деятельность людей [16, с. 87–91]. «Актор – это понятие, снимающее различие между социальным и материальным действием, активным субъектом и пассивным объектом» [17, с. 68]. В рамках сетевого подхода происходит смещение акцента с момента осознанности осуществляемых действий на сам факт его совершения. «Употребление в речи самих понятий субъекта и объекта становится некорректным, и поэтому они оба заменяются на более абстрактное понятие актора – действующего, совершающего (опосредующего) действие» [15, с. 165]. Таким образом, можно дать следу-

ющее определение понятию «актор». Он представляет собой социального субъекта, характеризующегося наличием некоторых атрибутивных свойств, на основании которых выстраиваются его взаимосвязи и взаимоотношения с другими элементами сети и внешней по отношению к ней реальностью, и осуществляющего определенные действия.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что следствием распространения процессов сетевизации общества является пересмотр роли субъекта в социальных взаимодействиях. Системой устройства взаимосвязей и взаимоотношений людей становятся сети. Смена пространства коммуникативного взаимодействия, осуществившаяся вследствие появления новых процессов, происходящих в быстро и динамично развивающемся обществе, приводит к необходимости определения его действующих участников. Актор как деятель и создатель определенных норм и ценностей изменяет социальную реальность, формируя новые возможности для ее развития.

Список использованных источников

1. *Кастельс, М.* Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / С. С. Аверинцев [и др.]; под общ. ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.
2. *Косенчук, Л. Ф.* / Современное общество как общество сетевых структур / Л. Ф. Косенчук, И. В. Лысак // Информационное общество. – 2015. – № 2–3. – С. 45–51.
3. *Haggins, R.* The success and failure of policy-implemented inner firm. Network initiatives: motivations, processes and structure / R. Haggins // Entrepreneurship & regional development. – 2000. – № 12. – P. 111–135.
4. *Webster, J.* Networks of collaboration or conflict? Electronic data interchange and power in the supply chain / J. Webster // The Journal of strategic information systems. – 1995. – Vol. 4. – № 1. – P. 31–42.
5. *Бабосов, Е. М.* Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов. – Минск: Белорусская наука, 2013. – 482 с.
6. *Wasserman, S.* Social network analysis: methods of applications / S. Wasserman, K. Faust. – Cambridge: Cambridge university press, 1994. – 825 p.
7. *Кастельс, М.* Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
8. *A sociology of monsters: essays on power, technology and domination (Sociological review monograph) / ed. by J. Law.* – London: Routledge, 1991. – 273 p.
9. *Pallotti, F.* Network influence and organizational performance: the effects of tie strength and structural equivalence / F. Pallotti, A. Lomi // European management journal. – 2011. – Vol. 29. – Is. 5. – P. 389–403.
10. *Анисимова, Н. А.* Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Н. А. Анисимова, И. П. Добаев. – М.; Ростов н/Д.: Соц.-гуманитар. знания, 2016. – 143 с.

11. Латур, Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Б. Латур // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 1. – С. 173–200.

12. Granovetter, M. Threshold models of collective behaviour / M. Granovetter / The american journal of sociology. – May, 1978. – Vol. 83. – № 6. – P. 1420–1443.

13. Сампиев, И. М. Субъектно-деятельностный подход к государственной этнической политике: субъекты и акторы / И. М. Сампиев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – Т. 4, № 41. – С. 132–139.

14. Coleman, J. S. Foundations of social theory / J. S. Coleman. – Cambridge: Harvard university press, 1990. – 993 p.

15. Сивоконь, А. С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе / А. С. Сивоконь // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 1. – С. 162–169.

16. Латур, Б. Об интересубъективности / Б. Латур // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6, № 2. – С. 79–96.

17. Мозалевская, Д. А. Акторно-сетевая теория как методология современных социальных исследований / Д. А. Мозалевская // Журнал Белорусского государственного университета. Сер.: Философия. Психология. – 2022. – № 3. – С. 67–75.

(Дата подачи: 20.02.2024 г.)

П. А. Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 1:304.5

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ГИБРИДИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В ИНСТИТУТЕ ПРАВА

THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS AND HYBRIDIZATION OF THE INSTITUTIONAL MATRIX OF THE SOCIAL SYSTEM IN THE INSTITUTION OF LAW

В статье раскрыто, что на стадии формирования общественной системы институт права способствует выделению редистрибутивных/рыночных институтов в качестве доминантных в институциональной матрице. Утверждается, что в последующие этапы эволюции право содействует укреплению этих доминантных институтов и, следовательно, сохранению социальной идентичности общества. Продемонстрировано, как институт права отражает социально-политические изменения в обществе и реагирует на процесс гибридизации институциональной матрицы.

Ключевые слова: институциональная матрица; редистрибутивные институты; рыночные институты; институт права.

In this paper, it is shown that at the stage of formation of a social system, the institution of law contributes to the identification of redistributive/market institutions as dominant ones in the institutional matrix. It is approved that in subsequent stages of evolution, law helps to strengthen these dominant institutions and, consequently, preserve the social identity of society. It is demonstrated how the institution of law reflects socio-political changes in society and reacts on the process of institutional matrix hybridization.

Keywords: institutional matrix; redistributive institutions; market institutions; institution law.

Экономические, политические и социальные трансформации последних десятилетий, наблюдаемые в различных странах, актуализировали исследование проблемы формирования и эволюции институциональной среды общественной системы. В этом плане представляет интерес теория институциональных матриц¹ (ИМ), в соответствии с которой существуют *базовые* институты двух типов – редистрибутивные и рыночные [1]. К базовым *редистрибутивным* относятся, в частности: в экономике – общественная собственность, редистрибуция (*аккумулирование – согласование – распределение*) с задействованием Центра, служебный труд (обязанность и право граждан трудиться на объектах общей собственности); в политической сфере – иерархическая вертикаль власти во главе с Центром, жалобы по инстанциям в качестве механизма обратной связи; в социокультурной сфере – коммунитарное мировоззрение, выражающее приоритетности прав и интересов общества по сравнению с правами и интересами отдельной личности; эгалитаризм – представление о социальной структуре, в основе которой лежит общественное равенство, понимаемое как равная необходимость в исполнении общественных обязанностей и равный доступ к пользованию общественными благами. Базовые *рыночные* институты: в экономике – частная собственность, купля – продажа как институт обмена, прибыль как институт обратной связи, наемный труд, конкуренция хозяйствующих субъектов; в политической сфере – доминирование «горизонтальных» связей между субъектами государства над «вертикальными»; самоуправление и субсидиарность; в социокультурной сфере – индивидуалистическое мировоззрение, выражающее доминирование «Я» над «Мы».

Базовые институты двух типов сосуществуют в институциональной среде на условиях доминантности – комплементарности, образуя институциональную матрицу общества. При доминировании редистрибутивных институтов институциональная матрица относится к X-типу (такой тип институциональной матрицы нередко называется «азиатским», либо «неза-

¹ Институциональная матрица – исторически сложившийся устойчивый триплекс взаимосвязанных базовых (ключевых, фундаментальных) институтов, регулирующих функционирование общественной системы в целом и всех ее взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической и социокультурной). В данном случае институты понимаются в самом широком смысле, как «правила игры», определяющие социальное действие [2].

падным»), рыночных – к Y-типу («западному»). Институты доминантного типа определяют социальную идентичность конкретных обществ, а комплементарные институты обеспечивают устойчивость институциональной матрицы, сбалансированное развитие всех сфер [3].

Важнейшим институтом является право, понимаемое как система общеобязательных, *формально определенных* норм, выражающих консолидированную волю общества, устанавливаемых и обеспечиваемых государством, и направленных на урегулирование общественных отношений [4]. В праве находят отражение сущностные характеристики институциональной матрицы. В то же время данный институт участвует в формировании типа ИМ, стимулирует укрепление в ней доминантных институтов и является индикатором ее гибридизации. Доказательству данной гипотезы и посвящена настоящая работа. Методологической основой исследования является институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц.

Исследуем эмпирический материал, предоставляемый историей: процесс гибридизации римского права в западной и восточной частях распавшейся Римской империи как следствие формирования институциональных матриц альтернативного типа.

Единое для всей империи римское право было сложным институтом, отражавшим особенности ее институциональной матрицы и содержавшим как рыночные, сохранившиеся со времен республики, так и редистрибутивные, усилившиеся по мере расширения империи и перехода от принципата к доминату, элементы. После распада Римской империи ее западная и восточная части оказались в различных социоэкономических условиях. Государственная власть варварских королевств раннего Средневековья была несравнимо слабее мощнейшей бюрократической машины Византии. Например, только в Италии за несколько столетий в эпоху раннего Средневековья сменилось несколько принципиально различных государственных образований: Королевство готов, Равеннский экзархат, Королевство лангобардов. Как результат, функции правления в городах взяли на себя епископы. Таким образом, сформировались два центра силы, две параллельные ветви власти – церковная и светская. Противостояние между ними стало неизбежным. Его корни уходят во времена Феодосия Великого (IV век), который после санкционированной им резни в Фессалониках признал право церкви в лице епископа Амвросия Медиоланского критиковать императорские решения и, прося отпущения грехов, встал перед епископом на колени. Апофеоз противостояния – реформы папы Григория VII и его борьба с императором Генрихом IV в XI в. [5]. В конечном итоге многовекового противостояния возникла необходимость обращения к беспристрастному арбитру, которым выступил суд. Причем систематизация и кодификация права первоначально шли по церковной линии (ввиду того, что представители церкви на Западе, в отличие от представителей светской власти, были высокообразованными людьми, способными разобраться в старых латинских текстах) – так возникло каноническое право. Оно охватывало громадную

сферу отношений: вопросы церковной собственности, включавшей треть земли в Европе, все негативные действия против нее и служителей церкви, ересь и богохульство, брачно-семейные отношения, завещания, договора, при заключении которых стороны приносили религиозную клятву.

Институт суда стал приобретать все большую значимость, подтверждением чему, среди прочего, может служить тот факт, что Жанну д'Арк и Яна Гуса казнили *по решению суда*, а не по волеизъявлению правителя, в то время как ни одного подобного примера обхождения с неугодными мятежниками в истории Византии не было. На Западе в средние века имели место беспрецедентные ситуации: в 1320–1321 польский правитель Владислав Локеток отсудил у Тевтонского Ордена оккупированную последним Померанию, а Орден подал апелляцию в папскую курию. Нередко в судебных тяжбах между Польшей и рыцарями третьим лицом выступал император Священной Римской империи. Суд, обретя фактическую независимость в условиях противостояния церковной и светской власти, стал рыночным институтом в институциональной матрице.

Дифференциация церковной власти от светской обусловила правовой плюрализм, который отражал и одновременно укреплял плюрализм политической и экономической жизни Запада, т. е. способствовал формированию институциональной матрицы Y-типа, помогая превращать рыночные институты в доминантные.

Лютеранская Реформация разрушила церковно-светский дуализм власти. Вместе с тем, лютеранство принесло идею о способности индивида по Божьей милости изменять природу и создавать новые общественные отношения, что способствовало формированию такого рыночного социокультурного института, как индивидуализм (осознание автономии и свободы личности в обществе), и его рефлексии в праве. В центре последнего – контракт как средство обеспечения и закрепления акта купли-продажи, частная собственность и прибыль. Таким образом, право способствовало укреплению доминантных рыночных институтов в институциональной матрице.

Другим порождением лютеранства стал рационализм, что означает веру в бесконечные возможности человека знать, структурировать и осваивать реальность, вследствие чего право общественных систем с Y-матрицей рационально, базируется на формально оформленных законах, а не преобладании чувств и религии. Право на Западе закрепилось как основная форма разрешения конфликтов между отдельными лицами.

Таким образом, в западной части бывшей Римской империи римское право эволюционировало в условиях плюрализма центров силы (церковной и светской ветвями власти) и борьбы между ними. Эта борьба стала «стержнем» формирования институциональной матрицы Y-типа. Право явилось не просто «зеркалом», отражающим ее сущностные характеристики, но и способствовало превращению рыночных институтов в доминантные.

Следует отметить, что в ходе эволюции западное право нашло воплощение в двух основных институциональных формах: континентальной

и англо-саксонской правовых системах. Англо-саксонская система, признаком которой, в отличие от континентальной системы, является предельная децентрализация судебной власти [6], представляет собой продукт *дальнейшей* гибридизации западного права по рыночному пути *в условиях фронтирного положения* Англии и США. Интересным элементом англо-саксонской системы является институт присяжных, появившийся как следствие необходимости согласовать правовые традиции разных частей общественной системы Англии. Следует отметить, что суд присяжных, используемый в англо-саксонской системе повсеместно как в уголовных, так и в гражданских делах, в период Великих реформ Александра II поэтапно (вначале – в центральных, значительно позднее – в западных губерниях и Сибири) внедрялся в Российской империи, однако после принятия нескольких резонансных решений, противоречащих воле центральной власти (например, оправдательный приговор по делу Веры Засулич), подобная правовая практика была ограничена (суд присяжных не рассматривал уголовные дела политического и религиозного характера), что говорит о принципиально ином характере российской правовой модели.

В Восточной Римской империи развитие пошло другим путем. Окруженная со всех сторон могущественными врагами Византия к VII в. стала ощущать себя не Новым Римом, а Новым Иерусалимом, осажденной крепостью, островком подлинной веры в бушующем море неправедных племен. Первоочередной задачей стала защита от внешней агрессии. Решить ее могла система с сильной государственной властью и доминированием «Мы» над «Я», что характерно для систем Х-типа.

Сильная государственная власть исключила необходимость параллельного существования власти церковной, их острого соперничества, и, как следствие, формирования такого базового рыночного института как конкуренция. Цезаропапизм православной церкви и выполнение ею компенсаторной функции [3] препятствовали становлению правового плюрализма, что способствовало укреплению редистрибутивных институтов.

В то же время компенсаторная функция религии, заключающаяся в сглаживании дисбалансов институциональной матрицы, определила иррациональность мышления значительного числа индивидуумов (Константинополь к середине VII в. представлял собою «ковчег, полный мощей и иных религиозных реликвий» [7], отношение к которым у населения граничило с языческим идолопоклонством), и, как следствие, регулирование частных отношений посредством не права, а норм морали и ценностей, диктуемых религией. При этом вследствие диффузии институтов из Арабского халифата, испытываемой Византией в зрелый период своего существования, христианская религия переплелась с исламскими традициями, что нашло отражение в праве.

Первым проявлением в праве процесса гибридизации византийской институциональной матрицы вследствие влияния заимствованных институтов стала принятая в VIII в. императором Львом III Исавром Эклога. Эклога

представляла собой своего рода «дайджест» ключевых норм Кодекса Юстиниана VI в., в котором были обобщены нормы классического римского права, но с новшествами: ощутимым акцентом на христианскую мораль, запретом на любые внебрачные отношения под страхом телесных и имущественных наказаний и развод даже по взаимному соглашению, провозглашением принципа нерасторжимости брака. Моральные принципы приобрели больший вес, чем рациональные правовые конструкции, что и поныне характерно для ряда восточных обществ [8–10].

Интересным кейсом является внедрение, согласно Эклоге, практики членовредительства как наказания. Оно оправдывалось через религиозные догмы: человек создан Богом по своему образу и подобию, Бог априори является совершенным существом, и, уродуя человека, мы отдаляем его от Бога, в чем и заключается суть наказания. Введение практики членовредительства свидетельствует о влиянии восточных традиций (в первую очередь, ислама) на христианскую мораль, лежащую в основе византийского права, поскольку, как считали в Константинополе, ислам не так уж неверен, если Бог дарует арабам победы.

В целом как отражение перемен в общественной системе Византии Эклога демонстрирует движение права по пути редистрибутивности: имеет место урезание женщин в правах, наблюдается борьба центральной власти с каким бы то ни было плюрализмом, наиболее ярко проявившаяся в иконоборчестве. Истинная причина иконоборчества заключалась в том, что различные регионы чествовали различных святых в качестве своих защитников. Это порождало религиозную и, в силу смешения религиозных и правовых обычаев, правовую «многоголосицу». Иконоборчество же объявило святых ложными идолами, усилив централизацию.

Дальнейшее развитие византийской общественной и, как следствие, правовой системы шло по пути усиления редистрибутивных институтов. Понятие собственности существовало, однако благополучие представителей господствующего класса гораздо сильнее зависело от их места в иерархии государственной власти. Что касается крестьянства, занимавшего более низкое социальное положение, в большинстве случаев собственником земли оказывался не индивидуум, а образованное и контролируемое властью сообщество – община, члены которой были связаны круговой порукой. Вследствие этого право способствовало не формированию индивидуалистского мировоззрения, а укреплению доминантных (редистрибутивных) институтов в институциональной матрице.

Для предотвращения появления невозделанных земель, подать с которой не уплачивается, в Византии были созданы институты приписки и предпочтительной покупки. Первый из них заключался в принудительной передаче в собственность бездоходного участка другому собственнику в пределах того же податного участка. Институт предпочтительной покупки заключался в предварительном предложении недвижимости пяти категориям заинтересованных лиц (близким родственникам, наследникам, соседям),

что практически полностью исключало постороннего покупателя. Данные институты способствовали формированию nepотизма и, как результат, гибридизации базовых социокультурных институтов редистрибутивного типа: коммунитарного мировоззрения и эгалитаризма. Как вполне зрелый институт, nepотизм, возникший и культивированный на локальном уровне, проявился в «системе Комниных», когда правительственные должности и крупная земельная собственность открыто раздавались только тем, кто непосредственно входил в семью императора.

Сложившийся в Византии тип социальной организации способствовал формированию гетерономной личности [11]), не рассматривавшей себя как автономное существо, свободное от общества. Идея индивидуализма, личной автономии (в том числе, имущественной) и, следовательно, свободы не соединилась с идеей необходимости ее нормативного воплощения.

Рецепция институтов Византии, адаптированных к условиям, с одной стороны, «опасного» геополитического расположения и, с другой – фронта, имела место на Руси. Необходимость принимать быстрые решения, связанные с обеспечением безопасности, а также возможность обогащения за счет колонизации мало обжитых сопредельных земель позволяла властвовать, не считаясь не только с населением, но и правящей элитой, вследствие чего сформировалась традиция неподотчетности власти населению. Ее следствием явилась слабая вера в право, функции которого, как и в целом для систем с Х-матрицей, замещаются обычаями (по Судебным уставам 1864 г. волостные суды судили крестьян, ориентируясь, в первую очередь, на нормы общего права (обычаи) [12]; обычаи, вырабатываемые купеческими артелями, играли важную роль в регулировании коммерческой деятельности [13]) и базовым редистрибутивным институтом жалоб [14].

Так же, как и в Византии, право способствовало выделению доминантных (редистрибутивных) институтов и их укреплению, что проявилось, в частности, в установлении принадлежности всей земли в государстве правителю (царю), наделении его высшей исполнительной, законодательной и судебной властью, определении крестьянской общины в качестве самостоятельного субъекта права (она являлась собственником земли и предоставляла ее отдельным дворам во временное пользование на несколько лет, после чего производился передел).

Идея частной собственности появилась в российском праве в эпоху Екатерины II, при этом даже слова такого в русском языке прежде не существовало – новый термин представлял собой кальку немецкого *Eigentum* [15]. Развитие капиталистических отношений и появление комплементарных институтов в институциональной матрице нашло отражение в праве. В частности, развитие промышленности обусловило издание в 1832 г. Устава промышленного, отделяющего государственную промышленность от частной и содержащего ряд норм о «промышленных заведениях». Появление новых форм частной собственности и укрепление рыночных институтов привело к созданию в начале XX в. проекта Гражданского уложения Российской им-

перии (его текст частично был использован при разработке Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. в годы НЭПа).

Институт права является индикатором гетерогенности институциональной матрицы, что проявилось в параллельном существовании в Российской империи нескольких правовых систем. В частности, регулирование общественных отношений в Сибирских губерниях и на Кавказе осуществлялось в соответствии со специальными законодательными актами; в западных губерниях и Царстве Польском продолжительное время действовали Литовский Статут 1588 г., Гражданский кодекс Наполеона.

Таким образом, анализ показывает, что как в случае обществ Y-, так и X-типа институт права на стадии формирования общественной системы способствует выделению доминантных институтов в институциональной матрице, впоследствии укрепляет их и, поскольку доминантные институты определяют социальную идентичность общества, содействует ее сохранению.

Список использованных источников

1. *Кирдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 469 с.
2. *North, D. C.* Institutions / D. C. North // Journal of Economic Perspectives. – 1991. – V. 5. – № 1. – P. 97–112.
3. *Barakhvostov, P. A.* The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix / P. A. Barakhvostov // Mir Rossii. – 2023. – V. 32. – № 4. – P. 56–70.
4. *Рассказов, Л. П.* Теория государства и права / Л. П. Рассказов. – Москва: ИНФРА-М, 2015. – 559 с.
5. *Берман, Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – Москва: ИНФРА.М. – НОРМА, 1998. – 624 с.
6. *Cotterrell, R.* Law, culture and society: legal ideas in the mirror of social theory / R. Cotterrell. – USA: Ashgate Publishing Company, 2006. – 208 p.
7. Все монархи мира: Древняя Греция, Древний Рим, Византия / под ред. К. Рыжова. – М.: Вече, 2002. – 576 с.
8. *Бехруз, Х.* Особенности восточных традиций / Х. Бехруз // Порівняльне правознавство: сучасний стан і перспективи розвитку. – К.: Логос, 2009. – С. 79–83.
9. *Саидов, А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / А. Х. Саидов. – М.: Юрист, 2003. – 448 с.
10. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Международные отношения, 1996. – 400 с.
11. *Бачинин, В. А.* Философия права / В. А. Бачинин, В. П. Сальников. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
12. *Кандинский, В.* О наказаниях по решениям волостных судов Московской губ. / В. Кандинский // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования

и пр.). Вып. I / под ред. Н. Харузина. – М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1889. – С. 34–49.

13. Ботанцев, И. В. Вещные права в Российской империи 1832–1917 гг. / И. В. Ботанцев // Журнал правовых и экономических исследований. – 2019. – № 3. – С. 24–29.

14. Бессонова, О. Э. Роль института жалоб в формировании новой реальности в России / О. Э. Бессонова // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24. – № 5. – С. 148–157.

15. Семиколонов, М. В. Исторический аспект развития института права собственности / М. В. Семиколонов, Н. В. Исанина, С. М. Ульяхина // Институциональная трансформация экономики: человек и социум: материалы VII Междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 окт. 2021 г.). – Томск: Нац. исслед. Томск. гос. ун-т, 2021. – С. 174–176.

(Дата подачи: 20.02.2024 г.)

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет, Минск

E. V. Belyaeva

Belarusian state university, Minsk

УДК 17.031

КАТЕГОРИЯ МОГУЩЕСТВА В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

CATEGORY OF POWER IN THE ETHICS OF RESPONSIBILITY

Категория могущества включена в понятийно-категориальный аппарат этики ответственности (особого типа теории морали по сравнению с этикой долга и этикой блага) благодаря сущностной взаимосвязи с категорией ответственности. Могущество рассматривается онтологически как характеристика бытия морального субъекта и означает, что у него есть способности, возможности и умения совершать ответственные поступки, этически взаимодействовать с Другим, реализуя доверие и заботу о его благе.

Ключевые слова: могущество; ответственность; этика ответственности; онтология субъекта; Другой; коммуникация.

The category of power is included in the conceptual-categorical apparatus of the ethics of responsibility (a special type of moral theory in comparison with the ethics of duty and the ethics of good) due to its essential relationship with the category of responsibility. Power is being researched ontologically as a characteristic of the being of a moral subject and means that he has the abilities, possibilities and skills to perform responsible actions, ethically interact with the Other, realizing trust and concern for his good.

Keywords: power; responsibility; ethics of responsibility; ontology of the subject; the Other; communication.

Под этикой ответственности понимается тип теории морали, который отличается от предшествующих этики блага и этики долга тем, что в ней система этических категорий основывается на специфической онтологии морального субъекта и помещает в центр понятие ответственности [1]. К числу философов, в работах которых можно проследить идеи этики ответственности, можно отнести М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Х. Арендт, Э. Левинаса, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёра, Г. Йонаса и других представителей феноменологического подхода. В данной теории морали вокруг категории «ответственность» выстраивается ряд специфических этических понятий, среди которых обнаруживается такое качество морального субъекта, как могущество.

Одним из критериев сравнения трех типов теорий морали выступает *способность морального субъекта*, позволяющая ему практически осуществлять нравственность: делать добро либо исполнять долг, либо реализовывать ответственность. Такой способностью для субъекта этики блага является добродетель, для этики долга – разум. В этике ответственности нравственная способность субъекта обозначена здесь как могущество. Поскольку, как добродетель, так и разум можно рассматривать как разновидности могущества; могущество и разум – как добродетель, а добродетель и могущество – как следствия разума, то становится понятно, что три типа теории морали концептуализируют один и тот же предмет разными теоретико-методологическими средствами. Данное обстоятельство позволяет не бояться вводить в этику новые понятия, увязывая их с сетью уже имеющихся. В то же время могущество до сих пор не рассматривалось как философская категория, поэтому его присутствие в теории морали требует серьезно обоснования, хотя дать его не так просто.

В первую очередь потому, что христианская традиция, в контексте которой мы так или иначе мыслим, как будто не содержит такой идеи. Напротив, кажется, что христианская проповедь смирения и кротости – суть апологии слабости. Сила же зачастую трактуется как причина насилия и осуждается. Только Божественная сила и Божественное всемогущество могут быть добрыми, человеческая же сила и претензии на могущество чаще являются источником зла. Такое понимание христианских идей является, скорее, массово распространенным, чем по-настоящему аутентичным, однако с его присутствием в моральном дискурсе приходится считаться и развивать дополнительную аргументацию по «нравственному оправданию могущества».

Во-вторых, затруднение вызывает сам выбор категории для обозначения качества субъекта, необходимого для осуществления морали в форме ответственности. Между сходными по семантике понятиями: сила, воля, власть, энергия, мощь, могущество – было выбрано последнее. С одной стороны, это качество в большей степени относится к субъекту, всё остальное можно рассматривать как бессубъектные сущности. С другой стороны, за другими категориями уже тянется длинный историко-философский шлейф интерпретаций, которые пришлось бы учитывать в построении этики ответственно-

сти, в то время как для обозначения ее специфики имеет смысл взять новый термин. Философы, придававшие категориальный статус одному из перечисленных понятий, раскрывали его содержание через другие. Чего стоит словосочетание *сила воли* или ницшеанская *воля к власти*. В. В. Биbihин, анализируя философский контекст функционирования категории *энергия*, раскрывает ее как *силу, мощь, могущество, всемогущество, власть* [2]. Таким образом, выбор термина «могущество» из ряда взаимосвязанных был осуществлен, исходя из его употребления в различных контекстах, связанных с этикой ответственности.

В-третьих, представители этики ответственности, о которых здесь идет речь, не употребляли понятие могущества, а только косвенно раскрывали необходимость той энергии (силы, воли, власти, мощи), которая характеризует специфический тип бытия морального субъекта ответственности. Между тем, можно зафиксировать некоторые тезисы, иллюстрирующие наличие идеи могущества в работах данных авторов и привести хотя бы косвенные доказательства необходимой взаимосвязи ответственности и могущества для осуществления нравственности.

Прежде, чем перейти к рассмотрению представителей этики ответственности конца XX в., следует показать, что могущество как способность к нравственности так или иначе присутствовало и в конструкции других типов теории морали.

Главным представителем этики блага по традиции выступает Аристотель. В. В. Биbihин пишет об «аристотелевской добродетели, том состоянии, которое и само есть энергия, – видение, понимание, мысль, самоценная жизнь, счастье, которые Аристотель приводил как пример энергий, это одновременно и добродетели, причем высшие. *Добродетель – это энергия по преимуществу*» [2, с. 50]. Можно сказать, что могущество у Аристотеля – это полнота самоосуществления, полнота власти, безотчетная мощь, а применительно к человеку – добродетель, доблесть, добротность, достоинства. Т. е. нравственность – это мощь того, кто полностью самоосуществился в качестве человека, будучи добродетельным, добротным по существу. Высшим типом энергии – энергией покоя – обладает, по Аристотелю, неподвижный перводвигатель бытия. Такой же тип могущества, тождественного полноте и совершенству бытия, присущ и христианскому Богу. Однако понятно, что для человека обрести такое могущество невозможно, можно только получить к нему доступ, стать проводником божественной энергии добродетели в мир.

В этике долга И. Канта главной способностью субъекта выступает разум, который реализуется как в гносеологической, так и в этической проекциях. Могущество разума – это базовая аксиома культуры Просвещения, и «мужество пользования собственным разумом» свидетельствует о могуществе этического субъекта культуры модерна.

Сам И. Кант рассуждает о могуществе в «Критике способности суждения». В ней есть параграф «О природе как могуществе», в котором послед-

нее определяется как «способность преодолевать большие препятствия. Она называется властью, если преодолевает сопротивление того, что и само обладает могуществом» [3, с. 130]. Поэтому, хотя природа и непреодолима в физическом смысле, мы «обнаружили в способности нашего разума другой нечувствительный масштаб, который подчиняет себе саму эту бесконечность» [3, с. 132], – пишет И. Кант. Разум позволяет быть независимым от совокупности сил природы и осуществлять свое могущество по отношению к ней.

То же самое можно сказать и о природе человека, моральное господство над которой чистый практический разум осуществляет в форме должностования. Поэтому не приходится сомневаться, что источником нравственного могущества человека, позволяющего вопреки склонностям и жизненным препятствиям исполнять долг, является разум, который рассматривается И. Кантом как гносеологическая способность (ведь даже практический разум занят *познанием* морального закона). Этика ответственности будет отличаться от Канта и онтологической постановкой проблемы морального субъекта, и отказом от моральной автономии субъекта в пользу его коммуникативной природы. Кроме того, в отличие от обоих классических типов теории морали, где могущество изначально принадлежало Богу и в пределах подразумевало всемогущество, этика ответственности ограничивает претензии человека на могущество и ищет другой его источник.

В качестве предпосылки идеи могущества в этике ответственности следует упомянуть идеи М. Хайдеггера, чье понимание во многом задает общую рамку феноменологического рассмотрения бытия субъекта и его способностей. Как писал немецкий философ, «присутствие не есть нечто наличное, в придачу обладающее еще каким-то умением, но оно первично *могущее-бытие*» [4, с. 143]. Субъект не просто изначально обнаруживает себя в мире и мир в присутствии субъекта, но обнаруживает себя в качестве того, кто *может*. Вероятно, может не слишком много, не обладает всемогуществом, однако сам его онтологический статус таков, что предполагает определенную силу и энергию.

Вслед за М. Хайдеггером к рассмотрению человека *могущего* обращается П. Рикёр, строящий на этом представлении свою антропологию: человек – тот, кто обладает способностями к действию, кто *может* делать. К числу способностей *мочь делать* П. Рикёр относит способность говорить, способность действовать, нарративную способность и способность этическую, которая состоит в ответственном поведении [5]. Этическая способность является высшей в иерархии, она проявляется как способность взять на себя ответственность за свои поступки и за ситуацию в целом, поэтому она может трактоваться как могущество от слова «могу». Список способностей в принципе мог бы быть расширен, но все равно это ограниченный список, не предполагающий всемогущества, ни по количеству возможных действий, ни по их силе. Человек может то, что может, и только на этой основе он принимает на себя ответственность за вмешательство в ситуацию.

Кроме того, продолжает П. Рикёр, «размышление над природой человека *могущего* составляет, как мне кажется, то антропологическое введение, в котором нуждается политическая философия» [6, с. 76]. Человек определяется главным образом своими способностями, которые достигают полной реализации только в условиях политического, общественного состояния. А поскольку этика и политика у П. Рикёра (как и у Аристотеля) нераздельны, то способность к этическому ответственному поведению реализуется субъектом в общественном пространстве. Таким образом, могущество выступает как предпосылка и результат ответственного этического отношения к миру; надо мочь, чтобы поступать нравственно; и наоборот – ответственное поведение само по себе свидетельствует о мощи человека.

Содержание и смысл категории могущества в этике ответственности можно определить в ходе ее сопоставления с другими категориями и особенностями построения этой теории морали.

Могущество как свойство морального субъекта – это имманентное свойство, оно не черпается из внешнего источника, но присуще самому бытию субъекта: быть – значит быть *способным быть*, быть субъектом – значит в той или иной степени обладать могуществом (волей к власти, волей к жизни, силой, энергией или чем-либо подобным). Такая постановка вопроса только подчеркивает ту идею, которая присутствовала и в других типах теории морали: нравственность – это духовная сила, детерминирующая бытие человека. И, поскольку это его собственная сила, такая самодетерминация является источником его свободы. Свободен тот, кто живет по законам собственной самости. Пока в человеке есть нравственная мощь, он остается человеком, остается собой и вообще *есть*. В этике ответственности характеристике морали как «реализации человеком норм и ценностей» предшествует определение человека в качестве могущественного морального субъекта ответственности, который, собственно, и способен что-либо реализовать.

Могущественный человек не только *может* поступать *свободно*, быть причиной своих действий, но имеет и создает *возможности* для поступания. Поскольку этика ответственности концентрируется на коммуникации как пространстве осуществления нравственности, то в такой системе каждый субъект является возможностью для Другого. Каждая человеческая интеракция трактуется, как новая возможность создать нравственное пространство между субъектами. Наконец, подразумевается, что могущественный субъект умеет делать то, что он собрался сделать, т. е. нравственность не сводится к приверженности ценностям и нормам. Как у Аристотеля с его фронезисом (знанием-умением), как у И. Канта, у которого даже руководство чистым практическим разумом не исключало практических казусов, новый тип теории морали делает акцент на нравственности как *умении* воздействовать на ситуацию. Моральный субъект, с одной стороны, должен соотносить свою мощь и умения с ситуацией, а с другой – наращивать свои умения, дающие возможность брать на себя ответственность за ее разрешение. Мера ответственности определяется мерой могущества: можешь – значит должен.

Специфическая взаимосвязь этики и онтологии в этике ответственности приводит к тому, что могущество и ответственность оказываются жестко сцепленными: могущество суть ответственное поведение; для того, чтобы проявлять ответственность, необходимо иметь мощь, а для того, чтобы поддерживать свое могущество, необходимо совершать ответственные действия. Этика ответственности совершенно не боится могущественных, но безответственных существ в силу специфического понимания, как статуса субъекта, так и самого могущества. Она не просто преодолевает ресентимент, приводящий к понижению нравственного стандарта, но придает каждому ответственному деятелю частицу настоящей мощи.

Субъект этики ответственности не представляет собой субстанции, предшествующей нравственным поступкам, он существует только в коммуникативных актах деятельности. У самых различных представителей этики ответственности субъектность оказывается функцией от этического отношения к Другому. Под этическим же отношением подразумевается ответ субъекта на полноту бытия Другого; т. е. этическое отношение – это не заранее сформированная установка хорошо относиться к людям, но конкретный практический ответ на присутствие в бытии этого Другого во всей его уникальной «другости». Коммуникация с Другим становится источником, перводвигателем и вечным двигателем нравственного могущества субъекта, в пространстве *между* ними создается та разница потенциалов, которая продуцирует нравственный смысл события встречи.

Онтология морального субъекта в этике ответственности неизменно строится вокруг фигуры Другого, ответом на зов которого и является по преимуществу ответственность. Если у Э. Левинаса [7] само бытие субъектом для человека становится возможным только в ответ на обращенный к нему лик Другого, если у человека нет алиби в бытии и для него «нудительно» проявлять ответственность (как пишет М. М. Бахтин [8]), то получается, что его способность сохранять бытие Другого обще свидетельствует о его могуществе и в то же время является дополнительным источником этого могущества.

Традиционное понимание ответственности как ответственности перед вышестоящей нравственной инстанцией не присуще новому типу теории морали. В противном случае могущество субъекта все время рассматривалось бы как морально подозрительное и ограничивалось могуществом вышестоящего морального субъекта. Если же ответственность трактуется как ответственность *за что-то*, а не *перед кем-то*, то могущество мыслится как принципиально конструктивная творческая способность организовать мир, а возможный крах собственного дела, за которое взялся моральный субъект, выступает достаточным регулятором поступка. Субъект переживает ответственность как благо собственного бытия, и его бытийная мощь целиком зависит от степени ответственности. Это позволяет реализовать доверие и заботу как важнейшие феномены этики ответственности. Только могущественный человек может изначально и безусловно доверять Друго-

му и только у такого человека хватит сил на ответственную заботу как поддержку субъектности Другого.

Таким образом, категория могущества вводится в этику ответственности для обозначения способностей, возможностей и умений морального субъекта, позволяющим ему совершать ответственные поступки, этически взаимодействовать с Другим, реализуя доверие и заботу о его благе.

Список использованных источников

1. *Беляева, Е. В.* «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой блага» и «этикой долга» / Е. В. Беляева // Вестник прикладной этики. – 2022. – Вып. 59. – С. 73–92.
2. *Бибихин, В. В.* Энергия / В. В. Бибихин. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 488 с.
3. *Кант, И.* Критика способности суждения / И. Кант. – М.: Искусство, 1994. – 369 с.
4. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 503 с.
5. *Рикёр, П.* Я сам как Другой / П. Рикёр; пер. с фр. Б. М. Скуратова; под общ. ред. И. С. Вдовиной. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 416 с.
6. *Поль Рикёр в Москве* / науч. рук. проекта И. С. Вдовина. – М.: Канон+, 2013. – 488 с.
7. *Левинас, Э.* Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
8. *Бахтин, М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. – М.: Наука, 1986. – С. 82–160.

(Дата подачи: 15.02.2024 г.)

О. В. Беркова

Белорусский национальный технический университет

O. V. Berkova

Belarusian National Technical University

УДК 316.422+330.342

ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

TYPES OF SCIENTIFIC RATIONALITY IN ECONOMIC THEORY

В статье дается характеристика трех типов научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. Выявлено также их отражение в наиболее фундаментальных экономических теориях – марксизме, кейнсианстве и современном институционализме. Анализ данных теоретических направлений показывает, как, выбирая

определенное основание теории, возможно затем развернуть его в практикоориентированное системное знание.

Ключевые слова: научная рациональность; классическая рациональность; неклассическая рациональность; постнеклассическая рациональность; марксизм; кейнсианство.

The article characterizes three types of scientific rationality: classical, non-classical and postnon-classical. It also reveals their reflection in the most fundamental economic theories – Marxism, Keynesianism and modern institutionalism. The analysis of these theoretical trends shows how, choosing a certain basis of the theory, it is possible to deploy it in practice-oriented system knowledge.

Keywords: scientific rationality; classical rationality; non-classical rationality; postnon-classical rationality; Marxism; Keynesianism.

Научная рациональность – это соответствие теоретических построений тем познавательным средствам, нормам и идеалам, которые приняты наукой в данный момент и ведут к объективной истине. Критериями рациональности являются логические законы и правила, философские допущения, существующие картины мира, методы, категории, схемы объяснения и понимания, принципы построения научных теорий, образцы решения исследовательских задач и пр.

История науки знает три типа научной рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую. Причем последний, третий тип научной рациональности – постнеклассический – был обозначен белорусским философом В. С. Степиным в конце 80-х гг. XX в. Им же была уточнена и конкретизирована система критериев, позволяющих различать исторически возникающие в науке типы рациональности [1, с. 239].

Классическая рациональность имеет объектом своего исследования простые системы. В соотношении части и целого суммарные свойства частей исчерпывающе определяют свойства целого, а в соотношении вещи и процесса вещь первична по отношению к процессу, причем сам процесс рассматривается как воздействие одной вещи на другую. В данном типе рациональности причинность истолковывается в лапласовском духе – как механическая обусловленность одних явлений другими. Отсюда следует, что, зная начальные условия существования объекта, можно просчитать («предсказать») его будущие положения в пространстве и состояние во времени.

Пространство и время при этом рассматриваются как нечто внешнее по отношению к объекту, фундаментальными объектами (в естествознании) являются неделимые курупскулы (атомы), а ссылки на ценностно-целевые структуры познания отсутствуют. Обоснование знаний происходит в первую очередь при помощи подтверждения теории опытом, идеалом истины является построение абсолютно истинной картины мира, при которой из двух альтернативных теоретических описаний одной и той же области опыта истинным может быть только одна. Статус же познающего субъекта таков, что исследователь в данном случае суверенен и дистанцирован от познаваемых вещей.

Неклассическая рациональность имеет основным объектом исследования сложные саморегулирующиеся системы. В таких системах целое не исчерпывается свойствами частей, часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами. При рассмотрении соотношения вещи и процесса объекты предстают как процессуальные системы, самовоспроизводящиеся в результате взаимодействия со средой и благодаря саморегуляции. Жесткий детерминизм дополняется идеями «вероятностной» причинности, так как необходимо учитывать стохастический характер взаимодействий в подсистемах, и «целевой», которая подвержена действию программы саморегуляции как цели, обеспечивающей воспроизводство системы.

Пространство и время рассматриваются не только как внешние по отношению к объекту, но и как «внутренние» (биологическое время, социальное время). Ссылки на ценностно-целевые структуры познания по-прежнему отсутствуют.

Что касается обоснования знаний, то здесь типы объяснения и описания действительности обязательно содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Необходимое условие объяснения и описания – требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом.

В неклассической рациональности признается относительная истинность теорий и картины мира. Укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности. Статус познающего субъекта изменяется: познающий разум не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него и детерминирован им.

Постнеклассическая рациональность основным объектом исследования имеет сложные саморазвивающиеся системы. Соотношение части и целого приобретает новые смыслы: имеет место наличие системного качества целого, и по мере развития системы изменяются виды системной целостности. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы.

По мере развития системы происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Причинность связывается с представлениями о превращении возможности в действительность. Целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. При этом случайные флуктуации в точках бифуркации могут вести систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения ее новых состояний.

Изменяется также понимание пространства и времени: наращивание системой новых уровней организации приводит к возникновению своеобразных «пространственно-временных окон», фиксирующих границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений.

Особое значение в подходах постнеклассической рациональности приобретают ссылки на ценностно-целевые структуры познания: с системами, исследуемыми здесь, нельзя свободно экспериментировать, поэтому идеал

ценностно-нейтрального исследования трансформируется. Этическая экспертиза (соотношение с общегуманистическими принципами и ценностями) постоянно включается в качестве компонента в идеал обоснования научных знаний.

В вопросе обоснования знаний фундаментальные и прикладные исследования выступают как компоненты единого комплекса с прямыми и обратными связями. Большинство исследований требуют междисциплинарного подхода.

Идеалы истины допускают широкое применение особых способов описания и предсказания состояний объекта, определяются разнообразные возможные сценарии развития системы в точках бифуркации, а также теоретические схемы, использующие компьютерные программы. В естествознании наблюдается применение идеала исторической реконструкции, что ранее применялось лишь в гуманитарных науках и т. д.

Что касается изменения статуса познающего субъекта, то здесь человеческое действие не является внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее необратимо изменяя каждый раз поле ее возможных состояний.

При решении проблемы выявления сущности изучаемых явлений применительно к хозяйственной жизни используется способ, идущий еще от гегелевской традиции, выявления начального звена («экономической клеточки»), которое закладывается в основание теории и затем разворачивается в системное знание. При таком подходе выбор «начала» и способа его разворачивания предопределяет принципиальные различия в последующих теоретических построениях, разделяя различные научные школы. Из истории экономической мысли известны разные варианты «исходной клеточки». Это – товар или благо, стоимость или цена, социальные институты или само национальное хозяйство и т. д. «Здесь ключевой вопрос связан с мотивацией выбора такого начала. Что ученый или аналитик хочет объяснить или доказать? Какой получить результат? При этом приходится принимать во внимание, что разработку социальных или экономических теорий можно начинать по-разному, получая различающиеся результаты» [2, с. 95].

Ярким примером неклассической рациональности может служить теория К. Маркса, изложенная им в известном труде «Капитал». В основе экономической теории К. Маркса лежит учение о прибавочной стоимости как части вновь созданной живым трудом стоимости, но неоплаченной наемному работнику.

Ранее, до создания К. Марксом теории, объясняющей источник всех видов прибыли (промышленной, торговой, банковского процента, земельной ренты), формы доходов и их источники раскрывались исходя из теории факторов производства. Основные факторы производства (земля – труд – капитал) создают каким-то непонятным образом каждый свой вид дохода: земля создает ренту, труд – заработную плату, капитал – прибыль, причем остается нераскрытым источник их происхождения.

Поскольку результаты научного поиска в неклассической рациональности зависят в первую очередь от средств исследования, его операций, а также изначальных условий и допущений, то введя фундаментальную посылку о том, что источником прибыли является прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, есть неоплаченный труд рабочих, К. Марксу удалось не только показать источник всех видов прибыли, но и объяснить функционирование всей капиталистической системы производства.

Раскрывая основную посылку о неоплаченной части продукта, произведенного наемным трудом, К. Маркс исходил из допущения о возможности человека, усиливающейся на всем протяжении истории человечества благодаря развитию производительных сил, производить больше, чем ему нужно для собственного восстановления. Таким образом, рабочему оплачивается в виде зарплаты не стоимость всего произведенного им продукта, а лишь эквивалент стоимости средств его существования, который гораздо меньше. Все, что сверх стоимости средств существования рабочего, является прибавочной стоимостью.

То, что далее происходит с прибавочной стоимостью, каким образом она в результате межотраслевой конкуренции превращается в прибыль, одновременно распределяясь среди различных групп капиталистов по принципу «равновеликая прибыль на равновеликий капитал», не является целью изложения данной статьи. Здесь акцентируется внимание на том, как используя прием К. Маркса, основанный на допущении о неоплаченной части труда рабочего, можно объяснить источник как прибавочной стоимости, так и далее источник прибыли различных групп «инвесторов».

Основываясь на допущении о том, что источник прибыли есть неоплаченная часть труда рабочего, К. Маркс делает вывод о наличии эксплуатации наемного труда в капиталистическом обществе и, следовательно, о необходимости ее ликвидации. Здесь уместно привести цитату В. Гейзенберга, касающуюся одного из принципов неклассической рациональности: «Ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов» [3, с. 27].

Однако дальнейшая борьба рабочего класса за свои права и социальную защищенность, особенно объединенного в профсоюзы, в XX в. позволила существенно изменить пропорции деления вновь создаваемой стоимости в свою пользу. Более того, практическое кейнсианство, осознав необходимость стимулирования «эффективного спроса» в том числе и путем регулирования доходов (в сторону повышения доходов в данном случае людей наемного труда), сгладило и даже сняло с повестки дня вопрос эксплуатации наемного труда в современном мире.

Но поскольку вопрос об источнике прибыли в хозяйственной жизни человечества всегда оставался актуальным, то ответить на него можно опять же исходя из позиций неклассической рациональности, но перефразировав его в вопрос о всех возможных источниках прибыли. Так, источником прибыли в современном мире может быть не только неоплаченная часть тру-

да наемного работника, но и эксплуатация оборудования сверх сроков его амортизации, и продажа товара сверх стоимости, исходя из его истинной или мнимой уникальности, и откровенная спекуляция и др. Все зависит от того, какие средства и операции познавательной деятельности, исходя из принципов неклассической рациональности, были использованы, и удалось ли при этом описать определенный фрагмент функционирования хозяйственной системы жизни общества с пользой для практики.

Еще одним примером использования принципов неклассической рациональности в экономической теории может служить теория Дж. М. Кейнса.

Джон Мейнард Кейнс – английский экономист, вошедший в историю мировой экономической мысли как родоначальник теории государственного регулирования и отец такого направления экономической теории, как макроэкономика. Его основной труд «Общая теория занятости, процента и денег» вышел в свет в 1936 г. как теоретическое обоснование системы мер, направленных на преодоление Великой Депрессии 1929–1933 гг. в США.

Основным положением теории Дж. Кейнса стало утверждение о том, что главной движущей силой в экономике является совокупный спрос, определяемый суммой расходов домашних хозяйств, предприятий и правительства. Таким образом, Дж. Кейнс становился оппонентом господствовавшей до 30-х гг. XX в. неоклассической доктрины, утверждавшей, что все, что производится в экономике, – покупается благодаря автоматическому действию ценового механизма. Кризисы товарного перепроизводства разрешаются сами собой, проходя фазу депрессии (для которой характерен самый низкий из возможных уровень цен, позволяющий ликвидировать скопившиеся товарные запасы), фазу оживления (когда впервые после кризиса существенно расширяется спрос на инвестиционные товары, а уровень производства и занятости автоматически начинает расти) и фазу подъема (когда производство, превысив максимальный уровень, достигнутый в предшествовавшем цикле, продолжает быстро расти, закладывая, однако, предпосылки для нового кризиса (спада) производства) [4, с. 537].

Кейнс же в своей теории сумел показать, что в эпоху господства промышленных монополий и профсоюзов, которая устанавливается в рыночной системе с конца XIX в., автоматическое действие ценового механизма «ломается», и без определенных мер со стороны государства, в первую очередь, активной фискальной и кредитно-денежной политики, рыночная система выйти из кризиса не может.

Но главное, что отличает учение Дж. Кейнса (как и учение К. Маркса), – это наличие системно построенной теории, т. е. теории, в которой из исходного допущения при помощи средств логической аргументации выстраиваются все остальные «этажи» теоретической системы.

Таким исходным допущением в теории Дж. Кейнса была его функция потребления, называемая ее автором еще и «основным психологическим законом». Суть ее состояла в том, что с ростом своего дохода домашние хозяйства все меньшую его долю тратят на потребление и, соответственно, все

большую долю – на сбережения. Графически функция потребления в самом упрощенном виде выглядела как наклонная линия, пересекающая, однако, биссектрису прямого угла первого квадранта координатной плоскости (биссектриса в данном случае – абстрактная линия равенства совокупных расходов и посчитанному по потоку доходов чистому национальному продукту). Однако эта «наклонность» и позволила Дж. Кейнсу выстроить такую теоретическую систему, из которой вытекала, в первую очередь, важность наращивания инвестиций для роста (национального) продукта, благодаря эффекту мультипликатора. Этот же эффект показывал важность наращивания госрасходов при выходе экономики из состояния спада и губительность в данной ситуации увеличения налогов.

В основе данной иллюстрации, повторимся, лежала особая – кейнсианская – функция потребления. Она подвергалась достаточно ошутимой критике со стороны многих известных экономистов: Ф. Модильяни, М. Фридмана, Дж. Дьюзенберри, Р. Холла, С. Кузнецца. Однако ни одному из них не удалось создать на основе собственных функций потребления логически стройную макроэкономическую теорию, имеющую к тому же неоспоримую практическую значимость.

Современная экономическая теория знает примеры применения принципов и постнеклассической рациональности в своей истории. Так, представители эволюционного институционализма Д. Норт и Дж. Ходжсон, пришли к выводу, что столь разнообразное в современном мире функционирование экономических систем, а также их перспективы, зависят от траектории их предшествующего историко-экономического развития. Институты же – это базисные структуры и связи, которые наилучшим образом обеспечивают выживание социума.

Современный институционализм, в первую очередь российский, основывается на предположении, что наряду с рыночными экономическими системами существуют хозяйственные системы другого (нерыночного) типа, которые столь же жизнеспособны, имеют свои собственные законы саморазвития и собственную систему культурно-ценностных ориентаций [5, с. 262]. В исследованиях российских институционалистов (Л. И. Абалкина, О. Э. Бессоновой, С. Г. Кирдиной, Л. В. Милова, А. П. Паршева, В. Т. Рязанова и др.) прослеживается мысль о том, что в России укоренилась редистрибутивная (нерыночная) экономика, которая, несмотря на неоднократные попытки ее преобразования в рыночную, тем или иным способом, постоянно возвращается к исходному типу своего институционального состояния.

Исходя из принципов постнеклассической рациональности, в которых особое значение приобретают ссылки на ценностно-целевые структуры познания и идеал ценностно-нейтрального исследования трансформируется, встает вопрос о целях развития экономической теории, в первую очередь, так называемого «Экономикса». Если целью развития последнего (ответ на вопрос «зачем?») является совершенствование функционирования ры-

ночных систем – это один вопрос. Если целью его развития является его агрессивное навязывание странам, где он «не работает» даже на уровне экономических реформ, а служит лишь ширмой для захвата дополнительных рынков сбыта – другой.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная экономическая теория имеет отношение ко всем трем вышеописанным видам научной рациональности. Наиболее известные теории (марксизм, кейнсианство) представлены в данной статье. В то же время за ее рамками остались многочисленные теории, относящиеся в том числе и к классическому типу научной рациональности. Их существование подтверждает справедливость тезиса о том, что всякий предшествующий тип научной рациональности включается в предыдущий.

Список использованных источников

1. *Степин, В. С.* Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
2. *Рязанов, В. Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике / В. Т. Рязанов. – СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. – 463 с.
3. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. – М., 1990. – 400 с.
4. *Кажуро, Н. Я.* Основы экономической теории / Н. Я. Кажуро. – Минск: ООО «Мисанта», 2005. – 672 с.
5. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 307 с.

(Дата подачи: 28.08.2024 г.)

И. Н. Браницкая
Национальная академия наук Беларуси,
Институт философии, Минск

I. Branitskaya
National Academy of Sciences of Belarus,
Institute of Philosophy, Minsk

УДК 101.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

SOCIAL INNOVATIONS OF THE BELARUSIAN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF GLOBAL CRISIS

Статья посвящена теории социальных инноваций, которая в последние годы получила широкое распространение в общественных и научных кругах. Основное внимание уделяется новым социальным практикам, которые определяются как новая комбинация или конфигурация социальных практик в различных сферах деятельности или социальных

контекстах. Описывается вклад белорусских ученых в область социальных инноваций и их потенциал для достижения устойчивого развития.

Ключевые слова: социальные инновации; социальные практики; устойчивое развитие; знания; государство; рынки; трансформация.

The article is dedicated to the theory of social innovations, which has gained widespread recognition in public and scientific circles in recent years. The main focus is on new social practices, defined as a new combination or configuration of social practices in various spheres of activity or social contexts. The contribution of Belarusian scientists to the field of social innovations and their potential for achieving sustainable development is described.

Keywords: social innovations; social practices; sustainable development; knowledge; state; markets; transformation.

В свете растущих рисков и проблем, с которыми сталкиваются национальная безопасность и социальное развитие Республики Беларусь, значение и масштабы потенциальных угроз усилились, как никогда ранее в истории, а внутренние и внешние факторы, влияющие на эти процессы, стали более сложными. Задача, поставленная правительством Беларуси: перевести народнохозяйственный комплекс на инновационный путь развития, требует от ученых системного осмысления феномена инноваций в целом и в контексте белорусского общества в частности.

Исследованием ключевых тенденций социальных инноваций в белорусском обществе занимались Т. И. Адуло [1], Н. И. Богдан [2], С. А. Хмельницкий [3] и другие белорусские ученые. Актуальные направления идеологической работы в Республике Беларусь как ключевого аспекта развития социальных инноваций белорусского общества изучали М. Г. Жилинский [4], О. В. Забельникова [5], К. Д. Сазон [6]. Вместе тем вопросы формирования научно-методологических основ для эффективного функционирования и инновационного развития научно-производственных систем, а также создания эффективного механизма реализации инновационной политики Республики Беларусь, с учетом ее общих характеристик и различий в уровне использования и возможностях увеличения научно-производственного потенциала, остаются недостаточно разработанными. В связи с этим актуально разработать методологические принципы, инструменты, направления и механизмы внедрения инноваций, учитывая международный опыт и практические достижения белорусских ученых в этой области.

Цель работы – выявить влияние социальных инноваций на развитие белорусского общества в условиях современного глобального кризиса.

Социальные инновации – относительно новая концепция, которая в последние годы получила распространение как в общественных дискуссиях, так и в научных кругах, особенно в социальных науках. Она характеризуется сочетанием методологических значений и множеством адаптаций к различным областям и дисциплинам и считается сквозным термином, вокруг которого трудно установить жесткие границы. В результате существует до-

вольно разнообразная литература по определениям, процессам и основным действующим лицам социальных инноваций.

По мнению западных ученых, солидарных с точкой зрения Дж. Ховальдта, А. Кессельринг, Р. Копп, М. Шварц, «Социальные инновации фокусируются на новых социальных практиках, определяемых как новая комбинация или новая конфигурация социальных практик в определенных сферах деятельности или социальных контекстах, инициируемых определенными акторами или совокупностью акторов намеренно и целенаправленно с целью лучшего удовлетворения потребностей или разрешения проблем. Социальные инновации принимаются и распространяются (частично или широко) по всему обществу или в определенных социальных подобластях и, наконец, закрепляются и институционализируются как социальные практики» [7].

В этом контексте социальные практики определяются как повседневная деятельность, такая как поход на работу, покупательские и потребительские привычки, образ жизни, времяпрепровождение, личные и общественные отношения и т. д., которые имеют значение для людей как часть их повседневной жизни. Если они приобретают широкое распространение в данной местности, группе или населении, можно сказать, что они становятся типичными и привычными в (большой части) общества и, таким образом, институционализируются, по крайней мере, в неформальном смысле.

Социальные инновации – это сильно фрагментированная практика, которую можно объяснить с различных теоретических точек зрения и в которой участвуют многочисленные группы заинтересованных сторон с разными уровнями власти и ожиданиями [8]. Более позднее комплексное определение предполагает, что «социальные инновации включают в себя новые способы действия (практики, технологии, материальные обязательства), организации (правила, принятие решений, способы управления), формирования (смысла, видения, воображения, дискурсивных обязательств) и познания» (когнитивные ресурсы, компетентность, обучение, оценка)» [9].

Многие авторы ссылались на концептуальную путаницу определений [10; 11]. Можно возразить, что концептуальная и определительная изменчивость социальных инноваций ослабляет их полезность как организующей концепции. Поскольку к ней подходили с очень многих дисциплинарных (и некоторых междисциплинарных) точек зрения, она имеет тенденцию нести в себе теоретические парадигмы из различных дисциплин, от географии до социологии, научно-технических исследований (НТС) и наук об управлении и политике.

Социальные инновации включают в себя два ключевых элемента: переосмысление и реконфигурацию ресурсов, отношений и знаний. Эти действия направлены на разработку новых подходов к достижению социальных целей, таких как идентификация источников инноваций и поиск новых стратегических партнеров для реализации проектов, которые служат общественным интересам.

Доктор философии и научный сотрудник Международного института социальных исследований в области экономики развития В. Фуччи утверждает, что между социальными инновациями и устойчивым развитием существует «положительная связь». Он считает, что все «основные требования для достижения устойчивого развития уже встроены в социальные инновации» [12].

Ряд белорусских ученых в своих работах отмечают, что социальные инновации могут стать инициатором потенциально трансформирующих изменений в сторону устойчивости [3; 6]. Другие же видят в них возможность достижения более локальных результатов в ответ на неспособность государства или рынка предоставить базовые услуги [13]. В любом случае, социальные инновации связаны с процессом изменения социальных практик (то есть отношений, поведения и сетей сотрудничества), который обычно включает активное участие представителей гражданского общества.

Социальные инновации способствуют достижению положительных социальных результатов для граждан и других участников, часто на местном уровне благодаря активному участию гражданского общества, его межакторным, межсекторальным, междисциплинарным и сквозным преимуществам. Они направлены на расширение прав и возможностей тех, кто испытывает социальные потребности, с акцентом на расширении их собственной активности и возможностей, а не на пассивном ожидании, что другие будут действовать от их имени. Это достигается за счет изменения социальных отношений и создания новых форм сотрудничества. Эти важные аспекты помогли эффективно решать различные проблемы, связанные с национальной безопасностью, и противостоять рискам и вызовам в области политики, экономики, идеологии, природы и других аспектов.

Технологические преобразования и организационные модификации открывают новые горизонты для реагирования на социальные трансформации и повышения качества жизни людей. Инновации являются катализатором социального благополучия. Это основной стимул, который традиционно подстегивал развитие инновационных исследований и формирование социальной политики в течение последних пяти десятилетий.

Управление инновациями, начиная с 90-х годов прошлого века, перестало быть жестким и исключительно техническим процессом и начало координировать и расширять наследие знаний в направлении сложности и развития. Повышение ценности знаний достигается только тогда, когда происходит обмен знаниями между людьми внутри общества. Такой процесс определяется как обмен знаниями и подразумевает как намерение (в качестве отправной точки), так и акт обмена знаниями, а также акт поиска новых знаний для создания инновационных решений. Однако утверждение о том, что инновации способствуют социальному благосостоянию, неявно основано на двух важных предположениях, которые до сих пор доминировали в научных исследованиях и разработке политики в области ценностно-ориентированного подхода в вопросе результативности социальных инноваций белорусского общества.

Первое предположение заключается в том, что социальных инновации влияют на благосостояние людей, увеличивая доходы и возможности потребления. Следовательно, до сих пор в этой области неявно принималось понятие индивидуального благосостояния, которое фокусируется на экономических детерминантах и материальном богатстве и обычно игнорирует неэкономические аспекты. Однако это предположение неточно, поскольку социальные инновации оказывают самые разнообразные воздействия на качество жизни людей, которые включают в себя множество экономических, социальных и психологических факторов и возможностей. В этой связи важной задачей будущих исследований является принятие нового ценностно-ориентированного подхода, который позволит совместно исследовать экономические и неэкономические последствия социальных инноваций в рамках одной и той же структуры.

Второе предположение касается концепции общего социального благосостояния. Исследования в духе Й. Шумпетера обычно сосредотачивались на положительном влиянии новых технологий на экономические показатели (ВВП на душу населения, производительность, конкурентоспособность, занятость) [14, с. 924]. Фокус на эффективности неявно основывается на простом утилитарном понятии социального благосостояния, которое сосредоточено на общих выгодах, которые инновации приносят населению репрезентативных агентов, но игнорирует изучение распределительных эффектов и аспекта равенства. Этот подход вызывает вопросы, поскольку известно, что процесс инновационных преобразований действительно влияет на относительное положение победителей и проигравших, и что эти различия часто имеют тенденцию увеличиваться и сохраняться со временем, иногда приводя к росту неравенства, поляризации и социальной изоляции [15, с. 118]. Таким образом, крайне важно, чтобы будущие исследования в области инноваций поставили под сомнение использование стандартного простого утилитарного понятия и оценки влияния социальных инноваций и разработали более широкую исследовательскую основу, которая позволит учитывать как эффективность, так и аспекты справедливости.

Эти две исследовательские задачи в совокупности требуют разработки новой парадигмы для изучения инноваций и социального благосостояния нации Беларуси [4; 16]. Новая парадигма ценностно-ориентированного подхода к развитию белорусского общества и влиянию социальных инноваций на этот процесс может включать два основных направления. Во-первых, она будет принимать более широкое и всеобъемлющее понятие индивидуального благосостояния, что позволит сформировать концептуальную основу для совместного изучения экономических и неэкономических последствий социальных инноваций [17, с. 618]. Во-вторых, она будет принимать более широкое понятие социального благосостояния, которое будет уделять явное внимание распределительному воздействию социальных инноваций и, следовательно, изучать взаимосвязи и возможные компромиссы между их

воздействием на эффективность и справедливость распределения ресурсов в белорусском обществе [14, с. 927].

Белорусское общество в своей сути отражает общие ценности всего человечества, такие как мир, развитие, справедливость, демократия и свобода, и воплощает в себе ценностные цели модернизации в белорусском стиле и сам цивилизационный стиль, который оно формирует. В процессе создания белорусского дискурса и национальной нарративной системы, основанной на обобщении исторического опыта, глубокой систематизации, уточнении и распространении национальных особенностей, ценностей и идей, несущих «модернизацию общества по белорусскому образцу», «общие характеристики», содержащиеся в стремлении к модернизации человечества, являются для мира правильным смыслом для понимания Беларуси, белорусского народа и основ модернизации белорусского общества на основе социальных инноваций.

Создание новой системы дискурса социальных инноваций основывается на независимой системе знаний, которая основывается на реальности положения Республики Беларусь в системе международных отношений, а также внутренней парадигме и национальной концепции развития. Таким образом, создание белорусского дискурса и национальной нарративной системы социальных инноваций – это систематический проект, который охватывает широкий спектр областей и связан с общей ситуацией внутри страны с учетом влияния современного глобального кризиса. Это проект включает в себя базовые знания, нарративные тексты, генерацию дискурса, системы коммуникации, стратегические стратегии и построение эффективной команды ученых-социологов. Фактически, это вся область философии и социальных наук в Республике Беларусь.

Производительность в данном контексте выступает в роли наиболее прорывного и активного элемента социального прогресса. Она обладает революционным характером и представляет собой конечную и наиболее значимую движущую силу социальных трансформаций. В этом свете, кажется важным сфокусироваться на преодолении препятствий в применении ключевых технологий, которые контролируются различными управляющими структурами, подчеркивая, что «технологии – это первичная производительная сила, талант – это главный ресурс, а инновации – это движущая сила». Таким образом, с целью улучшения новой национальной системы, продвижения ключевых технологических исследований и независимых инноваций рекомендуется сосредоточиться на преодолении преград устоявшихся интересов, продвигать социальную справедливость, предлагая *ускорить создание систем, которые играют значительную роль в обеспечении социальной справедливости, а также постепенно создать систему гарантий социальной справедливости*, чтобы сгладить каналы ускорившейся социальной мобильности, стимулировать инновации и творчество всего белорусского общества, а также обеспечить равное участие и равное развитие прав людей.

Эта новая парадигма также предполагает взаимное обогащение белорусского общества двумя важными соседними областями, которые до сих пор в значительной степени игнорировались в шumpетерианских исследованиях: исследованиями благосостояния, с одной стороны, и экономической благосостояния, с другой. Опора на знания из этих хорошо зарекомендовавших себя областей, исследования ценностно-ориентированного подхода в вопросе результативности социальных инноваций белорусского общества позволит более глубоко понять, какие типы инноваций способствуют индивидуальному благополучию и социальному благосостоянию, а какие нет, временной горизонт и компромиссы, связанные с этим воздействием.

Новизна предлагаемого подхода заключается в предложении перехода от чисто ориентированной на индивида точки зрения, основанной на зависимости заинтересованных сторон, к более коллективной реляционной перспективе, которая влечет за собой взаимозависимость и сотрудничество заинтересованных сторон, тем самым продвигая новое мышление о заинтересованных сторонах и управление знаниями применительно к социальным инновациям в условиях современного глобального кризиса и упадка западноевропейской парадигмы государственного управления.

Показано, что за последнее десятилетие идея социальных инноваций использовалась, чтобы пролить свет на сложные процессы социально-экономической и пространственной реструктуризации, которые возникли на многих уровнях социально-экономического развития страны, особенно в качестве ответов на современные вызовы. Социальные инновации были сформулированы как потенциальный механизм достижения результатов устойчивого развития. Таким образом, будущие исследования по этой теме могут внести свой вклад в социальную политику, изучая различные сбои рынка и социальные проблемы.

Список использованных источников

1. Адуло, Т. И. Введение / Т. И. Адуло // Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ / Т. И. Адуло [и др.]; под общ. ред. Т. И. Адуло; Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2022. – С. 3–8.
2. Богдан, Н. И. Инновационная динамика: глобальные тенденции, состояние и перспективы Беларуси / Н. И. Богдан // Белорусский экономический журнал. – 2012. – № 1. – С. 30–43.
3. Хмельницкий, С. А. Механизм функционирования социального капитала при переходе к инновационному пути развития в Республике Беларусь: дис. кандидата экономических наук: 08.00.01 / С. А. Хмельницкий. – Москва, 2010. – 200 с.
4. Актуальные направления идеологической работы в Республике Беларусь / М. Г. Жилинский [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2017. – 331 с.

5. *Забельникова, О. В.* Основы идеологии белорусского государства: пособие / О. В. Забельникова. – Минск: Колорград, 2018. – 69 с.
6. *Сазон, К. Д.* Конституционные основы идеологии белорусского государства: учебное пособие / К. Д. Сазон. – Минск: Академия МВД, 2018. – 127 с.
7. *Howaldt, J.* Social Theory in Theoretical Approaches to Social Innovation – A Critical Literature Review, a deliverable of the project “Social Innovation: Driving Force of Social Change / J. Howaldt, A. Kesselring, R. Kopp, M. Schwarz. – Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2014. – PP. 9–33.
8. *Howaldt, J.* Social Theory in Theoretical Approaches to Social Innovation—A Critical Literature Review, a deliverable of the project “Social Innovation: Driving Force of Social Change / J. Howaldt, A. Kesselring, R. Kopp, M. Schwarz. – Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2014. – PP. 9–33.
9. The governance of sociotechnical transformations to sustainability / S. Beck [et al.] // *Curr. Opin. Environ. Sustain.* – 2021. – № 49. – PP. 143–152.
10. *Кириенко, В. В.* Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко. – Гомель: ГПТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 319 с.
11. *Соловьева, Т. С.* Роль социальных инноваций в решении социальных проблем: опыт России и Беларуси / Т. С. Соловьева // *Белорусский экономический журнал.* – 2017. – № 3. – С. 92–103.
12. *Fucci, V.* Social Innovation and Sustainable Development: A Nurturing Relationship / V. Fucci. – ITCILO World of Work Series. Giappichelli Editore, 2022. – 240 p.
13. *Котляров, И. В.* Зачем ломать цивилизационный код белорусского общества?: (социологическое измерение) / И. В. Котляров // *Иппокрена.* – 2017. – № 1. – С. 126–139.
14. *Weymark, J.* Social welfare functions. In M. Adler & Fleurbaey (Eds.) *The oxford handbook of well-being and public policy* / J. Weymark. – Oxford University Pres, 2016. – PP. 921–949.
15. *Witt, U.* Innovations, externalities and the problem of economic progress / U. Witt // *Public Choice.* – 1996. – № 89. – PP. 113–130.
16. *Зайцева, Н. В.* История становления концепции инновационного развития Республики Беларусь / Н. В. Зайцева, И. Н. Канричина // *Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия.* – 2022. – № 1 (257). – С. 98–101.
17. *Beck, S.* The governance of sociotechnical transformations to sustainability / S. Beck, S. Jasanoff, A. Stirling, C. Polzin // *Curr. Opin. Environ. Sustain.* – 2021. – № 49. – PP. 143–152.

(Дата подачи: 22.02.2024 г.)

А. И. Климович

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

A. I. Klimovich

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 141.319(091)(476.5)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ

PHILOSOPHICAL BASIS OF POLOTSK NEO-SCHOLASTICISM

Статья посвящена исследованию идейного основания философской составляющей творческого наследия представителей Полоцкой иезуитской академии. Исследование проведено на материале философских курсов профессоров Полоцкой академии, особое внимание уделено проблемам логики и метафизики. Целью статьи является определение философского основания комплекса идей авторов Полоцкой академии. Автор ставит два вопроса: какие интеллектуальные вызовы видели перед собой представители Полоцкой академии и к каким средствам они прибегали для их решения.

Ключевые слова: неосхоластика; Аристотель; Фома Аквинский; неомизм; Полоцкая иезуитская академия; полоцкая неосхоластика.

The article is devoted to the philosophical component's ideological basis in the creative heritage of the Polotsk Jesuit Academy representatives. The study is based on the material of Polotsk Academy courses in philosophy; special attention is paid to the logic and metaphysics problematic. The purpose of the article is to determine the philosophical basis of the Polotsk Academy thinkers. The author poses two tasks: what intellectual challenges the Polotsk Academy representatives saw before themselves and what were the means they resorted to solve them.

Keywords: Neo-Scholasticism; Aristotle; Thomas Aquinas; Neo-Thomism; Polotsk Jesuit Academy; Polotsk Neo-Scholasticism.

Философская составляющая творческого наследия Полоцкой иезуитской академии до сих пор остается лакуной в исследованиях белорусских и зарубежных историков философии, лишь в последние годы она стала объектом пристального внимания исследователей, работающих в рамках изучения основных направлений развития национальных философских традиций. Одновременно следует отметить, что творчество полоцких авторов представляло собой самобытное явление на интеллектуальной арене многочисленных философских течений начала XIX в. и по сути являлось первым вариантом зарождения неосхоластики – одного из наиболее значимых ответвлений религиозной философии XX в. Таким образом, исследование основания комплекса философских идей Полоцкой иезуитской академии обладает высокой степенью актуальности, поскольку позволяет раскрыть интеллектуальный потенциал творческого наследия, являющегося важной частью истории философии и социально-политической мысли Беларуси, а также в последующем определить его влияние на становление неосхола-

стического движения в целом. Исследование охватывает проблемные поля логики и метафизики философских курсов, читавшихся в Полоцкой иезуитской академии, поскольку логика трактовалась как врата ко всем остальным академическим дисциплинам учебного плана, а метафизика представляла собой основополагающий элемент всей схоластической традиции, связанный важнейшим образом со всеми остальными ее разделами.

Для определения философского основания идей полоцких авторов следует ответить на два вопроса: во-первых, с какими интеллектуальными вызовами столкнулись профессора Полоцкой иезуитской академии, а, во-вторых, какие программные установки они использовали для преодоления этих вызовов.

При ответе на первый вопрос обращение к философской панораме исследуемого периода позволяет выделить следующие важные темы, ставшие впоследствии проблемными зонами, инициировавшими дискуссии в среде интеллектуального сообщества Полоцкой иезуитской академии. Изменение статуса схоластической метафизики после того, как она подверглась критике со стороны представителей Просвещения, выявило необходимость поиска философской системы, которая бы позволяла ссылаться на важный для схоластического направления, по сути, относящегося к теологии, авторитет истин Откровения, но при этом одновременно предоставляла бы возможность оставаться в поле философской рефлексии. Назрела необходимость поиска варианта, позволяющего убрать напряжение, возникшее между истинами Откровения и истинами философии, в процессе переосмысления этой связи различными философскими направлениями. Недаром предельное внимание уделяют такие знаковые фигуры полоцкой неосхоластики как Дж. Анджолини и В. Бучиньский [1, с. 52] философии Просвещения, особенно в ее немецком направлении осмысления.

Обращение к первоисточникам, составляющим основной материал исследования, позволяет сформулировать следующий тезис в отношении философской позиции авторов. Центральными программными установками, являющимися базисом, на котором осуществлялась рефлексия полоцких иезуитов были, во-первых, принадлежавшие авторству Фомы Аквинского гармония веры и разума, а, во-вторых, специфическое прочтение цели изучения философии. С одной стороны, в творчестве полоцких авторов наблюдается тенденция апологетического отношения к ряду идей предыдущих авторов схоластической традиции, но одновременно философия в их работах отделена от естественной теологии и характеризуется определенной степенью автономии. Однако, цель ее при этом предельно ясна – служить концепту общего блага через возможность определения индивидуального счастья [2, р. 3].

Для ответа на вопрос – какие идеи составляют базис традиции полоцкой неосхоластики, в аспекте логики следует обратиться к специфике решения следующих проблем – это характерное для полоцких авторов определение содержания понятия логики, равным образом, как и специфическое понима-

ние ее роли и места в системе философских знаний, также важным аспектом является решение проблемы универсалий.

В рамках метафизики актуальной темой, в рамках которой шел процесс кристаллизации сущности философской традиции полоцкой неосхоластики, была проблематика причинно-следственных связей, полностью реализованных в понятии телеологии в рамках рациональных путей постижения Бога, а также вопрос рассмотрения пространственно-временной структуры бытия как вызов, сформированный научными достижениями, вопрос о соотношении естественных законов природы и божественного всемогущества.

Для решения обозначенных выше проблем полоцкие авторы обратились к исследованию перспективы использования в этом плане философских открытий Фомы Аквинского. Первым автором, в творчестве которого удалось зафиксировать рецепцию программных установок «ангельского доктора», был Дж. Анджолини.

Дж. Анджолини, осуществляя попытку восстановить статус метафизики как науки, обращается к союзу разума и веры, отмечая, что опираться лишь на Откровение, как, например, завещал Августин, невозможно [3, р. 111], вместе с тем существует ряд боготкровенных истин, где вмешательство философии недопустимо [3, р. 145]. Более того, Откровение должно быть обязательным фундаментом рефлексии христианского философа [3, р. 255].

Обращается Дж. Анджолини к авторитету Фомы Аквинского и в рамках метафизической проблематики при рассмотрении соотношения идентичности и различия в бытии, осмысливая его с помощью понятия внутреннего воображения [3, р. 163]. Равным образом поддерживает он взгляды средневекового мыслителя и при изучении соотношения будущего времени и вечности, как черты, присущей божественному бытию, для которого, соответственно, не может быть ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, поскольку сам Бог находится по ту сторону от течения времени [3, р. 170]. Это обращение к корреляции времени и вечности затем трансформируется в дискуссию о связи контингентного и необходимого будущего. Данная дискуссия в свою очередь подводит автора к проблеме креационизма: каким образом из вечности могло возникнуть конечное тварное бытие. Здесь автор наряду с позицией Фомы Аквинского поддерживает и достаточно распространённую для «второй схоластики» идею Фр. Суареса о возможности такого рода творения из вечности [3, р. 209].

Взгляды В. Бучиньского в контексте логики также фундированы аристотелевско-томистскими программными установками. В частности, это относится к понятию познавательной способности души, которую полоцкий автор представляет себе следующим образом: «Способность познания, которую интеллектом называем, содержит в себе три составляющих: способность внимания, способность сравнения и способность умозаключения» [2, р. 9], сами этапы познания представляют собой «чувственное впечатление, возбуждение им внутреннего чувства, схватывание идеи и сравнение ее с уже имеющимися» [2, р. 10].

О заимствовании томистского наследия свидетельствует и раздел, посвященный проблемам естественной теологии в части метафизики, где В. Бучинский обсуждает следующие доказательства существования Бога: онтологическое доказательство (в основании находится понятие реального бытия), космологическое доказательство (в основании находится соотношение контингентного и необходимого бытия), физическое и телеологическое доказательство (причинно-следственные связи в рамках универсума), моральное доказательство (в основании находится природа самого человека, а также свидетельство морального авторитета) [4, р. 224]. По сути рациональные доказательства для В. Бучинского как приверженца отрицания возможности познания Бога напрямую вместе с катафатическим богословием становятся своеобразным методом, позволяющим косвенно, но зато с точки зрения человеческого разума убедиться в существовании высшей силы.

Оставляет В. Бучинский место союзу истин разума и истин Откровения, обращаясь к концепту самоочевидных истин, среди которых он выделяет те, что относятся к историческому авторитету и авторитету Откровения, утверждая следующее: «Отсюда следует, что не все в философии должно или может быть доказано, и если мы не примем некоторые истины за познанные и недоказуемые сами по себе и не отвергнем очевидность как конечную цель философствования ради нее самой, вся философия должна поддаться ударам скептиков. Более того, даже если мы не можем показать первичные истины, тем не менее внутренне мы с необходимостью схватываем их как истины и отличаем их от производных истин в свете непосредственных свидетельств, которые их знание производит в нас» [3, р. 103]. При этом рассматриваемый автор выступает против определения истин Откровения как единственного возможного пути постижения Бога, отмечая, что при отрицании рационального варианта, исчезает и возможность его постижения в рамках непосредственно опыта веры: «Одни распространяют скептицизм только на естественное познание и, отрицая для него способность постижения истины, признают божественное Откровение единственным источником и принципом истины и утверждают, что сами аксиомы неспровергаются или исправляются Откровением. Но они не замечают, что отнятая сила естественного познания и абсолютной уверенности в достижении объективной истины, отнимает вместе с тем и возможность познания существования Откровения» [3, р. 108].

Обращение к сущности логики авторов философских курсов Полоцкой академии и сделанные ими выводы также указывают на фундированность их взглядов идеями, отличными от предыдущего этапа так называемой «второй схоластики» – периода в рамках схоластической традиции, предшествовавшего неосхоластике. В центре проблемы осмысления значения логики стоит вопрос: является ли она по своей сути наукой или искусством. На протяжении веков ответы на него были поливариативными, иногда диаметрально противоположными. Представители «второй схоластики», как отмечают исследователи [5, с. 84], рассматривали логику как науку, объек-

том которой выступает сугубо изучение действий разума. Полоцкие авторы же занимают позицию, согласно которой логика является и искусством, и наукой одновременно. В качестве примера можно привести следующее утверждение Дж. Анджолини: «Логика – это наука или критическое искусство, направленное на достижение и объяснение истины» [3, р. 1]. Такая же позиция характерна и для В. Бучиньского, утверждающего следующее: «Логика определяется как наука о законах познания. Называется также искусством из данных начал прямых заключений, или еще искусством управления ума в верном познании, упорядочении и разделении.» [2, р. 24]. Следует отметить, что эта идея созвучна и взглядам Фомы Аквинского, также определявшего логику как науку и искусство [6].

Проблема истины у полоцких авторов представлена в трех аспектах: логическом, метафизическом и этическом. У Дж. Анджолини метафизическая истина есть истина, в которой сущность находится в гармонии с присущими ей атрибутами, логическая – соответствие знания предмету, а нравственная истина – это согласие речи и действия с мыслями осуществляющего действия [3, р. 3]. В. Бучиньский также отмечает существование нравственных истин, утверждая, что существует особый род познания, чувство, благодаря которому формируются понятия чести, достоинства и т. д.: «К четвертому этапу относится познание морали, его основанием выступает чувство морали, установленное в нас природой требование, действительная причина, предназначенная к познанию, когда разум, естественно переходя от одного отношения к другому, формирует точные понятия чести и бесчестия, справедливости и несправедливости» [2, р. 9]. Данный подход совпадает с теорией Фомы Аквинского о морали как определенном виде рационального знания, где основополагающим тезисом является следующий: «разум движет волю как то, что предлагает ей свой объект» [7].

Обозначенная выше специфичность определения понятия логики как искусства и науки, представленная в работах мыслителей Полоцкой иезуитской академии, свидетельствует о принадлежности самого комплекса рассматриваемых идей именно к направлению неосхоластики. Отказ рассматривать логику лишь как науку, определявший позицию мыслителей второй схоластики, приверженность позиции Фомы Аквинского как в определении самой логики, так и в рационализации этических категорий, является этому доказательством.

Однако, философское основание Полоцкой неосхоластики не было фундировано только лишь чистыми аристотелевско-томистскими программными установками. Доказательством этому являются взгляды полоцких авторов на теорию знака как одного из аспектов проблемы универсалий.

Теория знаков к началу XIX в. была представлена несколькими значимыми подходами. Это, в первую очередь, позиция логиков-стоиков, указывавших на абстрактное содержание знака. Второй подход уходит корнями в творческое наследие Августина, делавшего акцент на материальном аспекте знака, что в свою очередь, дает ему возможность воздействовать на чувства и разум. Что

касается упомянутых выше представителей второй схоластики, то для них была характерна тенденция разделения знаков на формальную и инструментальную группы, формальная – связанная с рациональным аспектом, естественная – связанная с чувственным аспектом [8, с. 15].

Осмысление проблемы знака в творчестве Дж. Анджолини полностью подчиняется логике Августина, он следует ей, начиная от определения самого знака, который выступает у него как «нечто отдельное от самой вещи, улавливающее в нашем сознании идею с помощью органов чувств» [3, р. 18], до процесса восприятия и классификации, которая как у Фомы Аквинского, так и Дж. Анджолини, представлена естественными (*naturalia*) и произвольными (*arbitraria*) знаками [3, р. 18; 8, р. 31].

Что касается В. Бучиньского, то тут он следует за мыслью своих современников. Он обращается к Т. Гоббсу, А. Дженовези, Ж.-М. Дежерандо [2, р. 36]. Тем не менее и в творчестве первого, и второго автора присутствует концепт «схватывания», характерный именно для философского учения Фомы Аквинского.

Таким образом формирование философской составляющей комплекса идей Полоцкой иезуитской академии осуществлялось как реакция на ряд вызовов, сконструированных философами Просвещения, одним из наиболее актуальных среди которых был вызов самой проблеме существования схоластической метафизики как науки. Пытаясь оправдать ее существование в этом статусе, полоцкие авторы должны были обратиться к философской системе, которая одинаково подходила бы как под нужды разрабатываемой ими религиозной философии, так и естественной теологии. Таким требованиям отвечали аристотелевско-томистские установки, которые и были успешно использованы полоцкими авторами, что позволяет утверждать наличие рецепции аристотелевско-томистской составляющей. В свою очередь аристотелевско-томистский элемент не был присущ авторам «второй схоластики». Это позволяет утверждать, что в рамках Полоцкой иезуитской академии одними из первых встречаются попытки возрождения томистской философии, оформившиеся в последующем в движение неотомизма, а сама философская составляющая творческого наследия полоцких авторов является неосхоластической по своей сути.

Важность аристотелевско-томистских заимствований в программных установках полоцкой неосхоластики заключается не в самом факте этих заимствований, а в том, что они впервые именно в Полоцке приобретают неотомистические акценты, поскольку используются как инструмент для решения интеллектуальных вызовов, с которыми столкнулись полоцкие мыслители, что в последующем будет распространено на все поле официальной европейской католической философии.

Список использованных источников

1. Кант и Беларусь / Т. Г. Румянцева [и др.]. – Минск: РИВШ, 2024. – 212 с.

2. *Buczyński, V.* Institutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam introduction / V. Buczynski. – Viena, 1843. – 159 p.

3. *Angioloni, G.* Institutiones philosophicae ad usum studiosum Academiae Polocensis. – Polotsk, 1819. – 310 p.

4. *Buczyński, V.* Institutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam / V. Buczynski. – Viena, 1844. – 302 p.

5. *Симчик, М. В.* Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії: компаративний аналіз могилянських курсів логіки кінця XVII – першої половини XVIII ст. / М. В. Симчик. – Вінниця: О. Власюк, 2009. – 238 с.

6. Logic [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ewtn.com/catholicism/library/logic-10604>. – Date of access: 20.02.2024.

7. Thomas Aquinas Summa theologiae / Thomas Aquinas. Date of access: 21.02.2024. Mode of access: <https://aquinas.cc/la/en/~ST.I-II.Q8.3>.

8. *Вдовина, Г. В.* Язык неочевидного. Учение о знаках в схоластике XVII в. / Г. В. Вдовина. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 648 с.

(Дата подачі: 27.02.2024 г.)

Я. А. Коховец

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Kakhavets

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЗАРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ГНОСТИЦИЗМА

SOCIOCULTURAL CONTEXT OF THE ORIGIN OF CHRISTIAN Gnosticism

В статье произведен обзор историко-культурного и социально-философского контекстов возникновения и распространения гностицизма в Римской Империи в I–II вв. Осуществлен анализ политэкономических изменений в римском обществе этого периода и выявлено их влияние на формирование гностической мысли. Проведены историко-философские параллели ситуаций философствования в Римской Империи первых веков нашей эры и современности, а также выдвинуты аргументы в пользу актуальности изучения гностицизма как глубоко экзистенциальной концепции присущей злободневной ситуации антропологического кризиса.

Ключевые слова: гностицизм; экзистенциализм; Римская Империя; колонат; Рим; эллинизм; античность; антропологический кризис; Александрия; стоицизм; неоплатонизм; индивидуализм.

The article provides an overview of the historical, cultural and socio-philosophical context of the emergence and spread of Gnosticism in the Roman Empire in the I–II centuries. The

analysis of political and economic changes in Roman society of this period and their influence on the formation of Gnostic thought is carried out. Historical and philosophical parallels of the situations of philosophizing in the Roman Empire of the first centuries of our era and the present are drawn, and arguments are put forward in favor of the relevance of studying gnosticism as a deeply existential concept inherent in the topical situation of the anthropological crisis.

Keywords: Gnosticism; Existentialism; Roman Empire; Columnism; Rome; Hellenism; Antiquity; Anthropological Crisis; Alexandria; Stoicism; Neoplatonism; Individualism.

Гностическая и экзистенциальная диалектики в своей оптике на положение человека в этом мире сходятся в двух ключевых аспектах: «среднестатистический» человек живет неполным бытием, он слишком отвлечен от истинного бытия шумом окружающей его бытовой действительности, что в свою очередь отчуждает его от самого себя; заброшенный в этот мир, человек не является законченным, т. е. ставшим, осуществившимся, он лишь проект, реализация которого лежит в зависимости от готовности принятия ответственности и решимости взглянуть в глаза собственной ущербности и неполноты (смертности).

Так, отчужденность, ущербность, одиночество, неполнота становятся общими типичными негативными свойствами человеческого существования для обеих систем мысли. При этом выход из такого скорбного положения также зависит от самого человека, от его осознанности и готовности выйти из сферы обыденной неподлинности своего существования, где за гностической аллегорией, за «жемчужиной» души прячется экзистенциальная целостность человека, его самость.

Интерес вызывает то, как разделенные без малого двухтысячелетним промежутком времени мыслители были солидарны не только в выборе терминологии для описания мира и человека в нем (страх, ужас, заброшенность), но и проявляли единодушие в возможности и способе преодоления этого состояния, что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о том, было ли появление христианского гностицизма и экзистенциальной философии вызвано схожими историческими процессами или являются уникальным для мировой истории примером философской рефлексии над объективными обстоятельствами. Нас интересует вопрос о том, что являлось нервом эпохи, помимо общей христианской базы, который побудил философов к подобным друг другу формам мышления и чувствования жизни, ведь «вместе с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит одновременно и переворот в воззрениях и представлениях людей» [1].

Прежде всего, для анализа социокультурного контекста возникновения гностицизма следует обратить внимание на социально-экономическое положение жителей Римской империи, которое характеризовалось сохранением рабовладельческой системы в производстве, усилением налогового гнета и зарождением предпосылок к формированию феодализма.

Рабство первых веков имело свои отличительные черты, такие как рост рабов, рожденных в доме (*vernae*), по отношению к купленным, и появ-

ление рабов *casati*, которые проживали на отдельно выделенном участке и имели большую личную свободу, уже более похожую на положение крепостничества.

Большую роль в социально-экономической жизни Империи играла такая форма производственных отношений, как колонат. Первоначально (2 в. до н. э. – 1 в. до н. э.) колон представлял собой мелкого арендатора земли, который пользовался землей крупного землевладельца и, привлекая своих собственных рабов, мог выступать в роли мелкого рабовладельца, однако, низкая производительность рабского труда и сокращение притока новых земель и рабов после правления императора Траяна привели к упадку и разорению колоната. Со второго века нашей эры колон потерял связь с рынком и производственную самостоятельность, для него устанавливалась арендная плата, которая теперь зависела от доли урожая и могла достигать одной его трети. Помимо прочего, на бывшего арендатора налагались и некоторые натуральные повинности, такие как барщина [2, с. 444].

При этом латифундии крупных рабовладельцев продолжали рост за счет пропорционального роста колоната. С середины второго века наблюдается процесс упадка хозяйственной жизни. Мелкие землевладельцы быстро превращались в колонов, которые, в свою очередь, попадали в зависимость от рабовладельцев, у которых арендовали землю, что привело к замещению свободного труда рабским [3, с. 148–149]. «Таким образом, на смену основной форме эксплуатации человека человеком в античном обществе – рабству, процесс разложения рабовладельческого хозяйства подготовил другую форму эксплуатации человека человеком, которой суждено было стать основой в феодальном обществе эксплуатации крепостных крестьян» [4, с. 61].

Относительно доступным видом жилья для римского городского пролетариата были, доходившие в высоту до семи этажей, бараки – инсулы. «Иногда только кровать сдавалась просто на несколько часов – ее занимал один человек, чтобы отдохнуть, а потом постель предоставлялась следующему постояльцу» [5, с. 305]. Такая судьба ожидала тех, кто был способен оплатить временное жилье или койку в инсуле, либо же в самострое на окраине города, те же, кто не мог себе позволить и этого, находили бесплатный кров на кладбище. В частности, популярностью пользовались усыпальницы аристократов, ведь там могла поселиться целая семья. Пролетарии жили на денежные и продуктовые подачки, как знатных горожан, так и самого Рима, который ко времени правления Цезаря тратил на это около пятой части бюджета [6, с. 352]. К слову, Цезарь решил вопрос с количеством пролетариата в Риме весьма оригинальным способом: было принято решение о переселении 80 000 латинских семей в новообразованные колонии, что в дальнейшем повлияло на ускорение романизации провинций.

Однако по соседству с насчитывающими двадцать метров в высоту инсулами для бедноты располагались величественные дворцы местной аристократии. «Богатый римлянин мог не просто обрести власть, подкупая большими деньгами нужных сторонников и откровенно приобретая необ-

ходимое количество голосов на выборах, но и обеспечить защиту своих интересов – содержать хорошо вооруженную собственную армию, а не просто личную охрану» [5, с. 295]. Говоря о финансовом расслоении в Риме времен I в. до н. э., уместно привести цитату немецкого историка Теодора Моммзена: «Нигде, быть может, не было более неравномерного распределения капиталов, чем в Риме последних лет республики. Людей среднего состояния здесь совершенно не встречалось, были лишь миллионеры и нищие, и первых было не более 2000 семей. Богатый человек, проматывающий плоды труда своих рабов или отцовские капиталы, неизменно пользовался почетом, а человек, честно зарабатывавший себе пропитание трудом, находился в презрении... Бедность считалась единственным пороком, почти преступлением» [6, с. 359].

При Октавиане Августе (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) происходит становление системы принципата, при которой, фактически, граждане Рима лишаются своих прав на участие в управлении государством, формализуется иерархическая структура чиновничьего аппарата. Государство отчуждалось от человека, политика становилась уделом императора, чиновников и бюрократического аппарата.

Период с 96 по 192 годы вошли в римскую историю как «золотой век Антонинов» и эпоха правления пяти хороших императоров (Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий). Именно в это время происходит наибольшая романизация и эллинизация провинций, распространение латинского права, культуры и языка. Тацит писал, что во время принципата Нервы (96–98 гг.) и владычестве Траяна (98–117 гг.) наступили «... годы редкого счастья, когда каждый мог думать, что хочет, и говорить, что думает» [7, с. 444].

В культурной жизни империи I–II вв. выделяются такие авторы, как Лукан, Марциал, Ювенал, Апулей и Сенека. Свои научные труды пишут Плиний Старший («Естественная история»), Корнелий Тацит («История»), Плиний Младший («Похвальное слово императору Траяну»), Плутарх («Моралии»); Птолемей развивает геоцентрическую систему, а Гален доказывает, что источником человеческой деятельности является не сердце, а мозг.

Вместе с распадом полисной системы как религиозному, так и философскому коллективизму малых общин приходит глобальный имперский индивидуализм, проявивший себя в эллинистической философии.

Стоицизм раба Эпиктета емко формулируется в утверждении, что все люди между собой равны, а социальные порядки являются неизбежной необходимостью. Марк Аврелий в своей философии проповедует отречение от внешнего мира и перенос внимания на субъективные переживания индивида [8, с. 155]. Фактически поздняя стоя выступает в качестве реакционного, идеалистического учения, представляя собой моральное оправдание классово господства рабовладельцев над рабами, ведь «рабство и свобода – моральная, а не социальная категория. Одни люди, независимо от со-

циального своего состояния, рождаются и продолжают оставаться рабами по духу, другие же всегда нравственно свободны» [9, с. 457].

Продолжает свое развитие античный скептицизм, утверждающий принципиальную непознаваемость истины. Агностицизм скептиков обусловлен учением о контекстуальности чувственного восприятия, не позволяющего выдвигать конструктивные мнения об окружающей действительности, то же касается и нравственных законов. Скептицизм периода I–II вв. способствовал распространению иррационализма, а отрицание силы разума и существования объективных закономерностей в мире открыло дорогу мистике и магическому мышлению.

Религиозная обстановка в Риме периода перехода к империи и становления принципата отличалась крайней степенью синкретизма, увлечением восточными религиями и культами, распространение которых началось еще в конце III в. до н. э., являясь прямым следствием завоеваний и религиозной политики Александра Великого: «Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством» [10]. Апокалиптические ожидания стимулируют мессианство, тем самым смещая локус внимания с ущербного положения в этом мире на «жизнь будущего века».

К самым распространенным культам можно отнести культ Великой Матери, культ Митры, Кибелы, Изиды и Сараписа, а также молодое христианство. В качестве квинтэссенции магического мышления выступает ворох алхимических и астрологических культов, а также откровенно оккультный герметизм. Тем не менее главным формальным культом был культ императора, следование которому служило прямым маркером лояльности.

Интересно, что раннее христианство, выступавшие изначально как религия беднейших слоев общества, ожидающих второго пришествия мессии, который покарает врагов, учинит страшный суд и устроит тысячелетнее царство, постулировало отказ от материальных благ: «...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» [Мф. 19:24], но с течением времени христианство, оформляясь в церковь, теряет революционный пыл, приобретая иерархию и догматизм, постепенно превращаясь из «иудейской секты» в государственную религию Римской империи, выражая большую лояльность действующей власти.

К попыткам сращивания еврейской и греческой философии можно отнести учение Филона Александрийского, который трактует иудаизм через оптику философии платонизма, пифагореизма и стои. В концепции Филона происходит принципиальное онтологическое разделение божественного и материального. Между этими природами Филон помещает опосредующее звено в виде божественного Логоса. Логос есть одновременно и сила, и ангел, и ипостась Бога, не являясь при этом самим Богом. Человек в такой системе становится местом встречи невыразимого совершенного разума,

облаченного в чувственную душу и материальное бренное тело. Истинное познание мира возможно только при помощи бога и его откровения, которое даруется экстатически.

В первой половине III в. сходную с гностической структуру мысли можно найти в современном гностицизму александрийском неоплатонизме. В «Эннеадах» Плотина мы видим такие характерные для гностицизма элементы, как система эманации, через которую становление бытия происходит в порядке уменьшающегося совершенства; дуализм идеального и материального; невозможность выражения сущности единого Абсолюта; гипостазирование мира на идеальный, психический и материальный и экстатическая теория познания, к которому способны истинные пневматики. Неоплатонизм содержит в себе практически буквальное описание гностической космологии и антропологии. Так же, как и в гностицизме, в нём прослеживается глубокий пессимизм и разочарование как в мироустройстве, так и в человечестве; человека здесь также сопровождает чувство одиночества.

География раннего гностицизма внутри Римской Империи весьма обширна: она охватывает Антиохию, Самарию, Александрию Египетскую и другие регионы. Однако оба самых ярких представителя гностицизма, Василид и Валентин, сведения о которых остались не только в трудах ересиологов, но и в их собственных произведениях, найденных в библиотеке Наг-Хаммади, начинали свою деятельность именно в Александрии, и уже после отправлялись проповедовать в Рим.

Александрия египетская являлась не просто мегаполисом с населением более миллиона человек, но и одним из экономических и культурно-религиозных центров всей Империи [11, с. 360]. По христианскому приданию апостол Марк основывает здесь около 42-го года епархию, которая с течением времени становится центром аллегорической «Александрийской» школы богословия, великие представители которой, такие, как Климент Александрийский и Ориген, вели активную апологетическую деятельность, фактически формируя в ней христианскую догматику.

Здесь перешагивает пятисотлетний рубеж истории один из главных центров эллинистической культуры – александрийский мусейон и функционирует одна из крупнейших и наиболее значительных библиотек древнего мира, пишут свои труды Филон и Плотин.

Весь эллинистический период город являлся главным в Египте центром переселения евреев, тем более именно Александрия становится пристанищем большого количества евреев после осады и разрушения Иерусалима во время первой (66–73 гг.) и второй (115–117 гг.) иудейских войн, что еще больше усиливает греческий антисемитизм, который проявлял себя ранее в крайних формах во время александрийского погрома 38 годов, погромов в Дамаске и Кесарии, неоднократных изгнаниях евреев из Рима. Иудеи, в свою очередь, организовывали восстания (41 и 73) годы, которые подавлялись римскими войсками, зачастую с особой жестокостью. Греческий антииудаизм проявляется в эти годы через обвинения евреев в человеческих

жертвоприношениях, людоедстве, поклонению идолу в виде ослиной головы, антиобщественности и совершении ритуальных убийств. Интересно то, что подобные же обвинения в последующем были применены по отношению к христианам самими иудеями, а уже христиане обвиняли во всем этом гностиков. Возможно, в этом прослеживается определенный повторяющийся стереотип общественной стигматизации религиозных учений.

Эллинистическая и римская Александрия является поликультурным и поликонфессиональным плавильным котлом, в котором кристаллизуется эклектизм и синкретизм гностицизма

Именно такие условия становятся благоприятными для распространения и расцвета христианского гностицизма в I–II вв. Гностицизм этого периода, будучи своеобразной, способной к симбиозу гносеологической и герменевтической матрицей, впитывает в себя чаяния эпохи и формируется в конкретных исторических условиях как попытка ответа на актуальные потребности современного ему общества и культуры. Характерными чертами гностицизма становятся антииудаизм, чуждость вещному миру, синкретизм, индивидуализм, социально-критическая направленность.

Подобные эллинистическим и античным тенденции повторяются уже в новейшее время. Первая и вторая мировые войны, глобальный передел мира сопровождающийся становлением глобального гегемона и полным разочарованием в проекте «человек», это те проблемы, с которыми человечество сталкивается в XIX в. Таким образом неклассическая ситуация философствования имеет ряд общих черт с римской античностью. К таким чертам можно отнести антропологический и аксиологический кризис, лишение широких масс трудящихся их средств производства, отчуждение труда, существование в рамках глобального мира, культурный синкретизм, отчужденность от реальной политики, разочарование в институтах демократии. Следствием всего этого становится массовый индивидуализм, подогреваемый оправдывающей доминирующую систему хозяйствования идеалистической философией «успешного успеха».

Пророчески звучат слова Теодора Моммзена о возможности повторения культурной ситуации идентичной ситуации в Римской Империи: «Если человечество суждено еще раз увидеть те ужасы, которые переживали люди около времени Цезаря, то такое бедствие постигнет род людской только тогда, когда разовьется вполне то господство капитала, семена которого заложены в цивилизации Северо-Американских Соединенных Штатов» [6, с. 361].

И гностицизм, и экзистенциализм обращают главное свое внимание на фигуру «внутреннего Человека». Гностический пневматик – тот, кто ищет себя в этом мире и собирает заново, находит себя в экзистенциализме С. Кьеркегора как «Рыцарь Веры» или у М. Хайдеггера как человек, испытывающий тоску по «подлинному» бытию. В гностицизме иррационализм поразительным образом соседствует с рационализмом, а аллегория переплетается с реальностью окружающей действительности. Для человеческого спасения необходимо познание, но оно достижимо лишь через субъектив-

ный опыт переживания чуждости объективному миру. Такое утверждение индивидуализма приводит к ревизии устоявшихся социальных, морально-нравственных устоев как чего-то являющегося продолжением угнетающей нас действительности. В истории Римской империи первых веков такая ревизия привела к кризису философии, моральному падению. Так же как и в ситуации современного антропологического кризиса, актуальной становится половая проблематика и вопрос о «гендерной» роли: «Разложение нравов выразилось и в том, что оба пола как бы стремились перемениться ролями... Женщины не только эмансипировались от власти мужа и отца, но стали вмешиваться в политические дела...и тут и там видим мы полное падение семейной жизни...» [6, с. 360].

Однако вместе с этим философия экзистенциализма, как и раннехристианский гностицизм, призывают не просто к ревизии, но к осознанному переходу человека к ответственному бытию в этом мире. Ведь где ответственность, там деятельность, а осознание своего отчужденного положения должно стать фундаментом для открытия человеком своей конструктивной «свободы для» и человеческой солидарности, а, следовательно, превращения окружающих его обстоятельств в «более человеческие».

Список использованных источников

1. *Маркс, К.* Сочинения [Электронный ресурс]: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1954–1981. – Т. 7. – 1956. – Режим доступа: <http://www.uaio.ru/marx/07.htm>. – Дата доступа: 15.02.2024.
2. Колонат // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1973. – Т. 12. – С. 444.
3. *Кавалёў, С. І.* Гісторыя старажытнага свету: падручнік / С. І. Кавалёў; перакл. з рус. – Мінск: Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва БССР, 1954. – 160 с.
4. Римское частное право: учебник / И. С. Перетерский [и др.]; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 441 с.
5. *Грин, И.* Легко ли быть горожанином?: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни / И. Грин. – М.: Бомбора: Эксмо, 2023. – 492 с.
6. *Моммзен, Т.* История Рима: пер. с нем. / Т. Моммзен. – М.: Вече, 2018. – 383 с.
7. *Тацит, К.* Сочинения [Электронный ресурс]: в 2 т.: перевод / К. Тацит; отв. ред. С. Л. Утченко. – М.: Ладомир, 1993. – Т. 2: История. – Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1347101000>. – Дата доступа: 15.02.2024.
8. История философии: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии; под ред. М. А. Дынина [и др.]. – М.: Акад. наук СССР, 1957. – Т. 1 / авт. гл.: Б. М. Кедров [и др.]. – 1957. – 718 с.
9. *Машикин, Н. А.* История древнего Рима: учеб. пособие / Н. А. Машикин. – М.: Госполитиздат; Л.: Печат. двор, 1948. – 680 с.

10. *Энгельс, Ф.* К истории первоначального христианства [Электронный ресурс] / Ф. Энгельс // Agitclub.ru. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/front/mar/bm08.htm>. – Дата доступа: 15.02.2024.

11. *Циркин, Ю. Б.* Политическая история Римской Империи = The political history of the Roman empire: в 2 т. / Ю. Б. Циркин. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т, 2018. – Т. 1. – 463 с.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Г. А. Круглова

Белорусский государственный университет, Минск

G. A. Kruglova

Belarusian State University, Minsk

УДК 3.316-101.172

КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

CONCEPT OF NOOSPHERE AND ECOLOGICAL CULTURE

В статье определяются место и роль концепции ноосферы в формировании ценностных ориентаций в рамках экологической культуры. Раскрывается их место в системе образования и воспитания. Показаны проблемы и недостатки технократически ориентированного образования в современных условиях. Подчеркнута значимость ценностных ориентаций для формирования новой экологической культуры.

Ключевые слова: ценностные ориентиры; ноосфера; экологическое образование; воспитание; духовная культура; общественное сознание; новая экологическая культура; экологическое сознание.

The article defines the place and role of the noosphere concept in the formation of value orientations within the framework of environmental culture. Their place in the system of education and upbringing is revealed. The problems and shortcomings of technocratically oriented education in modern conditions are shown. The importance of value orientations for the formation of a new environmental culture is emphasized.

Keywords: value guidelines; noosphere; environmental education; upbringing; spiritual culture; social consciousness; new ecological culture; ecological consciousness.

Экологические проблемы, возникшие в середине XX в. поставили перед человечеством реальную угрозу экологического кризиса, острота которого не ослабевает и в начале нынешнего века. Наряду с обострением проблем во взаимодействии общества и природы, человечество вынуждено было переосмыслить не только потребительское отношение к природным богатствам, но и собственные мировоззренческие оценки и концепции в рамках сформировавшейся экологической этики.

Особого внимания в этом плане заслуживает понятие «ноосфера», которое не было новым для науки в целом, но приобрело совершенно новое

звучание и смысл в свете обострения экологических проблем и экологического кризиса.

Основы учения о ноосфере (от греч. *noos* – разум) – сфера разума, буквально «мыслящая оболочка» были разработаны В. И. Вернадским еще в начале XX в. «Ноосфера, – по определению В. И. Вернадского, – фундаментально отличается от всех иных состояний биосферы в предыдущие периоды ее эволюции: на уровень ноосферы ее возвышает человек; человечество так организует все свое природопользование, придает ему такую мощь и размах, что оно превращается в стимул саморазвития жизни на Земле» [1, 328–329]. Таким образом, как отмечал еще Ф. Энгельс, «условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь становятся действительными и сознательными повелителями природы... И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере те следствия, которые они желают» [2, с. 294–295]. Следовательно, успех в решении этой сложной актуальной задачи во многом зависит от координации и интеграции усилий представителей самых различных социальных групп. Социально-экологический выбор, который предстоит сделать человечеству, представляется, по существу, системным междисциплинарным и деятельностно-ориентированным.

И хотя это понятие широко используется в науке, однако представления о самой ноосфере до сих пор остаются крайне противоречивыми. Речь идет прежде всего о временных рамках. Некоторые ученые полагают, что ноосфера – это наша реальность, которая уже формируется. Другие считают, что это лишь вероятное будущее, причем весьма отдаленное. Да и сама значимость ноосферы для науки и для человечества в целом понимается по-разному. С одной стороны, ноосфера – это величайшее развитие науки и объективный закон социального развития, с другой – это утопический идеал очень отдаленного будущего. И современные противоречия между безграничными потребностями общественного развития и ограниченными возможностями биосферы для их удовлетворения можно рассматривать именно как подтверждение утопизма концепции ноосферы.

Концепцию ноосферы в божественном её понимании развивал и Тейяр де Шарден в концепции планетарного человека (30-е гг. XX в.). Человек – центр мира, ось и вершина эволюции (слияние естественно-научного и религиозно-идеалистического подхода). Сплочение человечества – апогей развития космического процесса. В реальной жизни пока преобладают обособление, отстранение. Но у человека нет иного пути кроме всеобщего сплоченного взаимодействия. Таким образом формируется планетарное сознание (ноосфера), которое установит связь с другими очагами сознания (с другими ноосферами) в универсуме галактики. Но путь к единству человечества – любовь, а точнее любовь к Богу (так как Бог – основа всего). Духовность человека – трансцендентна и, следовательно, не может быть

полностью познана наукой. Осознав это, человек достигнет максимума своего процветания – «точки Омега» [3, с. 295].

В методологическом плане для утверждения концепции ноосферы имеет большое значение стратегия коэволюции (совместной, согласованной эволюции природы и человечества), которая утверждает необходимость ограничения бесконтрольного и непродуманного использования научно-технических достижений в покорении природы. А основной акцент должен быть сделан не на борьбу, а на процессы кооперации, сотрудничества в развитии общества и природы.

Именно коэволюция природы и общества должна выстроить оптимальное соотношение интересов социума и биосферы. Об этом достаточно подробно в 1968 г. писал Н. Тимофеев-Ресовский. С тех пор эта тема становится ключевой в понимании взаимодействия природы и общества в определении перспектив развития человечества. На этой основе Н. Н. Моисеев сформулировал понятие экологического императива как границы допустимой активности человека, которую он «не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах». А экологический императив неизбежно приводит к нравственному императиву, к выработке шкалы новых нравственных ценностей, которые бы соответствовали задачам согласованного развития природы, человека и общества, т. е., коэволюции [4, 193]. Исходя из такого понимания, Н. Н. Моисеев рассматривает ноосферу как качественно новую эпоху, где сфера разума преобладает над стихийными побуждениями и желаниями человека, сдерживая его эгоистические наклонности. Именно человек несет ответственность за дальнейшее развитие цивилизации и должен опираться на принцип разумности, осознавая, что его разум – это часть коллективного разума человечества. На коллективный разум Н. Н. Моисеев и возлагает ответственную задачу обеспечения взаимодействия посредством коэволюции человечества и биосферы, и формирование новых подходов и ценностей в их взаимодействии. В этом плане российские ученые подчеркивают огромную значимость творческого наследия Н. Н. Моисеева в развитии экологического образования [5, с. 89].

Именно социальная обусловленность экологических проблем поставила их в ряд глобальных противоречий современной эпохи. В процессе преобразовательной деятельности человек стремится к быстрейшему достижению экономического эффекта, что нередко наносит серьезный вред природе. А затраты, необходимые на восстановление нарушенного равновесия в системе «общество – природа», оказываются невыгодными для предприятия и его владельца. Кроме того, самоуспокоенность, нежелание замечать локальные кризисные ситуации – вот та атмосфера, которая привела в конечном счете к возникновению множества региональных конфликтов во взаимодействии общества и природы. Политику игнорирования экологических проблем поддерживают и определенные идеологические установки. Так, например, в конце 1970-х годов широкое распространение получила концепция «всеобщего господства» человека над природой, которая отста-

ивала способности человека «контролировать собственное развитие и распространение по планете человеческого вида» [6, с. 193].

Для преодоления глобального экологического кризиса особое внимание следует обратить на изменение ценностных ориентаций во взглядах на природу. Огромное значение приобретает воспитание бережного отношения к природным богатствам. В этом плане поучительно классическое суждение о том, что «человеческие проекты, не считающиеся с великими законами природы, приносят только бедствия» [7, с. 210]. Важно отметить, что освоение природы должно основываться на комплексном подходе к использованию ее ресурсов и ориентироваться на восстановление и планомерное умножение природных богатств.

Благодаря человеческой деятельности природа все полнее и шире раскрывает свои возможности. Однако этот объективный процесс довольно-таки противоречив. Воздействие человека на природу всегда содержит элемент сознательности. Но это еще не означает, что взаимодействие общества и природы в целом имеет характер сознательно управляемого процесса. Для того, чтобы преодолеть возможность возникновения конфликтов в системе «общество – природа», необходимо природопреобразующую деятельность человека поставить под сознательный, научно-обоснованный контроль и управление. С этой точки зрения ноосфера как раз и представляется таким уровнем взаимодействия общества и природы, на котором деятельность человека согласована с природными закономерностями. Современный этап взаимодействия общества и природы имеет ряд особенностей. Прежде всего, массовое осознание того, что от характера деятельности людей сегодня, как никогда, зависит сохранение или утрата жизненного пространства природной среды. Следовательно, необходимы сознательный контроль и регулирования всех сторон социального развития, и в первую очередь, отношения людей к окружающей их природной среде. Тем самым теория формирования ноосферы становится определяющей закономерностью, отвечающей потребностям общественного развития.

Современные экологические императивы общественной жизни неизбежно требуют создания целостной теории развития человечества и его взаимодействия с природой на основе включения экологического знания в интегрированный комплекс всего научного знания. Фундаментальность экологии обеспечивается синтезом естественно-научного и гуманитарного знаний. И хотя в решении проблем экологии отчетливо вырисовывается естественнонаучная доминанта, однако все более четко проявляется социальная ориентация физического и биологического знаний. Таким образом, раскрыть сущность экологических проблем современности можно лишь объединением естественнонаучного и социального подходов. Для этого же требуются не только анализ социальных форм, в которых исторически осуществляется взаимодействие человека с окружающей средой, но и их четкая характеристика в рамках конкретных социальных условий.

Экологическая ситуация в общепланетарном масштабе весьма тревожна. Проявившиеся в последнее время тенденции углубления экологического кризиса продолжают нарастать, ставя под вопрос существование человечества. Глобальный характер экологических проблем требует «глобальности» в подходе к их решению.

Для этого необходимо разработать систему приемов и методов, которые обеспечили бы реализацию такой экологической политики, которая смогла бы обеспечить развитие и функционирование устойчивых и продуктивных экосистем. Данная политика должна преодолеть, с одной стороны, хищническую эксплуатацию природных ресурсов, а, с другой – попытки консервации природных условий. При этом следует учитывать и тот факт, что выбор тех или иных приемов и методов диктуется социально-экономическими и политическими интересами. И здесь в большинстве своем превалируют политические интересы. Это проявляется в том, что, как отмечает главный редактор журнала «World Futures» Эрвин Ласло, «правительства во всем мире продолжают тратить миллиарды долларов в год на вооружения, несмотря на торжественные обещания и декларации... и лишь малую долю от этих сумм расходовать на сохранение окружающей среды» [8, с. 6].

Достижения современного этапа НТР породили иллюзию всемогущества человека по отношению к природе. Место стихийных представлений о сохранении потенциала природных систем заняли взгляды о необходимости преобразования окружающей среды в соответствии с потребностями человека. Но вмешательство человека в социо-природное равновесие оказалось неограниченным. О проблемах этого всемогущества человека отмечал К. Ясперс: «Возникает опасность того, что человек задохнется в своей второй природе, которую он технически создает» [9, с. 115]. Именно технологическая культура приводит к такому положению, которое сегодня представляет собой современный глобальный кризис. По мере ускорения технического развития во многих случаях оказался перейден критический рубеж нагрузки на природу, за которым естественные регуляторы равновесия перестают работать, что в конечном счете приводит к нарушению равновесия в системе общество-природа. И сейчас вопрос заключается в том, достаточно ли сильным окажется действие регуляторов, чтобы не допустить глобальной экологической катастрофы.

Если рассматривать взаимодействие общества и природы как системы, то следует подчеркнуть, что как природа, так и общество не способны мгновенно реагировать на потребности другой составляющей. И дальнейшее развитие взаимодействия в системе общество-природа в значительной степени зависит от социальных факторов, направляющих ее развитие. При этом нельзя забывать о накоплении и развитии тех процессов, которые не сразу проявляются при всякого рода воздействиях, в том числе и при целенаправленных преобразованиях природы. Современное общество не может отказаться от промышленного производства. Именно исходя из этого необ-

ходимо научно осмысливать свое вмешательство в социоприродное равновесие, чтобы успешно преодолевать экологическую опасность.

Нарушение баланса во взаимодействии природы и общества требует повышения экологической культуры, которая и должна обеспечить разрешение экологического кризиса. Формирование экологической культуры общества – это сложный и длительный процесс, который представляет собой способ гармонизации отношений между обществом и природой, направленный на сохранение жизни планеты, на сознательную социально-экономическую деятельность общества. Целью формирования экологической культуры общества является воспитание ответственного поведения и бережного отношения к природе. А это возможно лишь при условии целенаправленной систематической работы по формированию системы научных знаний, экологических ценностных ориентаций, норм и правил бережного отношения к природе.

Становление экологической культуры – процесс длительный. Она является частью культуры того или иного народа или нации, но в то же время носит интернациональный характер, так как природа не имеет государственных границ. Именно на этой основе необходимо сформировать экологическое конвергентное мышление всего человечества для обеспечения устойчивого развития нашей планеты.

Целью стратегии устойчивого развития является обеспечение выживания человечества на основе преодоления социально-экологической нестабильности и достижение сбалансированного социоприродного равновесия. Ее реализация состоит в согласовании задач социально-экономического развития, сохранения окружающей среды и природных ресурсов для удовлетворения потребностей современных и будущих поколений. Для этого разработаны национальные концепции устойчивого развития: так, в Республике Беларусь приоритетным объявлен экологический императив, обеспечивающий переход от принципа «реагирования и исправления» к принципу «активной профилактики», что призвано способствовать положительной динамике изменения важнейших взаимосвязанных индикаторов в триаде «человек – экономика – природа» [10].

Список использованных источников

1. *Вернадский, В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М., 1965. – 432 с.
2. *Маркс, К.* Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М.: Политиздат. – 1961. – Т. 20. – 526 с.
3. *Шарден, Т.* Феномен человека / Т. Шарден. – М., 1967. – 356 с.
4. *Моисеев, Н. Н.* Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
5. *Сытин, А. Г.* Проблемы будущего мироустройства в осмыслении академика Н. Н. Моисеева / А. Г. Сытин // Философия политики и права. – 2019. – № 10. – С. 85–96.

6. Growth without Ecodisasters. – N.-Y., 1980. – P. 190–195.
7. Маркс, К. Письма // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М.: Политиздат. – 1963. – Т. 31. – С. 210.
8. Ласло, Э. Современные мифы / Э. Ласло // Экология и жизнь. – 2000. – № 2. – С. 4–8.
9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – 312 с.
10. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 28.02.2024.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.01

МИРОВОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

PEACE-MILITARY RELATIONS AS A FACTOR OF SOCIAL EXISTENCE

В статье на основе закономерностей глобального социального развития и особенностей военно-политической обстановки показано, что разрешение межгосударственных противоречий осуществляется посредством насилия и его крайней формы – войны. Обосновано, что современное состояние межгосударственного конфликтного взаимодействия в международных отношениях можно именовать как мировоенные отношения. Показано, что мира как состояния социума в «чистом» виде не существует. Определена сущность мировоенных отношений.

Ключевые слова: международные отношения; государство; социальное бытие; законы диалектики; политика; насилие; мир; война; национальный интерес; мировоенные отношения.

In the article on the basis of regularities of global social development and peculiarities of military and political situation it is shown that the resolution of interstate contradictions is realized by means of violence and its extreme form – war. It is substantiated that the current state of interstate conflict interaction in international relations can be called as peace-military relations. It is shown that peace as a state of society in a «pure» form does not exist. The essence of peace-military relations is defined.

Keywords: international relations; state; social being; laws of dialectics; politics; violence; peace; war; national interest; peace-military relations.

Современный мир все чаще определяют эпитетами «кризисный», «турбулентный», «хаотизирующийся», «неустойчивый». Эти характеристики справедливы, но они не показывают всю сложность и динамичность трансформаций глобального социального бытия. Пожалуй, самая явная характеристика и закономерность современности – нарастание военно-силового давления на социальные системы (государства) со стороны строителей нового мирового порядка. Существенно множатся опасности (угрозы) военного характера, способные дестабилизировать национальную безопасность суверенных государств. Государства мира вступили в бескомпромиссную борьбу за будущее: смыслы, ценности, иерархию, структуру и модель социального бытия. Разрешение межгосударственных противоречий осуществляется с использованием широкого диапазона насильственных средств. Все активнее при характеристике конкурентной борьбы между странами используется термин «война», свидетельствующий не столько о применении военной силы, сколько о крайней степени конфликтного взаимодействия социальных субъектов. Все чаще применительно к высшей форме насилия (войне) нами используются такие ее особенности и характеристики, как: информационная, психологическая, идеологическая, когнитивная, конспирентальная, ментальная, концептуальная, мировоззренческая, системная, поведенческая, теневая, экономическая, гибридная, прокси и др.

Убеждены, что существенным элементом ведущейся сегодня *мировой гибридной войны* [1] является жесткая, а порой жестокая *глобальная ментальная война* [2; 3] со стороны западной коалиции за право определять будущее планеты и управлять волей побежденных. В этой войне *основным оружием выступают информация и знания, а мишенью – менталитет народов*. По мнению автора, при характеристике современных условий глобального социального бытия, кроме, известных нам, понятий «мир» и «война» как состояний социума, можно использовать термин «мировые отношения». Постараемся обосновать правомерность его применения.

Уточним принятую терминологию. В военно-политическом словаре под редакцией Д. О. Рогозина находим, что **мир** – это «категория, определяющая жизненные условия сосуществования государств, характер отношений между народами и государствами (коалициями государств), основывающихся на взаимном учете национальных интересов, проведении внешней политики ненасильственными средствами, отсутствии открытых военных столкновений (вооруженной борьбы) и соблюдении взаимных договорных обязательств. В силу ряда объективных и субъективных политических, экономических и других причин мир нередко прерывается войнами» [4, с. 36].

В свою очередь, под **войной** понимается «общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения невоенных, ненасильственных форм и способов борьбы к прямому применению оружия и других насильственных средств вооруженной борьбы для достижения определенных политических и экономических целей.

По своей внутренней сущности война является продолжением политики государства и их правящих элит насильственными средствами» [4, с. 54].

Таким образом, в соответствии с диалектической логикой данные состояния общества (мир – война) являются противоположностями, которые, взаимодействуя между собой, осуществляют взаимопереходы. История человечества подтверждает, что *война является формой бытия социума*, а короткие периоды мира были лишь подготовкой к новой войне. В течение шестидесяти веков изученной истории человечества мир в планетарном масштабе был лишь в пределах трехсот лет, менее одной недели каждые 100 лет, а остальное время велись военные действия. Война обусловлена комплексом противоречий и имеет собственный механизм развития [5].

Обратим внимание, что уже в политике мирного времени того или иного государства (коалиции стран) формируется цель и возможный характер будущей войны (наступательной или оборонительной), готовятся необходимые ресурсы (материальные и духовные). Анализ истории свидетельствует, что по мере развития человечества количество военных конфликтов возрастает, а также о том, что военное насилие становится более изощренным и технологичным, активно меняются его инструменты и способы достижения целей войны.

Сегодня активно осуществляется переход от *классической* парадигмы войны к *неклассической* [6]. Меняется соотношение военных и невоенных средств достижения целей войны в пользу последних. Это не отменяет важнейший инструмент военного конфликта – военную силу, которая используется как последний довод. Постоянно применяется арсенал системных, непрямых и скрытых форм принуждения (насилия) противника. Напомним, что скрытые (неявные) способы воздействия на противника использовались на протяжении всей истории противоборства (военного и невоенного).

Особенно активно технологии непрямого и скрытого воздействия в противоборстве стали применять в период противостояния США и Советского Союза, т. е. в период «холодной войны». Обладание СССР мощными и передовыми Вооруженными Силами не стали гарантией от его поражения в этом противостоянии. Не рассматривая совокупность причин крушения Советского Союза, подчеркнем, что он проиграл в духовно-мировоззренческой сфере без единого выстрела. США и западный мир вышли из противостояния победителями.

Развитие конфликта между США и СССР проходило в контексте *закона единства и борьбы противоположностей (диалектической противоречивости)* с нарастанием противоречий, но динамика конфликта не породила «скачок» (непосредственное военное противостояние) с точки зрения *закона взаимного перехода количественных и качественных изменений (перехода количества в качество)*, но неизбежно привела к новому качественно-му состоянию всей мировой системы, в которой одна противоположность (США) победила другую (СССР). Этапы противостояния развивались в соответствии с *законом отрицания отрицания (диалектического синтеза)*,

постоянно совершенствовались сами противоположности (США и СССР), проходя разные витки диалектической спирали, совершенствуя как военные стратегии, так и технологии скрытого силового воздействия, осуществляя невоенное, но системное насилие и мировоззренческое воздействие. Военная сила в это время обеих сторон постоянно наращивалась и модифицировалась, использовалась как средство давления, шантажа и сдерживания ядерной войны. Вполне закономерно, что данный период противоборства ведущих государств мира с разными идеологиями и системами социально-политического устройства именуется «холодной войной».

Таким образом, планируемая западными стратегами (во главе с США) геополитическая цель (крушение СССР) была достигнута без одного из двух *сущностных признаков классической войны* (политика и вооруженная борьба). Иными словами, в межгосударственном противоборстве без вооруженной борьбы, а посредством искусства политики достигнута цель по разрушению Советского Союза. Это вовсе не говорит об отсутствии противоборствующих сторон как важном признаке войны, решительности их целей, бескомпромиссной борьбы по всем направлениям. По нашему мнению, именно период «холодной войны» дает основание использовать термин «мировое военное отношение». Несмотря на отсутствие военного столкновения, присутствовало политическое насилие, шла жесткая и бескомпромиссная борьба на выбывание из мировой повестки по стратегическим интересам. Западными стратегами в отношении СССР осуществлялась реализация технологии системной войны, что очень убедительно показано профессором С. И. Репко в монографии «Национальная безопасность» [7].

Могут возразить приверженцы классической парадигмы войны, считающие, что без вооруженной борьбы в противоборстве мы имеем дело с иным феноменом, отличным от войны. Но не стоит забывать о «тумане войны» (Клаузевиц), о том, что «вся война основана на лжи» (Сунь-цзы), т. е. это путь обмана, а также о логике подготовки субъектами (актерами) мировой политики и ведения ими любой борьбы, к которой противоборствующие стороны готовят весь имеющийся арсенал средств. Непосредственное же использование тех или иных средств насилия в противоборстве всегда зависит от комплекса условий и факторов обстановки, таких как: уровень и степень сопротивления противника, эффективность средств поражения, степень достижения поставленных целей, экономическая целесообразность применения имеющихся различных средств, желание жертвовать собственной жизнью и др.

И если в результате «холодной войны» геополитическая цель противоборства достигнута с оптимальными затратами, без прямого использования военной силы, с сохранением собственных вооруженных сил и населения страны, всей инфраструктуры, то это свидетельствует лишь о том, что одна из противоборствующих сторон «переиграла», а точнее «передумала» другую. Важно помнить и то, что, готовясь к противоборству, каждая из сторон сама определяет технологию планируемого насилия и способы достижения

целей, разрабатывает стратегию и тактику воздействия, а также сценарии и планы операций.

Следовательно, если достигнуты цели, противник подчинен воле победителя, поставлены под контроль его основные пространства: политическое, экономическое, социальное, духовно-мировоззренческое, а новое руководство страны выполняет волю победителя, то отсутствует необходимость использовать военное насилие. Можно условно сказать, что это «невоенное воевание» [8] или мировые отношения.

В современных условиях ведущие мировые игроки, обладая ядерным арсеналом и понимая последствия его применения противной стороной в ответ на агрессию, предпочитают осуществлять насилие непрямыми средствами: политико-дипломатическими, информационно-психологическими, культурно-мировоззренческими, экономическими, историческими, спортивными и др.

Арсенал средств поражения и контроля геополитического пространства противоположной стороны и впредь будет совершенствоваться в зависимости от целевой установки и задач страны-агрессора. Сегодня военные конфликты чаще всего ведутся не за территории, а за сферы влияния, поэтому насилие трансформируется из материальной области в духовно-мировоззренческую, формируется *новая философия войны*.

В XXI столетии эффективным способом поражения противника, кроме военной силы, является *ментальное принуждение*, смена общественного и индивидуального сознания. В этом контексте уместно обратиться к американскому философу Элвину Тоффлеру, который отмечал, что, «на протяжении всей истории человечества люди воевали так же, как работали» [9, с. 63], а «способ создания богатств и способ ведения войны связаны неразрывно» [9, с. 105]. В своей книге «Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века» он показал динамику факторов производства (волн) от *аграрного*, затем к *промышленному* и наступившему – *информационному*. Главным ресурсом экономики Третьей волны является **знание** – «знание в широком смысле, включая информацию, данные, изображения, символы, культуру, идеологию и систему ценностей» [9, с. 97]. Данный тезис в очередной раз подчеркивает информационно-когнитивную особенность современного межгосударственного противоборства, но он не отменяет военного насилия в случае крайней необходимости. Поэтому мы не отрицаем классическую парадигму войны, но не видеть ее трансформацию по содержанию и переход к неклассической войне – это нерационально.

Напомним, что на протяжении всей истории военных противостояний использование информации, знаний, различных способов обмана противника всегда способствовали более эффективному достижению победы. Известно, что в противоборстве решающую роль играет морально-психологическая готовность войск и народа к защите государства с опорой на необходимые средства насилия.

Сегодня российские и белорусские ученые активно разрабатывают теорию неклассической войны. Среди них: В. И. Анненков, А. А. Бартош, А. И. Владимирова, А. Г. Дугин, С. М. Иншаков, А. М. Ильницкий, И. Н. Караваев, А. Д. Куманьков, А. В. Манойло, В. М. Макаров, Л. С. Мальцев, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков, И. Н. Панарин, А. И. Подберезкин, И. М. Попов, И. В. Понкин, С. И. Репко, К. В. Сивков, К. Н. Соколов, К. С. Стригунов, П. В. Суханов, М. М. Хамзатов и др.

Развитие человечества в XXI в. с постоянным нарастанием насилия можно охарактеризовать как наступившую эпоху «мировойны», или «войномира»: «теневые войны», как назвал будущие конфликты американский генерал Дэвид Барно [10, с. 2]. Военное насилие в текущем веке не прекращалось ни на один день. Это еще один существенный аргумент глобального социального развития в пользу возможного применения термина «мировые отношения».

Дэвид Барно в своей работе «Теневые войны XXI века» пишет: «Война – это морфинг, незаметное, плавное перетекание одной реальности в другую» [10, с. 158]. Дело в том, что история военного противоборства человечества также подтверждает этот тезис, а с учетом скрытых форм ведения современного военного насилия это состояние социального бытия уже является реальностью.

Стоит отметить, что западные стратеги активно совершенствуют не теорию достижения мира, а теорию насилия [11]. Любые стремления к объединению государств и народов мира, способных бросить вызов доминированию западной цивилизации, породили упреждающую стратегию разрушения любых геополитических конкурентов. Анализируя новейшие концепции боевых действий западных стратегов во главе с США, известные российские аналитики Е. С. Ларина и В. С. Овчинский справедливо подчеркивают, что «упреждающая стратегия, в отличие от превентивной, предполагает борьбу и устранение не актуальных, существующих, а прежде всего потенциальных угроз, угроз завтрашнего дня для «американской исключительности» [10, с. 404]. Они также отмечают, что в разрабатываемых концепциях противоборства «постулируется, что между войной и миром нет больше четкой грани. Поэтому новая преземптивная стратегия будет реализовываться не столько в ходе традиционных военных конфликтов, сколько в рамках жестких противоборств. Американцы, и Запад в целом все чаще уходят от четкого и юридически определенного термина «война», заменяя его такими размытыми понятиями, как «конфликт», «противоборство», «противостояние» и т. п.» [10, с. 408].

Акцентируем внимание, что концепция «преземптивной войны» часто употребляется в связи с так называемой доктриной Буша, *предоставляющей «право» на преземптивные военные действия не для всех государств, а только для США*. На данную стратегию обращает внимание и профессор И. В. Понкин в своей монографии «Неклассические войны». Он подчеркивает, что, в отличие от превентивного нападения, когда угроза нападения

противника реальна и неизбежна и когда реализуется стремление нанести удар первым, а не вторым, преземптивное нападение имеет в своей основе мотивирование и обоснование существенно более отложенной и неявной (или вообще мнимой) угрозы, стремление развязать войну раньше через упреждение возможной в будущем реализации этой отложенной или ожидаемой возникающей угрозы [12, с. 14].

С учетом стратегических разработок США на преземптивные действия, и видя тенденции развития военно-политической обстановки, можно заключить, что подобные способы насилия в перспективе будут реализовываться в мире, а их использование будет только нарастать со стороны США и НАТО [11]. Разработанная доктрина преземптивных действий еще один довод в пользу рационального применения терминов «мировойна» и авторского «мировоеенные отношения».

Еще раз обратим внимание, что какие бы заявления и декларации не принимались политиками в пользу мира как состояния общества, анализ исторического процесса свидетельствует, что самым надежным средством решения международных противоречий является военное насилие. Наиболее пагубные последствия оно приобрело в современных условиях. В войнах, вооруженных конфликтах, других формах вооруженного насилия, имевших место только в XX в., погибло 140–150 млн человек [13, с. 123]. При этом в войнах уничтожены огромные богатства, которые могли обеспечить достаток многим народам.

Надо понимать, что военное насилие выступает одной из разновидностей *социального насилия* [14]. Последнее, в свою очередь, представляет собой форму взаимоотношений между людьми, имеющую принудительный характер. В своих различных проявлениях насилие выступает как действие одних общественных сил против других в целях подавления или подчинения их воли путем применения принудительных мер. Социальное насилие – явление историческое. С формированием и развитием государства социальное насилие приобретает политическое содержание.

Таким образом, по своей сущности социальное насилие представляет собой способ реализации коренных интересов, целей определенных классов, государств с применением или угрозой применения силы, вплоть до вооруженной, в отношении других социальных сил, государств [13, с. 124].

В системе международных отношений социальное насилие – чрезвычайно сложное и многогранное явление. Оно функционирует в различных сферах деятельности, находит конкретное выражение в экономическом, политическом и духовном насилии.

Так, *экономическое насилие* – это способ принуждения с использованием непосредственных экономических санкций. Конкретные формы его известны: экономическая блокада, экономическое давление на другие страны и др.

В отношениях между государствами активно применялись и широко используются сегодня разнообразные формы *духовного принуждения*. Сюда

можно отнести идеологическое и психологическое давление, насаждение религиозного фанатизма, принудительное навязывание мировоззренческих позиций.

Свое высшее воплощение социальное насилие находит в области *политической борьбы* – политическом насилии, которое пронизывает, по сути, все проявления социального принуждения. Более того, именно в нем принуждение приобретает наиболее жесткие формы.

Политическое насилие во внешней политике – это совокупность политических акций в отношении других государств в целях достижения политического господства или определения политических, а вместе с ними и экономических преимуществ.

В зависимости от используемых средств принуждения политическое насилие подразделяется на *два вида*: вооруженное и невооруженное насилие. Невооруженное политическое насилие – вид действий с обращением к относительно «мирным», бескровным средствам и мерам принуждения противника вопреки его коренным интересам.

Организованное насилие с применением оружия является наиболее радикальным и мощным видом политического насилия, крайним способом политического воздействия. Однако следует всегда учитывать тот момент, что фактически и невооруженное насилие таит в себе возможность, скрытую или явную, угрозы применения оружия. Между «мирным» и вооруженным насилием всегда складываются глубокие внутренние связи, взаимопереходы, которые способны привести к радикальным военным мерам, что в очередной раз позволяет применить термин «мировые отношения».

Учитывая реалии современных международных отношений и возрастание различных форм принуждения по отношению к суверенным государствам, с нашей точки зрения, в научном обороте можно использовать понятие «мировые отношения», под которым понимается состояние социального бытия, условия развития государств, характер отношений между народами и государствами (коалициями государств), основывающихся на конфликтном взаимодействии, игнорировании национальных интересов одной из сторон, проведении внешней политики скрытыми и открытыми насильственными средствами, не переходя порог до прямого военного столкновения (вооруженной борьбы), основывающихся не на силе права, а на праве силы.

В силу ряда объективных и субъективных политических, экономических и других причин мировые отношения могут переходить в непосредственное военное насилие.

Таким образом, при определении состояния социальных отношений конфликтующих сторон (стран и коалиций) проблематично выделить «чистое» состояние мира или войны. Вполне закономерно, что сегодня в международных отношениях активно используются термины «гибридная война» [15] и «прокси-война» [16] как своеобразный гибридный состояний мира и войны, а точнее мировых отношений.

В связи с тем, что в международных отношениях во взаимоотношениях социальных сил часто присутствуют непреодолимые противоречия, а политические цели заключаются в принуждении или подавлении противоположной стороны с использованием скрытых (открытых) насильственных средств, то более подходящим термином для характеристики подобного состояния и являются «мировые войны».

Список использованных источников

1. *Бартош, А. А.* Мировая гибридная война / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 544 с.
2. *Ильницкий, А. М.* Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
3. *Ильницкий, А. М.* Стратегия гегемона – стратегия войны / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
4. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 640 с.
5. *Ксенофонов, В. А.* Война как исторический и современный феномен общественного бытия / В. А. Ксенофонов // Философские исследования: сборник научных трудов № 10. – Минск: Изд. дом «Бел. наука», 2023. – С. 101–112.
6. *Стригунов, К. С.* Современные неклассические войны: формы, методы, технологии: моногр. / К. С. Стригунов; под ред. доктора полит. наук, профессора МГИМО (У) МИД России А. В. Манойло. – М.: Горячая линия – Телеком, 2024. – 244 с.
7. *Репко, С. И.* Национальная безопасность: моногр. / С. И. Репко. – М.: Акад. геополитики, 2012. – 290 с.
8. *Ксенофонов, В. А.* Война без войны: акценты современного насилия / В. А. Ксенофонов // Научная мысль. – 2021. – № 1-1 (39). – С. 56–61.
9. *Тоффлер, Э.* Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.
10. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / состав., введ. и закл. Е. С. Лариной, В. С. Овчинского. – М.: Книжный мир, 2015. – 416 с.
11. *Ксенофонов, В. А.* Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 135–148. – (Серия гуманитарных наук).
12. *Понкин, И. В.* Неклассические войны: монография / И. В. Понкин. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 87 с.
13. Военная политология: учебник / под ред. В. М. Шевцова. – М.: ВУ, 2000. – 168 с.
14. *Ксенофонов, В. А.* Военное насилие как форма социальной борьбы / В. А. Ксенофонов // Высшая школа. – 2020. – № 3 (137). – С. 57–62.

15. Сивков, К. В. Гибридная война / К. В. Сивков, К. Н. Соколов. – М.: Изд-во «Наше завтра», 2023. – 280 с.

16. Бартош, А. А. Прокси-война / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.

(Дата подачи: 02.02.2024 г.)

Н. М. Лукьянович

Белорусский государственный университет, Минск

N. M. Lukyanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ДРАМАТИЗАЦИЯ ИДЕЙ В КОНЦЕПЦИИ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА

HISTORY OF PHILOSOPHY AS DRAMATIZATION OF IDEAS IN THE CONCEPTION OF GILES DELEUZE

В статье автор раскрывает методологический принцип историко-философских исследований Жюль Делёза, благодаря которому возможно прочтение истории философии как театрального представления идей, позволяющего увидеть не только развитие философской идеи, но и ее осуществление. Для обоснования правомерности такого подхода к истории философии автор раскрывает содержание разработанного Ж. Делёзом метода драматизации, который он обозначает как последовательный и динамичный метод интерпретации и создания концептов.

Ключевые слова: история философии; драматизация; театральность; трансцендентальный эмпиризм; идея.

In the article, the author reveals the methodological principle of the historical and philosophical research of Gilles Deleuze, which considers that reading the history of philosophy can rightfully be compared to a theatrical performance. To substantiate this approach to the history of philosophy, the author reveals the content of the method of dramatization developed by J. Deleuze, which he designates as a consistent and dynamic method of interpretation and creation of concepts.

Keywords: history of philosophy; dramatization; theatricality; transcendental empiricism; idea.

В интервью 1969 г. журналу «La Quinzaine Littéraire» Жиль Делез отметил, что трудности с историей философии можно преодолеть, если превратить ее в инсценировку, «театр философии» [1, p. 144]. Поэтому вслед за Ж. Делёзом сравним историю философии с театральным представлением, героями которого выступают философские идеи, а сюжетная линия – это точки схождения и расхождения смыслов. Чтение философского текста Ж. Делёз сравнивал с чтением сценария к пьесе: есть диалоги, ремарки,

фон и контекст, и многое зависит от актеров и режиссера. В «Различии и повторении» французский мыслитель отметил, что в С. Кьеркегоре и Ф. Ницше видит единомышленников, ставших первыми, кто «ввел в философию новые средства выражения» [2, с. 21], тем самым осуществив собственное философствование как театр идей.

Обосновать прочтение истории философии как театрального представления помогает разработанный Ж. Делёзом метод, определенный им как трансцендентальный эмпиризм. Суть метода заключается не просто в постулировании идеи как вопроса, а в фиксации ее чувственным трансцендентным упражнением мысли, что позволит осуществить «театральное открытие Идеи и открытие трансцендентального применения чувствительности» [2, с. 240]. Согласно мысли Ж. Делёза, театральность открывает возможность «философии будущего»: «Кьеркегор и Ницше изобретают невероятный эквивалент театра внутри философии, тем самым основывая одновременно этот театр будущего и новую философию» [2, с. 22]. Театральность как методологическая основа теории Ж. Делёза раскрывает новую мысль о Бытии как в акте саморефлексии как повторения мысли: «Когда мы говорим... что движение – это повторение и что это наш истинный театр... Мы имеем в виду театральное пространство, пустоту этого пространства... мы думаем о том, как повторение переплетается из одной отличительной точки в другую, включая различия внутри себя» [2, с. 22].

Целесообразно подчеркнуть, что Ж. Делёз не использует театр как метафору на службе теории. Театральная репрезентативность идеи – это апробированный Ж. Делёзом метод. Связь между театральностью и историей философии можно проследить через все творчество философа, начиная с его «непосредственно» историко-философских работ, заканчивая концептуальной работой «Что такое философия», написанной в соавторстве с Ф. Гваттари. Как отмечал Ж. Делёз, театральная философия «приводит метафизику в движение, в действие» [2, с. 21–22]. В статье «Метод драматизации» [1], представленной Французскому обществу философии в 1967 г., Ж. Делёз описывает идеи как драматические «динамизмы» [1, р. 98]. Понятия пространственности и временности играют у него главную роль в постижении драматической истины идей: «Все меняется, когда динамизмы постулируются уже не как схемы понятий, а как драмы Идеи» [2, с. 265]. Ж. Делёз описывает драму пространства-времени, опираясь на психоанализ и поддерживая архитектурную концепцию идей: «Когда вы создаете такую систему пространственно-временных определений... мне кажется, что вы подменяете логос драмой, вы устанавливаете драму этого логоса... семейную драму (*on dramatise en famille*). Некоторые психоаналитики, я думаю, употребляют это слово для обозначения движения, в котором логическая мысль растворяется в чистых пространственно-временных определениях, как во сне... Это действительно драма в той мере, в какой пациент одновременно организует пространство, манипулирует пространством и выражает в этом пространстве бессознательную Идею» [1, р. 108].

Такая драматическая топология предполагает иной подход к мышлению: идеи – это драмы с пространственно-временными координатами, которые «могут быть определены только с помощью вопросов кто? сколько? где и когда? в каком случае?» [1, р. 92]. Идеи выражают свою онтологическую структуру через топологическое изложение. Следовательно, проблемы, порожаемые идеями, не являются ни концептуальными, ни материальными проблемами. Это пространственно-временные проблемы, генезис которых возможно проследить через их топологическое изложение. В докладе «Метод драматизации» Ж. Делёз предлагает рассмотреть идеи линии и круга как разницу между прямой линией и кривой: «драматизация идеи линии, поскольку она выражает отличие прямой от изогнутой» [2, с. 218], т. е. «именно динамизм разделяет понятие линии на прямую и изогнутую» [1, р. 96], т. е. линия конституируется посредством ее пространственно-временной трансформации из прямой в изогнутую. Получается, что драматизация действует как методологическая основа идей. Так, например, пространственно-временное смещение от прямой к изогнутой линии постулирует идею линии как относительное различие между тем, чтобы стать прямым и стать изогнутым. Если Идея линии конституируется посредством перехода от прямого положения к изогнутому, то структурная сущность Идеи есть трансформация. Идея выступает как дифференциал ситуативных воплощений в различных проявлениях, что позволяет ей непрерывно реструктуризоваться.

В работе «Ницше и философия» (1960 г.) Ж. Делёз уже применял метод драматизации при работе с историко-философскими текстами. Он описывал драматическое предложение как «синтетическое, а стало быть, существенно плюралистическое, типологическое и различающее» [3, с. 304]. Ж. Делёз не интерпретировал утверждение «Бог мертв» с точки зрения его формы. Другими словами, идея и утверждение не касаются существования или несуществования, а значит, они не противоречат друг другу. Наоборот, утверждение «Бог мертв» зависит от синтеза, т. е. эта фраза синтезирует идею Бога со временем и, следовательно, с относительным определением пространства и времени. Такая позиция не приводит к абсолютизации противостояния существования и несуществования. Идея Бога больше не может быть абсолютной, потому что «превратить Бога в объект синтетического познания, не предавая его смерти, нельзя» [3, с. 304]. Таким образом, методом драматизации позволяет мысли уйти от абсолютной дихотомии существования и небытия в пользу относительного определения различия между жизнью и смертью, определения того, с какой точки зрения трактуется проблема. Именно этот решающий момент воплощения смерти в жизнь позволяет фразе «Бог мертв» быть драматическим утверждением. Вот как это показал Ж. Делёз: «Бог существовал, и Он умер, и Он воскреснет, Бог стал Человеком и Человек стал Богом» [3, с. 304], т. е. динамика управляет исследованием при интерпретации и создании концептов.

Ж. Делёз, связывая драматизацию с мышлением, проблематизирует субъекта, отдавая предпочтение онтологизации мысли, получающей через

драматизацию способность динамически манифестировать идеи. Фактически, поскольку реактивные силы составляют человека, «метод драматизации устремляется к раскрытию других типов, выражающих другие соотношения сил, к раскрытию другого качества воли к власти, способного подвергнуть трансмутации слишком человеческие ее нюансы <...> Ницше говорит: нечеловеческое и сверхчеловеческое. Вещь, животное, бог способны поддаваться драматизации не меньше человека или того, что обуславливает человека» [3, с. 172]. Таким образом, «метод драматизации в любом отношении превосходит человека» [3, с. 172–173], позволяя ему вступить в поток мысли.

Через несколько лет на страницах введения к «Различию и повторению» Ж. Делёз обсуждал важность С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Ш. Пегги для поиска антирепрезентативной мысли, противопоставляя их всех Ф. Гегелю. Значимость этих мыслителей для Ж. Делёза заключается в том, что их динамизм мысли позволил осуществиться театральной манифестации идеи без ее предметной репрезентативности, т. е. они показали живое биение мысли, ее театральное представление через повторение как сочленение формы и содержания. В отличие от них, Ф. Гегель «предлагает движение абстрактного понятия вместо движения *physis* и Психеи... Он ограничивается, таким образом, рефлексивной частью “представления”, простой общностью. Вместо драматизации Идеи он воспроизводит понятия: он создает ложный театр, ложную драму, ложное движение» [2, с. 23].

Несмотря на то, что театр и драма, повторение и различие не могут быть разделены, Ж. Делёз последовательно описывает театр так, как будто бы он склоняется к стороне повторения, и описывает драму как сторону различия. «Движение – говорит он – есть повторение и... это наш настоящий театр» [2, с. 23]. Используя аналогию с театральной игрой, проиллюстрируем это следующим образом: актер заполняет пространство роли, которое выстраивается по отношению к другим ролям и является отличительной точкой по отношению к нескольким историческим точкам доступа. Движение как порождение идеи осуществляется без посредников. Именно эта способность к непосредственности разделяет театр повторения и театр репрезентации. В театре повторения «ощущаем чистые силы, пространственные динамические пути, непосредственно воздействующие на рассудок, напрямую соединяя его с природой и историей; речь, говорящую раньше слов; жесты, возникающие раньше изготовившегося тела, маски-лица, приведения и призраки – раньше персонажей, весь аппарат повторения как “страшную силу”» [2, с. 24]. Поэтому история философии возможна только как театр повторений.

Дэниель В. Смит, профессор университета Пердью и один из крупнейших современных исследователей творчества Жюль Делёза, указывает, что именно в одной из своих последних работ «Что такое философия?», написанной совместно с Феликсом Гваттари, наиболее полно можно проследить принципы подхода Ж. Делёза к истории философии. Д. В. Смит

выделяет три основные черты историко-философского проекта Ж. Делеза [4]: 1) Ж. Делёз считал каждую из фигур, о которых он писал, «второстепенным» философом, но не в том смысле, что они были второстепенными, а в том, что они бросали вызов «большой» концепции канона, т. е. противостояли догматизации мысли [4, р. 22]; 2) каждая книга представляет собой систематический анализ концепции мыслителя, в которой его уникальность не теряется на фоне целого [4, р. 22]; 3) уникальность философов как своих героев Ж. Делёз обнаруживал в их концептах и в связях, которые они устанавливали между этими концептами [4, р. 23]. «Иногда я мечтаю об истории философии, в которой были бы перечислены только новые концепты, созданные великим философом, – его наиболее существенный и творческий вклад» [5, р. 3]. Это послужило основой для определения философии, которое Ж. Делёз и Ф. Гваттари предложили в своей поздней работе «Что такое философия» (1991): «философия – это искусство формировать, изобретать или же изготавливать концепты» [6, с. 9]. Отметим, что об этом косвенно французский мыслитель высказывался уже в своих ранних работах. Так, в книге «Экспрессионизм в философии: Спиноза», Ж. Делёз писал, что «сила философии измеряется понятиями, какие она создает или чей смысл она обновляет, понятиями, навязывающими новое разбиение вещей и действий» [7, с. 275]. Исходя из этого, получается, что Д. Юм создал концепты привычки, убеждения и ассоциации, Б. Спиноза позволил по-новому раскрыться концептам субстанции, атрибута и модуса; Ф. Ницше создал концепты воли к власти и вечного возвращения; А. Бергсон изобрел концепты длительности, жизненного порыва, интуиции и т. д.

Именно эта миссия философии как создания концептов лежит в основе подхода Ж. Делеза к истории философии. Более того в работе «Что такое философия?» он предложил методологию исследования концептов, используя двойные критерии: экзо- и эндоконсистенции [6, с. 26]. Для Ж. Делеза ни один концепт не бывает простым: он не только связан с другими концептами (экзоконсистенция), но и каждый концепт имеет собственные внутренние компоненты (эндоконсистенция), которые, в свою очередь, сами могут рассматриваться как концепты. Например, декартовский концепт *cogito* имеет три компонента, а именно: мышление, сомнение и существо. Концепт – это множественность: он состоит из конечного числа различных, но неразделимых компонентов или вариаций. Вместе с тем, концепт есть точка совпадения, сгущения или накопления этих составных элементов, которые он делает непротиворечивыми, что позволяет эту внутреннюю консистенцию, в свою очередь, определять зонами соседства или неразличимости, которые она создает между этими компонентами. Однако, как и гипертекст, концепт *cogito* представляет собой открытую множественность, содержащую потенциал мостов, обеспечивающих связи или перекрестки с другими картезианскими концептами. Идея бесконечности – это мост, ведущий от концепта *cogito* к концепту Бога, также состоящему из трех компонентов, образующих «доказательства» суще-

ствования Бога. В свою очередь, третье доказательство (онтологическое) обеспечивает замыкание концепта, но вместе с тем, перебрасывает новый мост, ответвление к концепту расширенного бытия, поскольку концепт Бога гарантирует объективную истинностную ценность других наших ясных и отчетливых идей.

Эта экзоконсистенция концептов распространяется и на историю философии. Когда позже И. Кант раскритиковал картезианское *cogito*, он сделал это во имя новой проблемной области: Р. Декарт не смог сказать, в какой форме «я мыслю» способно определять «я есть», и эта определяемая форма, утверждал И. Кант, есть форма времени. Таким образом, И. Кант ввёл новую составляющую в картезианское *cogito*. Однако, сказать, что И. Кант «критиковал» Р. Декарта, значит утверждать, что И. Кант сконструировал проблему, которой не могло завладеть картезианское *cogito*. Такая критика остановила бы динамизм мысли. Р. Декарт создал концепцию *cogito*, но исключил из нее время как форму предыстории, сделав ее простым способом преемственности, поддерживаемым непрерывным божественным творением. Если И. Кант ввел время как новый компонент *cogito*, то он сделал это при условии создания нового концепта времени: время теперь стало формой интериорности со своими внутренними компонентами (преемственность, но также греховность и постоянство). Аналогичным образом, спрашивать, существуют ли, например, предшественники *cogito*, у Августина, значит спрашивать: «Существуют ли концепты, подписанные именами прежних философов, которые имели бы похожие, почти те же самые составляющие, но какой-то одной не хватало бы или же добавлялись лишние, так что *cogito* не могло достичь кристаллизации, поскольку составляющие еще не совпадали в некотором «я»? [6, с. 33]. Итак, как можем заметить, концепты обладают внутренней историей, потенциалом для трансмутации в другие концепты, который составляет «планом имманентности» философии. «Создавать концепты – значит конструировать какую-то часть плана, добавлять одну часть к предыдущим, заполнять отсутствие. Концепт является соединением, укреплением линий, кривых. Если концепты должны постоянно обновляться, то это как раз потому что план имманенции возводится по частям, он является результатом локального конструирования, осуществляемого постепенно [8, с. 191–192]. Именно посредством такого рода анализа можно объяснить различные виды концептуальных становлений, которые обнаруживаем в творчестве самого Ж. Делёза, а также трансформации, которые он внес в концепты, взятые из истории философии. «История философии, – пишет Ж. Делёз, – требует оценивать не только историческую новизну концептов, созданных тем или иным философом, но и силу их становления в процессе их взаимопереходов» [6, с. 40].

Целесообразно отметить, что Ж. Делез выдвинул новый метод анализа становления философских концептов. Его книга «Различие и повторение» наполнена многочисленными примерами топологических трансформаций концептов, взятых из истории философии, и все эти концепты Ж. Делёз ис-

пользует для построения собственной метафизики. Так, например, развивая теорию идей, которая опирается как на платонические, так и на кантовские представления об Идее, он складывает их вместе, в единую плоскость, образуя новую концепцию. Точно так же, когда Ж. Делёз подхватывает концепт однозначности Дунса Скота и утверждает, что существует традиция однозначности, которая простирается от Парменида до Хайдеггера, проходя через Спинозу и Ницше, он объединяет этих далеких мыслителей в едином «поле», который позволяет им общаться друг с другом.

Таким образом, можно проследить сложную траекторию отношения Ж. Делеза к истории философии. Будучи студентом, он воспринимал обязательную программу по истории философии как «грозную школу запугивания, которая производит специалистов в области мысли» [1, р. 13], и боролся с этим конформизмом, предпочитая писать об авторах, «которые казались частью истории философии, но кто ускользнул от нее в том или ином отношении: Лукреций, Спиноза, Юм, Ницше, Бергсон» [2, с. 24]. В результате он разработал проект истории философии, нашедший свое первое выражение в «Различии и повторении», а концептуальное развитие – в «Что такое философия?». Вспоминая этот список любимых философов, Ж. Делёз позже заметил: «У этих мыслителей мало отношений друг с другом..., но они у них есть. Можно сказать, что между ними происходит что-то, с разной скоростью и с разной интенсивностью, чего нет ни в одном из них, а действительно в идеальном пространстве, которое уже не является частью истории, тем более это не диалог среди мертвых, а межзвездный разговор между очень неправильными звездами, чье различное становление образует подвижный блок, который можно было бы захватить» [1, р. 27]. Именно в этом идеальном пространстве – театре идей, по выражению Ж. Делёза, «становится философия, а не история; это сосуществование планов, а не последовательность систем» [6, с. 41], живое биение мысли, а не ее застывший образ.

Список использованных источников

1. *Deleuze, G. Desert Islands and Other Texts (1953–1974)* / G. Deleuze. – Los Angeles: Semiotext(e), 2004. – 323 p.
2. *Делёз, Ж. Различие и повторение* / Ж. Делёз. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
3. *Делёз, Ж. Ницше и философия* / Ж. Делёз. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 392 с.
4. *The Cambridge Companion to Deleuze* / ed.: D. W. Smith, H. Somers-Hall. – New York: Cambridge University Press, 2012. – 378 p.
5. *Deleuze, G. Empiricism and Subjectivity: An Essay on Hume's Theory of Human Nature* / G. Deleuze. – New York: Columbia University Press, 2001. – 163 p.
6. *Делёз, Ж. Что такое философия?* / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.

7. Делез, Ж. Спиноза и проблема выражения / Ж. Делез. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 320 с.

8. Делез, Ж. Переговоры / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – 235 с.

(Дата подачи: 19.02 2024 г.)

О. М. Мижевич

Минский государственный лингвистический университет, Минск

O. M. Mizhevich

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 1(572.028):338.482

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ОСОБЕННОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЭПОХУ «ОБЩЕСТВА ПЕРЕЖИВАНИЙ»

AN ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE FEATURES AND PROSPECTS FOR TOURISM DEVELOPMENT IN THE ERA OF «EXPERIENCE SOCIETY»

В данной статье с позиции антропологического подхода анализируются особенности трансформации индустрии туризма в современном обществе, которое рассматривается как «общество переживаний». Антропологический подход благодаря его философским и психологическим методам позволяет определить основные ожидания и потребности современного туриста, что является важным для эффективной работы туристической индустрии. Констатируется большое влияние на формирование туристического продукта основных принципов логики сингулярности и информационно-технологических технологий. Отмечается необходимость изменения векторов развития туристической индустрии.

Ключевые слова: антропология туризма; антропологический подход; «общество переживаний»; сингулярность; аутентичность; идентификация; глобализация туризма; цифровизация туризма.

This article, from the perspective of an anthropological approach, analyzes the features of the transformation of the tourism industry in modern society, which is assessed as a “society of experiences.” The anthropological approach, thanks to its philosophical and psychological methods, allows us to determine the basic expectations and needs of the modern tourist. It is stated that the basic principles of the logic of singularity and information technology have a great influence on the formation of a tourism product. The need to change the vectors of development of the tourism industry in these conditions is noted.

Keywords: anthropology of tourism; anthropological approach; «society of experiences»; singularity; authenticity; identification; globalization of tourism; digitalization of tourism.

Феномен туризма стал всесторонним объектом научного исследования относительно недавно – в середине XX в. Причиной тому послужило возросшее влияние индустрии туризма и гостеприимства на социальное

и экономическое развитие многих стран мира. Благодаря туризму появляются новые рабочие места, улучшается финансовое состояние страны, совершенствуется система образования и здравоохранения, возникают новые формы подачи информации, сохраняется культурно-историческое наследие страны, усиливается охрана окружающей среды, развивается транспорт, строительство, торговля, сельское хозяйство и т. д. Все вышеперечисленное определяет актуальность исследования.

Целью данной работы является анализ с позиции антропологического подхода основных ожиданий и потребностей современного потребителя туристических услуг, возникающих под влиянием усиливающегося процесса перехода от «массового» туризма к индивидуальному в «обществе переживаний».

Полученные выводы в целом носят прикладной характер и могут быть использованы представителями туристической индустрии для уточнения и координации своей деятельности при непосредственной работой с туристами.

С конца 80-х годов стал формироваться новый тип общества, которое изучено очень плохо, более того, практически не исследованы последствия его воздействия на человека. К уже привычному и многократно описанному в научной литературе понятию «массовое общество», под воздействием стремительно развивающихся информационно-коммуникативных технологий, добавились новые характеристики, что нашло отражение в амбициозной концепции «Общество 5.0». Человечество постепенно погружается в среду, в которой «размываются границы между физической, цифровой и биологическими сферами» [1, с. 6].

По мнению автора, в сложившихся обстоятельствах, уместно, в качестве методологической базы исследования остановиться на антропологических направлениях исследования феномена туризма. Если еще до конца XX столетия акцент в научных исследованиях феномена туризма ставился на изучении деятельности различного рода организаций, связанных со сферой туризма и гостеприимства, то в настоящее время, стала очевидной необходимость всестороннего изучения субъекта потребления туристических услуг, в результате чего возникла новая междисциплинарная отрасль знания – антропология туризма [2].

Изучение туризма как одного из видов социальной деятельности человека с антропологической точки зрения началось в 60-е годы XX в. В исследовательской среде первой работой, посвященной антропологии туризма, считается статья Терона А. Нанца «Туризм, традиция и аккультурация» 1963 г. Позднее, в 1974 г. в Мехико, состоялся первый симпозиум по антропологии туризма, а в 1977 г. была опубликована первая онтология «Хозяева и гости: антропология туризма». Исследования сущности, значения и содержания феномена туризма с позиции антропологического подхода представлены в трудах В. Тернера, Э. Козна, Д. МакКаннела, Н. Гребарна и других зарубежных ученых [3]. В России серьезные исследования по антропологии туризма начались лишь в 2015 г. такими учеными, как П. Е. Царьковым,

В. А. Куренным, Л. П. Воронковой и др. В Республике Беларусь систематические и серьезные исследования в данном направлении практически не ведутся, все исследования в области антропологии туризма носят разрозненный характер и больше тяготеют к анализу культурно-познавательного туризма.

Следует также отметить, что в американских и европейских университетах различные учебные дисциплины, касающиеся антропологии туризма, читаются с конца 1990-х гг. В российских и белорусских учреждениях высшего образования антропология туризма стала преподаваться около 7 лет назад [4].

Особое место в изучении специфики туристической индустрии занимает анализ работ Х. Ортеги-и-Гассета, К. Хорни, А. Маслоу, В. Франкла, которые предшествовали вышеуказанным исследователям в области социологической, психологической и философской антропологии. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассета в своем произведении «Восстание масс» создал детальный психологический портрет «массового человека», без которого невозможно понять потребности типичного потребителя услуг «массового» туризма. Х. Ортега-и-Гассета отметил, что потребности «массового человека» формируются под воздействием двух феноменов: феномена избытка (избытка свободного времени, денег, материальных и духовных благ) и феномена прихоти (преобладание субъективной стороны потребности над объективной).

«Массовое» общество привело к полной десакрализации духовной жизни, навязало человеку образ жизни «по усредненным лекалам», условно сняло внешние ограничения со всех сфер жизни, а скука и уныние стали его неотъемлемыми спутниками. Негативно влияющие на психику человека последствия информационного общества, научно-технического прогресса и последствия глобализации привели к увеличению у современного человека стрессов, появлению состояния фрустрации, хронической усталости. В условиях нестабильной политической, социальной и экономической ситуации, стремительно изменяющегося мира, у человека все чаще возникает ощущение неуверенности, неопределенности, тревоги за грядущий день. Как избалованный ребенок современный человек требует развлечений, чтобы отвлечься от проблем и получить исключительно положительные эмоции. На предоставление новых впечатлений, скушающему современному обывателю, сфера экономики, отвечающая за досуг и организацию культуры, не жалеет сил и денег.

«Массовое» общество усиленно стало формировать у человека систему потребностей, на которую также ориентируется и туристическая индустрия, и которая возникает у отдельно взятого туриста под воздействием культуры в целом. Поэтому поведение потребителя туристических услуг можно предугадать и предсказать. Потребитель вытягивается в систему услуг «модного» туризма, созданных искусственно, и навязанных потребителю по законам «массового» общества.

Приблизительно с 90-х годов прошлого столетия в западном обществе произошли изменения, которые перестали объясняться с позиций принципов «общества потребления». В последнее время все больше исследователей в области социальной философии, психологии и социологии стали отмечать, что наблюдается переход от «общества потребления» к «обществу переживаний» или «обществу впечатлений» (Г. Шульце, «Общество переживаний: культурсоциология современности») [5]. Если оценивать современное общество как «общество переживаний и впечатлений», то туризм стал чем-то большим, нежели просто отдых. Эту ситуацию превосходно описал российский философ-антрополог С. П. Гурин: «туризм – компенсация несостоявшегося (уже невозможного) паломничества: по святым местам других религий, когда своего святого ничего не осталось. Экзотика предстает как Другое, дальние странствия как Бесконечность, старина как Вечность, новизна как Знание, непонятное как Истина, Древнее как Мудрость таинственное как Тайна, пестрота как Красота, удовольствие как Благо, удивление как Чудо, радость как Благодать...» [6].

На переход к «обществу переживаний» повлияло становление креативной экономики, под воздействием которой отмечается «классовая эволюция современного общества»: заговорили о появлении высшего «креативного» класса, смешанного среднего класса и нижнего класса, занятого в сфере услуг. Во многом изменился образ жизни современного человека, прежде всего, под влиянием трансформации его поведенческой логики.

Одним из первых изменение в поведенческой логике отмечает популярный за рубежом немецкий социолог А. Реквиц. В своем произведении «Общество сингулярности. О структурных изменениях эпохи модерна», А. Реквиц попытался проанализировать все аспекты жизни человека в современной социальной реальности, с учетом основных принципов сингулярности. А. Реквиц высказывает идею, что в современном обществе человек все больше отдаляется от психологии коллективизма, стремления быть «как все» и все больше склоняется в сторону сингулярности, индивидуализма, к желанию «быть особенным». Современный, образованный, опытный путешественник уже меньше интересуется стандартизированными групповыми турпакетами и все больше выбирает индивидуальные туры, организованные в соответствии с его потребностями и предпочтениями.

Современный турист в первую очередь желает приобрести аутентичный (подлинный) продукт, затрагивающий его эмоциональную сферу, позволяющий почувствовать всю палитру чувств и эмоций: восторг, радость, удивление, печаль, тоску и т. д. Первоначальная потребность современного путешественника – узнать что-то новое о самом себе. Все внешнее – материк, страна, народ и т. д. – является только фоном для самопознания, самоидентификации себя в этом новом для человека месте, в новой ситуации. Отсюда возросший интерес к ностальгическому туризму как в территориальной его форме (например, желание посетить родные места делает востребованными туры в Беларусь граждан Израиля), так и во временной (достаточно вспом-

нить «красный» туризм, столь популярный среди граждан КНР). А желание «пощекотать» нервы привело к появлению маргинального и популярности экстремального туризма и т. д.

Американские исследователи в области маркетинга Б. Джозеф Пайн II и Джеймс Гилмор, авторы книги «Экономика впечатлений», пришли к выводу, что переживания и впечатления можно рассматривать как одно из экономических предложений наряду с товаром и услугами. Туристическая индустрия как никакая другая в состоянии продавать своим клиентам эмоции и ощущения.

Чтобы успешно функционировать в сложившихся условиях, представителям туристической индустрии необходимо четко осознавать ожидания и предпочтения современного человека. Оценить рентабельность предлагаемого потребителю туристического тура менеджерам туристических фирм поможет анализ информации, пользующийся наибольшей популярностью в Интернете, просмотр видеороликов, размещенных в социальных сетях. В результате такого аналитического обзора можно выделить ряд очевидно лидирующих тем, которые следует взять на вооружение и использовать для создания оригинального туристического продукта и новых дестинаций.

Кулинария (особенно авторская и национальная кухня). Следует отметить, что в настоящее время постепенно становятся менее популярными сети ресторанов с «безликим» фастфудом, а на смену им приходят сети ресторанов и кафе с национальной кухней: например, «Васильки» и «Батьки» в Беларуси. Огромное распространение по всему миру получили азиатская и средиземноморская кухня, стали популярными кулинарные фестивали: пивной фестиваль Октоберфест в Мюнхене, шоколадный фестиваль в Париже, фестиваль «Рыба в Лиссабоне», фестиваль бекона в Сакраменто, День огурца в российском Суздале или белорусском Шклове и т. д. Турист, независимо от культурной и национальной принадлежности, в ходе своего путешествия хотел бы попробовать и оценить как высокую кухню от известного шеф-повара, так и аутентичную кухню страны или региона, которые он посетил, понаблюдать за технологией приготовления блюд на мастер-классах известных кулинаров. Люди с большим энтузиазмом готовы платить за ощущения, получаемые от пищи, и кулинарный (продуктовый, ресторанный) туризм набирает свою популярность во всем мире.

Жилье, дизайн и ремонт квартир. Коронавирусная пандемия COVID-19 с её запретами на перемещение надолго превратила социальные сети в единственное окно в мир, а композиционный кадр стал источником визуальных впечатлений. По окончании пандемии интерес к подобным ощущениям не исчез, и в результате стали востребованными такие относительно новые виды туризма, как интерьерный туризм и «глэмпинг». Современному горожанину интересно пожить несколько дней в замке с пятиметровыми потолками, отреставрированным наборным паркетом и узкими окнами-бойницами или в квартире с интерьером ушедшей эпохи из любимого кинофильма. Такой турист заинтересуется посещением антикварных магазинов, «блоши-

ных» рынков, экскурсиями в нестандартно оформленные квартиры и дома в сопровождении гида. Основная цель данных видов туризма заключается в получении положительных визуальных ощущений, эстетических чувств и эмоций, но с сохранением привычного комфорта.

Культ телесности и здорового образа жизни. Одним из существенных проявлений «массовой культуры» стала любовь к красивому телу, молодости, боязнь старости и всего, что с ней ассоциируется. Стали активнее интересоваться практиками улучшения телесности и продления молодости этнического и экзотического характера (при этом цениться, если мастер-класс и услуга выполняется носителем соответствующей культуры: если индийский массаж, то и мастер должен быть из Индии и т. д.). Отсюда интерес к оздоровительным турам, фитнес-клубам, центрам йоги, физкультурно-оздоровительным комплексам с разнообразными услугами.

Дети и все, что с ними связано. Детоцентризм современного общества привел к появлению отдельного направления в индустрии туризма – юношеско-детского туризма. В социальных сетях мы видим, что каждый родитель старается убедить себя и весь мир, что его ребенок особенный, требует особого отношения. А это означает, что образование у ребенка должно быть лучшее: музеи и театры самые известные, продукты питания только натуральные, отдых только повышенной комфортности и в экологически чистых регионах.

На рынке туристических услуг также предлагаются и диаметрально противоположные варианты детского туризма (спортивные лагеря, скаутское движение). Некоторые родители, у которых дети находятся в подростковом возрасте, намеренно выбирают путешествия максимально удаленные от цивилизации, основная цель которых – проверить самого себя на способность бороться с трудностями, пережить острые впечатления. По своей сути подобные путешествия напоминают первобытные обряды инициации, ритуалы посвящения в мужчину, воина, охотника. Здесь же уместно будет вспомнить и о молодежном туризме, основная задача которого – дать ощущение непредсказуемости, опасности, волшебности путешествия, что созвучно юношеству с его предрасположенностью к риску и авантюризму.

Природа. Несмотря на продолжающийся процесс урбанизации, человек все больше стал стремиться к уединению с природой. Основные принципы сингулярности – аутентичность и поиск свежих впечатлений – привели к усилению интереса со стороны туристов к тем уголкам природы, которые еще не тронуты цивилизацией. Впервые интерес к «глубокому туризму» можно было наблюдать в США около 20 лет назад, когда для отдельных туристов стали организовывать так называемые «туры с погружением», в ходе которых люди достаточно долгое время находились в индейских резервациях. Около 12 лет назад подобный туризм стал пользоваться спросом в России, особенно востребованы: Алтай, Камчатка, северный Урал. В Беларуси «глубокий» туризм еще не распространен, видимо, в силу отсутствия спроса со стороны потребителя. Данный вид туризма требует серьезной пред-

варительной работы с привлечением специалистов в области этнографии, географии, краеведения для подготовки и выстраиванию маршрута. Тур-операторы еще не готовы самостоятельно предлагать такие путешествия.

Информационно-коммуникативные технологии. Необходимо отметить еще один существенный момент, присутствующий в жизни современного человека, без которого, по мнению автора, общая картина данного исследования будет неполной. Со стороны туриста очевидным становятся следующие ожидания в отношении выбранного им путешествия – легкость оформления необходимых документов, быстрый доступ к желаемому продукту с последующим получением ожидаемых позитивных переживаний. Более того, работники в сфере искусственного интеллекта уже создали программы, способные считывать с лица на экране эмоции, что в свою очередь поможет предложить ту услугу, которая подходит клиенту.

Для современного человека основной ценностью стало время, более 50 % поисковых запросов отправляется с мобильных приложений, что сокращает скорость принятия решения. Особенно это хорошо наблюдается среди молодежи, выросшей в период распространения Интернета.

Исследование показало, что туризм стал разноплановым явлением, требующий глубокого исследования представителями разных научных направлений, с обязательным привлечением специалистов в области антропологии, культурологии и психологии. Туристическим фирмам следует переориентироваться на развитие антропологического туризма во всех его проявлениях, который в большей степени соответствует чаяниям и потребностям человека «общества переживаний». Начинаясь переход от «массового» туризма к «индивидуальному» требует увеличения доли эксклюзивных услуг, направленных на удовлетворение индивидуальных желаний клиентов (например, для проведения тимбилдинговых корпоративов, для людей, которым необходим особый уход, и т. д.). Следует заняться поиском новых форм и видов путешествий, ориентированных на молодых людей с их тягой к эпатажу, риску, эксцентричности, нетрадиционности; заняться развитием виртуального туризма. Необходимо осуществить перевод работы туристических компаний на цифровые технологии, несмотря на всевозможные социальные и экономические риски.

Список использованных источников

1. Садовая, Е. С. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы / Е. С. Садовая, В. А. Сауткина, А. Р. Зенков. – Москва: ИМЭМО РАН, 2019. – 190 с.

2. Воронкова, Л. П. Антропология туризма: зеркало для «человека путешествующего» / Л. П. Воронкова // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 143–150.

3. Яковук, Т. И. Институтизація туризму від паломництва до рекреації: Віктор Тернер, Ерік Коэн, Нельсон Грабен / Т. И. Яковук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. – 2010. – № 2. – С. 108–115.

4. Царьков, П. Е. Социальная и культурная антропология туризма в России и за рубежом: история, современность, перспективы [Электронный ресурс] / П. Е. Царьков // Культура культуры. – 2018. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-i-kulturnaya-antropologiya-turizma-v-rossii-i-za-rubezhom-istoriya-sovremennost-perspektivy>. – Дата доступа: 24.01.2024.

5. Куренной, В. А. 7 фактов о трансформации жизненных установок современного человека [Электронный ресурс] / В. А. Куренной // ПостНаука. – 2012. – № 11. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/6214>. – Дата доступа: 24.01.2024.

6. Гурин, С. П. Туризм как антропологический феномен [Электронный ресурс] / С. П. Гурин // литературно-философский журнал ТОПОС. – 2004. – Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/2169>. – Дата доступа: 28.01.2024.

7. Пятилетова, Л. В. Психологическая антропология туризма: массовый туризм в свете альтернативных антропологических практик [Электронный ресурс] / Л. В. Пятилетова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2021. – № 7. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2021/212009.htm>. – Дата доступа: 28.01.2024.

(Дата подачи: 14.02.2024 г.)

С. Н. Мизякина

Белорусский государственный аграрный
технический университет, Минск

S. N. Miziakina

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 316.3; 316.33; 316.73; 304.5

МОДА КАК МЕХАНИЗМ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

FASHION AS A GLOCALIZATION MECHANISM

В статье проанализированы основные характеристики и функции моды как широко понимаемого социокультурного феномена. Выявлены черты моды, которые делают возможным ее использование в качестве механизма продвижения локальных новаций на глобальный уровень и адаптации глобальных трендов к локальным традициям.

Ключевые слова: мода; глокализация; глобализация; культурная диффузия.

The article examines the main characteristics and functions of fashion as a sociocultural phenomenon. The author identifies some fashion features that makes possible to use it as a mechanism for promoting local innovations to the global level and adapting global trends to local traditions.

Keywords: fashion; glocalization; globalization; cultural diffusion.

Термин «глокализация» стал широко использоваться в западных социальных науках в конце прошлого века. В научный оборот его ввел англий-

ский социолог Р. Робертсон [1, р. 145] с целью подчеркнуть тот факт, что процессы глобализации предполагают обязательную адаптацию ценностей и моделей поведения западного общества к национальному менталитету и местным традициям и тем самым в некоторой степени их изменяют. С течением времени понятие «глокализация» стало употребляться также для характеристики процессов встраивания локальных, местных, самобытных культурных феноменов в глобальную мировую систему [2, с. 219]. Таким образом, глокализация может быть определена как диалектический процесс взаимного влияния глобального и локального, их сосуществования в пространстве мировой и национальной культур.

Современная социокультурная ситуация характеризуется расширением многовекторных связей, регионализацией, постепенным переходом к новому типу глобализации, для которого характерен отход от вестернизации как ведущего направления мирового развития. В таком случае локальные новации, возникшие в самых разных регионах мира, будут иметь больше шансов выйти на глобальный уровень и оказывать влияние на мировые процессы. Новые возможности на этом пути открываются и для Республики Беларусь. В этой связи интересным и актуальным представляется анализ механизмов, которые способствуют превращению локальных культурных новаций в глобальные тренды. Думается, что одним из таких механизмов выступает мода.

Мы живем в потребительском обществе, пронизанном идеологией консьюмеризма. Одна из основных ее ценностей – обновление. Именно мода выступает важным механизмом стимулирования запроса на инновации и способом продвижения уже появившихся новшеств в экономической, социально-политической и духовной сфере. Сегодня модой определяется не только выбор одежды, аксессуаров или гаджетов, но и профессия, способ проведения досуга, образ жизни и даже аксиологические параметры бытия личности.

Инновации, в том числе и модные объекты, всегда возникают как локальные феномены. Но в определенных случаях они трансформируются в глобальные тренды. Какие особенности и функции моды способствуют такого рода трансформациям? Возможно ли с помощью моды превращать новации в устойчивые способы поведения и формировать с их помощью новые традиции? Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы дать ответы на эти вопросы, выявить те характеристики моды, которые позволяют использовать ее как механизм глокализации, т. е. превращения локальных новаций в глобальные тренды и обратного влияния глобального на локальное.

Мода как социальное явление исторически возникла в рамках элитарной культуры в эпоху Нового времени, отражая черты рыночной капиталистической экономики, возросшей социальной мобильности и все еще остающегося сословного деления общества, тенденции к формальному равенству при сохранении реального неравенства, становления нового индивидуалистического типа личности при сохранении потребности в коллективистских действиях. Это и определило сущностные черты моды – двойственность

и цикличность. Двойственность элитарности и массовости, разнообразия и единообразия, свободы индивидуального выбора и подчинения интересам большинства. Элитарность моды состояла в том, что модность вещи определялась ее редкостью, эксклюзивным характером. Мода – это то, что есть у меньшинства, но к чему стремится большинство. Как только модный товар или способ поведения становится достоянием большинства, он перестает быть модным. Забвение завершает цикл функционирования модного объекта. Но как показала история, мода прошлых эпох имеет тенденцию повторяться, ярко демонстрируя свою цикличность.

Философское осмысление феномена моды началось, возможно, с И. Канта, затронувшего вопрос о сущности моды в ее связи со вкусом и эстетическим отношением к миру в работе «Антропология с прагматической точки зрения» [3]. И. Кант считал, что мода появляется в высших кругах общества и затем распространяется на низшие слои, т. е. формируется в сфере элитарной культуры. Эта идея в дальнейшем имела большое число приверженцев. Применительно к процессам глобализации, понимаемой как вестернизация, можно сказать, что здесь родоначальником модных новаций стало западное общество, а в качестве «низших слоев» выступали незападные цивилизации.

Но вернемся к И. Канту. В своих размышлениях он пришел к выводу, что мода базируется на естественной склонности человека к подражанию. А цель подражания состоит в том, чтобы «казаться не менее значительным, чем другие» [3, с. 489]. Поэтому, согласно И. Канту, мода – проявление тщеславия, соперничества, глупости и рабской зависимости. Ведь следование модным тенденциям происходит бездумно и человек зависим от примера, которому подражает. Таким образом, мода, заключает И. Кант, не является самостоятельной ценностью, а выступает лишь средством для достижения других целей. Соглашаясь с тем, что подражание составляет психофизиологическое основание моды, необходимо подчеркнуть, что данная человеческая способность является одним из механизмов процесса социализации (инкультурации) в целом, а значит, и многих социокультурных процессов, в том числе и глобализации.

И. Кант также выделил такие особенности моды, как стремление к новизне и непостоянство. Сегодня именно эти свойства понимаются как существенные черты моды. Однако И. Кант также обратил внимание на то, что при продолжительном подражании мода становится обычаем. Эта мысль весьма интересна, так как подтверждает наше предположение, что мода может стать первым этапом на пути превращения локальной новации в устойчивый и широко распространенный способ поведения как на локальном, так и на региональном и глобальном уровнях.

Г. Зиммель посвятил рассмотрению феномена моды отдельную работу [4], в которой он исходил из своей общей методологии анализа социальных явлений как имеющих дуальную, диалектическую природу. Для Г. Зиммеля сущностная характеристика моды состоит в ее противоречи-

вой двойственности. На психологическом уровне мода, с одной стороны, удовлетворяет потребность «быть как все», чувствовать единство с другими людьми, в том числе с элитарными слоями и авторитетными для человека личностями, а с другой стороны, ощущать себя индивидуальностью, поскольку через моду возможно продемонстрировать и отличие от других людей. На социальном уровне с помощью моды осуществляется тенденция как к социальному уравниванию и объединению, так и к отделению одних слоев общества от других. Следует также отметить, что механизм появления и распространения моды для Зиммеля также дуалистичен: это единство подражания и желания отличаться от других (быть новым). Подражание «дает индивиду уверенность в том, что он в своих действиях не одинок...; подражание освобождает индивида от мучений, связанных с выбором, и позволяет ему выступать просто в качестве творения группы» [4, с. 267]. Мода «представляет собой подражание данному образцу и этим удовлетворяет потребности в социальной опоре, приводит отдельного человека в колею, по которой следуют все... Однако она в такой же степени удовлетворяет потребность в различии, тенденцию к дифференциации, к изменению, к выделению из общей массы» [4, с. 268]. Таким образом, для Г. Зиммеля мода по своей сути есть социальное явление, выполняющее функцию взаимной адаптации индивидуального и общественного, группового объединения и межгруппового разделения. Г. Зиммель так же, как и И. Кант, полагал, что мода зарождается в высших слоях. «Как только ее начинают перенимать низшие сословия,... высшие сословия сразу же отказываются от данной моды и принимают новую, которая позволяет им вновь дифференцироваться от широких масс, и игра начинается вновь» [4, с. 271]. Думается, что такую тенденцию мы можем наблюдать и в процессе глокализации. Как только технологические, социальные или культурные новации, создаваемые Западом, распространяются в странах второго и третьего мира, Запад создает новые модные идеи, ценности и символы. Так, на рубеже XIX–XX вв. западный мир инициировал обсуждение и дальнейшее внедрение в социальные практики идеи гендерного равенства. Сегодня стремление к ее реализации стало общемировым трендом. Как результат в данной сфере Западом была инициирована другая новация: идея гендерного разнообразия. Мы можем также говорить о двойственном характере глокализации в смысле действия тенденций к объединению культур в процессе глобализации и стремления сохранить свою самобытность через индивидуальную адаптацию глобального к национальному.

У моды как социального феномена, несомненно, присутствует экономическая составляющая. Одним из первых на это обратил внимание В. Зомбарт. Он был убежден, что мода является неотъемлемой частью капиталистического общества. Она направлена в первую очередь на формирование спроса и увеличение количества продаж. «Можно сказать без преувеличения: мода – любимое детище капитализма, возникшее из внутренней сущности его; немного найдется других явлений социальной жизни, которые

выражали бы характерные особенности капитализма так ясно, как это делает мода», – утверждал В. Зомбарт [Цит по: 5, с. 413].

Многое из сказанного о моде мыслителями XVIII–XIX вв. и сегодня отражает специфику этого явления. Однако в современной культуре произошли такие изменения, которые придали моде новые черты и функции. Автоматизация производства, урбанизация, появление большего количества свободного времени у наемных работников, ускорение темпа жизни, возросшая социальная мобильность, развитие СМИ, массовая миграция населения, усиление интеграционных процессов, демократизация общества привели к тому, что массовая культура фактически стала доминирующей, а элитарная культура все больше превращается в субкультуру. Поэтому в современном обществе мода творится не только элитой. Возникая в том числе и в среде повседневности, в самых разных социокультурных группах, включая молодежные субкультуры, новации позже подхватываются индустрией моды. Характерной чертой стали сегментация и массовизация моды, сознательное ее использование как инструмента получения прибыли и продвижения продукта. Таким «продуктом», в частности, могут быть и локальные культурные новации.

Такое «маркетинговое» понимание моды развивает современный французский философ и социолог Ж. Липовецкий в книге «Империя эфемерного» [6]. Он полагает, что мода выступает одним из важнейших способов презентации новой продукции, обеспечивающий ее качество и привлекательность. Он рассматривает моду как форму «современной гедонистической культуры, отвечающей потребности личности в удовольствии и эстетической самореализации» [7, с. 11]. Философ подчеркивает, что мода в современном обществе помогает осуществить переход к свободному выбору человеком оформления своей телесности и личного пространства, а также развивает креативность. При этом игровой и в этом смысле эфемерный характер моды им не отрицается. Ж. Липовецкий также рассматривает моду в контексте важной темы философии XX века: темы Другого. Он утверждает, что мода позволяет человеку гармонизировать свои отношения с самим собой и другими людьми.

Норвежский философ Л. Свендсен, полагает, что мода есть прежде всего механизм самопрезентации личности, а не презентации товара. С ее помощью человек демонстрирует свой социальный статус, и свое индивидуальное видение мира. Мода является одним из механизмов самоидентификации личности. Таким образом, мода двойственна: она может являться кодом для создания и презентации собственного образа, а может быть использована как маска. Эти особенности моды, на наш взгляд, коррелируют с чертами вновь возникающих локальных культурных новаций. Любая локальная новация в момент своего перехода на региональный, а затем глобальный уровень самопрезентирует ту социокультурную группу, в которой она возникла, а заодно способствует лучшему пониманию своих особенностей, т. е. самоидентификации.

С точки зрения семиотического, структуралистского и постструктуралистского подходов мода предстает как знаковая система культуры. Например, Ж. Бодрийяр, равно как и Р. Барт, понимают моду как поле взаимного обмена знаками. Причем такими знаками, которые являются универсальными. Главным принципом функционирования моды как знаковой системы Р. Барт считает подстановочность. Огромное количество различных подстановок становится возможным в моде благодаря тому, что в ней нет жесткой последовательности знаков. Мода реализует всеобщее желание современного человека упразднить смысл, погрузиться в игру чистых знаков. Это и делает моду универсальной [5, с. 413–414]. Можно утверждать, что и процессы глокализации строятся на универсальности знаков современной культуры. Хотя локальные культурные новации возникают в рамках определенной социокультурной группы, продвинуться на глобальный уровень они могут только в том случае, если выражают, пусть и специфическим образом, универсальные потребности и смыслы или если они входят в общее поле игры смыслами и знаками культурных форм.

Выделенные различными философами и социологами особенности моды воплощаются в ряде важных функций, которые она выполняет в современном мире. В литературе, посвященной анализу роли моды в жизни современного человека и общества, авторы выделяют следующие функции моды:

1. Мода подготавливает почву для инноваций и упорядочивает переход к новому.

2. С помощью моды человек приспосабливается к изменившейся социокультурной ситуации.

3. Мода выступает механизмом выбора определенной модели ценностей и обеспечивает мягкое принуждение к следованию этой модели. При этом мода создает иллюзию свободы выбора.

4. Мода выполняет двойственную функцию поддержания единообразия и разнообразия, социальной интеграции и дифференциации. Мода на первой стадии подчеркивает статусные различия, а на второй стадии, когда она получает массовое распространение, наоборот, маскирует их.

5. Выступает одним из механизмов социокультурной коммуникации.

6. Нельзя сбрасывать со счетов и эстетическую функцию моды, связанную с формированием вкуса и получением эстетического наслаждения.

7. Мода является механизмом повышения или понижения престижа, статуса человека, группы, вообще любого объекта, который попадает в ее поле. При этом она может быть лишь иллюзией статусного роста, если попадает в русло показного потребления.

8. Можно утверждать, что через освоение модных образцов мода выполняет и функцию социализации.

9. У моды есть и компенсаторно-утешительная функция, поскольку, создавая иллюзию перемен, она компенсирует неудовлетворенность человека своим социальным статусом.

10. Мода выступает не только проводником новаций, но и каналом преемственности традиций. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда в трансформированном виде становятся модными мотивы прошлого: элементы традиционного кроя, вышивок в одежде, фольклор, соединение классической музыки и рока, татуировки и т. д.

11. Опознавательная и социально-разделительная функции моды связаны с отчетливо знаковым характером современной моды, способом указания причастности человека к определенной социальной группе [5, с. 416–417].

В глобализирующемся мире мода не потеряла своей актуальности. Наоборот, благодаря своей двойственности, она оказалась весьма эффективным способом продвижения идеи универсализации ценностей западного общества и массовой культуры, при этом уравнивая их идеей мультикультурализма и полистилизма, а также идеей индивидуального выбора. Именно обозначенная выше двойственность моды делает возможным глобализацию локальных культурных образцов, превращая моду в механизм глокализации.

Список использованных источников

1. *Robertson, R.* Glocalization: Time-pace and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // *Global Modernities* / Ed. By M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London, 1995. – P. 25–44.

2. *Мизякина, С. Н.* Принципы синергетики в исследовании процессов глокализации / С. Н. Мизякина // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: в 2 ч. – Вып. 21.* – Минск: РИВШ, 2022. – Ч. 2. – С. 218–225.

3. *Кант, И.* Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // *Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966.* – Т. 6. – С. 351–588.

4. *Зиммель, Г.* Мода / Г. Зиммель // *Избр. произведения: в 2 т. – М.: Юрист, 1996.* – Т. 2. – С. 266–291.

5. *Гусева, А. М.* Мода как предмет культурологического осмысления / А. М. Гусева // *Культура и цивилизация.* – 2017. – Т. 7, № 3А. – С. 409–421.

6. *Липовецкий, Ж.* Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Ж. Липовецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 336 с.

7. *Гришаева, Т. А.* Мода как феномен современной культуры: автореф. дис... канд. филос. наук. [Электронный ресурс] / Т. А. Гришаева. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/moda-kak-fenomen-sovremennoy-kultury>. – Дата доступа: 12.10.2023.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

Д. И. Наумов

Белорусская государственная академия связи, Минск

D. I. Naumov

Belarusian State Academy of Communications, Minsk

УДК 101.1(091)

ТРАКТОВКА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

TREATMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL MEMORY IN MODERN SOCIO-HUMANITARIAN DISCOURSE

Рассматривается влияние процесса цифровизации на трансформацию социальной памяти, выявляются причины теоретического и прикладного характера, определяющие научную актуальность социально-философского исследования данной проблематики. Акцентировано внимание на необходимости экспликации теоретико-методологических оснований концептуализации процесса цифровой трансформации социальной памяти и философской рефлексии его социокультурных последствий. Рассмотрены и систематизированы основные проблемы и риски цифровой трансформации социальной памяти, представленные в современном зарубежном социально-гуманитарном дискурсе.

Ключевые слова: цифровая трансформация; социальная память; социальная философия; современное общество.

The influence of the digitalization process on the transformation of social memory is considered, the reasons of a theoretical and applied nature that determine the scientific relevance of the socio-philosophical study of this issue are revealed. Attention is focused on the need to explicate the theoretical and methodological foundations of the conceptualization of the process of digital transformation of social memory and philosophical reflection of its socio-cultural consequences. The risk assessments of the digitalization of social memory, conceptualized and presented in modern foreign socio-humanitarian discourse, are considered and systematized.

Keywords: digital transformation; social memory; social philosophy; modern society.

В отечественной философии социальная память традиционно рассматривается как совокупность разделяемых в рамках конкретного сообщества ценностей, мифов, верований и представлений, репрезентаций образов прошлого, закрепленных в социальной практике и являющихся эффективными интерпретационными схемами и нормативными регуляторами социального поведения. Понятие социальной памяти характеризует конституирующее влияние социальных институтов и структур власти на закрепление схематизированных образов-репрезентаций о прошлом в материальных объектах и артефактах культуры, формирование исторической топонимики, параметры и восприятие общественных процессов (как в актуальном, так и ретроспективном аспектах). Это понятие эксплицирует культурную специфику

группового осознания, оценивания, увековечивания или избирательного забывания акторов, событий и процессов прошлого в определенном социокультурном контексте.

В социальном аспекте социальная память, которая характеризуется структурной многослойностью, функциональной утилитарностью и смысловой противоречивостью, обеспечивает народу темпорально устойчивые культурно-исторические основания коллективной идентификации и государственного развития. На макроуровне это обеспечивается посредством аффективной и этически нагруженной отсылки к прошлому, рассматриваемому в качестве референтного объекта и символически воплощающему культурный вклад народа в историческое развитие всего человечества. Это содействует достижению определенного уровня общественной консолидации и социальной интеграции, релевантной культурогенезу коллективной идентификации и институциональной легитимации в настоящем. На микроуровне социальная память обеспечивает формирование системы мировоззренческих принципов, экзистенциально значимых ценностных ориентаций и социальных установок личности. В значительной степени они определяют характер социального поведения индивида, его осознание и нравственно обусловленное целеполагание и целедостижение, ролевые экспектации и модели ролевого поведения. С одной стороны, социальная память выступает в качестве конституирующего социального фактора и источника моральной регуляции социальной деятельности индивида, с другой – репрезентирует успешный опыт персональной социальной адаптации к кризисным процессам и явлениям в обществе, который базируется на соответствующем коллективном опыте и позволяет индивиду сохранять свою субъектность в процессе жизнедеятельности.

Цифровая трансформация всех сфер общества, затрагивающая как социальные институты, так и макросоциальные процессы, обуславливает появление цифровизированной версии социальной памяти, обладающей структурными особенностями, дополнительными характеристиками и социокультурными функциями в системе общественных отношений. Данное обстоятельство актуализирует тему социально-философского исследования, целью которого является выявление и характеристика теоретико-методологических оснований трактовки процесса цифровой трансформации социальной памяти и его социокультурных последствий в современном западном социально-гуманитарном дискурсе.

С точки зрения исследователей, экспансия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в социокультурную сферу современного общества радикально изменила как принципы и механизмы сбора, хранения и передачи информации о прошлом, так и его встраивание в качестве актуального нормативно-ценностного и символического компонента настоящего [1]. Например, как считает Эндрю Хоскинс, благодаря алгоритмам Google, Flickr, Ebay, YouTube и Facebook, происходит постоянная ревитализация индивидуального прошлого и превращение его в информационный и ориентационный элемент

коллективного настоящего [2, р. 389]. В современном мире любой человек при определенном уровне развития цифровых компетенций, который фильтрует, маркирует и управляет потоками медиа и коммуникационного контента, создает личностно ориентированную коммеморативную среду, в которой неразрывно переплетаются, рефлексированы и оцениваются информационные следы индивидуальной и социальной памяти.

Однако в контексте определяющего влияния цифровых медиа и онлайн-социальных сетей на трансформацию социальной памяти можно говорить не только о расширении коммеморативного пространства и появлении новых коммеморативных практик, но и определенных деструктивных последствиях дигитализации социальной памяти [3]. Так, социальные медиа и онлайн-социальные сети обладают практически неограниченной возможностью конструировать и транслировать образы катастрофического настоящего, вызывающие травматические эффекты на индивидуальном и групповом уровнях и искажающие ретроспективную социальную оптику. Кроме того, возможность онлайн-социальных сетей и цифровых сервисов беспрепятственно фиксировать этапы индивидуальных биографий и коллективных историй о прошлом конкретных сообществ в виде аудиовизуальных документов, художественных образов, последовательно воспроизводимых нарративов способствуют возникновению постоянно увеличивающегося информационного массива. Однако в нем обычный пользователь без специального образования и навыков верификации информации может ориентироваться с большим трудом.

Следствием широкого применения алгоритмических принципов обработки информации фактически является как неконтролируемое и беспрепятственное распространение в интернете цифровых следов индивидуальной активности, так и усиление контроля над различными аспектами поведения индивида посредством цифровых технологий. В аспекте влияния на социальную память это ведет к превращению цифровизированного коллективного прошлого в фактор, который меняет конфигурацию индивидуальной, социальной и культурной памяти, усложняет кодирование культурного и социального опыта этноса в социальной памяти. Широкое распространение цифровых сервисов, которые обеспечивают персонализированное включение индивида в консьюмеристские практики информационного общества, позволяет рассматривать их в качестве фактора нормативного и содержательного переопределения и переструктурирования человеческой деятельности. Это способствует коммодификации социальной памяти, разрушающей моральные ценности общества и релятивизирующей социальные маркеры и критерии ценности прошлого [4]. В результате изменяются и усложняются современный режим темпоральности, смещается баланс между диахронными и синхронными коннективными процессами, трансформируется характер мнемонических отношений между акторами, усложняется и хаотизируется инфраструктура сохранения социальной памяти в обществе.

В современных условиях социальная память оказалась в поле тотального и противоречивого влияния процесса цифровой трансформации, который обусловил тенденцию её экстернализации и объективации, что нашло свое выражение в возрастающей зависимости от технических средств хранения, передачи и обработки информации. Это нашло своё отражение в изменении не только параметров и механизмов её функционирования, но и трансформации кодирования социального опыта, коммеморативных практик и современного режима темпоральности. Как представляется, в современном западном социально-гуманитарном дискурсе теоретическая концептуализация вызовов и рисков цифровой трансформации социальной памяти фокусируется на следующих основных проблемах.

Деконструкция антропных принципов социальной памяти – это проблема, которая является следствием расширенного использования машинной алгоритмической обработки и сохранения информации в социальной практике. Благодаря алгоритмам ИКТ по-новому структурируют коллективные и индивидуальные воспоминания, фактически превратившиеся в продукт коммерческого потребления (например, в онлайн-архивах, онлайн-социальных сетях, блогах, компьютерных играх). В результате формируется многослойное коннективное пространство, в котором прошлое доступно для любых пользователей и коммеморативных практик, а индивидуальные воспоминания становятся основанием для формирования как виртуальных, так и реальных коллективных идентичностей и конструирования цифровых симулякров реального мира. Цифровая трансформация актуализирует принципиальную незавершенность, нестабильность и пограничность человека, его психологическую и физиологическую открытость к телесным и психологическим модификациям с негарантированными и противоречивыми результатами. При этом цифровой формат индивидуальных воспоминаний или их симулякров, их сохранение в интернете позволяет любым акторам оперативно ими оперировать в культурных, идеологических и политических целях. Если для взрослого человека с устойчивой психикой, сформированным мировоззрением и сложившимися социальными стереотипами подобные манипулятивные практики не представляют экзистенциальной опасности, то для ребенка внешнее вторжение в его внутренний мир, используя для этого неконтролируемые им персональные цифровые следы с эксклюзивной информацией, к которой посторонние имеют полностью или частично свободный доступ, напрямую угрожает его психологическому здоровью и благополучию [5, р. 139–144]. В результате виртуальное пространство создает для индивида любого возраста реальную угрозу в аспекте нормального личностного развития и самореализации, обусловленную практикой внешнего алгоритмизированного оперирования персональными цифровыми следами и фактической утратой права на забвение.

Детерриториализация цифровизированной социальной памяти – это проблема, которая акцентирует отрыв цифровизированной социальной памяти от физического пространства, конкретные свойства которого опреде-

ляют характеристики, осмысленность и прочность воспоминаний человека. Безместность рассматривается в качестве модуса цифровизированной социальной памяти, который является продуктом экспансии ИКТ в социокультурную сферу и амбивалентно оценивается [6, р. 567]. С одной стороны, оторванность воспоминаний от природного и культурного ландшафтов выводит их за рамки социальной географии, фактически делает их бессмысленными и беспочвенными в культурном аспекте, элиминирует «места памяти» как объективированные материальные объекты из социальной памяти народа. С другой стороны, цифровизированная социальная память элиминирует из коннективного пространства культурный антагонизм, жесткую привязку воспоминаний к конкретным объектам природного и культурного ландшафта, какие-либо границы и требования лояльности к этнокультурным идентификационным маркерам. В отношении цифровизированных воспоминаний интернет как коннективная среда создает условия для конструирования такого феномена, как киберместо, которое мягко локализует эти воспоминания на основе каких-либо общих символических или функциональных оснований [7, р. 631]. Так, процесс сбора и картографирования разрозненных фрагментов данных превращает архив в цифровизированную социальную память, в пространстве которой визуализация цифровой копии какого-либо объекта культурного или природного ландшафта усиливает, а не ослабляет привязанность индивида к конкретному месту. Тем самым обеспечивается определенное преодоление деструктивности процесса и результатов детерриториализации цифровизированной социальной памяти. Более того, для различных сообществ, которые дисперсно существуют в пространстве глобального мира, ИКТ становятся средством укрепления их социальной сплоченности и этнокультурной идентичности, хотя между различными этнокультурными сообществами будут определенные различия [8, р. 1016]. Интернет предоставляет коммуникативные возможности, позволяющие преодолеть расстояния, которые отделяют членов этих сообществ как друг от друга, так и от своей родины или значимого для них культурного или религиозного центра.

Релятивизация ценности воспоминаний – это проблема, которая вызвана практикой постоянной активной переработки и перекомбинирования индивидуальных и коллективных воспоминаний в процессе их тиражирования в социальных медиа и онлайн-социальных сетях. Радикальное расширение технических возможностей в плане создания смысловых и ценностных интерпретаций прошлого расширяет временные и событийные границы прошлого, создает постоянно усложняющуюся картину культурогенеза, позволяет постоянно варьировать смысловыми и ценностными акцентами при оценке прошлого. При этом ИКТ позволяют присвоить статус исторического актора любым индивидам, они радикально трансформируют временные границы и событийную канву событий прошлого, создавая в интернете многослойную, противоречивую и рекурсивную картину исторического процесса, а в антропологическом аспекте способствуют успеш-

ному противостоянию человека гомогенизирующим тенденциям современного социума [9, p. 28]. Фактически любой индивид в интернете может получить статус исторического актора или стать источником формирования эксклюзивной исторической картины, основанной как на реальных фактах, так и на воображаемых событиях и персонажах. Цифровая трансформация социальной памяти кардинально расширяет пространство памятования, делая объектом коммеморативных практик как канонические культурные тексты символы и образы, так и результаты индивидуального творчества. Так, в начале XXI в. личный дневник перешел из своей традиционной формы в онлайн-пространство, что радикально изменило отношение индивидов со своим прошлым (например, в формате LiveJournal), позволило им использовать ИКТ для ретроспективной реконструкции автобиографического повествования с целью приданию ему целостности и непротиворечивости в определенном социокультурном контексте [10]. Однако все это усложняет познание социального бытия как в аспекте самого процесса, так и его результатов, так как реальность и её образ перестают быть тождественными, а индивидуальное и коллективное прошлое утрачивают какую-либо аутентичность, статичность и определенность.

Ослабление когнитивно-антиципационных способностей человека – проблема, которая является следствием постоянного роста объемов архивируемой и коммеморативизируемой информации, организованной в управляемые машинными алгоритмами базы данных. Рост информационного массива и алгоритмическая обработка информации качественно изменяют содержание и механизм конструирования цифровизированной социальной памяти. Фактически она превращается в неподконтрольный и неподвластный человеку феномен, что для него проблематизирует определенные когнитивные процессы. Как представляется, ослабление когнитивно-антиципационных способностей человека отчуждает человека от национальной истории и культурогенеза, усложняет узнавание артефактов своей культуры, кардинально затрудняет установление каузальных связей между событиями прошлого, настоящего и будущего. В первую очередь это касается пожилых людей, которые в отличие от молодежи менее компетентны в ИКТ, что ограничивает их возможности в плане выбора источников получения объективной информации и технических инструментов коммуникации. В результате в обществе возникают определенные проблемы при межпоколенческой передаче социальной памяти, получении и интерпретации транслируемого коллективного опыта, его кодировании и декодировании представителями разных возрастных когорт.

Возникновение автономного коннективного пространства – проблема, которая характеризует появление и существование недоступной для индивидуального контроля и управления многослойной и динамичной коммуникативной сферы. Следствием развития информационного общества является возникновение феномена мультимодальной цифровизированной социальной памяти, которая существует в режиме постоянной транскульту-

турной и транснациональной циркуляции разнородных воспоминаний в реальном времени, выступающих в качестве предмета межличностных коммуникаций. При этом эти цифровизированные воспоминания не только продуктами человеческой активности и цифровыми следами жизнедеятельности индивидов, но и искусственно сконструированными с помощью медиа симулякрами и фантомами. Цифровая трансформация и медиатизация социальной памяти содействуют, с одной стороны, смещению в сторону активной мемориализации прошлого, в том числе фактически посредством создания цифровых двойников реальных людей или исторических персонажей, различных артефактов прошлого. В макросоциальном масштабе это способствует интенсификации социальной амнезии, которая позволяет вывести из культурного оборота и утилизировать избыточные воспоминания [11, р. 145–186]. Однако на микросоциальном уровне созданная цифровая копия/двойник человека, которая технически постоянно развивается и усложняется, позволяет символически преодолеть биологическую смерть организма. В данном случае в качестве технического решения потребителям предлагается продолжение существования образа человека в цифровом формате. Естественно, что для близких это имеет психотерапевтическое значение, позволяет сохранить память об ушедшем родственнике и во многом объясняет коммерческую успешность соответствующих приложений, популярность и притягательность подобных социальных практик. С другой стороны, цифровая трансформация и медиатизация социальной памяти обуславливают коммодификацию цифровизированной социальной памяти, содействуя превращению образов прошлого в объекты коммерческого потребления посредством применения технологий искусственного интеллекта, визуализации, чат-ботов и т. д. В результате этого конструируется новая мифологизированная социокультурная реальность на основе виртуального пространства и ИКТ, в которой элиминируется грань между прошлым и настоящим, искусственным и естественным, подлинным и виртуальным.

Секьюритизация цифровизированной социальной памяти – проблема, вызванная расширением культурного присутствия в интернете, социальных медиа и онлайн-социальных сетях представителей различных меньшинств и сообществ. В результате подобные группы, которые имеют собственные особые социокультурные потребности и характеристики, активно продвигают в интернете специфические для доминирующей культуры нарративы и практики, создавая на определенной этнической или субкультурной основе достаточно замкнутое и устойчивое коннективное пространство [8]. Однако культурные нарративы и идентификационные модели различных этнокультурных групп как мнемонических акторов рано или поздно начинают конфликтовать между собой. Тем самым создаются предпосылки для деструкции конвенциональных конституирующих национальных исторических метанарративов и идентификационных оснований. При этом аксиологические компоненты этнокультурных идентификаций подобных групп в качестве предмета коммуникационного взаи-

модействия пользователей, распространяемые в онлайн-социальных сетях и социальных медиа, на макросоциальном уровне воспринимаются обществом в качестве потенциальной угрозы, способной на практике разрушить когнитивные и эмоциональные основания мира повседневности. Репрезентация этой угрозы в интернете и средствах массовой коммуникации актуализирует дилемму мнемонической безопасности, решение которой на практике объективно запускает эскалацию внутривнутриполитических и межгосударственных конфликтов. Как представляется, концептуализация безопасности человека и социальной памяти в контексте секьюритизации фактически актуализирует конструктивистскую природу политических институтов современного общества, даже при постулировании постструктуралистской интерпретации феноменов памяти и секьюритизации [12, р. 1–21]. Однако это элиминирует культурный эссенциализм в качестве фактора национального политогенеза и традиционные ценности, сложившийся уклад жизни общества и историко-культурное наследие в качестве референтного объекта.

Таким образом, в фокусе социально-философского анализа зарубежных исследователей находится проблематика сущности, содержания и последствий цифровой трансформации социальной памяти, которые по-разному ими интерпретируются и оцениваются. Интернет, цифровые гаджеты и онлайн-социальные сети при этом рассматриваются в качестве основного технологического фактора, обуславливающего цифровые трансформации и перспективы развития социальной памяти в информационном обществе. Они формируют универсальную коммуникационную систему для повседневного использования, благодаря которой индивиды поддерживают личные и деловые отношения. Помимо этого, на основе частного пользовательского контента и зафиксированных в цифровом виде личных воспоминаний, дополняющих официальные нарративы социальной памяти, конструируют общее коммеморативное пространство. В результате ИКТ, цифровые медиа и онлайн-социальные сети существенно расширяют возможности для создания и распространения нарративов социальной памяти, трансформируют практики и формы её бытования, механизмы кодирования и декодирования содержания. В то же время акцентируется внимание на том, что цифровая трансформация социальной памяти несёт в себе существенные риски, которые актуализируют постоянное возникновение напряжений в социокультурном пространстве современного общества.

Список использованных источников

1. Saveas... Digital memories / J. Garde-Hansen (eds.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 209 p.
2. Hoskins, A. The end of decay time / A. Hoskins // Memory Studies. – 2013. – № 6 (4). – P. 387–389.
3. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. A. Hoskins. – New York: Routledge, 2018. – 313 p.

4. *Wessels, B.* Exploring human agency and digital systems: services, personalisation and participation / B. Wessels // *Information, Communication and Society*. – 2013. – № 16 (10). – P. 1533–1552.

5. *Eichhorn, K.* The End of Forgetting: Growing Up with Social Media / K. Eichhorn. – Cambridge: Harvard University Press, 2019. – 192 p.

6. *Halstead, H.* Cyberplace: From fantasies of placelessness to connective emplacement / H. Halstead // *Memory Studies*. – 2021. – Vol. 14(3). – P. 561–571.

7. *Mandolessi, S.* Challenging the placeless imaginary in digital memories: The performance of place in the work of Forensic Architecture / S. Mandolessi // *Memory Studies*. – 2021. – Vol. 14 (3). – P. 622–633.

8. *Clarke, D.* Diasporic memory practice on the Internet: Remembering lost homelands / D. Clarke, N. Parish, A. Lecrivain // *Memory Studies*. – 2023. – Vol. 16 (4). – P. 1003–1019.

9. *Tanaka, S.* Reconceiving pasts in a digital age / S. Tanaka // *Historein*, – 2016. – № 15 (2). – P. 21–29.

10. *Urban, P.* Blogs' archives and revision of the past: A case study / P. Urban // *Memory Studies*. – 2019. – Vol. 15 (2). – P. 318–331.

11. *Albano, C.* Memory, Forgetting and the Moving Image / C. Albano. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 209 p.

12. *Strukov, V.* Memory and Securitisation in Contemporary Europe / V. Strukov, V. Apryshchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 306 p.

(Дата подачи: 15.02.2024 г.)

Айдын Озджан

Белорусский государственный университет, Минск

Aydin Özdoğan

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+141.3

КОРАНИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСЛАМСКОГО МОДЕРНИЗМА

QURANIC HERMENEUTICS IN THE SPACE OF ISLAMIC MODERNISM

В статье рассматривается проблема правомерности осуществления коранической герменевтики в пространстве реформационного движения исламского модернизма. Раскрываются причины зарождения этого движения, выявляются его основные задачи. В статье показано различие между традиционалистами и модернистами в решении вопроса о преодолении отсталости мусульманского мира в отношении к культурной традиции ислама, в частности, о легитимности и границах толкования Корана. Анализируются две модели коранической герменевтики, разработанные представителями исламского модернизма, – пакистанским философом Фазлурой Рахманом Маликом и турецким мыслителем Хюсейином Атаем.

Ключевые слова: кораническая герменевтика; исламский модернизм; толкование; традиция; реформация.

The article deals with the problem of the legitimacy of the implementation of Qur'anic hermeneutics in the space of the reform movement of Islamic modernism. The article reveals the reasons for the emergence of this movement and identifies its main tasks. The article shows the difference between traditionalists and modernists in overcoming the backwardness of the Muslim world and the attitude to the cultural tradition of Islam, in particular, to the solution of the question of the legitimacy and boundaries of the interpretation of the Qur'an. The author of the article analyses two models of Qur'anic hermeneutics developed by representatives of Islamic modernism – Pakistani philosopher Fazlura Rahman Malik and Turkish thinker Hüseyin Atay.

Keywords: kuranic hermeneutics; Islamic modernism; interpretation; tradition; reformation.

Исламский модернизм – реформационное движение в мусульманском мире. Основанием и цементирующим элементом разнообразных его версий является тезис о том, что религию необходимо очищать от Хурафа (суеверий) и Бида (нововведений), нужно обращаться к Корану и Сунне, совершать иджтихад путем отказа от подражания и, таким образом, возрождать идеи, придавать особое внимание образованию, противостоять аспектам суфизма, которые не соответствуют Корану и Сунне, а также принять науку и технологии Запада. Зарождение такой социально-политической и религиозно-философской программы как исламский модернизм связано с осмыслением кризисной ситуации во взаимодействии Запада и Востока. Основной целью исламского модернизма стало преодоление отсталости цивилизации Востока от западной цивилизации. В качестве средства преодоления такого отставания выступила религия, а точнее, реформирование ислама и отстаивание права на истолкование текста Корана. Перед представителями исламского модернизма встала сложнейшая задача: как, оставаясь в рамках исламской традиции и не погрешая против постулатов ислама, модернизировать ислам, сделать его адаптивным к ускоряющимся социально-культурным и политическим процессам трансформации современного мира. Решить эту задачу возможно было только легитимируя реформаторское движение внутри ислама. В попытке противостоять Западу с целью отстаивания аутентичности и самобытности исламского мира, представители исламского модернизма сделали ставку на методологических программах западной философии, а именно, на герменевтике и структурно-функциональном подходе. Так, столкнув «мусульман лицом к лицу с современными европейскими взглядами» [1, с. 44–45; 2, с. 21], согласно мысли ярчайшего представителя этого реформаторского движения Фазлура Рахмана Малика, только и можно было разбудить от вековой спячки исламский мир и осознать необходимость защиты религиозно-культурной идентичности.

Уже в XIX в. исламский мир, находясь под экономическим и социально-культурным влиянием Запада, вынужден был во многом благодаря этому внешнему давлению осуществить рефлекссию над собственными культурны-

ми основаниями, другими словами, «просеять себя через сито критики», что и подготовило почву для зарождения и развития интеллектуального и социально-политического реформаторского движения – исламского модернизма. В качестве родоначальников этого движения принято считать Джамаледдина Афгани и Мухаммада Абдо [3, с. 301]. Постепенно это движение расширило свою географию, и уже не ограничиваясь Египтом, стало весьма влиятельным в Индии, Пакистане, Турции и в других странах исламского мира. Пиком активности исламского модернизма на территории Турции стал период Войны за независимость и строительство светского государства под предводительством Мустафы Кемаля Ататюрка. В 1980-х гг. деятельность Фазлура Рахмана, Яшара Нури Озтюрка, Сюлеймана Атеша, Хюсейина Атая и других мыслителей была направлена на выстраивание теоретического ядра исламского модернизма на основе герменевтической философии. Несмотря на общие методологические основания каждый из этих мыслителей предложил свой вариант реформации ислама и интерпретации Корана.

Исламский модернизм, начавший свой путь с призыва сохранить культурную идентичность в процессе реформирования ислама, по сути, стал проектом легитимации интерпретаций Корана. Цель – показать адаптивность Корана и постулатов ислама современным трансформационным процессам установкам, потребностям молодежи, т. е. показать его современность, «временную событийность». Разумеется, это не могло не вызвать противодействия со стороны традиционалистов, что в итоге вылилось в интенсивную интеллектуальную дискуссию между традиционалистами и модернистами. Поскольку Коран написан, как отмечают традиционалисты, на арабском языке VII в., содержание понятий следует толковать с помощью Корана, т. е. отступать от устоявшихся трактовок нельзя. В отличие от традиционалистов, представители исламского модернизма отстаивают право на свободу интерпретации, стремятся выйти за рамки буквального толкования. Преодолеть временные рамки для модернистов означает принять в расчет социально-культурные изменения, не ограничивать ислам историческим горизонтом событий прошлого, сделать его историчным, т. е. не утрачивая связи с прошлым, показать его действенность в настоящем и значимость запроса на ислам в будущем. Лозунг модернистов правомерно сформулировать следующим образом: Коран должен быть путеводителем в любые времена, а значит, текст священной книги допустимо интерпретировать исходя из потребностей современности. В подтверждении этого приведем слова Фазлура Рахмана: «Традиция очень ценна для действующих религий с точки зрения пути, который они открывают для творческой умственной деятельности великих умов. Но вместе с тем традиция – это то, что фактически абстрагирует религию от временной событийности человечества. В общем, я считаю, все религии необходимо постоянно оживлять и реорганизовывать (т. е. переистолковывать заново)» [4, с. 10].

Другими словами, возникновение исламского модернизма правомерно считать ответной реакцией на «закрывание дверей» иджтихада в исламе. Для

того чтобы открыть эти двери, модернисты сделали ставку на обеспечение возможности свободы толкования при сохранении ядра ислама. В данной статье мы проанализируем два варианта осуществления свободы толкования, представленные в концепциях Фазлура Рахмана Малика и Хюсейина Атая. Целесообразно подчеркнуть, что выбор именно этих персоналий определен тем, что идеи пакистанского мыслителя Фазлура Рахмана нашли интересное преломление в творчестве турецкого мыслителя.

Модель толкования Фазлура Рахмана: приведение Корана к общим принципам.

Модель толкования Корана, которая стала базовой для модернистов, принадлежит пакистанскому философу Фазлуру Рахману Малику. Основная установка в научной деятельности для Фазлуры Рахмана – это интеллектуальный динамизм и критическое отношение к средневековой мусульманской теологии и философии. Причина такой критической позиции заключается в том, что согласно мысли пакистанского мыслителя, эта религиозная философия не смогла создать этическое мировоззрение, основанное на ценностях Корана, более того, она стала инструментом его цементации, приведшей к неспособности мусульманской философии отвечать на вызовы сегодняшнего дня. Закрытость, элитаризм средневековой мусульманской философии привел к отставанию в сфере образования, а это, в свою очередь, выступило причиной стагнации мусульманских государств. Именно поэтому Фазлур Рахман Малик призывал преодолеть разрыв между традиционным и современным образованием. Вместе с тем пакистанский ученый понимал и опасность радикальной реформации: «Если громогласные и решительные речи мусульман о том, что в современном мире ислам является живой и действенной религией и системой поведения, искренни, то очевидно, что им необходимо приступить к работе, прежде всего, основываясь на интеллектуальной платформе. Они должны не отступая, открыто и без запретов обсудить, что же ислам требует от них сегодня. Для этого следует заново осмыслить Шариат во всех его проявлениях в свете Корана, что, в свою очередь, требует всестороннего толкования текста Корана. В этом процессе истолкования большой опасностью, безусловно, является добавление субъективных мнений и оценок в Коран и, таким образом, превращение его в объект произвольного толкования. Для предотвращения этого необходимо использовать герменевтический метод» [5, с. 76].

Итак, главным в преодолении опасных ошибок, порожденных субъективизмом, является выбор правильного метода, суть которого заключается в оценке исторического контекста и анализа социологических данных, т. е. социально-исторический метод. «Коран следует изучать на основе хронологии. Изучение сначала первых откровений позволит получить достаточно верное представление об основных изначальных целях исламского движения, без влияния принятия последующих мер и формирования институтов. Таким образом, Коран откроется с помощью описания жизни и борьбы Пророка Мухаммеда... Этот метод позволит определить системно не только

значение деталей, но и смысл общего послания, содержащегося в Коране» [5, с. 77]. Далее целесообразно разделить послания в Коране, выступающие основанием законов, и те цели, которые необходимо достичь с их помощью с учетом исторических реалий. Опора на священный текст позволит на этом этапе избежать субъективизма.

Фазлура Рахман определил два этапа толкования Корана: 1) возврат к периоду создания Корана и определение с помощью историко-критического метода задач священного текста (с этим шагом согласны и традиционалисты); 2) уделить внимание социальным трансформациям и, исходя из потребностей и вызовов дня сегодняшнего, стараться раскрыть смысл священного текста. Для модернистов именно второй этап составляет суть герменевтического метода, позволяющего уловить дыхание времени, и в свете извлеченных из Корана задач помогает обратиться к решению проблем современного периода. Модель Фазлура Рахмана направлена то, чтобы с помощью научных методов определить буквальное значение содержания Корана и затем выявить его скрытый смысл. Его аргументы, за исключением тех, что буквальное значение книги является исторически обусловленным и не является неподвластным времени, по сути выражены и в традиционных толкованиях. По мысли Фазлуры Рахмана Малика, установка традиционалистов на отстаивание буквального смысла Корана в качестве истины в социальной жизни есть преграда развитию мусульманских стран. Возрождение исламского мира возможно только посредством связи теории и практики, через реализацию философско-религиозных идей ислама в конкретной социально-политической деятельности. Отметим, что жизнь пакистанского мыслителя была лучшим примером такого целостного подхода.

Модель толкования Хюсейина Атая: вопрошание о том, что сказано и что хотели сказать.

Иная модель толкования Корана предложена турецким мыслителем Хюсейином Атаем, который в научной деятельности отталкивался от идей Фазлура Рахмана. По мнению Хюсейина Атая, аяты Корана следует пересмотреть и толковать в рамках имеющейся современной информации, т. е. необходимо выйти за рамки буквального смысла текста и учитывать вызовы современности [6, с. 43], что позволит спасти ислам от догматизма. Поэтому Хюсейин Атай предложил, в отличие от традиционного подхода, отнестись к традиции с определенной долей иронии, рассмотреть текст рационально, исходя из современной ситуации, и таким образом, попытаться легитимировать истолкование, показывая его объяснительный потенциал для понимания происходящих событий в современном мире [6, с. 45].

Турецкий мыслитель стремился, реформируя традицию, избежать ловушки для модернистов, о которой говорил Фазлура Рахман, а именно: «пытаясь преодолеть традицию, они придают ей авторитет; и таким образом наносят вред модернизму» [5, с. 70]. Чтобы этого не произошло, Хюсейин Атай под буквальным толкованием понимает тафсир на основе предания, а под рациональным – тафсир на основе умозаключения [6, с. 45–46]. Ис-

ходя из этого он видит в истории толкования Корана два варианта: первый реализуется толкователями, придерживающимися буквального прочтения смысла, второй – путь толкователей-рационалистов, стремящихся к объяснению смысла. Проблематичность первого варианта заключается в том, что он ведет к догматизации и препятствует иджитхаду. Хюсейин Атай указывает на различие этих двух подходов к толкованию следующим образом: приверженцы буквального толкования задают вопрос «Что сказал?», приверженцы рационального толкования вопрошают: «Что хотел (этим) сказать?» [6, с. 46–49]. Хюсейин Атай ратует за возвращение рационального подхода к толкованию священного текста, поясняя, что важно принимать во внимание «не столько то, что сказано в Коране, а то, что хотели или намеревались сказать» [6, с. 64–65]. Такой подход позволит «понимать Коран как откровение нашего времени и преодолевать исторические рамки, а значит, адаптировать Коран к знаниям и условиям жизни нашего времени» [6, с. 63]. Хюсейин Атай с целью легитимизации рационального подхода обращается, как и многие мыслители-модернисты, к практике Хазрата Умара – первого реформатора Ислама [6, с. 35–36, 51–52]. Целесообразно отметить, что и традиционалисты условно принимают его позицию, полагая, что нельзя отменить буквальный смысл Корана, но возможно временное допущение, за которым последует возврат к первоначальному толкованию. Хюсейин Атай обнаруживает в практике толкования Хазрата Умара герменевтическую методологическую основу, на которой следует создавать современную науку о фикхе (исламском праве), тафсире (толковании Корана) и каламе (религиозной философии Ислама) [6, с. 26–27]. Модернизация мусульманского общества возможна только с помощью нового тафсира и фикха в рамках рационального толкования Корана: «Разум, которым Аллах наделил человека, является общим показателем правоты человека. Значит, человек, используя его, может принять верное решение, и решение, принятое по уму, будет решением Аллаха. Ведь Аллах наделил человека разумом для того, чтобы тот мог принимать решения. ... Если так, то единственный и первый источник для религии – это разум. ... Разум – откровение для действий, а Коран – это откровение в виде знаний. Коран, будучи откровением в виде источника знаний, дает возможность и для применения этих знаний, приведения их в действие, т. е. дает откровение в виде практического применения. Таким образом, разум и Коран работает в связке. Коран – это информация, а механизм, применяющий ее на практике, – это разум. Таким образом, разум осуществляет две функции: первая – принятие самостоятельных решений, вторая – приведение в действие Корана» [6, с. 112–113].

Подводя итог, сделаем следующие выводы: 1) проанализированные модели толкования, представленные в творчестве Фазлура Рахмана и Хюсейина Атая, основаны на методологии философской герменевтики; 2) эти модели, несмотря на то что сущность толкования в них раскрывается по-разному, имеют общие точки пересечения смысла: историчность традиции и стремление адаптировать ислам и текст Корана к потребностям сегодняш-

него дня; 3) отличия от мыслителей-традиционалистов в трактовке толкования и в определении границ допустимости интерпретации не являются радикальными, скорее всего, идеи модернистов представляют логическое продолжение традиционалистского подхода с целью не разрушить ядро традиций ислама, а раскрыть его методологическую значимость для понимания и объяснения трансформационных социальных процессов; 4) кораническая герменевтика в рамках исламского модернизма представляет собой сочетание двух горизонтов: интерпретации и текста, или настоящего и прошлого; 5) общая цель представителей исламского модернизма заключается в преодолении стагнации и отставания мусульманского мира от западных стран, а инструментом для этого видится возрождение практик иджтихада.

Список использованных источников

1. Fazlur Rahman, *İslâm'da Canlandırma ve Reform Hareketleri*, Çeviren: Adil Çiftçi, *İslamî Yenilenme/Makaleler III*, Ankara Okulu, Ankara 2002.
2. Mehmet Aydın, "Fazlur Rahman ve İslam Modernizmi", Fazlur Rahman'ın İslam adlı yapıtının çevirisi içinde, Selçuk Yayınları, Ankara 1993.
3. Macit Fahri, *İslâm Felsefesi Tarihi*, Çeviren: Kasın Turhan, İklim Yayınları, İstanbul, 1992.
4. Fazlur Rahman, "Kısa Bir Hayat Hikâyesi", Çeviren: Adil Çiftçi, *İslamî Yenilenme/Makaleler III*, Ankara Okulu, Ankara 2002.
5. Fazlur Rahman, "İslami Yenilenme: Alanı, Yöntemi ve Sunduğu Seçenekler", Çeviren: Adil Çiftçi, *İslamî Yenilenme/Makaleler III*, Ankara Okulu, Ankara 2002.
6. Hüseyin Atay, *Dinde Reform ve Atatürk'ten Kesitler*, Atay ve Atay, Ankara, 2003.

(Дата подачи: 07.02.2024 г.)

В. В. Павлова

Белорусский государственный университет, Минск

V. V. Pavlova

Belarusian State University, Minsk

УДК 179.3

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ ЭТИКИ ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ

THE ROLE OF SOCIAL PRACTICES IN SHAPING ANIMAL ETHICS

Социальные практики – важнейший, но недостаточно исследованный фактор, формирующий этику отношения к животным в её прикладном аспекте. Смещение фокуса с этико-философских теорий на их практическую реализацию, изучение социальных практик как самостоятельного источника моральных норм и ценностей позволяет изу-

чить действительные механизмы функционирования этики обращения с животными, раскрыть этический статус животных, и дополнить этические принципы отношения к животным действенными конкретными и ситуативными способами достижения бла-га для них.

Ключевые слова: этика отношения к животным; социальные практики; моральный статус животных; бесстатусные животные.

Social practices are the most important, but insufficiently researched factor shaping the animal ethics in its applied aspect. Shifting the focus from ethical and philosophical theories to their practical implementation, the study of social practices as an independent source of moral norms and values allows us to study the actual mechanisms of functioning of animal ethics, to reveal the ethical status of animals, and to complement the ethical principles of treating animals with effective concrete and situational ways to achieve good for them.

Keywords: animal ethics; social practices; moral status of animals; status-free animals.

Этика отношения к животным как часть этико-философского знания имеет довольно устойчивый статус и детально проработана в поле философской рефлексии, где разработаны теоретические подходы, созданы целые направления, имеется ряд значимых трудов. В то же время этика отношения к животным является неотъемлемой частью этико-прикладного знания, однако эта сторона обычно рассматривается как второстепенная или игнорируется несмотря на то, что практическое применение этики отношения к животным необходимо в повседневной жизни и является актуальным для каждого человека.

В настоящий момент исследование прикладной стороны этики отношения к животным не имеет широкого распространения в научной литературе. Весомой работой, указавшей на недостаточность нормативной этики и философских теорий для их применения на практике, является статья Дэвида Фрейзера [1]; обширное прикладное исследование «серых пятен морали» по отношению к животным в Швеции было проведено Сарой Андерсон [2]; изучению ситуативной этики в деятельности сотрудников убежищ для животных посвящена работа Н. Е. Татаркиной [3]. Поскольку актуальные исследования показывают, что не только этико-философские идеи оказывают влияние на социальные практики, но и сами практики являются источником этических установок, целью статьи является характеристика роли социальных практик в формировании этики отношения к животным.

Формат обращения с животными складывается на основе устоявшихся культурных и социальных норм, где обязательную роль играет личное отношение конкретного человека к конкретному животному либо к животным в целом. Так этика отношения к животным получает значительную конкретно-практическую базу, лежащую в её основе. И если личное отношение всегда остаётся индивидуально сформированным, то социальные практики доступны для этико-философского анализа.

Под социальными практиками принято понимать конкретные привычные типичные действия в пределах некоторого сообщества или общества,

которые обеспечивают функционирование социальных институтов. Социальные практики формируют представления о допустимом и недопустимом, о границе свободы действий. Этические границы самих практик при этом задаются, как правило, доминирующими в культуре и обществе ценностями. Непосредственная взаимосвязь между ценностями и практиками позволяет изменять привычный образ действий, порядок и уклад в социальных структурах, а также представления о норме через развитие отдельных социальных практик, либо напротив через их ослабление.

Социальная практика складывается под влиянием необходимости решить определённую проблему и является ответом на объективный запрос со стороны общества. Как правило, процесс этот проходит путём проб и ошибок, прежде чем социальная практика сформируется в действующий механизм, решающий поставленную задачу [4]. Обязательными атрибутами социальной практики является наличие трёх основных компонентов, которые в совокупности характеризуют содержание этого понятия: 1) регулярная повторяемость определенных действий; 2) разделение данного регулярно воспроизводимого способа действия неким сообществом; 3) наличие смыслового основания, «ядра» практик, объясняющего тот способ, которым проявляются и «закрепляются» социальные практики [5].

Эволюция социальных практик приводит к формированию новых либо к трансформации уже существующих социальных институтов. Изучение взаимосвязи изменений в социальных практиках и социальных институтах позволяет выяснить, как накапливающиеся сдвиги в «низовых» практиках постепенно приводят к качественной трансформации самих социальных институтов. Наряду с целенаправленным реформированием институтов «сверху» осуществляется их спонтанное изменение «снизу». Это означает, что преобразование институциональной структуры общества представляет собой в первую очередь социокультурный процесс, внешним проявлением которого служит качественное изменение массовых социальных практик [6].

Наличие смыслового и ценностного ядра в самой структуре социальной практики, её общая подвижность и соотнесённость с актуальными общественными запросами позволяют рассматривать социальные практики, затрагивающие животных, как *самостоятельный фактор, с необходимостью определяющий содержание этики отношения к животным*. Сложившиеся естественным образом социальные практики, закреплённые в социальных институтах, не только воплощают в жизнь наличные этико-философские идеи, но сами могут диктовать этический статус животного. Одновременно с этим социальные практики способны в полной мере отражать философские представления о статусе животного: рассматривать животное как объект для упражнения в нравственности; биоавтомат; субъект жизни, чувствующий боль; не-человеческое животное; Другой/Иной; животное как ресурс [7]. Таким образом, изучение социальных практик, затрагивающих животных, позволит найти этические основания, естественным образом

укоренённые в типичных ситуациях обращения с животными и формирующие отношение к ним.

Социальные практики, имеющие отношение к животным, можно типологизировать по критерию места и роли самого животного в практике. Животное в этих практиках может выступать как в роли активного участника какой-либо деятельности, так и быть объектом, с которым производят манипуляции. Однако обязательным критерием является определение этического статуса животного, признание его важности, реальной или символической ценности, инструментальной необходимости или незаменимости. Степень самостоятельности и тот уровень проявления собственных интересов, которые позволяют выразить животному в процессе реализации практики, коррелируют с его этическим статусом, закрепляются с каждым повторением этой социальной практики.

Общее ценностное и смысловое поле, в котором находятся участники конкретной практики, является для них доминирующим. Их понимание места, роли, статуса и ценности животного будет отличаться от представлений людей, находящихся вне контекста этого поля, что может привести к конфликту и сделать невозможной эффективную коммуникацию. При этом каждая сторона может апеллировать к равно весомым этическим основаниям и аргументам, опираясь на различные, но фундаментальные ценности или этические теории.

Подробнее стоит остановиться на механизме взаимодействия социальных практик с философскими представлениями о животных. И то, и другое является источником нравственных установок по отношению к животным. Социальные практики формируют прикладное обоснование этических норм и апробируют их, философские теории содержат универсальные ценностные установки, широко разделяемые в обществе. Базовая нравственная позиция, при которой должное и сущее совпадают, состоит в том, что ответственность за животное несёт человек; животное – это живое существо, пренебрежение витальностью которого аморально; гуманное отношение к животным необходимо и правильно и т. п. Например, вегетарианство по этическим соображениям находит отражение в некоторых культурных и религиозных традициях и одновременно разделяет мотивацию философии ненасилия, этику благоговения перед жизнью, может поддерживаться и экологической этикой ради сокращения сельскохозяйственного производства.

Однако главный интерес представляют ситуации несовпадения практики (устоявшейся традиции) обращения с животным с этико-философской установкой. Представления о благе для животных в большинстве случаев строятся на понимании блага человеком, на привычных человеку ценностях, интересах, потребностях, а также на стереотипах человека о самих животных. В этом плане этика как таковая и этика отношения к животным как особый её раздел наглядно демонстрируют разницу в эффективности и применимости. Этичность мотивов и действие из искренних моральных чувств способны в одной практической ситуации действительно послужить

совершению нравственного поступка, но уже в другой ситуации стать причиной негативных последствий. Спрогнозировать и отличить одну ситуацию от другой невозможно без обращения к практическому опыту. Пожалуй, лишь ригористическая этика может не брать в расчёт вариативность последствий, а фокусироваться лишь на нравственности мотивов поступка, но для этического отношения к животным её явно недостаточно.

Один из наиболее распространённых примеров практики, ведущей к негативным последствиям при благих намерениях – подкормка водоплавающих птиц в черте города. Во-первых, зачастую предлагаемая пища вредна для них; во-вторых, сам факт нерегулярной подкормки крайне мешает процессу миграции и часто приводит к гибели птиц, сбивает естественный процесс самостоятельного фуражирования (поиска диких пищевых ресурсов); в-третьих, усугубляет загрязнение водоёмов из-за постоянного пребывания там птиц. Однако, несмотря на такие последствия и запрещающие знаки по берегам, многие горожане продолжают эту практику, не заботясь о последствиях, продолжая считать подкормку лебедей и уток нравственным поступком для себя и благом для животных.

Ещё один наглядный и распространённый пример – изъятие найденных детёнышей диких животных: практически наверняка желание спасти и помочь обнаруженному животному приводит к тому, что оно больше не сможет вернуться назад в привычную среду обитания. Найдёнышей, как правило, определяют в приюты для животных либо пытаются выходить самостоятельно, не имея знаний и опыта. И если в первом случае при квалифицированной и затратной реабилитации есть небольшой шанс вернуть подросшее животное в природу к самостоятельной жизни, то во втором случае почти наверняка животное погибнет.

Однако существуют и примеры того, что нравственно должное может корректировать аморальные практики. Сомнительные в этическом отношении действия по отношению к животному могут быть обоснованы рядом аргументов: практика проходит апробацию и ещё будет скорректирована; аморальность поступка осознанно допускается ради получения иных выгод; практика вовсе не считается аморальной с точки зрения вовлечённых в неё участников. Первый случай – образец становления социальной практики, результаты которого ещё предстоит оценить в дальнейшем. Например, ловля дронов орлами: потенциально опасная для птиц «работа», стратегическая важность которой пока признаётся превыше потенциального ущерба для птиц. Во втором случае практика ставит во главу угла иные ценности, нежели этическое отношение к животным и не рассматривает животное как таковое в качестве ценности. А значит, животное не претендует даже на роль важного ресурса, и, вероятнее всего, является побочным ущербом или восполняемым сырьём. Так необходимый для сельского хозяйства весенний покос разливных лугов в районе реки Припять приводит к тому, что в период гнездования птиц в процессе машинного покоса обезглавливается большое количество куликов и погибают их кладки. Третья ситуация, как прави-

ло, разворачивается в поле нравов и обычаев ограниченного числа людей, где трансляция идей об аморальности обращения с животными подобным образом не может повлиять на устоявшийся бытовой или культурный уклад. Так пищевая привычка употребления мяса кошек или собак, а также способ его подготовки к приговлению для большинства людей кажутся крайне аморальными, однако для определённых культур это является нормой.

В ряде случаев этика отношения к животным не оказывает ни идейного, ни практического влияния на аморальные с её точки зрения поступки в отношении животных потому, что эти практики принципиально вне-этичны, они не имеют нравственного содержания в своей смысловой структуре. Например, борьба с вредителями для защиты своего имущества не различает виды вредителей. Это может быть домовая мышь в продуктовых кладовках, насекомые, угрожающие красоте цветников, либо плесень, поразившая гнилью дерево. Животное-вредитель перестаёт рассматриваться как животное и превращается в хозяйственно-бытовую проблему, а практическая ситуация выходит из-под влияния этики.

В то же время *многие социальные практики предполагают, что животные обладают определенной и, в частности, нравственным статусом.* Социальные практики содержат в своей структуре этическую составляющую, и потому поступают с животными компромиссно. По мере возможности и в зависимости от вида социальной практики поступок с животным сохраняет нравственный посыл, благодаря которому могут активно проводиться мероприятия, направленные на *действительную* защиту животного. При этом изначально ставятся цели, учитывающие приоритет интересов человека и общества над интересами животного либо, если защита животных и есть цель практики, при её выполнении учитываются реальные возможности, риски и выгоды как для человека, так и для животного.

Развитые социальные практики, как правило, уже имеют формы институционализации либо способны к их формированию. Эти институты подвижны и способны адаптироваться под новые реалии, но и в обратном направлении могут стать причиной косности системы отношений и правил обращения с животными, если по каким-либо причинам не среагируют должным образом на изменившиеся обстоятельства.

Возможна ситуация, когда конкретная практика одновременно может рассматриваться с разных позиций, например, когда животное одновременно может обладать несколькими статусами. Это потенциально именно та ситуация, когда нравственно оправданным может стать принятие решения, исходя из интересов животного потому, что животное уже вдвойне значимо по разным основаниям. Если вынести за скобки экономические, политические, культурные и другие аргументы, то этические мотивы приобретают столь сильную позицию, что становятся ведущими в стратегии отношения к животным на практике. Предпочтение этических мотивов прочим является показателем высокого уровня не только морального сознания, но и общего развития социума. В свою очередь игнорирование и пренебрежение

интересами животных в ситуации, где эти интересы являются предметом рассмотрения как минимум с двух этических позиций, демонстрирует глубокую оторванность участников от базовых идеалов гуманности, практически отказывая животным в этичном отношении в принципе.

Стоит ещё раз напомнить, что бесстатусные животные не участвуют в социальных практиках, так как не воспринимаются в качестве животных, не обладают внутренней ценностью и внешней социальной значимостью. Влияние этики на положение дел в таких сугубо прикладных ситуациях, как правило, крайне незначительно, и изменить положение животного в этом случае могут сами участники практики, если того пожелают, или если на то будет производственная необходимость.

Изучение социальных практик, если и не дополняет этико-философский базис новыми теориями, то по крайней мере может задать границы его применимости и легитимности в каждой конкретной ситуации. Уже сейчас совместное применение этико-философского и этико-прикладного подходов позволяет обозначить демаркационную линию, разделяющую ситуации с животными на те, где на них распространяется этическое отношение, и те, которые не попадают в поле этической регуляции. Это разделение происходит по статусу животного, при этом животные, участвующие в социальных практиках – всегда статусные.

Важным итогом дополнения этико-философского подхода рассмотрением практик является *действительное* достижение этических целей – реальное улучшение жизни животного. Социальные практики уже прошли свой путь становления и апробации и потому способны дать ответ на вопрос, как изменится жизнь животного и какие будут конечные результаты, если поступить этично в конкретной ситуации. Более того, именно практики смогут подсказать наиболее этичный из доступных путей разрешения ситуации, если философская теория его не сформулировала.

Таким образом, социальные практики являются широко распространенным локальным источником этичного отношения к животным. Роль практик в формировании этики отношения к животным состоит в том, что они:

- закрепляют представление о статусе животного, включая его этическую компоненту, которая с необходимостью присутствует в структуре самой социальной практики;
- позволяют этически типологизировать отношение к животным, задать вектор и границы этого отношения, подобрать доминирующую этическую теорию для использования в этих границах;
- реализуют этику отношения к животным с учётом (не)понимания животными нравственности и гуманности поступков таким образом, чтобы конечный итог способствовал увеличению реального блага для животных;
- позволяют актуализировать прикладные аспекты этики отношения с животными через реформы и оптимизацию институтов.

В свою очередь этико-философские теории об отношении к животным находят отражение в уже устоявшихся практических нормах, а не только формируют их.

Список использованных источников

1. *Fraser, D. A* “practical” ethic for animals / D. Fraser. – Journal of agricultural and environmental ethics. – 2012. – № 25(5). – P. 721–746.
2. *Anderson, S.* Animal ethics between theory and praxis: exploring differential ethical standards toward wildlife / S. Anderson. – Second cycle, A2E. Uppsala: SLU, Dept. of Urban and Rural Development, 2016. – 32 p.
3. *Татаркина, Н. Е.* Есть нельзя любить: ситуативная этика в отношении к животным (на примере сотрудников австрийского убежища для животных): магистерская диссертация по направлению подготовки: 46.04.03 – Антропология и этнология / Н. Е. Татаркина. – Томск: [б.и.], 2021. – 119 с.
4. *Бусыгина, Н. П.* Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки [Электронный ресурс] / Н. П. Бусыгина, Т. Г. Подушкина, А. В. Засимова // Социальные науки и детство. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 10–23.
5. *Дьяков, А. А.* Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Изв. Саратов. ун-та Сер. Философия. Психология. Педагогика [Электронный ресурс]. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-praktik-sotsialno-filosofskiy-potentsial-kontseptsii>. – Дата доступа: 22.06.2023.
6. *Глушко, И. В.* Социальные практики как социально-философская проблема / И. В. Глушко // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. – 2018. – № 2 (февраль). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>. – Дата доступа: 19.09.2023.
7. *Павлова, В. В.* Место и роль философского подхода в этике отношения к животным / В. В. Павлова // Научные труды Респ. ин-та высш. шк. Философско-гуманитар. науки: сб. науч. статей. / редкол.: В. А. Гайсёнок [и др.]. – Вып. 22. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 202–208.

(Дата подачи: 15.02.2024 г.)

Ю. П. Середа

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск

Y. Serada

The Institute of Philosophy of The National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 331.5:[338:004]

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

TRANSFORMATION OF WORK IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

В статье анализируется специфика динамики трудовой сферы в контексте формирования новых социально-экономических условий. Трансформационные процессы цифро-

визации рассмотрены как катализаторы изменений и для основных социальных сфер, и для индивидуально-личностного уровня. Среди наиболее значимых выделены следующие тренды трудового процесса: индивидуализация трудовой сферы, мобильность труда, неустойчивая мотивация трудовой деятельности.

Ключевые слова: социальная система; сфера труда; социодинамика; цифровизация; трудовой процесс; кризис труда; посттрудовое общество; прекаризация; социальное взаимодействие.

The specifics of the dynamics of the work sphere in the context of the formation of new social and economic conditions are analyzed in the article. The transformational processes of digitalization are considered as catalysts of change both for the main social spheres and for the individual and personal level. Among the most significant in the work process the following trends are highlighted: individualization of the work sphere, work mobility, unstable motivation for work.

Keywords: social system; work sphere; sociodynamics; digitalization; work process; work crisis; post-work society; precarization; social interaction.

В условиях набирающей обороты альтернативности современного мира феномен труда претерпевает кардинальные изменения, которые отражаются в новых социальных и общекультурных контекстах функционирования общества. В этой связи определение перспектив трансформации трудовой сферы и возможностей изменения отношения к труду в будущем представляется одним из актуальных исследовательских направлений современной социальной теории. Сегодняшняя амбивалентная ситуация в сфере трудовой деятельности, ее организации и управлении во многом представляется специфической и противоречивой, особенно на фоне дискуссий о конце труда в его классическом понимании как фактора, директивно влияющего на человека и его сознание, на процессы его жизненного целеполагания и ценностно-смысловые приоритеты.

В истории философской и социальной мысли тематизация труда, его предметное осмысление и общекультурная оценка как важнейшего феномена человеческого бытия занимает особое место. В целом динамическая историческая хроника демонстрирует амбивалентное отношение к труду, человеческой занятости и работе как таковой. Необходимо понимать, что трудовая деятельность как процесс человеческого порядка во многом представляется объективно когерентной и взаимно синхронизированной с параллельными структурными трансформациями социальной реальности. Наиболее существенные изменения в отношении к труду связаны со множеством факторов, включая специфику исторического этапа развития и скорость социальных изменений, социально-политический строй национальных государств, влияние религиозных мировоззрений, демографические тенденции, ценностно-культурные установки, уровень образования, особенности семейных и межличностных отношений и т. д.

В самом широком общефилософском значении труд как феномен человеческого бытия интерпретируется как «целесообразная деятельность человека, рассмотренная: 1) под углом зрения обмена человека с приро-

дой – в таком случае в труде человек при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей; 2) под углом зрения социально-исторической ее формы. В таком случае он предстает в социальных утопиях как преходящая форма деятельности» [1, с. 117]. В данном контексте именно акцентированная целенаправленная структура трудовой деятельности представляется важнейшей детерминантой, с помощью которой понимание труда закрепляется в общественном сознании и продвигается как исключительно человеческая ценность и общественная добродетель. Если предпринять попытку теоретически обобщить наработанный к сегодняшнему времени корпус знаний, то в исторической ретроспективе труд, трудовые отношения в совокупности являлись своего рода смысловым и мотивационно-ценностным «мерилом» того, что представляет собой сам субъект, как он встроен в систему общественных отношений, какой у него гражданский и социальный статус, интеллектуальный и культурный капитал, его личностная идентичность, успешность/неуспешность его индивидуальной биографии. Можно сказать, что труд, интерпретируемый в общественном сознании в качестве важнейшей социальной детерминанты, «политически санкционируется, экономически поощряется, юридически и этически легитимизируется. Вне его жизнь человека не мыслится как «нормальная» и социально приемлемая. При этом под трудом понимают, главным образом, регламентированную профессиональную деятельность, связанную с производством и потреблением. Вменяемой человеку в обязанность трудовой деятельности противопоставляется все непосредственно к ней не относящееся, считающееся второстепенным, случайным, производным, в первую очередь – досуг» [2]. Иными словами, обозначенный вектор ориентации любого труда на целесообразность (как само собой разумеющуюся характеристику) представляет собой строго очерченную рамку изначальной нормированности и закреплённости этого феномена в структурах не только общественного сознания, но и на индивидуально-субъективном уровне человеческого бытия.

Социально-философская аналитика труда неизбежно нюансирована всем вышеотмеченным и не является зафиксированной в одном единственном варианте, например, в форме чрезмерного трудоцентризма индустриальной эпохи или, наоборот, презрения к труду (как к производительной, физической деятельности, не досугу) во времена Античности. Греки заложили основания концепции демаркации труда по степени свободы и не-свободы субъекта, по ценности самих социальных (общественных) практик и различию в социальном статусе. Так, «производительный труд, как и всякая вообще неполитическая, необразовательная и нетворческая хозяйственная деятельность, презирился греками, считался занятием недостойным, унижающим человека» [2]. В Средневековье отношение к труду во многом характеризовалось лишь как вынужденная социальная практика в целях обеспечения выживания, но ни как производительная деятельность. Идеал созерцательной жизни («*vita contemplativa*») был абсолютным образцом для

христианской этики. Наибольшее значение трактовка именно производственного труда получила, начиная уже с эпохи Реформации и далее в Новом времени с беспрецедентным воздействием на западноевропейское общество идеологии трудоцентризма и протестантской этики и ее главным субъектом – homo faber – человеком трудящимся и только поэтому достойным получить материальные и духовные блага. Российская исследовательница Т. Ю. Сидорина отмечает, что классическое отношение к труду находит свое выражение в социально-утопических проектах этого исторического периода: «В утопиях Позднего Возрождения и Нового времени труд в условиях отсутствия частной собственности, равного распределения и разделения обязанностей по преумножению общественного богатства предстает в качестве основного источника существования» [3, с. 138]. В теории социальной философии, начиная с конца XIX в., можно говорить о двусторонней тенденции: с одной стороны, усиливающегося трудоцентризма и, с другой – более явного утилитаристского подхода к трудовым отношениям. Во многом именно поиски оптимального соотношения утилитарного и неутилитарного модуса человеческой жизни способствовали экспликации латентной амбивалентной природы феномена труда, влекущей за собой новые контексты и возможности так называемой «денатурализации» труда как понятия с кажущимся самоочевидным и однозначным смыслом.

Сегодня ценностно-нормативный образ труда, сформированный в предыдущие эпохи, претерпевает колоссальные изменения, в том числе трансформируется идеологическая компонента интерпретации труда как базовой характеристики ответственного гражданина. При этом, можно сказать, что индивид, включенный в процессы трудовой занятости, оказывается в крайне уязвимом положении. Так, справедливо отмечено, что «немедленным последствием хрупкости и шаткости социальных положений, которые может предложить так называемый рынок труда, является глубинное изменение отношения к самой идее «работы» – и в особенности постоянной работы, безопасной и надежной, определяющей социальное положение и жизненные перспективы человека» [4, с. 254]. В современных обществах преобладает определенно утилитарный подход, согласно которому, чем большую пользу и/или выгоду может принести работа, тем лучше и выше она оплачивается. Ценность труда при этом определяется логикой функционирования цифрового капитализма и экономическими запросами, сформированными в рамках конкурентной борьбы основных экономических стейкхолдеров. В самом общем смысле цифровая экономика характеризуется такими основными чертами, как отсутствие необходимости географической локализации трудовых мест, платформенность, сетевизация, алгоритмизация и глобальная датификация [5]. Все эти процессы являются фундаментальными не только для реализации ключевых целей цифровой экономики, но и становятся главными факторами развития и функционирования цифрового общества.

В этой связи одной из наиболее значимых тенденций в структуре трудовой занятости является уже явная деформация ранее сложившейся трудовой

модели и формирование новой социальной группы – прекариата, которую некоторые исследователи классифицируют в качестве социального класса как «класса для себя» в обществах будущего. Идея прекаризации разработана профессором и исследователем в области экономики труда Г. Стэндингом. Он эксплицировал особенности прекарной (временной) модели трудовой занятости как нового глобального процесса в условиях нарастающей общемировой неустойчивости и укрепления в современных реалиях неолиберального (цифрового, платформенного) капитализма в качестве магистральной формы социально-экономических отношений [6]. Г. Стэндинг ввел неологизм «прекариат», чтобы описать и детализировать формирующийся новый класс работников, чей труд является низкооплачиваемым, а сама трудовая занятость характеризуется временным форматом, отсутствием социальных гарантий, прежде всего, в результате последствий стремительной структурной трансформации глобального рынка, в том числе региональных рынков труда и миграционных процессов. Г. Стэндинг подчеркивает критически негативную интерпретацию неологизма «прекариат» как специфического социального класса, который образуется индивидами с низким уровнем экономического и социального капитала, страдающими от так называемой прекарности, что означает более непредсказуемые условия не только труда, но и самой жизни [6]. В отличие от пролетариата XIX–XX вв., который не имел собственных средств производства и поэтому, чтобы жить, продавал свой труд, представители класса прекариата в современных обществах лишь частично вовлечены в трудовые отношения и должны заниматься неоплачиваемой деятельностью, которая является обязательным условием, если они хотят сохранить доступ к своим рабочим местам и достойной оплате труда. Последнее оказывает воздействие на материальное благосостояние и психологические паттерны представителей прекариата. Классические примеры такой неоплачиваемой трудовой деятельности связаны с постоянным поиском работы (включая подготовку и посещение собеседований), а также с постоянной реакцией на призывы о дополнительной трудовой нагрузке («подработке»). Согласно Г. Стэндингу, отличительной чертой класса прекариата является отсутствие гарантий занятости, включая периодическую занятость или неполную занятость и, как следствие, отсутствие/ограниченность социальной защиты и социальных гарантий. В этом контексте речь идет о постепенном смещении рабочих с главной позиции в структуре трудовой деятельности и формировании масштабной социальной группы со своей специфической субъектностью. Российский исследователь Ж. Т. Тощенко отмечает, что процесс прекаризации, главным образом, реализуется в силу формирования специфической социально-экономической основы социума как «общества травмы», для которого характерен затяжной социально-экономический кризис и нестабильность ключевых оснований его функционирования [7]. Последующие изменения закономерно влияют на эволюцию социально-классовой структуры общества, на трансформации как внутри отдельных социально-профессиональных групп, так и на общество в целом. Ж. Т. Тощенко рассматривает происходящие соци-

альные модификации, связанные с трудовой деятельностью, с алармистской позиции. На его взгляд, представители precariousного слоя воспроизводят типические черты рабочих XVIII в.: «Прекарии представляют собой огромную массу людей, которые, с одной стороны, сохраняют существенные признаки эксплуатируемого класса, с другой – занимают в общественном производстве неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своём праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищённость, на гарантированное будущее» [7, с. 272].

В целом, можно говорить не только о прекаризации рабочего класса, но и о формировании социального тренда на кризис труда, а точнее на деформацию устоявшейся модели трудовых отношений наряду с изменением в самом определении того, каким должен быть трудовой процесс. На повестку дня выходит проблематизация самой переходности социума к пост-трудовому и цифровому измерению. Последствия этой переходности связаны с формированием новых аспектов уже цифрового труда (оплачиваемого и неоплачиваемого), отчуждения и эксплуатации. Происходит столкновение базовых парадигм современной общественной системы: капиталистическая рамка в совокупности с максимально расширяющимся диапазоном потребительских мотиваций и возможностей с ее исключительно утилитарным отношением уже не стыкуется с парадигмой личностной автономии и свободы выбора в условиях, когда выбор фактически ограничивается новым кругом отчуждения, усиления ограничений и зависимости индивида от внешних кризисных факторов социальной реальности. Так, З. Бауман вполне резонно заметил, что так называемая «грубая экономическая интерпретация человеческого мира» не позволяет объективно очертить границы личностного, не дает возможности учитывать активно формирующиеся запросы индивида на продвижение своих экзистенциальных потребностей и их реализацию [4, с. 126]. Потребность в продвижении своего личностного потенциала, в активном саморазвитии на сегодняшний день по сравнению с другими историческими периодами беспрецедентно доминирует. С одной стороны, работа (как любая трудовая занятость) больше не является абсолютной ценностью, и тем более бессмысленная, нецелесообразная, неинтересная работа. Но с другой, наблюдается кардинальный сдвиг в сторону обязательной профессионализации субъекта, в формировании обязанности получить статус специалиста, эксперта, сертифицированного работника. Таким образом, если резюмировать, ««Индивид как личность» становится «профессиональным индивидом», наемным работником, который беспрерывно трудится (чтобы жить) и которому отказано в свободном и универсальном развитии» [2]. Можно сказать, что одним из атрибутивных признаков современной социодинамики является формирование различных социальных запросов и стереотипов, связанных с изменениями не только социально-экономического характера, но и ценностно-нормативного плана.

Так, ряд исследователей динамики аксиологического статуса социальных ценностей акцентирует внимание на глобальной эволюции базовых ценностных установок в современных обществах [8]. Речь идет о масштабном смещении от традиционных ценностей с их установкой на ценности выживания к светско-рациональным ценностям с вектором на самовыражение и, прежде всего, самоценность человека. В том числе на основании приоритета эмансипативных ценностей меняются механизмы и принципы согласования интересов различных социальных групп и общностей. Последнее приводит к запуску процессов перехода от тотальной человеческой эксплуатации к общей эмансипации человечества [8]. В этой противоречивой социодинамике так же следует учитывать фактор смены поколений. Согласно широко известной концепции новых поколений У. Штрауса и Н. Ховуа, сегодня на рынке труда основной состав активных и потенциальных работников – это представители поколения «Y». Они рождены в период с 1983 по 2002 г., и поэтому данная возрастная группа часто маркируется как «миллениалы». В отличие от предшествующего поколения «X», поколение «Y» характеризуется кардинально иными социально-культурными установками и ценностями. Например, «представители поколения «Y» отличаются от своих предшественников полным – или почти полным – отсутствием иллюзий, связанных с работой, холодным отношением к должности, которая есть у них сегодня, и к компаниям, которые им ее предлагают, а также твердым убеждением, что жизнь «проходит мимо», и сильным желанием прожить ее иначе» [4, с. 255]. Объективно аксиологический статус труда трансформируется, обретает новые характеристики, при этом все еще маркируется как значимый, но не попадает в рамку первичной приоритизации в индивидуальной биографии. Для современного человека успешная трудовая деятельность может быть описана в метафорическом ключе как буквально «работа мечты», дающая не только материальное удовлетворение, но и духовное, личностное развитие, смысл жизни, возможность реализовать свой человеческий потенциал, приносящая пользу, осознание своей ценности. То есть сегодня, когда мы говорим о трудовой занятости, мы должны учитывать этот поворот в убеждениях и мотивации субъекта как потенциального трудящегося в сторону труда не в целях выживания, а для личностной реализации, самовыражения, осуществления своего вклада во что-то личностно значимое, что не обязательно связано с коллективным благом и социальным долженствованием. Можно сказать, что утилитарное мышление и технократическая враждебность к человеческой ценности и автономии стали катализаторами кардинального сдвига в ценностно-нормативной парадигме современных обществ. Трудовая деятельность как социальный процесс профессиональной и квалифицированной занятости или практики оказывается выключенной из сферы моральной оценки и усиленно нормированного паттерна социально приемлемого поведения индивидов в обществе. Больше не существует строгой морализаторской рамки, которая регламентирует труд в соответствии с идеологемой «homo faber» – не рабо-

тающий индивид не подвергается осуждению, общественному порицанию, не испытывает давления общества, социальной группы. Безработный – не звучит больше как синоним маргинализированного субъекта, как социальная стигма, дискриминирующая не только личностный выбор, но и ситуативное положение индивида.

В заключение следует отметить, что глобальные изменения рынка труда, стремительная диверсификация трудовых отношений, формирование новых форм трудовой занятости, модификации трудового поведения и т. д. – все это в совокупности ведет к значительным социальным, экономическим, культурным последствиям как в глобальном, так и национальном срезе. Во многом преобладающие сегодня в обществе ключевые убеждения и мотивации определяются многофакторным развитием цифровой среды. Стремительное развертывание цифровой экономики, базовые детерминанты которой как потенциально, так и практически вносят свои коррективы в основные аспекты модернизации общества, позволяет эксплицировать особенности развития сферы труда и акцентировать ее проблемный характер в долгосрочной перспективе. Высокая динамика развития различных технологических индустрий и сфер маркирует собой соответствующее возрастание социальных рисков, связанных с трудовой занятостью.

В целом, различные версии социально-философской проблематизации современного мира труда представляются взаимосвязанными. Главным образом, они формируют актуальные версии идентичностей, социальные позиции и неравенства, отражают новые формы отчуждения, маркируют этические, ценностно-смысловые, эпистемические принципы функционирования современных обществ. В свою очередь, теоретический тренд на разработку концепта посттрудового общества может быть рассмотрен как альтернативный вектор в исследованиях социодинамики, позволяющий скорректировать ориентиры и приоритеты социальных систем на этапе их глобального перехода к цифровому порядку. Особое значение обретает тема нейронных сетей, их возможностей и перспектив не только в сфере труда, автоматизации рабочих процессов и алгоритмов, но и в целом в общественном развитии, в реализации его цифрового вектора. Трансформируется статус трудового поведения в социальной системе и, как следствие, социально-трудовые практики индивида в целом. Меняется нормирование труда, социально-экономические гарантии становятся более подвижными. Как следствие возникает запрос в плане теоретического осмысления концепта «достойный труд» как отражение стремительно меняющихся социальных, экономических, культурных детерминант, включенных в реализацию трудовой деятельности.

Список использованных источников

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. IV. – М.: Мысль, 2010. – 736 с.

2. Джохадзе, И. «Homo faber и будущее труда» [Электронный ресурс] / И. Джохадзе. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/logos/2004/6/homo-faber-i-budushhee-truda.html>. – Дата доступа: 10.02.2024.

3. Сидорина, Т. Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика / Т. Ю. Сидорина. – СПб.: Алетейя, 2014. – 400 с.

4. Бауман, З. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / З. Бауман, Л. Донскис; пер. с англ. А. И. Самариной; науч. ред. Т. Н. Раков. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 368 с.

5. Багдасарьян, Н. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н. Багдасарьян, А. Кравченко // Логос. – Т. 32, № 6. – 2022. – С. 245–272.

6. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

7. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко // Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. – М.: Наука, 2018. – 350 с.

8. Welzel, C. Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation / C. Welzel. – Cambridge University Press, 2014. – 472 p.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

И. Н. Сидоренко, Г. А. Личевский

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko, G. A. Lichevsky

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+378

ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО НЕОМАРКСИЗМА

A. GRAMSCI'S THEORY OF HEGEMONY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NEO-MARXISM

В настоящем исследовании авторы обращаются к идейному наследию А. Грамши как основоположника неомарксистской парадигмы XX в. Исходя из фундаментального характера идей итальянского мыслителя, получивших новое содержательное выражение на разных этапах эволюции социально-политической теории, прослеживаются основные пути рецепции и адаптации «теории гегемонии» А. Грамши в контексте социально-политического идей представителей русского неомарксизма, в частности Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина, а также обосновывается их значимость для осмысления социально-политических культурных вызовов современности.

Ключевые слова: гегемония; идеология; исторический материализм; культура; неомарксизм; капитализм.

In this article, the authors refer to the ideological legacy of A. Gramsci as the founder of the neo-Marxist paradigm of the twentieth century. Based on the fundamental nature of the ideas

of the Italian thinker, which received a new meaningful expression at different stages of the evolution of socio-political theory, the authors trace the main ways of reception and adaptation of Gramsci's «theory of hegemony» in the context of socio-political ideas of the Russian neo-Marxist representatives, in particular, L.D. Trotsky and N.I. Bukharin, and substantiate their significance for understanding the socio-political cultural challenges of modernity.

Keywords: hegemony; ideology; historical materialism; culture; neo-Marxism; capitalism.

Получив становление как доктрину социальной эмансипации, теоретическое наследие К. Маркса претерпело процесс пересмотра в контексте национальной специфики каждого из государств, сопряженный, с одной стороны, с развитием классической революционной теории посредством обращения к естественнонаучной концепции Ф. Энгельса, выступившей в качестве концептуального основания «ортодоксального марксизма», а с другой – тенденцией к преодолению ее экономического детерминизма, в условиях развития общественных форм хозяйствования и выделении среднего класса, лишавшегося релевантного статуса в аспекте валидных перспектив достижения социального равенства. Как следствие, вектор исторической адаптации марксизма оказался вариативным. Так, на раннем этапе своего формирования философия неомарксизма коррелировала с переоценкой роли экономических отношений в аспекте инстанции, детерминирующей последующее социальное развитие. Вместе с тем, на территории Советского Союза главенствующей идеологемой в оценке марксизма стало дуалистичное учение материализма и историзма, что инициировало разграничение неомарксистских течений, в том числе по территориальному признаку – на восточный и западный. В горизонте диалога восточного и западного неомарксизма особый интерес представляет анализ развития идей марксизма, исходя как из их взаимной позиции антиподов, так и из сложившихся социально-политических условий. Именно этим объясняется выбор персоналий: А. Грамши, Л. Троцкий, Н. Бухарин.

Возникший как антитеза западному «ортодоксальный» марксизм, кодифицированный в трудах В. Ленина, выразился в стратегии реализации революционной повестки на территории недостаточно развитой страны, население которой в большинстве было лишено классового сознания. В этой связи В. Лениным был осуществлен пересмотр классической теории К. Маркса, подразумевавший создание группы «профессиональных революционеров», призванных осуществлять активную инициацию пролетарских идеалов крестьянству – тезис, вошедший в программу большевизма. Л. Троцкий и Н. И. Бухарин придерживались альтернативной позиции в отношении общественного развития. Однако если первый, предложив концепцию «перманентной революции», настаивал на мировом характере революции, то Н. Бухарин, следуя курсу В. Ленина, признавал возможность ее осуществления на территории отдельно взятой страны. В результате позиция Л. Троцкого и Н. Бухарина была раскритикована пришедшими к власти большевиками как оппортунистическая, что как следствие, ознаменовало

становление тоталитарного режима на территории СССР под руководством И. Сталина. Предпосылки к этому обнаруживаются в характере большевистской доктрины: требуя радикализации общественных противоречий, она предъявляла запрос к дегуманизации общественных отношений, на практике обернувшегося в масштабный террор против декларативных врагов коммунистического режима.

Получив становление в атмосфере идейного кризиса классического марксизма, обнаруживаемого в прецедентах безуспешности европейских революций начала XX века (Германия, Италия) и дискредитации марксизма-ленинизма И. Сталиным, социально-философская теория А. Грамши [1] ознаменовала разработку принципиально отличной от воззрений К. Маркса концепции общественного реформизма, предполагавшей построение социалистического государства посредством реформ и преобразования тезиса о материальной диктатуре пролетариата в специфическую форму идеологии. Основания этому обнаруживаются как в альтернативной трактовке историко-материалистического развития общества, так и в отходе итальянского мыслителя от абсолютизации класса пролетариев как авангарда и первичного агента революции. А. Грамши стремился преодолеть экономический детерминизм теории К. Маркса, указывая, что действительным актором диалектического историцизма является человек как синтез материального и идеального. Именно поэтому лишь единство общественных и персональных характеристик может опосредовать социальное развитие. Природа в этом случае представляет синтез объективного и субъективного в мышлении, что позволяет экстраполировать практическую философскую деятельность на широкие массы, тем самым делегируя угнетаемым членам общества активную роль в преобразовании политического строя. В этом случае А. Грамши применял понятие «гегемонии», описывая переход непосредственно философии в политику, при котором рабочий класс обретает перспективу преодоления социального неравенства. Целесообразно отметить, что состояние гегемонии, по мысли А. Грамши, определяется не только способом осуществления власти, но также всеобщей социальной конвенцией, лишенной агонистической составляющей. Основопологающим механизмом власти в данном случае оказывается неявное принуждение, обнаруживающееся в совокупности мировоззренческих установок субъекта, под который мимикрирует господствующий класс, конституируя специфический тип культуры и «коллективной воли». Как следствие, перспектива осуществления полномасштабной социальной революции оказывается под вопросом в виду фактического отсутствия угнетения в отношениях между различными социальными группами, а также идеологической ангажированности их представителей. Поэтому, согласно точке зрения А. Грамши, единственным способом воздействия на гегемонию оказывается последовательная солидаризация представителей класса интеллигенции как наделенного возможностью критически воспринять любой тип культуры и активно его преобразовывать. Соответственно, диспозиция социаль-

ных классов не является статичной, но постоянно развивается в различных формах идеологии.

Отход от следования каноническим воззрениям К. Маркса в данном случае оказался продиктован практическим несоответствием реалий «манчестерского капитализма» социально-экономической практике ряда европейских государств (Италия, Германия, Франция). Возникающие в этой связи коллизии на пути осуществления революционных социальных изменений выявили необходимость в пересмотре марксистских заветов с позиций либо абсолютизации революционной доктрины с производным возрастанием социального насилия и авторитаризма, либо пересмотра ее методологических оснований, т. е. «мыслительного вмешательства в революционную теорию ради общества в целом, а не отдельного класса» [2, с. 8]. Таким образом, на этапе концептуальной разработки раннего европейского неомарксизма приоритетной задачей социальной теории выступало примирение теоретических и практических факторов общественного производства с целью обосновать проект социальной эмансипации с учетом фактора культурной коммуникации, вытесняющей представления об экономическом отчуждении субъекта.

Совершенно иными оказались предпосылки развития российской версии неомарксизма, представленной именами Л. Троцкого и Н. Бухарина. Так, если в Европе основной детерминантой революционной активности выступало индустриальное общество в совокупности его экономических и правовых институций, то в России общество базировалось на аграрной экономике, что усложняло задачу в осуществлении революции, так как фактических предпосылок для формирования прогрессивного мышления, «осознания революционным агентом себя как класса» не было. Соответственно, запрос на пересмотр базисных оснований марксизма выступал необходимым условием для осуществления сначала буржуазной, а затем социалистической революции. В этом ключе В. Лениным, Г. Плехановым и Л. Троцким разрабатывался проект «большевизма», требующий формирования революционного авангарда — немногочисленных групп революционеров-пролетариев, которые смогли бы транслировать конструктивную повестку массам крестьян на основании исходного синтеза материальных и духовных факторов в развитии общества.

В результате, по итогам двух революций 1905 и 1917 гг., реализовать марксистский проект в СССР удалось, однако очень скоро он оказался дискредитирован, во-первых, ростом бюрократии в советской модели хозяйствования; во-вторых, возрастанием «партийного централизма» в отношении властного регулирования обществом. Таким образом, необходимость в пересмотре марксизма в его ленинской интерпретации ознаменовало зарождение альтернативных партийному курсу воззрений, представленных в трудах Н. Бухарина и Л. Троцкого.

Так, в первом случае на авансцену социальной теории помещается представление о революционной эстетике как медиаторе социально-политиче-

ских противоречий. В этом контексте Н. Бухарин творчески перерабатывает идеи А. Богданова об обществе как системно координированной системе, указывая, что условием стабильности этой системы выступает тождество противоречий в актуальный момент развития. Условием подобного тождества и выступает эстетическая практика, которая является высшей формой человеческой деятельности, гарантом гармонии между индивидуально-личностной средой и социальной системой: «Задача искусства – не только обличение недостатков, теневых сторон социалистической действительности, но прежде всего и главным образом выражение основной тенденции – утверждения новой, социалистической жизни» [3, с. 255]. Таким образом, условием гармонизации социальных противоречий, согласно мысли Н. Бухарина, выступает обеспечение компромисса между частными и общими интересами, что, в свою очередь, требует корректной культурной политики.

Сходным образом рассматривает роль культурной практики А. Грамши. Выступая продуктом деятельности интеллектуалов, каждый из которых, будучи непосредственно вовлечен в культурную сферу, культура имплицитно обнаруживает способность к трансляции конструктивной политической повестки, другими словами, такая «позитивная» культура обладает потенциалом для примирения классовых противоречий. Однако, ввиду перманентного конфликта между государством, в большей степени заинтересованном в сохранении статус-кво, и интеллектуалами, единственным адекватным источником социального развития, согласно мысли А. Грамши, оказывается стратегия последовательной экстраполяции соответствующих задаче в построении общества «снятого противоречия» идей и взглядов, т. е. гегемонии. Таким образом, приоритетным в аспекте социально-политической практики А. Грамши признается синтез революционной теории и практики как тождества идеального и материального в мышлении, в то время как источником общественных противоречий выступает культура в ее объективированно-идеологической форме, на практике оказывающей репрессивное давление [4, с. 43]. В результате, отход А. Грамши и Н. Бухарина от понимания сущности общественного развития как экономически детерминированного оказался важнейшей предпосылкой для развития неомарксистской теории в реалиях общества «зрелого капитализма» второй половины XX в., коррелирующий, с одной стороны, с масштабным распространением институтов представительной демократии, а с другой – с либерализацией советской идеологии и отказа от построения социализма революционным путем.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные подходы к рецепции теории гегемонии в трудах Л. Троцкого – мыслителя, предложившего альтернативный В. Ленину и, в последующем, Н. Бухарину, проект «советского марксизма». Отправным пунктом социально-политических изысканий Л. Троцкого выступила ориентация на синхронизацию революции в отдельно взятой стране и революции мирового масштаба. В этом мыслитель следовал мысли В. Ленина о единстве исторического и диалектического материализма, утверждающей практический характер

философии и ее фактический синтез с социально-политической практикой [5, с. 41]. Вместе с тем, для Л. Троцкого не вызывало сомнения нереализуемость революционного проекта в условиях «автономизации РСФСР» ввиду отсутствия достаточных экономических предпосылок.

В этой связи идентификационной меткой революционного проекта Л. Троцкого выступает теория «перманентной революции», конечной задачей которой предстает консолидация пролетариев и крестьян как результат отхода от партийного централизма в отношении социальной политики: «Наша буржуазная революция, заключаю я, лишь в том случае сможет радикально разрешить свои задачи, если пролетариат, при поддержке многомиллионного крестьянства, сможет сосредоточить в своих руках революционную диктатуру» [6, с. 3]. Соответственно, в представлении Л. Троцкого, условием перехода к социалистическому обществу выступает свободный характер коллективной рабочей деятельности, что, ввиду общности интересов пролетариев быть свободными в труде, открывает измерение прогрессивного сознания – конструктивной идеологии. Исходя из этого, целью коммунистической партии на начальном этапе социалистических преобразований становится координация действий рабочих до этапа возникновения в них революционной, т. е. рефлексивной идентичности. Вместе с тем, учитывая факт того, что преобладающей общностью в Российской Империи выступали крестьяне, лишенные классового сознания, Л. Троцкий развивал идею В. Ленина об «экспорте революции» в мировом масштабе с целью, во-первых, привлечь в зарождающееся Советское государство иностранный капитал и тем самым подготовить почву для скорейшей индустриализации, а во-вторых, обеспечить условия перехода к конструктивному классовому мышлению. Таким образом, гегемония в понимании Л. Д. Троцкого предстает как «замыкающее звено» социального развития, которое не является опосредованным государственной репрессией на этапе перехода к полноценному социалистическому обществу.

Немаловажно отметить, что, как и в контексте идей А. Грамши и Н. Бухарина, важную роль в социально-философской концепции Л. Троцкого играла эстетика. Так, обращаясь к литературе как приоритетной форме философского абстрагирования окружающего мира, мыслитель указывал, что условием тождества между материей и духом в социальной практике выступает непосредственное корреспондирование происходящих в обществе процессов в литературной форме [7, с. 146–147; 8]. Таким образом, масштабное образование и революционная агитация оказываются не только атрибутами определенной политической технологии, но также выступают условием просвещения масс и, соответственно, роста их сознательности.

Итак, в качестве первого вывода нашего анализа отметим, что перспектива построения социалистического государства в соответствии с программой классического марксизма подтвердила свой неосуществимый характер в призме развития индустриального общества, сопряженного с отходом от классового антагонизма и соразмерным ростом благополучия

ранее угнетаемых пролетариев. На этом основании развитие получила теория построения социалистического общества путем осуществления последовательных реформ А. Грамши. Однако установка на конечную консолидацию народных масс в форме специфической идеологии обнаруживает имплицитную тенденцию к эскалации социальной репрессивности как следствия унификации способов самовыражения общественного субъекта в виде объективированной политической свободы и пропорциональной массовизации.

Во-вторых, тоталитарный характер политических режимов в первой половине XX в. оказался сопряжен с процессами массовизации общественного субъекта, произошедшей в результате развития капиталистических отношений, а также сциентизации проекта социального преобразования. В определенной степени тенденцию к превращению демократии в тоталитаризм обнаруживаем в идеях А. Грамши о перспективе демократизации общества при отсутствии классовых противоречий, которые имплицитно содержат в себе признаки тоталитарных идеологий вследствие императивной необходимости субъекта реализовывать квазиестественную свободу в политизированных формах, тем самым претерпевая отчуждение. Именно с преодолением этой опасной тенденции будет связана установка на «Великий отказ» в интеллектуальных течениях 60-х гг. XX в.

В качестве третьего вывода правомерно отметить, что «теория гегемонии» А. Грамши оказала значимое влияние на философию неомарксизма XX в. как в ее западной, так и советской версиях, подтверждение чему обнаруживаем в фундаментальном характере ее постулатов: транспозиции с абстрактно-исторического на конкретно-практической модус социальной практики, а также акцентуации роли идеологии в обществе. Обретая на каждом из этапов эволюции неомарксизма новое теоретическое содержание, но сохраняя заданную А. Грамши форму, концепт «гегемонии» подтверждает свою неоспоримую адекватность реалиям ХХI в., свидетельством чему выступает актуализация идей итальянского мыслителя в рамках постмарксистской парадигмы.

Список использованных источников

1. *Грамши, А.* Тюремные тетради: в 3 т. / А. Грамши. – М.: Политиздат. – Т. 1. – 560 с.
2. *Михайлов, И. А.* Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований / И. А. Михайлов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – Ч. 2: 1940–1973 гг. – 294 с.
3. *Иовчук, М. Т.* Кратки очерк истории философии / М. Т. Иовчук; под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. – М.: «Мысль», 1971. – 1054 с.
4. *Андерсон, П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического марксизма / П. Андерсон; пер. с англ. – М.: Common place, 2016. – 350 с.

5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23: Три источника и три составные части марксизма. – С. 40–48.

6. Троцкий, Л. Д. Перманентная революция / Л. Д. Троцкий // Электронная библиотека «Library.kr.ua» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.kr.ua/wp-content/elib/elmuseum/zem/trotskyi_revol.pdf. – Дата доступа: 19.01.24.

7. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. – М.: АСТ, 2023. – 512 с.

8. Saccarelli, E. Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism / E. Saccarelli. – Oxfordshire: Routledge, 2009. – 324 p.

(Дата подачи: 12.02 2024 г.)

Н. В. Струтинская

Белорусский национальный технический университет, Минск
Республиканский институт высшей школы, Минск

N. Strutsinskaya

Belarusian National Technical University, Minsk
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 316.7:004

ПРАКТИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

PRACTICES OF VISUAL DIGITAL COMMUNICATION AND CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY

Изучение коммуникативных процессов способствует осмыслению проблем современного общества. В условиях функционирования «новых медиа» возможно полноценное участие отдельного человека в конструировании социальной реальности. На основе анализа трансформации практик визуальной коммуникации выявлены проблемы цифрового общества: изменение практик видения, мышления, а также необходимость цензуры изображений и проблематизация социальной нормативности в отношении публичного и частного, личного и профессионального.

Ключевые слова: визуальная коммуникация; практики коммуникации; цифровое общество; социальная реальность; социальное конструирование.

The study of communication helps to understand the problems of modern society. In the conditions of “new media”, full participation of an individual in the construction of social reality is possible. The transformation of visual communication practices has revealed problems in digital society: changing the practice of vision, thinking, as well as the need to censor images and problematization of social norms in relation to public and private, personal and professional.

Keywords: visual communication; communication practices; digital society; social reality; social construction.

Формирующаяся социальная реальность привлекает внимание современных исследователей, используются различные подходы, в том числе и коммуникативный. При этом рассмотрение процесса коммуникации с позиции получателя, одного из основных элементов конструирования реальности цифрового общества, исследовано недостаточно. Хотя открытое сетевое пространство, повсеместное распространение смартфонов дают человеку возможность полноценно участвовать в формировании реальности цифрового общества. В данной статье теоретическим основанием для анализа практик визуальной цифровой коммуникации, их места и роли в конструировании социальной реальности послужили работы Н. Лумана, П. Бергера и Т. Лукмана, Ж. Бодрийяра, М. Маклюэна, М. Кастельса, П. Вирильо.

Исследование, проведенное Н. Луманом [1], позволяет считать коммуникацию процессом, обеспечивающим функционирование общества, его стабильность и динамику. Н. Луман понимает коммуникацию как невероятное событие, которое тем не менее происходит, становится реальным. Вероятность коммуникации увеличивается благодаря подсоединению коммуникации к коммуникации, т. е. ее распознаванию и связи с другими коммуникациями. Система общества и коммуникации способна обучаться, сравнивая структуры, возникшие в результате сопряжения с внешней средой, со своими ранее установившимися структурами. Однажды принятый смысл имеет большие шансы на повторение, особенно при не значительном временном разрыве между событиями коммуникации. Сами коммуникативные системы возможны лишь как рекурсивные системы, а рекурсии должны порождать тождества, которые можно использовать повторно. Общество конституируется посредством коммуникации.

Процесс конструирования социальной реальности, механизм формирования интерсубъективного мира был подробно рассмотрен П. Бергером и Т. Лукманом [2]. Социальный порядок существует лишь как продукт человеческой деятельности и в своем генезисе, и в своем настоящем. Взаимосвязь человека и общества имеет диалектический характер; данный процесс включает моменты экстернализации, объективации и интернализации. Процесс экстернализации естественен, человек проецирует свои собственные значения на реальность. Объективация – это процесс, в ходе которого ранее экстернализированные продукты приобретают характер объективности. Интернализация переводит объективированный социальный мир в сознание в процессе социализации. Благодаря первичной социализации индивид становится членом общества. Часто повторяющиеся действия человека подвергаются хабиитуализации, т. е. опривычиванию и типизации. Взаимная типизация опривыченных действий сопряжена с процессом институционализации. Дальнейшая легитимация происходит при передаче сконструированного институционального мира следующим поколениям, закрепляется как традиция и заучивается в ходе социализации. Повторение действий, их хабиитуализация и дальнейшая типизация проявляются в каждой продолжающейся социальной ситуации.

Опираясь на работы Н. Лумана, П. Бергера и Т. Лукмана, можно утверждать, что коммуникативные практики конструируют социальную реальность. Исследование практик социальной коммуникации раскрывает процессы генезиса и функционирования системы общества и коммуникации. В работах М. Маклюэна, М. Кастельса, Н. Лумана исследована эволюция коммуникации и системы общества от появления письменности до компьютера и интернета. Уже в прологе к «Галактике Гутенберга» М. Маклюэн пишет: «...цель “Галактики Гутенберга” – проследить, каким образом сначала фонетический алфавит, а затем книгопечатание изменили формы опыта, мировоззрения и самовыражения» [3, с. 4]. Среди последствий эволюции системы коммуникации философ выделил «новый линейно организованный мир», индивидуализм и жесткую централизацию, изменение практик видения (трехмерная перспектива), реформирование системы образования, формирование литературного языка. В «Понимании медиа» М. Маклюэн исследует эволюцию системы коммуникации и общества до электронных средств включительно [4]. Практики фонетического письма и чтения книг проявляются и на новом витке эволюции. Они обнаруживаются и в фотографии, и в кино, и на телевидении, несмотря на формирование экранной культуры. В «Галактике Интернет» М. Кастельс также исходит из положения, что люди и общество в целом вносят вклад в преобразование любой технологии, когда используют ее и открывают новые способы пользования [5]. В свою очередь любая технология, в том числе и Интернет, видоизменяет нашу жизнь и коммуникацию друг с другом [5, с. 17]. Формирование Интернета сопровождалось видоизменением бизнеса и экономики, появлением нового типа предпринимателя и «сетевого предприятия». В соответствии с нуждами электронной экономики меняется характер образования. Трансформируется социальность, развивается «сетевой индивидуализм». На эволюцию медиа обращает внимание Н. Луман. Он анализирует, как переход от устной коммуникации к письменной, потом к книгопечатанию и электронным медиа повлиял на саму коммуникацию, ее пространственно-временные характеристики, память [1, с. 268–322]. Также ученый отмечает, что именно письменность создает основу для возникновения функциональных систем современного общества. Книгопечатание приводит к возникновению национальных языков, скрыто содействует индивидуализации общественной жизни. Электронные медиа теснее связывают систему общества с технологиями и окружающим миром.

В коммуникации XX в. доминировали масс-медиа, для которых, как утверждал Ж. Бодрийяр [6], свойственно уничтожение «символического обмена», запрет ответа, выполнение функции социального контроля. Их манипулирующее, контролирующее воздействие разрушалось самодельными афишами, плакатами, граффити, т. е. творческой активностью улицы. Современная цифровая коммуникация в большей степени соответствует пониманию коммуникации как «символического обмена». С распростра-

нием сети Интернет в конце XX в. пользователь медиа становится актором коммуникации.

Современный этап развития общества и доминирующие коммуникативные практики связаны с распространением смартфонов, которые позволяют отдельному человеку быть полноправным участником коммуникации и в технически опосредованном взаимодействии. Несмотря на то, что многие устройства продолжают выпускаться и использоваться (фото- и видеокамеры), именно смартфон, его многофункциональность, экономическая доступность, простота использования, постоянное наличие «под рукой» делают его лидером современных средств коммуникации. В конце 2022 г. владельцев смартфонов насчитывают 4,3 млрд человек [7]. Другие цифровые устройства, такие как компьютер, ноутбук, планшет, уступают смартфону в доступности экономической и физической, они более специализированы, хотя также многофункциональны. С цифровыми устройствами связаны разнообразные медиа, включающие социальные сети, электронные интернет-издания, блоги, микроблоги и каналы в мессенджерах. Подобные медиа принято обозначать как «новые медиа». Среди их особенностей выделяют интерактивные возможности, широкий круг авторов, включающий любителей-непрофессионалов.

В эпоху смартфонов и новых медиа пользователь может принимать участие в формировании медиаконтента комментированием сообщения или, будучи очевидцем события, предоставить свои фото-, видеоматериалы для публикации. В связи с деятельностью любителей, простых пользователей в сети Интернет циркулируют низкокачественные изображения. На данную особенность обратила внимание немецкий исследователь Х. Штейерль, сформулировав концепцию «бедного образа» [8]. Низкокачественные изображения, распространяемые в сети, любительские картинки и видеонарезки создаются на основе профессиональных работ фото- и киноиндустрии. К «бедным образам» относятся съемки контента на смартфон, gif-анимации, интернет-мемы, юмористические коллажи. Эти изображения неканоничны, дают больше свободы в формировании своей идентичности, дают возможность новому поколению рассказать о себе [9]. Для актора новых медиа становится привычным участие в сетевом взаимодействии. Просматривая сообщения, реагируя на них (лайк/дизлайк, комментарий), а также создавая их, он типизирует взаимодействие с медиареальностью, способствует его конвергенции с реальностью; также он проецирует и объективирует свое понимание происходящих событий, влияет на распределение знания и незнания в обществе.

Визуальная коммуникация существует столько же, сколько существует собственно сам человек и общество. Техническое преобразование она получает с середины XIX в., а с конца XX в. дополняется цифровым форматом. При этом цифровое коммуникативное сообщение чаще всего представляет собой медиатекст (мультитекст), сформированный с помощью аудиальных, визуальных, письменных средств. Доля визуальной информации в таких со-

общениях может быть высока. Еще одним основанием, позволяющим обозначать подобные сообщения визуальными, можно считать естественную склонность человека к визуальному восприятию.

Для современной визуальной коммуникации ключевым моментом является изобретение фотографии в XIX в. Именно фотография как наиболее доступное для создания и использования на межличностном уровне средство лежит в основе современных практик визуальной коммуникации. Кинематограф и телевидение выступали скорее как средства формирования и распространения образцов, на которые можно ориентироваться так же, как и на произведения искусства, картины. Фотокамеры менялись, их использование упрощалось. Фотографирование становилось повсеместным увлечением. И сегодня фотокамеры пользуются спросом. С распространением смартфонов фотографирование, видеоролики становятся не только отображением реальности, но и вспомогательным инструментом. Таким образом мы делаем своеобразные заметки: фотографируем график работы, объявления, цены товаров.

В цифровой визуальной коммуникации меняются практики создания, рассматривания и использования изображений. Анализируя фотографию, Р. Барт выделил три способа взаимодействия субъекта с фотографией: оператор/фотограф, зритель, снимаемый (Operator, Spectrum, Spectator) [10, с. 24–26]. Постоянное наличие смартфона делает из любого желающего оператора. При этом сам подход фотографа к процессу съемки меняется. Использование пленочных камер требовало тщательной подготовки; необходимо было работать над кадром, чтобы экономно расходовать пленку. Цифровые устройства позволяют освободить место на карте памяти от неудачного снимка для новой попытки. Упрощение фотосъемки, эволюция камер привели к активному использованию современными фотографами (как профессионалами, так и любителями) серийной съемки, из которой позднее выбирают лучшие кадры [11, с. 30]. Также меняется место и роль оператора в фотографическом процессе. Благодаря функции таймера или селфи-съемки фотограф становится снимаемым, совмещает сразу две роли. Также возможна фото- и видеосъемка без оператора, когда видеокамера повинуется компьютеру [11, с. 86], фото- и видеофиксация становятся средствами поддержки социального порядка.

Автор изображения, цифровой картинки часто не выступает в роли оператора, встречаются изображения, сгенерированные нейросетью. Для создания собственного визуального сообщения можно воспользоваться фотостоками, любое изображение корректируется в соответствии с поставленной задачей. Снимок становится инструментом рекламной деятельности. Изображения не просто хранятся в архиве, или альбоме, они становятся основой для создания медиатекста. Меняется отношение к изображению, фотографии. Фотографирование как событие трансформируется в фото-, видеосъемку события; наконец, фотографирование становится обычным действием, снимается всё то, что кажется интересным или важным. Фото-

графирование в повседневности становится инструментом для создания заметок. Если сообщение о происшествии, как правило, сопровождаемое фотографией, окажется в блоге, новостной ленте, масс-медиа, то оно станет событием. Или снимок может затеряться среди множества остальных, а потом с ними же и удален. Получатель визуального сообщения, фотографии перегружен визуальным в своем окружении, он привык пробегать взглядом, поверхностно считывая информацию с картинки.

Все эти повседневные практики визуально-коммуникативного взаимодействия связаны как с предыдущими коммуникациями, системой общества, так и с их последующим состоянием. Можно указать некоторые особенности визуальной экранной культуры, в том числе и цифрового формата. Во-первых, визуальная культура актуализирует новые практики видения. Чтобы видеть изображение на картинке, экране нужно смотреть иначе, чем на окружающий мир, фокусировать взгляд перед изображением. При этом окружающий мир становится фоном, позволяющим видеть отдельное изображение [12, с. 101–103]. Во-вторых, структура визуального текста, медиатекста отличается от линейно-последовательной организации текста, характерной для письменной культуры, что вызывает проблемы в сфере образования и интеллектуальной деятельности. С распространением визуальной культуры связывают «клиповое мышление», неспособность сосредотачиваться, читать длинные тексты [13, с. 108–111]. Переизбыток информации актуализирует визуальное восприятие, но «видеть» не тождественно «понимать». Понимание подразумевает объективацию постигнутого в языковую, понятийную форму. Большое количество изображений (которые не обязательно являются качественными) создают визуальный шум, который мы обычно игнорируем. Изменение в когнитивной сфере и в сфере чувственности имеет значение как для отдельного человека, так и для общества в целом, их трансформация затрагивает духовную и социальную сферы общества.

Также в связи с изменениями коммуникативных процессов актуализируются социально-нормативные проблемы. Визуальный текст ассоциативен, гипертекстуален, в значительной степени воздействует на подсознание и психоэмоциональную сторону человека. Данная особенность часто задействуется при создании фейк-новостей, когда для подтверждения «события» используют специально отредактированные, созданные (дипфейк) или сгенерированные нейросетью изображения. В этой связи возрастают требования к деятельности журналиста и медиаграмотности аудитории [14]. В процессе онтогенеза и социализации имеет значение такая форма коммуникативной деятельности, как подражание [15, с. 41–42], в связи с этим необходима цензура визуальных текстов. Цензура изображения (размытие/заблюривание/пикселизация) также связана с неприкосновенностью личной жизни и запретом размещать в сети фотографии человека без его разрешения. Особое внимание направлено на детские изображения. В доцифровую эпоху детские снимки составляли обязательную часть семейного фотоархива, в цифровую эпоху их стали выкладывать в сети. Над любыми изо-

бражениями, попадающими в сеть, может быть утерян контроль (использование изображения посторонними лицами в неблагоприятных целях), они могут стать источником информации для преступников [16]. В настоящее время формируется нормативно-правовая практика использования детских изображений. Отдельного внимания заслуживает дилемма приватного и публичного, личного и профессионального в коммуникативном пространстве цифрового общества. Сама проблематика имела место и ранее, но практики и сообщения визуальной коммуникации акцентируют на ней внимание. Современное медиапространство оказывает влияние на реальность. Случаи, когда зафиксированные на камеру социально порицаемые действия вызывают соответствующую реакцию, закономерны. Но возможны и другие ситуации как в случае с барнаульской учительницей Т. Кувшинниковой [17]. Она профессионально занимается зимним плаванием и часто размещает на своей страничке фото с соревнований. Фотография, на которой педагог в коротком платье сидит на брусках, не понравилось одному из родителей учеников. Жалоба в администрацию школы привела к изменениям в карьере педагога. Подобные ситуации, когда фотосюжеты с социально одобряемыми действиями (занятие спортом) вызывают негативную реакцию, как в случае с Т. Кувшинниковой, требуют изучения.

Коммуникация, ее «события» и практики, выступает процессом, конституирующим реальность. Эволюция коммуникации от письменности до новых медиа диалектически связана с социальными изменениями. Возникновение открытого «сетевого общества», изобретение и распространение смартфонов, появление новых медиа возвращает полноценную коммуникацию, «символический обмен» в медиапространство. Как и в исходной коммуникации «лицом-к-лицу», так и в условиях новых медиа получатель сообщения продуцирует и закрепляет свой опыт в интерсубъективном мире (экстернализация и объективация).

Современная визуальная коммуникация включает в себя непосредственное взаимодействие и опосредованное аналоговыми и цифровыми устройствами. На повседневном уровне визуальная коммуникация связана с использованием смартфона для создания и просмотра визуальных текстов. Инструментальное использование фотографии дополняется на повседневном уровне созданием заметок. А на профессиональном уровне фото- и видеофиксация являются средствами социального порядка. Происходят изменения с участниками визуальной коммуникации: смешиваются роли фотографа и снимаемого, оператором может выступать компьютер, создавать изображения умеет нейросеть, в качестве создателя визуального контента часто выступают любители, также они как очевидцы происшествий становятся соавторами новостей. Многообразие снимков и картинок в сетевом пространстве дает человеку возможность рассказать о себе новому поколению – возможность более свободно сформировать свою идентичность. Кроме этого, наблюдается гибридизация средств коммуникации и содержания сообщений (медиатекст).

В связи с практиками визуальной коммуникации вырисовываются некоторые проблемы. Во-первых, изменение практик видения и восприятия, при этом затрагивается мышление, когнитивная и эмоциональная сферы, что отражается на всех подсистемах общества. Во-вторых, проблемы нормативности в современном обществе. С визуальной цифровой коммуникацией связана дилемма публичного и частного, личного и профессионального. Проблематизация социальной реальности на фоне обновления практик визуальной коммуникации очерчивает направления изменений в системе цифрового общества.

Список использованных источников

1. Луман, Н. Общество общества. Общество как социальная система; Медиа коммуникации; Эволюция / Н. Луман. – М.: Изд-во «Логос», 2011. – Т.1, кн. 1–3. – 640 с.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Московский философский фонд, 1995. – 323 с.
3. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. – К.: Ника-Центр, 2003. – 432 с.
4. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
5. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
6. Бодрийяр, Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика и политика: Альманах Рос.-франц. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193–226.
7. The State of Mobile Internet Connectivity Key Findings 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: The-State-of-Mobile-Internet-Connectivity-Report-Key-Findings-2023.pdf (gsma.com). – Date of access: 06.02.2023.
8. Steyerl, H. In Defense of the Poor Image [Electronic resource] / H. Steyerl // e-flux Journal. – 2009. – Is. № 10. – Mode of access: In Defense of the Poor Image – Journal #10 (e-flux.com). – Date of access: 20.01.2024.
9. Булахова, А. И. Концепция «бедного образа» Хито Штейерль [Электронный ресурс] / А. И. Булахова // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (23 окт. 2014 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 286–294. – Режим доступа: viscom2014-286-294.pdf (kpfu.ru). – Дата доступа: 14.01.2024.
10. Барт, Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт; пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011. – 272 с.
11. Вирильо, П. Машина зрения / П. Вирильо; пер. с фр. А. В. Шестакова; под ред. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. – 140 с.

12. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр., под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – 603 с.

13. Симакова, С. И. Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в СМИ [Электронный ресурс] / С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования: научный журнал. – Челябинск, 2017. – № 2 (24). – С. 107–118. – Режим доступа: <https://elib.bsui.by/handle/123456789/171591?ysclid=lnvmqezaks340444103>. – Дата доступа: 18.10.2023.

14. Вальковский, М. Феномен постправды в современной медиасреде: вызовы и реакции / М. Вальковский // Беларуская думка. – 2023. – № 1. – С. 98–103.

15. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А. В. Соколов. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. – 460 с.

16. О чем должны подумать родители, прежде чем публиковать фотографии детей в интернете [Электронный ресурс] // Kaspersky («Лаборатория Касперского»). – Режим доступа: Что такое шерентинг? (kaspersky.ru). – Дата доступа: 14.01.2024.

17. Гейнрих, Т. «Я ни о чем не жалею». Как сейчас живет уволенная за фото в «купальнике» барнаульская экс-учительница / Т. Гейнрих // Комсомольская правда, Барнаул, 16 апр. 2021 г. – Режим доступа: «Я ни о чем не жалею». Как сейчас живет уволенная за фото в “купальнике” барнаульская экс-учительница. – KPRU. – Дата доступа: 27.01.2024.

(Дата подачи: 12.02.2024 г.)

А. В. Филиппович

Белорусская государственная академия искусств, Минск

A. Filippovich

Belorussian State Academy of Arts, Minsk

УДК 141.339 (091)

ИДЕИ ЭЗОТЕРИЗМА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

THE IDEAS OF ESOTERICISM IN ANCIENT PHILOSOPHY

В статье исследуются концепции эзотеризма в античной философии, раскрываются их существенные черты. Анализируются идеи стоицизма, неопифагорейства, герметизма и неоплатонизма, которые положили начало традиции западного эзотеризма. Основное внимание уделено герметизму как течению, оказавшему наибольшее влияние на становление эзотеризма. Раскрывается историко-философское значение идей античного эзотеризма в развитии концепций природы, познания и человека.

Ключевые слова: античная философия; западный эзотеризм; стоицизм; неопифагорейство; герметизм; гностицизм; неоплатонизм.

The article deals with the concepts of esotericism in ancient philosophy, defining their essential features. The author analyzes the ideas of Stoicism, Neopythagoreanism, Hermetism and Neoplatonism, which laid the foundation for the tradition of Western esotericism. Much attention is given to Hermetism as the current that had a major influence on the formation of esotericism. Attempts are made to formulate the historical-philosophical significance of the ideas of ancient esotericism in the development of the concepts of nature, knowledge and man.

Keywords: ancient philosophy; Western esotericism; Stoicism; Neopythagoreanism; Hermetism; Gnosticism; Neoplatonism.

Основы изучения эзотеризма, который долгое время исключался из сферы научных исследований и имел статус «отвергнутого» и «запретного» знания, были заложены в XX в. работами К. Г. Юнга, Л. Торндайка, У. Скотта, О. Виагга, П. Кристеллера, Д. Уокера, Ф. Йейтса, Г. Шолема, М. Элиаде, А. Корбена и ряда других авторов [1, р. 338–339]. Однако новое трансдисциплинарное направление научных исследований окончательно открыла только теория западного эзотеризма Антуана Февра, предложенная им в начале 1990-х гг. Под её влиянием за последние три десятилетия были опубликованы многочисленные исследования эзотеризма, которые существенно расширяют и уточняют представления о развитии философии.

Актуальность исследования связана с тем, что изучение западного эзотеризма позволяет выработать более объективный взгляд на историю философии, раскрывая значение и влияние идей и форм познания, которым не уделялось достаточного внимания в науке из-за стремления представить развитие философии исключительно в русле рационалистических тенденций.

Февр сформулировал шесть признаков эзотеризма как особой формы мышления, среди которых четыре являются существенными: 1) соответствия, символические и реальные, между всеми частями вселенной; 2) живой многослойный иерархический космос; 3) воображение и опосредствование (с помощью ритуалов, символов, духов); 4) трансмутация – практическое изменение познающего. Два вторичных признака присутствуют не во всех разновидностях эзотеризма: 1) идея согласованности, общих черт или изначального единства различных духовных традиций; 2) передача знания от учителя к ученику в соответствии с определенными принципами и следуя уже сложившейся традиции [2, р. 10–15]. Эти признаки, охватывающие философскую и религиозную тематику, позволяют выделить концепции и течения эзотеризма как самостоятельного явления в истории философских и религиозных представлений. Согласно Февру, современные течения западного эзотеризма возникли в эпоху Возрождения в XV в., однако их основой стали тексты эллинистических философских и религиозных течений.

Некоторые философские представления о космосе и человеке, которые имели принципиальное значение для эзотеризма, были созданы уже пифагорейцами и Платоном [3, р. 13–16]. Однако само прилагательное «эзотерический» впервые стало употребляться в эллинистическую эпоху в про-

изведениях Лукиана из Самосаты, Климента Александрийского, Ипполита Римского и Ямвлиха, отражая появление концепций, которые, по сравнению с классической античной философией, имели ряд новых и оригинальных черт. Важнейшие философские античные источники западного эзотеризма – александрийский герметизм, неопифагорейство, стоицизм, неоплатонизм и гностицизм – сформировались под влиянием религиозных тенденций эпохи эллинизма. В этом контексте философия понималась как нечто гораздо большее, чем стремление человеческого разума к знанию: её истинной заботой была божественная мудрость и спасение души [4, р. 15]. К философским источникам эзотеризма примыкает обширный материал алхимии, магии, астрологии и разнообразных «окультиных наук», который уже в античности включался в состав сложных теоретических философских представлений и получал новую интерпретацию.

Все эти течения и идеи развивались в условиях, характерных для эпохи позднего эллинизма, когда происходил интенсивный синтез культур Запада и Востока. Особенно заметным взаимодействием восточных и западных философских и религиозных идей было в Александрии Египетской, где и сформировались основные концепции античного эзотеризма. «Египетское» происхождение наложило отпечаток на всю последующую традицию западной эзотерической мысли, которая нередко будет конструировать собственную мифологизированную историю как восходящую к древнейшим временам Египта и Атлантиды.

Формирование сложной картины мира, характерной для эзотеризма, началось в стоицизме, который унаследовал традиции классической античной философии, но адаптировал их к новой эллинистической эпохе. Стоицизм оказал наибольшее влияние на западный эзотеризм стремлением к познанию космоса как конкретного и живого единства, обеспечивающего гармонию земного и небесного [5, р. 1]. В одушевленном космосе стоицизма всё взаимосвязано, лишено непреодолимых противоречий и порождено единым началом. Эта стоическая картина мира способствовала формированию во всей традиции западного эзотеризма строго монистического и недуалистического взгляда на мир. Другой аспект стоицизма, важный для эзотеризма, состоит в стремлении гармонично сочетать теорию и практику и предполагает понимание философии прежде всего как образа жизни и деятельности, а не только как созерцания. Порождённая религиозными исканиями античности практическая установка эзотеризма приобрела совершенно новый смысл в эпоху формирования современной науки и политических идеологий, способствуя развитию представлений, в том числе материалистических, о преобразовании природы, общества и человека. Стоицизм внёс вклад в эзотеризм также интересом к различным формам религиозности, которые были включены в систему представлений античной философии.

Неопифагорейство, в первую очередь, оказало влияние на формирование числового мистицизма, который стал частью различных направлений

западного эзотеризма. Кроме того, неопифагорейство заложило основу такого важнейшего признака эзотеризма, как опосредствование, предполагающего познание метафизической реальности с помощью ритуалов, символов, духов и образов. Неопифагорейцы Модерат из Кадиса (50–100) и Никоммах из Герасы (ум. 120) создали интерпретацию платонизма, в которой числовая пифагорейская метафизическая реальность была связана с верой в упорядоченное движение душ после смерти и, таким образом, с целым рядом опосредующих процессов, стадиями которых являются планеты и звезды [5, р. 1]. Схожую картину посмертного космического восхождения душ к Луне предлагает Плутарх в своей интерпретации платоновского «Тимея». Идея опосредствования получила развитие в произведениях Филона Александрийского, для которого познание Бога возможно только через промежуточные звенья – Логос, мудрость, ангелов и демонов [5, р. 2–3].

«Египетский след», столь важный для западного эзотеризма, наиболее ярко представлен в александрийском герметизме, который впоследствии стал основой для ренессансного герметизма и последующих современных форм «герметической философии». О значении герметизма свидетельствует тот факт, что само это понятие нередко используется как синоним западного эзотеризма в целом.

Герметические произведения, созданные между 3 в. до н. э. и 3 в. н. э., приписывались Гермесу Трисмегисту, вымышленному мудрецу, совмещавшему черты Тота и Гермеса, образ которого возник в результате эвгемерической интерпретации греческих и египетских мифов [6, р. 15–16]. В эллинистическую эпоху герметические тексты, как и ряд других связанных с эзотеризмом произведений, рассматривались как несомненное выражение древнейшей восточной мудрости, по отношению к которой греки выступали лишь как ученики. Эти произведения разделяются, согласно У. Скотту и А. Ж. Фестьюжеру, на тексты «народного», «общедоступного» герметизма (астрология, магия, алхимия, оккультные науки) и «учёные» или «философские» трактаты, в которых представлены космологические и теософские идеи [7, р. XXXII]. В современных исследованиях западного эзотеризма тексты «народного» герметизма принято называть «техническими», поскольку в них излагаются практические методы теургии, алхимии, магии и астрологии для достижения личных целей. Г. Фоуден утверждает, что «технические» тексты были предназначены для предварительного обучения членов герметических общин, которое служило введением в «философские» трактаты герметизма [8, р. 78].

Основная идея, объединяющая тексты «технического» и «философского» герметизма – концепция всеобщей взаимосвязи всех вещей, материальных и духовных [9, р. 488]. Есть и другие общие моменты, которые уже в античности позволяли объединять тексты герметизма в коллекции и рассматривать их как целостное изложение «древней египетской мудрости» Тота-Гермеса. «Философский» герметизм представлен, прежде всего, тракт-

татами «Герметического корпуса», написанными во 2–3 вв. н. э. и демонстрирующими влияние платонизма и стоицизма.

Н. Гудрик-Кларк выделил ряд черт герметизма, которые послужили основой для формирования западного эзотеризма. Среди них – трансмутация низшего, низменного и материального в высшее, тонкое и более духовное, имеющая явные параллели с алхимией; астрологический космос с иерархией планетарных сфер, который является частью процесса инициации и духовного восхождения; наличие у человека божественного разума, способного отражать вселенную и восходить по лестнице космической иерархии при помощи контакта с духовными сущностями; понимание вселенной как «книги символов», прочтение которых позволяет познать Бога; отсутствие дуализма, так как космос имеет божественное происхождение; интерес к конкретному, единичному и телесному, которые трактуются как формы проявления Бога в человеческом опыте; позитивное отношение к миру, несмотря на последствия падения человечества и ограничения со стороны материи; наличие фигуры проводника или наставника, который помогает возвышать души, пробуждая их божественную природу и помогая в их духовной трансмутации [10, р. 19]. Многие из этих черт встречаются и в других эллинистических течениях, однако именно герметизм объединил их в последовательную теорию, которая оказала наибольшее влияние на развитие западного эзотеризма.

Эклектизм, который был характерен уже для Плутарха, Филона и многих мыслителей и течений эллинистической эпохи, стал и одной из черт герметизма. Эта особенность, которая нередко наделяется негативным смыслом, предполагала возможность обращения к различным идеям и течениям, которые получали оригинальную интерпретацию и синтезировались в новом учении. Для западного эзотеризма эклектизм стал основой формирования принципиально важных концепций «древней теологии» и «вечной философии», которые достигли расцвета в эпоху Возрождения и способствовали развитию систематических представлений о развитии религии и философии, включая гегелевскую теорию истории философии [11, р. 86].

Центральное место в герметизме занимает сюжет падения человечества в материальный мир и последующей реинтеграции с божественным, предполагающий возможность как пессимистической, так и оптимистической интерпретации человека и космоса. Однако в отличие от многих религиозных течений, которые акцентируют негативные последствия падения, герметизм подчёркивает именно позитивные возможности реинтеграции и восстановления человечества и природы. Миф о падении человечества, повлекшего за собой деградацию природы, не ведёт в герметизме к низкой оценке материального мира, потому что космос наполнен проявлениями Бога. Герметическое понимание природы в XVI–XVIII вв. стало основой таких течений западного эзотеризма, как парацельсизм и натурфилософия, которые оказали существенное влияние на развитие философии и естествознания.

Герметизм выдвигает на первое место в Боге и человеке волю, которая определяет активное стремление к познанию и практической мудрости. Воля даёт возможность человеку вырваться из падшего состояния и предполагает активность субъекта, познавательную и практическую. Идея человека, изменяющего самого себя, общество и природу, развивалась течениями ренессансного эзотеризма, которые способствовали её утверждению в современной философии.

Античный гностицизм, в первую очередь, связан с идеей гнозиса, особого духовного знания Бога и высшей метафизической реальности, которое доступно немногим просветлённым [12, р. 56]. Гнозис в расширенном и углублённом понимании стал одной из ключевых концепций западного эзотеризма как знания, ведущего к внутренней трансформации человека [2, р. 19–23]. В онтологии для гностицизма характерен крайний дуализм, который имеет ярко выраженный «антикосмический» характер, отождествляя материю со злом и рассматривая материальный мир как царство тьмы [12, р. 60]. Метафизическому миру божественной полноты, Плеромы, в гностицизме противопоставлен низший мир материальной пустоты, Гистеремы. Тема материального мира, сотворённого злым божеством-демиургом для пленения души, породила в гностицизме презрение к природе, которое не характерно для эзотеризма и нарушает принцип аналогии микрокосма и макрокосма. За пессимистическое и дуалистическое понимание человека и природы гностицизм подвергался критике со стороны герметизма и неоплатонизма. Однако сложная гностическая многоуровневая система опосредствующих звеньев и духовных сущностей, населяющих Плерому, оказалась весьма влиятельной и вдохновляла эзотерические течения вплоть до XX в. Ещё одна черта гностицизма, оказавшая влияние на западный эзотеризм, – это «лингвистический мистицизм», состоящий в использовании эзотерических слов, букв, чисел и символов, которые представляют скрытые закономерности и гармонии космоса [13, р. 29]. Подобное понимание языка станет важной частью ренессансной магии, христианской каббалы и других течений современного эзотеризма.

Неоплатонизм, особенно поздний, вплоть до середины XX в. рассматривался в научных исследованиях как упадок античной философии – в первую очередь, из-за увлечённости неоплатоников магией, астрологией и теургией. Однако тот факт, что большинство неоплатоников практиковали или, по крайней мере, одобряли теургию, отнюдь не дисквалифицирует их как философов [4, р. 13]. Именно античный неоплатонизм наряду с герметизмом сыграл важнейшую роль в формировании как западного эзотеризма, так и философии эпохи Возрождения. В сложной иерархии космоса, разработанной неоплатонизмом, получила дальнейшее развитие характерная для эзотеризма лестница опосредующих ступеней, с помощью которой душа человека способна как совершать восхождение к высшей трансцендентной реальности, так и нисходить обратно в чувственный мир. Космос неоплатоников пронизан разнообразными связями и соответствиями, которые

создают условия для магии. Плотин, который представляет рационально-интеллектуальное направление неоплатонизма, видит в магии лишь препятствие: материальный мир – это сеть магических влияний, избежать которых может только философия как школа очищения [5, р. 10]. У Порфирия, как и у Плотина, магия основана на силах «симпатии», пронизывающих весь материальный мир, однако магический космос рассматривается уже как условие духовного преобразования человека. Ключевую роль в изменении отношения неоплатоников к магии и теургии сыграли «Халдейские оракулы», которые воспринимались как выражение древней восточной мудрости, восходящей к Зороастру и персидским магам. Начиная с Порфирия и вплоть до Дамаския это произведение было «Библией неоплатоников» и рассматривалось ими как источник, по важности сопоставимый с платоновским диалогом «Тимей» [14, р. 2]. Порфирий обосновывал значение теургии как практики, способствующей освобождению души из чувственного мира и восхождению через опосредующие звенья в умопостигаемую реальность [10, р. 24].

Являясь окончательно формирует практическое направление неоплатонизма, доказывая, что спасение души невозможно в теории и уходе от мира, поэтому необходима теургия – божественное действие, которое преображает как душу, так и мир [15, р. 835]. У Прокла, помимо интереса к теургии, обосновывается идея духовного тела, которая займёт важное место в западном эзотеризме начиная с теософии Бёме [5, р. 11].

Идеи эзотеризма, которые в античности развивались в неразрывной связи с важнейшими философскими и религиозными течениями, породили сложные теоретические представления о космосе, познании и человеке, где все уровни реальности пронизаны аналогиями, соответствиями и взаимосвязями. Эти представления продолжились развиваться и в средневековье, однако глубокий систематический интерес к наследию античного эзотеризма стал характерной чертой эпохи Возрождения, когда в новых социально-экономических условиях потребовалось наделить человека могуществом в познании природы и способностью изменять окружающий мир. На основании переосмысленного античного наследия возникли разнообразные течения современного эзотеризма, такие как ренессансный герметизм, парацельсизм, христианская теософия, натурфилософия, ренессансная магия, христианская каббала и др., оказавшие влияние на развитие современной философии. Научное изучение этого «отвергнутого знания» является необходимым условием для дальнейшего развития представлений об истории философии.

Список использованных источников

1. *Hanegraaff, W.* Esotericism / W. Hanegraaff // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 336–340.
2. *Faivre, A.* Access to Western Esotericism / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 1994. – 380 p.

3. *Stuckrad, K. von*. Western Esotericism: A Brief History of Secret Knowledge / K. von Stuckrad. – London: Equinox Publishing Ltd., 2005. – 167 p.
4. *Hanegraaff, W.* Esotericism and the Academy: Rejected Knowledge in Western Culture / W. Hanegraaff. – New York: Cambridge University Press, 2012. – 480 p.
5. *Faivre, A.* Ancient and Medieval Sources of Modern Esoteric Movements / A. Faivre // Modern Esoteric Spirituality / ed.: A. Faivre, J. Needleman. – London: SCM Press, 1993. – P. 1–70.
6. *Faivre, A.* The Eternal Hermes: From Greek God to Alchemical Magus / A. Faivre. – Grand Rapids: Phanes Press, 1995. – 210 p.
7. *Hermetica: the Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a new English translation, with notes and introduction* / ed.: B. Copenhaver. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 408 p.
8. *Fowden, G.* The Egyptian Hermes: a Historical Approach to the Late Pagan Mind / G. Fowden. – Princeton University Press, New Jersey, 1993. – 272 p.
9. *Broek, R. van den*. Hermetic Literature I: Antiquity / R. van den Broek // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 487–499.
10. *Goodrick-Clarke, N.* The Western Esoteric Traditions. A Historical Introduction / N. Goodrick-Clarke. – New York: Oxford University Press, 2008. – 286 p.
11. *Magee, G.* Hegel and the Hermetic Tradition / G. Magee. – Ithaca, NY / London: Cornell University Press, 2001. – 304 p.
12. *Rudolph, K.* Gnosis: The Nature and History of Gnosticism / K. Rudolph. – Harper: San Francisco, 1987. – 427 p.
13. *Versluis, A.* Restoring Paradise: Western Esotericism, Literature, Art, and Consciousness / A. Versluis. – New York, 2004.
14. *The Chaldean Oracles* / ed.: R. Majercik. – Leiden: Brill, 1989. – 247 p.
15. *Shaw, G.* Neoplatonism I: Antiquity / G. Shaw // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed.: W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 834–837.

(Дата подачи: 03.02.2024 г.)

М. М. Шалупенко

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Shalupenka

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК: 09.00.11

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

EDUCATION AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS

Статья посвящена анализу процесса образования как фактору социокультурной адаптации мигрантов. В статье раскрыты и описаны основные способы адаптации мигрантов посредством образования. Рассмотрен опыт ряда стран в сфере социокультурной адаптации мигрантов различного возраста и пола. Делается вывод о том, что успешная адаптация мигрантов в современном обществе возможна посредством образования.

Ключевые слова: адаптация; интеграция; социокультурные факторы; этнокультура; образование.

The article is devoted to the analysis of the educational process as a factor in the sociocultural adaptation of migrants. The article reveals and describes the main ways of adaptation of migrants through education. The experience of a number of countries in the field of sociocultural adaptation of migrants of different ages and genders is considered. It is concluded that successful adaptation of migrants in modern society is possible through education.

Keywords: adaptation; integration; sociocultural factors; ethnoculture; education.

Глобализация стала одним из символов второй половины XX в., формирование глобального рынка труда, интенсификация миграционных потоков работников, учащихся и туристов продемонстрировали фундаментальный характер проблемы межкультурного диалога мигрантов и коренного населения. При этом диалог культур должен вестись на равных, где прибывающие в новую страну не будут жить обособленно и не теряя своей идентичности. В достижении такого баланса и гармонии заключаются стратегическая задача и насущная проблема правительств большинства стран мира. Социальная философия позволяет рассмотреть эту проблему в широком социокультурном контексте и представить институт образования как ключевой фактор социокультурной адаптации мигрантов.

Республика Беларусь выработала собственную, уникальную модель взаимодействия государства с прибывающими в страну мигрантами и управления этническим разнообразием. Однако обстоятельства меняются стихийно, что требует постоянной корректировки данной модели для ее дальнейшей успешной реализации. Чтобы предотвратить рост антимиграционных настроений, нужна продуманная разъяснительная политика по работе с насе-

лением, межкультурное общение (дни культуры, туризм, кампании в СМИ). Это скажется и на экономическом росте, и на политических связях между странами, облегчит процесс социокультурной адаптации мигрантов, что позволит снизить риск межнациональных конфликтов и использовать миграцию как ресурс для развития государства [1].

Понятие «адаптация» в переводе с латинского языка означает «приспособление» личности к внешнему миру. Ж. Пиаже рассматривал адаптацию с точки зрения двух взаимосвязанных операций: аккомодации, когда личность при попадании в другое общество усваивает установившиеся правила окружающей социальной среды, и ассимиляции, когда личность стремится преобразовать социальную и культурную среду, конструктивно ее изменить, улучшить [2, с. 180].

В педагогической науке под адаптацией рассматривается естественное состояние личности, проявляющееся в приспособлении и привыкании к новой окружающей действительности, к существенно изменившимся условиям жизни, к появившимся и установившимся социально-полезным связям, контактам, сформировавшимся социокультурным ролям, а сам процесс адаптации представляет собой становление и формирование изменившейся личности посредством изучения и освоения социальных, культурных, психологических, педагогических условий [2, с. 180].

Понятие «социокультурное» было введено впервые П. А. Сорокиным, который сделал акцент на то, что «социокультура» включает в себя идеологическую совокупность смыслов, объединенных в систему языка, науки, религии, философии, права, этики, литературы, живописи, экономических, политических и социальных теорий: «Все действия, церемонии, ритуалы, поступки, в которых индивидами и их группами используется тот или иной набор смыслов» [2, с. 181].

В таком случае социокультурная адаптация – это специально организованный процесс обучения личности, направленный на приобретение ею индивидуальной социокультурной целостности. Каждый человек в процессе всей жизни и профессиональной деятельности осваивает общераспространенные и жизненно необходимые элементы не только своей культуры, культуры своей исторической родины, но и элементы культуры других государств, в которых по различным причинам он может оказаться [2, с. 181].

В последние десятилетия проблема адаптации индивидов к другой социокультурной среде стала особенно актуальной в связи с активным перемещением между странами и континентами туристов, иностранных студентов, трудовых мигрантов, членов семей мигрантов, беженцев [3, с. 120]. Как правило, мигранты, в частности, вынужденные мигранты, не обладают специальным образованием, не имеют должного уровня владения языком страны назначения. Значительная часть мигрантов испытывают дефицит базовых навыков: в возрасте 18–24 лет их доля составляет 18 %, что в 4,5 раза больше, чем у европейцев. Только три страны ЕС (Великобритания, Ирландия и Люксембург) смогли достичь цели ЕС по

доведению доли мигрантов в возрасте 30–34 лет, имеющих высшее образование, до 40 % [4, с. 252].

Таким образом, по прибытию мигрантов в ту или иную страну важно обеспечить процесс социокультурной адаптации, то есть «включения» их в новую социокультурную среду. В последнее время адаптацией мигрантов и формированием толерантных взаимоотношений между ними и местным населением занимаются не только административные органы, но и общественность в лице благотворительных фондов и организаций, педагогов, социальных работников и психологов. Мигранты, посещающие образовательные организации, также нуждаются в психолого-педагогической поддержке и помощи в адаптации к новым образовательным и воспитательным процессам с учетом их индивидуальных способностей, этнической, культурной, религиозной принадлежности [5, с. 9].

Интенсивная миграция стала причиной возникновения многочисленных конфликтов и социальной напряженности во многих странах. В результате нарушается продуктивная коммуникация между членами общества, растет ксенофобия и национализм. Данные явления предсказуемы, поскольку миграция оказывает влияние на принимающее общество. Таким образом, чтобы миграция не стала экзистенциальной угрозой для общества, важно проводить разумную политику социокультурной адаптации.

Среди факторов, способствующих формированию ориентации мигрантов на адаптацию к новой для них социокультурной среде, выделяют такие, как: доступность основных элементов социальной сферы (рынок труда, жилья, образования и т. п.); социокультурная дистанция между принимающим и родным обществом; этнокультурные черты групповой самоорганизации, обусловленные социальной организацией и традициями родного народа; характер миграции (добровольный или вынужденный, временный или постоянный); исторически сложившийся этнический опыт адаптации к инокультурной среде; доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия [6, с. 19].

В мировом опыте можно выделить несколько наиболее успешных проектов адаптации в сфере образования. В странах западной Европы программы наставничества являются продуктивным и актуальным механизмом интеграции мигрантов, поскольку обеспечивают активное взаимодействие новоприбывших с представителями коренного населения, позволяя, с одной стороны, совместно преодолевать культурные коммуникативные барьеры, а с другой – выстраивать модели продуктивного взаимодействия. Например, с 2009 г. в Испании работает Межкультурная программа наставничества молодежи. Основная ее цель – выстраивание межличностного общения между студенческой и школьной молодежью разных культур в регионах с высоким уровнем социальной изоляции. В рамках развития программы один раз в неделю в течение рабочего времени организуются трехчасовые встречи между школьниками 11–15 лет из сообщества мигрантов и студентами высших учебных заведений, в ходе которых молодежь вовлекается в разного рода активности,

позволяющие познакомиться с различными частями города. В ходе программы происходит не только процесс интеграции новоприбывших, но и молодое поколение принимающей стороны учится понимать и взаимодействовать с представителями иных культур [6, с. 20]. В 2017–2019 гг. в Евросоюзе развивалась программа по интеграции женщин-мигрантов, в ходе которой они получали возможность пройти курсы по изучению языка, а также в сферах трудоустройства и здравоохранения [6, с. 20].

После одной из самых крупных волн мигрантов, произошедшей в 2015 г., прохождение интеграционного курса является непременным условием для получения разрешения на длительное проживание на территории Германии. Мигранты, получившие статус беженцев, обязаны посещать курсы немецкого языка (600 или 900 часов занятий), а также занятия по истории, культуре и праву Германии (100 часов занятий) [7, с. 63]. Однако второе поколение мусульман, рождённых в Германии, с учётом получения среднего образования в немецких школах, показывает более высокий уровень вовлечённости в социальные контакты (частые контакты с немецким населением имеют 74 % опрошенных), чем их родители – мигранты первого поколения, среди которых только каждый второй регулярно взаимодействует с немцами (47 %) [7, с. 67].

Социокультурная адаптация детей-мигрантов происходит в два этапа, которые связаны «с соответствующими институтами образования – дошкольного и школьного». Прохождение каждого из них способствует приобретению необходимых для жизни в другом государстве навыков [8, с. 127].

В Российской Федерации наблюдается следующая картина. Адаптация детей мигрантов в Москве идет преимущественно через школы с этнокультурным компонентом, где идет углубленное изучение языка и культуры того и иного народа. Большая часть учеников в школе имеют одну национальность. С начала 1990-х гг. этнокультурные школы действуют в статусе государственных учреждений. Школы включают различный этнокомпонент: азербайджанский, армянский, грузинский, еврейский, корейский, литовский, польский, украинский, турецкий, хинди. Изучению этнокомпонента отведена четверть учебного времени. Одновременно предполагается углубленное изучение русского языка. Отмечается, что школы с этнокультурным компонентом вызывают недовольство жителей Москвы, усматривающих в этом ущемление прав других национальностей. Поэтому диаспорам предлагается создавать собственные этнокультурные центры, обучающие детей во внеурочное время и за свой счет [9, с. 13].

Европейский опыт, анализ статистических данных и научной литературы по вопросам актуальной миграционной ситуации в Германии позволяет выделить ключевые пункты, необходимые для реализации базовых целей и задач для образовательной политики и педагогических учреждений в миграционном обществе [10, с. 7]:

1. Основополагающим должен стать безбарьерный доступ к образованию для всех детей, независимо от их миграционного статуса [10, с. 8].

2. Для этого необходим детальный анализ имеющихся ресурсов и компетенций в зависимости от факторов культурной и образовательной среды и материального положения семьи, места жительства, социальной поддержки [10, с. 8].

3. Для формулировки образовательных задач по обучению мигрантов необходимо понимание причин и факторов миграции. Необходимо также учитывать жизненные ситуации людей до и после миграции, процессов трансформации в обществе, семьях и на индивидуальном уровне. Это восприятие должно отказаться от «монокультурного представления» о процессе образования и быть основано на принципах равноценности, взаимоуважения, равных шансов при получении образования и толерантности [10, с. 8].

4. Межкультурные отношения между различными группами мигрантов, различия в социальном статусе, уровне образования, региональном происхождении, религиозной принадлежности, мотивах миграции и другие различия должны найти достаточное отражение как в научных исследованиях, так и в интеграционных мероприятиях, в педагогических концепциях [10, с. 8].

5. Важно систематическое распределение ресурсов принимающего общества и стратегическое использование имеющихся ресурсов как на общественном и муниципальном, так и на индивидуальном уровнях с целью предоставления равных возможностей для получения образования для всех, конструктивного диалога и активизации ресурсов всего населения [10, с. 8].

6. Для реализации данных принципов и задач необходимы изменения в подготовке и квалификации педагогических работников и учителей, включение специальных курсов в основную программу обучения (например, ознакомление с миграционной ситуацией и составом населения, особенностями социальнокультурных потребностей различных групп населения, формирование ресурсного подхода к миграционной ситуации и поликультурных компетенций) [10, с. 8].

7. На уровне педагогических учреждений необходимо учитывать уровень квалификации сотрудников, уровень их «перегрузки» и качество имеющихся педагогических концепций. Здесь нужны механизмы поддержки, такие как курсы и тренинги, направленные на развитие у педагогов специальных педагогических компетенций и навыков, наличие методических разработок и учебных материалов, позволяющих улучшить образовательный уровень детей вне зависимости от их миграционной истории и уровня разнообразия. Такого рода поддержка и повышение профессионального уровня педагогов должны быть регулярными, практико-ориентированными, отражать актуальную ситуацию и распространяться на все виды педагогической деятельности [10, с. 8].

Поэтому в наши дни необходима работа в области адаптации и интеграции мигрантов. В связи с этим каждый иммигрант может выбрать для себя определенную стратегию своего поведения. В качестве основных здесь можно рассмотреть мультикультурную стратегию, где иммигрант сохраняет многое из своих культурных ценностей, обычаев, навыков и т. д. Также

иммигрант может выбрать для себя стратегию ассимиляции, которая подразумевает отказ иммигранта от своей культуры и изучение образцов поведения принимающей страны. Наиболее оптимальной здесь является стратегия интеграции, без которой невозможны ни эффективная миграционная политика, ни стабильное будущее страны [11, с. 90].

Сфера обучения и образования имеет огромное значение для интеграции мигрантов в общество, поскольку она впоследствии формирует и определяет рынок труда страны, перспективу развития общества и его безопасность. Оценка языковых и профессиональных навыков важна для определения возможных мест трудоустройства мигрантов. Языковые курсы позволят пройти в последующем обучение и приобретение новой профессии. Признание предшествующего образования облегчит поиск работы и дальнейшую интеграцию мигранта в общество.

Таким образом, можно заключить, что образование является важным фактором социокультурной адаптации мигрантов. Причем, уровни образования следует рассматривать в разрезе: как уже приобретенное образование мигрантами и как следствие необходимость признания их квалификации; образование детей мигрантов (дошкольное и школьное); и, наконец, образование взрослых мигрантов, не имеющих квалификации. Кроме того, важна роль языкового образования мигрантов, а также образования мигрантов-женщин из мусульманских стран. Образование как фактор социокультурной адаптации позволяет максимально возможно интегрировать мигрантов в новое общество. Посредством образования они узнают культуру, историю, язык страны, что впоследствии позволит снизить уровень напряженности в обществе либо вовсе избежать при условии, что такая адаптация прошла успешно. Содействие интеграции и адаптации мигрантов имеет большое значение для экономики страны, в том числе, в целях миграционного замещения естественной убыли населения страны.

Можно констатировать перспективность изучения данного проблемного поля в рамках социальной философии и необходимость разработки практических методик с целью социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в общество.

Список использованных источников

1. Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сборник науч. ст. / УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; отв. авторы: М. А. Можейко [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 370 с.

2. *Матвеева, О. С.* Социокультурная адаптация мигрантов как педагогическое явление / О. С. Матвеева // Проблемы современного педагогического явления. – 2022. – № 1. – С. 180–181.

3. *Шутилова, М. А.* Межкультурная коммуникация и освоение культуры в процессе социокультурной адаптации иностранцев в принимающих

обществах / М. А. Шипилова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 1. – С. 120.

4. Воронова, М. В. О социальных факторах адаптации мигрантов в зарубежных исследованиях (США и ЕС) / М. В. Воронова // Власть. – 2018. – № 8. – С. 252.

5. Андреева, О. А. Интерпретация образа миграции в политическом, правовом и социокультурном измерениях: философско-правовой аспект / О. А. Андреева, Е. А. Макарова // Философия права. – 2016. – № 4 (77). – С. 9.

6. Закирова, А. Ж. Механизмы интеграции мигрантов в социокультурное пространство Европейского союза / А. Ж. Закирова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2021. – № 1 (21). – С. 19–20.

7. Толмачева, А. Ю. Мигранты-мусульмане в Германии: проблемы адаптации и интеграции / А. Ю. Толмачева // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – № 3 (27). – С. 63–67.

8. Ананьина, Д. А. Адаптация детей-мигрантов в условиях инокультурной среды: социально-философский анализ / Д. А. Ананьина, А. В. Терентьева, Цзян Дань // Гуманитарный вектор. – 2022. – № 2 (17). – С. 127.

9. Новикова, Е. Ю. Социальная адаптация мигрантов в России / Е. Ю. Новикова // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2012. – № 6. – С. 13.

10. Метц, М. Задачи образовательной политики и педагогики в поликультурном обществе: опыт и проблемы современной Германии / М. Метц // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4 (60). – С. 7–8.

11. Зайнуллин, Л. И. Социальная адаптация как одна из стратегий вхождения иммигрантов в принимающее сообщество (философский анализ) / Л. И. Зайнуллин // Манускрипт. – 2016. – № 67. – С. 90.

(Дата подачи: 02.02.2024 г.)

О. В. Швабовская

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

O. V. Shvabovskaya

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 174

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

MEDICAL ETHICS FEATURES IN SOVIET TIME

В статье анализируются особенности медицинской этики советского периода. Автор раскрыл такие ее характеристики, как: разработка понятия «медицинская деонто-

логия»; соответствие коммунистической идеологии Советского государства; критика капиталистического подхода к оказанию медицинской помощи; критика технократического подхода в лечении, ведущего к его дегуманизации; определение долга как важнейшего нравственного качества врача; определение статуса пациента как «больного»; понимание врачебной тайны, исходя из приоритета интересов государства и общества над конфиденциальностью пациента.

Ключевые слова: медицинская этика; медицинская деонтология; патерналистская модель; автономная модель; нравственный облик врача; статус пациента; коммунистическая мораль.

The article analyzes the features of medical ethics of the Soviet period. The author revealed such characteristics as: the elaboration of the notion "medical deontology"; its conformity to the communist ideology of the Soviet state; criticism of the capitalist approach to a medical assistance; criticism of a technocratic approach in treatment leading to its dehumanization; the determination of a duty as a main moral quality of a doctor; the determination of a patient's status as "the sick"; medical secrecy with a priority of state and society interests over patient confidentiality.

Keywords: Medical ethics; medical deontology; paternalistic model; respect for autonomy model; moral image of a doctor; status of a patient; communistic morality.

В силу нарастающей сложности современной медицины возрастает актуальность медицинской этики, которая регулирует нравственные отношения людей в области здравоохранения. В XXI в. подходы в этой области во многом определены развитием биомедицинской этики, где отдаётся предпочтение автономной модели взаимодействия «врач – пациент». Однако, и предшествующая ей патерналистская модель взаимодействия, существовавшая, например, в Советском Союзе, была достаточно тщательно проработана на теоретическом уровне, а потому заслуживает внимания. Полезно не только противопоставлять, но и устанавливать взаимосвязь различных этапов развития этической мысли, которая обеспечивает устойчивость нравственной культуры в нашей стране. Современные нравственные принципы поведения медицинских работников изложены в постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 64 от 7 августа 2018 г., а проблемы медицинской этики продолжают находиться в центре общественного внимания [1]. Профессия врача как никакая другая предъявляет особые моральные требования к человеку её избравшему, независимо от исторического периода.

История советской этики в целом и медицинской этики, в частности, практически не изучена, абрисно она представлена лишь в нескольких учебных пособиях [2; 3]. Поэтому целью данной статьи является выявление структуры проблемного поля медицинской этики советского периода и ее особенностей.

К особенностям медицинской этики советского периода можно отнести следующие характеристики.

Разработка понятия «медицинская деонтология»

В Советском Союзе в медицинской среде первым врачом, обосновавшим положения медицинской этики, стал хирург, основоположник советской онкологии Н. Н. Петров, который в статье «Вопросы хирургической деонтологии» в 1939 г. [4] впервые упоминает слово «деонтология» и поднимает тему морального долга и нравственного облика советского врача. Понятия «медицинская этика» и «деонтология» не равнозначны, первая охватывает более широкий круг вопросов, это учение о морали медицинского работника, о его взаимоотношениях с больными и здоровыми людьми, с коллегами, с обществом и государством, позволяет теоретически обосновать нравственные поступки врача в сфере его профессиональной деятельности. Н. Н. Петров также разводит понятия «медицинская этика» и «деонтология», придавая последнему новое содержание, отличное от понимания этого термина у И. Бентама, возлагая на врача в качестве профессионального долга заботу о больном человеке и служение Родине посредством исполнения своих профессиональных обязанностей. Позже, в 1945 г. он издаёт одноимённую книгу, и с тех пор понятие «деонтология» прочно входит в советское здравоохранение. К 1950 г. на теоретическом уровне была обоснована деонтологическая модель советской медицинской этики. Понятие же «медицинская этика» находилось под негласным идеологическим запретом и трактовалось как «буржуазное». В сложившейся традиции медицинская деонтология представляет собой учение о комплексе этических и профессиональных навыков врача и каждого медицинского работника в их практической деятельности. По мнению советских авторов, деонтология в первую очередь отражает социальную сторону медицины, раскрывает включённость человека в конкретно-исторический процесс в системе социальных отношений на уровне личности, группы и общества, здоровье же рассматривается как социальная ценность.

Соответствие коммунистической идеологии

Этика советского врача вытекала из общей коммунистической морали, поэтому на первых страницах учебных пособий по медицинской деонтологии идёт отсылка к постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения», принятому в 1968 г. Советскому врачу должно быть присуще глубокое понимание задач медицины в социалистическом обществе, чужды негуманное отношение к больному и корыстолюбие. «Этика советского врача – подчёркивал Н. А. Семашко – это этика строителя коммунистического общества, это истинно коммунистическая мораль» [5, с. 21]. «Врач лечит. Но он выступает и как организатор здравоохранения, как профилактик, заинтересованный в предупреждении болезней, в оздоровлении каждого человека и всего коллектива, советский врач – активный общественный деятель», – такие слова звучат в книге А. Г. Шантурова «Кому доверить факел Гиппократов» [6, с. 14].

Способы решения этических проблем медицины были определены государственным характером советского здравоохранения и государственной

политикой в этой области, направленной на охрану внешней среды, сотрудничество по линии ВОЗ в подготовке кадров для развивающихся стран, совместную борьбу с заболеваниями, борьбу за жизнь детей. Марксистско-ленинская этика впервые в истории человечества вскрыла классовую природу морали и показала, что правила поведения и действия людей диктуются классовыми интересами, при этом именно коммунистическая мораль выражает интересы и идеалы трудящихся, является высшим выражением гуманизма и заботы о человеке [6].

Критика буржуазной медицины

Все советские авторы, разрабатывавшие профессиональную медицинскую этику, указывали на недостатки «буржуазной» медицины. В первую очередь они отмечали отсутствие внимания к профилактике заболеваний и защите трудящихся на рабочем месте, тогда как в Советском союзе на первый план выступала медико-профилактическая работа, забота о здоровье трудящихся. В критике капиталистического подхода к медицине указывалось на высокую стоимость медицинской помощи, ее недоступность для бедного населения; на то, что капиталистических условиях врач выступает как бизнесмен, а пациент как покупатель, что искажает исходные нравственные отношения между ними; на то, что большинство врачей живут за счёт частной практики, в условиях жёсткой конкуренции, видя в больном человеке источник дохода; на то, что выпуск и продажа фармацевтических препаратов, преследует целью получение прибыли, зачастую они не проходят необходимых клинических испытаний и причиняют вред здоровью пациентов [7]. Поэтому советские авторы делали вывод, что капиталистический способ производства несёт прямую угрозу здоровью и жизни трудящихся, а организация здравоохранения на принципах гуманизма и медицинской этики возможна только в условиях социалистического строя [8].

В трудах врачей-специалистов советского периода часто можно встретить также критику теоретических основ буржуазной медицины – идеализма и психологизма. Они указывают, что отход от философии материализма влечёт за собой кризис моральных устоев, этических норм и пагубно отражается на практической деятельности врача. В книге «Деонтология в неврологии» [7] авторы критиковали фрейдизм за гиперболизацию психической структуры и биологизацию психического, считая психоаналитическую концепцию З. Фрейда слишком оторванной от социальной реальности и исторического процесса. В. М. Бехтерев отмечал, что больному вредит «психоаналитическое копание в душе», стремление «всё свести к половой травме» [4, с. 6], указывает на вред, который наносит фрейдовский психоанализ общественному здоровью, т. к. внимание врачей отвлекается от использования реальных возможностей лечения больного на психосоматический патогенез заболеваний. Критикуется экзистенциализм и неопсихологизм, где неврозы и психозы рассматриваются лишь как формы существования, а также уход западных психиатров от клинического подхода, отрицание ими естественных оснований психических заболеваний.

Критика технического всемогущества, фигуры врача-технократа

В рассуждениях о медицинской этике советские врачи предупреждали об опасности дегуманизации медицины под влиянием новых научных достижений и технологических возможностей. В книге С. Н. Давыдова «О деонтологии в акушерстве и гинекологии» [9] автор высказывал озабоченность тем, что чрезвычайно быстрая и значительная технизация медицины порождает опасность утраты «врачевания личности» с её сложнейшими внешними и внутренними взаимосвязями. Процесс лечения не может быть заменён накоплением фактов о состоянии систем организма. А. Ф. Билибин, советский инфекционист, предостерегал от опасности оценивать состояние больных только с помощью количественных категорий [9].

Е. И. Лихтенштейн в произведении «Помнить о больном» писал: «В течение моей врачебной жизни мне был понятен и близок гуманнейший призыв киевского учёного терапевта академика Ф. Г. Яновского: Поближе к больному человеку!» [10, с. 153]. Он настаивал на том, что НТР должна осуществляться на прочном нравственном фундаменте, иначе человечеству грозит «кибернетически фармакологическое порабощение». В условиях многопрофильной медицинской помощи моральная ответственность врача перед конкретным больным начала обезличиваться, что приводило некоторых врачей к пренебрежительному отношению к личности больного. В книге А. А. Грандо была обозначена новая структура отношений в медицине «врач – прибор – больной» [5], где прибор при всей его диагностической ценности не должен заслонять организм, а тем более личность больного.

Моральный облик советского врача

Во всех учебных пособиях, монографиях и книгах по медицинской этике советского периода неизменно встречается утверждение о высоком нравственном облике советского врача: он должен искренне любить свою профессию и заботиться о больных, профессиональный долг для него превыше всего, в его деятельности социальные обязанности срачиваются с внутренними убеждениями.

А. А. Грандо в своей книге «Врачебная этика и медицинская деонтология» указывал на то, что стать хорошим врачом без любви к своему труду и к больному человеку невозможно: «Врач, равнодушный к больному, к людям, вообще глухой к общественным проблемам, – большое социальное и профессиональное зло» [5, с. 32]. Обращалось внимание на то, что врач лечит, не только применяя различные медицинские методы, но и воздействуя на больного собственной личностью, своими нравственными качествами. В совместной книге В. Д. Трошина и Е. П. Семёновой «Деонтология в неврологии» даётся следующее определение: «Советский врач должен быть интеллигентом в широком смысле этого слова, должен быть не только образованным и культурным, но глубоко порядочным, благородным человеком» [7, с. 11]. Такие требования к моральным качествам врача вытекают из существа самой профессии, поскольку в его руках находится самое ценное – здоровье и жизнь человека. Советский врач должен быть образцом само-

обладания и профессионального долга, образцом подражания в приверженности здоровому образу жизни.

Понимание деонтологии как учения об обязанностях врача отразилось в разработке конкретных норм поведения медицинских работников по специальностям: в педиатрии, акушерстве, стоматологии, неврологии и психиатрии, хирургии, онкологии, медико-профилактическом деле и т. д. Например, в книге С. Б. Коржа, организатора одного из первых онкологических диспансеров Беларуси в г. Барановичи, «Деонтология в онкологии» уделяется большое внимание нравственному облику врача-онколога [7]. В частности, он описывает особенности взаимодействия врача и пациента, указывая на то, что врач-онколог должен успокоить пациента, снять смятение и тревогу, вселить надежду и веру в излечение; подход к пациентам должен быть индивидуальным, сам специалист должен быть «чуткий, внимательный, отзывчивый, спокойный, неторопливый, с хорошими манерами и иметь опрятный приличный внешний вид» [7, с. 41]; автор вменяет в обязанность специалистам постоянное самосовершенствование и повышение квалификации. В книге можно встретить подробное описание устройства учреждений здравоохранения, оказывающих онкологическую помощь, целью которого является создание психологически и нравственно благоприятной среды, помогающей выздоровлению. Автор отмечает безнравственность деления больных на курабельных и некурабельных, так как само определение «некурабельный пациент» является жестоким и приводит к нарушению деонтологии и диагностическим ошибкам. Современные этические кодексы медицинской этики наследуют эту традицию, содержат принципы нормы и правила взаимодействия врача с пациентом, родственниками, врача с коллегами, с социальными институтами.

Статус пациента

В современной медицинской среде полностью исключено слово «больной» в адрес пациента, подчеркивается его автономный статус. В то время как в советской традиции именно этим определением оперировали врачи и медработники. Такая семантическая нагруженность имела практический смысл, подчёркивался особый статус страдающего из-за болезни человека. Поэтому врачу вменялось в обязанность искренне переживать о пациенте, проявлять заботу, стремление установить доверительный контакт, гуманность, отзывчивость и самоотверженность [11].

При всей заботе о больном врачебная тайна в советской медицинской этике понималась весьма ограниченно. Часто указывалось на опасность причинения вреда обществу и пациенту во имя сохранения врачебной тайны. Врач нес ответственность в первую очередь перед советским государством, был обязан сообщать медицинскую информацию следствию и суду, нести ответственность за нераспространение социально опасных заболеваний, к которым относятся туберкулёз, сыпной тиф, холера, малярия и т. д.

В большинстве текстов по медицинской этике авторы предупреждали об опасности правдивого и подробного информирования больного о его со-

стоянии. «Ответы врача должны быть квалифицированными, но без лишних подробностей и обязательно оптимистичными» [4, с. 12], а в случае тяжёлых, терминальных диагнозов рекомендуется скрывать правду от пациента, чтобы не лишать его надежды на выздоровление. Таким образом, пациент полностью находился под опекой врача, который избирательно информировал его о состоянии здоровья, беря на себя большую часть ответственности за лечение.

Подводя итоги, следует отметить, что медицинская этика советского периода выстраивалась в соответствии с коммунистической идеологией советского государства. На этой основе осуществлялась критика капиталистического подхода к оказанию медицинской помощи, а также критика технократического подхода в лечении, склонного к формализму и дегуманизации медицины. Нравственный облик советского медицинского работника максимально нагружен моральными требованиями, такими как самоотверженность, любовь к профессии и профессиональный долг, забота о больном, нравственное и профессиональное самосовершенствование.

При этом советская медицина ориентировалась на патерналистскую модель общения врача и пациента. Пациента определяли с помощью эпитета «больной», дабы указать на его особый статус и усилить эмоциональное отношение к нему. Врачебная тайна понималась специфически, с учётом приоритета интересов государства и общества над конфиденциальностью пациента.

Если сравнить современную медицинскую этику с медицинской этикой советского периода, то для первой характерно расширение проблемного поля за счет биомедицинской этики. Она объёмлет, как прежнюю деонтологию (учение о долге врача, этические принципы и профессиональные ценности деятельности медицинских работников, модель взаимодействия «врач – пациент»), так и более широкий круг вопросов: отношения между коллегами и институциональное взаимодействие в медицине, «открытые» нравственные проблемы, появившиеся вследствие развития и применения новейших медицинских технологий. Медицинская этика советского периода больше нагружена требованиями к моральным качествам медицинского работника, служения Родине, государству, обществу, является патерналистской по сути и тесно связана с политической идеологией. Преемственность современной медицинской этики по отношению к советской можно проследить в белорусской системе здравоохранения, этические основы которой препятствуют дегуманизации, деперсонализации медицинской помощи, формализации отношений «врач – пациент» и включают такие принципы оказания медицинской помощи, как гуманизм, милосердие, сдержанность, профессионализм, конфиденциальность и толерантность [1].

Список использованных источников

1. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 64 от 7 августа 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Рес-

публики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21833531&p1=1>. – Дата доступа: 25.02.2024.

2. Введение в биоэтику: учеб. пособие / А. Я. Иванюшкин [и др.]; под ред. Б. Г. Юдина. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 126–133.

3. История этических учений / под ред. А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2003. – С. 854–893.

4. *Серебров, А. И.* Н. Н. Петров / А. И. Серебров. – М.: Медицина, 1972. – 60 с.

5. *Грандо, А. А.* Врачебная этика и медицинская деонтология: учеб. пособие для мед. ин-тов / А. А. Грандо. – Киев: Вища шк., 1982. – 166 с.

6. *Шантуров, А. Г.* Кому доверить факел Гиппократ: Деонтологические аспекты коммунистического воспитания врача / А. Г. Шантуров, Н. П. Евсеева. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – 112 с.

7. *Семёнова, Е. П.* Деонтология в неврологии: учеб.-метод. пособие / Е. П. Семёнова, В. Д. Трошин. – Горьков. мед. ин-т им. С. М. Кирова. – Горький: ГМИ, 1980. – 46 с.; *Корж, С. Б.* Деонтология в онкологии / С. Б. Корж. – Минск: Беларусь, 1975. – 87 с.

8. *Еренкова, Н. В.* Этика труда среднего медицинского работника / Н. В. Еренкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Здоров'я, 1987. – 116 с.

9. *Давыдов, С. Н.* Деонтология в акушерстве и гинекологии / С. Н. Давыдов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л.: Медицина, Ленингр. отд-е, 1979. – 143 с.

10. *Лихтенштейн, Е. И.* Помнить о больном: пособие по мед. деонтологии / Е. И. Лихтенштейн; послесл. Ю. Щербака. – 2-е изд. – Киев: Вища школа, 1978. – 175 с.

11. *Кисин, С. В.* Профессия врача-подвиг: Советы акушера-гинеколога молодым врачам / С. В. Кисин. – Волгоград: Кн. изд., 1963. – 142 с.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л. И. Архипова

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Л. Ф. Медведева

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

L. I. Arkhipova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

L. F. Medvedeva

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 004.832.28

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА

A STRATEGIC APPROACH TO DIGITAL BUSINESS TRANSFORMATION

В статье рассматриваются современные подходы в реализации стратегий цифровой трансформации, направленных на изменения в традиционной цепочке создания стоимости организации, вызванные переходом к цифровизации бизнес-процессов. Особое внимание уделяется этапам формирования структуры цифровой экосистемы, технологиям цифровой трансформации, которые обеспечивают системный подход к созданию цифровой архитектуры организации.

Ключевые слова: бизнес-архитектура; стратегия; цифровая трансформация; бизнес-модели; интеграция; операционные преобразования; IT-технологии; менеджмент изменений; цифровая экосистема.

The article discusses modern approaches to the implementation of digital transformation strategies aimed at changes in the traditional value chain of an organization caused by the transition to digitalization of business processes. Special attention is paid to the stages of formation of the structure of the digital ecosystem, processes and technologies of digital transformation, which provide a systematic approach to the creation of the digital architecture of the organization.

Keywords: business architecture; strategy; digital transformation; business models; integration; operational transformations; IT technologies; change management; digital ecosystem.

Цифровая трансформация бизнеса предполагает создание системы, которая обеспечивает взаимосвязанность *потребителей и менеджеров* в едином рабочем пространстве, определяющем как сложности, так и возможности для развития бизнеса. Сущность таких связей обусловлена цифровой парадигмой создания ценности, требующей междисциплинарного взаимодействия на базе новой бизнес-модели. Цифровая трансформация пред-

ставляет собой процесс, в рамках которого компании внедряют цифровые технологии по всем направлениям бизнеса, обеспечивая фундаментальные изменения. Цифровая трансформация стала ключевым термином в деловом мире, формируя понимание процессов цифровой готовности и цифровой зрелости организации в необходимости изменения *алгоритмов создания ценности через взаимодействия с клиентами*. Такой подход, в первую очередь, требует изменений в существующих бизнес-моделях и операционных схемах организации, включая перепроектирование *бизнес-процессов, организационных структур и культуры, соответствующей требованиям цифровой реальности*. В таком системном преобразовании должны участвовать все функции организации. Масштаб трансформации должен включать в себя управление и использование комплекса 5D цифровых технологий «5Ds of Digital» (*Dave Chaffey*), которые определяют возможности для потребителей взаимодействовать с брендами, а для бизнеса – достигать своей аудитории и изучать клиентский опыт [1]. Процесс цифровой трансформации не привязан к какой-то конкретной отрасли и может происходить в любой организации. Цифровая стратегия является частью общей стратегии бизнеса. Наиболее существенное влияние на бизнес и его потенциал оказывают такие направления цифровой трансформации, как: социальность (social), мобильность (mobile), аналитика (analytics) и облачные технологии (cloud). Сегодня уже во многих организациях понимают, что для того, чтобы конкурировать, необходим структурированный процесс цифровой трансформации. Цифровая архитектура организации должна рассматриваться как объединение ключевых составляющих: организационная структура управления; архитектура бизнеса; IT-архитектура; технологическая архитектура; культура и система менеджмента изменений. Такое видение описывается TOGAF-методологией, которая формирует системный подход к созданию архитектуры цифрового предприятия. Цифровая трансформация направлена на повышение эффективности деятельности компании в целом. Она связана с осуществлением радикальных преобразований, оказывающих значительное воздействие на организацию и позволяющих приступить к деятельности в новых сферах, изменить бизнес-модель, снизить численность управленцев и т. д. В этих условиях в организациях резко повышается спрос на IT-специалистов, причем необходимость руководителя CIO (Chief Information Officer), занимающегося техническими вопросами, дополняется руководителем CDTO (Chief Digital/Transformation Officer), определяющим миссию и реализацию цифровых реформ (шире обязанности и ответственность у CDTO). Работа CDTO предполагает взаимодействие с внешним окружением (сбор данных о рынке и клиентах и др.), а IT-директор в основном занимается применением стандартных IT-инструментов в текущей деятельности организации [3]. Внедрение преобразующих изменений и реализация выбранной стратегии в компании должны обеспечивать специалисты-управленцы, владеющие достаточными знаниями и навыками в области Change-менеджмента и современных ИКТ (на уровне разработ-

чиков и продвинутых пользователей). Сегодня нетрудно найти обученного специалиста в целом соответствующего этим «техническим» требованиям, однако на рынке труда практически отсутствуют специалисты-эксперты, имеющие навыки управления в этой области. В зависимости от основного фокуса деятельности организации, можно выделить четыре основных типа CDTO: *управление данными, аналитика, оптимизация операционных процессов и инновации* (рис. 1) [4].

CDTO /тип 1	CDTO /тип 2	CDTO /тип 3	CDTO /тип 4
•разработка стратегии и политики ЦТБ; •мониторинг корпоративных данных и управление ими; •консультации сотрудников; •защита данных; •обеспечение конфиденциальности; •поиск ограничений в системе и их устранение; •внедрение цифровых методик и отчетности	•фокусирование на аналитике; •повышение эффективности компании через унификацию бизнес-процессов; •обеспечение прозрачности работы с корпоративной информацией; •повышение качество данных, на основании которых строятся прогнозы	•ответственность за операционные процессы и их автоматизацию; •обеспечение доступности данных и их эффективное использование; •улучшение работы с данными; •внедрение новых платформ и инструментов, технологий, процессов; •формирование экосистемы ЦТБ	•фокус на IT-решениях – инновациях для повышения прибыли и снижения издержек; •автоматизация процессов; •совершенствование корпоративной культуры; •обучение сотрудников; •внедрение различных инноваций; •разработка системы управления знаниями

Рис. 1. Интеграция четырех основных типов CDTO

В реальной практике одновременно могут применяться все четыре направления деятельности.

Конечная цель цифровой трансформации – стимулировать инновации, повышать эффективность, проявлять гибкость и создавать новую ценность как для клиентов, так и для всех заинтересованных сторон, включая партнеров по бизнесу. В условиях динамично развивающейся цифровой среды организациям крайне важно не только оставаться конкурентоспособными, но и успешно развивать новые направления. Структурными блоками для формирования и реализации такого стратегического подхода является *цифровая экосистема*, формирующаяся на базе четырех измерений – *стратегии, люди, технологии, каналы взаимодействия*, которые объединены и связаны ключевыми *процессами и системами*. Таким образом, цифровая экосистема представляет собой комплексный проект, объединяющий большое число участников, информационных сервисов и бизнес-процессов, основанный на принципах равноправности и согласованности отношений и связей (таблица 1).

Для создания успешной и эффективно работающей цифровой экосистемы необходимы стратегический план и синергия между различными сервисами, обеспечивая ожидаемый результат для бизнеса [5–8].

Таблица 1

Структурные блоки экосистемы цифрового бизнеса

Структурные блоки	Начальный уровень цифровых преобразований – готовность	Оптимизированный уровень цифровой трансформации – зрелость
Стратегия	• цифровая стратегия как приоритет; • KPI и OKR; • принятие решений на основе данных	• цифровая стратегия; • бизнес-модель
Технологии	• имитационное моделирование; • облачный сервис (при необходимости); • сбор данных по ключевым каналам	• кастомизированные программные продукты и приложения; • облачные сервисы; • дашборды (отчеты); • принятие решений на основе данных и BI (диагностические, аналитические, прогнозные и предписывающие системы)
Люди	• специалисты и универсалы; • рабочие команды; • совместная среда разработки; • описанные процессы и структура бизнеса	• гибкая инновационная культура; • команды специалистов, имеющие знания в разработке, бизнесе, маркетинге; • приверженность ценностям цифровой культуры; • вовлеченность и мотивированность; • фокус на клиентский опыт
Каналы и процессы	• гибкая разработка на базе методологии Agile/Scrum; • быстрое создание прототипов (MVP) и получение обратной связи от новаторов и ранних последователей	• междисциплинарные команды на базе методологии Lean/ Agile; • экспериментирование и апробация решений; • клиентоцентричность бизнеса; • MVP от новаторов и ранних последователей (SAFe – Scaled Agile-методология, адаптируемая под различные виды деятельности/ бизнесы)
Все блоки и элементы взаимосвязаны и пересекаются (interconnected) – изменение одного элемента изменяет всю цепочку создания ценности для клиента		

В дополнение, важен комплексный подход в последовательности ключевых процессов и систем, построенных на основе бизнес-архитектуры MarTech (рис. 2):

1. Клиентский опыт (Customer Experience/CX).

2. Модель данных (Data Model).
3. Инсайты и аналитика (Insights&Analytics).
4. Сегментация аудитории (Audience Segmentation).
5. Персональная вовлеченность (Personalized Engagement).
6. Идентификация и согласованность (Identification&Consent).
7. Омниканальные данные: входные и выходные потоки (Omni channel data: Inflow&Outflow).

**Рис. 2. Бизнес-архитектура, построенная на MarTech
(интеграция: Маркетинг/Технологии/Менеджмент)**

Представленный комплексный подход обеспечивает плавное включение стратегии цифровой трансформации в комплексную структуру организации, гарантируя, что каждый аспект трансформации бизнеса будет соответствовать стратегическим целям организации и способствовать продвижению культуры инноваций.

Сложное взаимодействие технологий, динамика ожиданий клиентов, операционные сдвиги и внешняя конкурентная динамика являются движущими силами реализации стратегии цифровой трансформации. Всестороннее понимание этих движущих сил имеет решающее значение для организаций, чтобы сформулировать стратегию, которая не только решает текущие проблемы, но и обеспечивает будущий успех.

Ожидания и поведение клиентов играют ключевую роль в управлении инициативами цифровой трансформации. Поскольку клиенты все чаще используют цифровые каналы для взаимодействия (коммуникации, покупки товаров/услуг), организации осознают необходимость адаптироваться и соответствовать этим ожиданиям. С этой точки зрения, улучшение качества обслуживания клиентов становится стратегическим фактором, требующим внедрения цифровых инструментов и стратегий. Внутренние факторы, такие как стремление к операционному совершенству, оптимизация затрат и стремление к гибкости, также способствуют стимулированию цифровой

трансформации. Организации стремятся оптимизировать процессы, снизить эксплуатационные расходы и повысить гибкость, чтобы эффективно реагировать на динамику рынка. Внешнее конкурентное давление и появление сильных ключевых конкурентов часто выступают в роли катализаторов, побуждающих организации пересмотреть свои стратегии и перейти к процессам цифровой трансформации (рис. 3) [7].

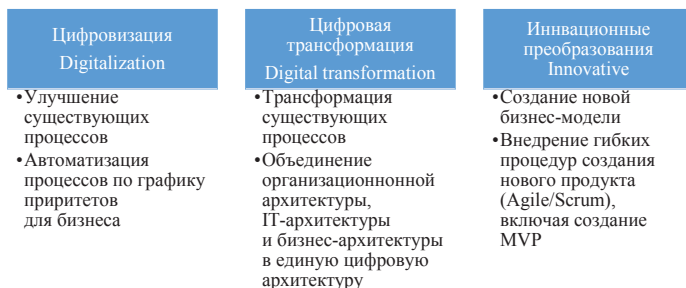

Рис. 3. Процесс перехода к цифровой трансформации организации

Цифровая трансформация – это стратегический подход, выходящий за рамки простой технологической модернизации. На практике его реализация осуществляется поэтапно, включает элементы, обеспечивающие процессы цифровой трансформации и поддерживающие изменения в процессе цифровой трансформации (рис. 4, 5).

Преимущества *цифровой трансформации* вынуждают компании принять стратегию, способствующую созданию инновационных бизнес-моделей и новых возможностей, движением к успеху здесь является *оперативная аналитика*. Значительное влияние на результаты цифровой трансформации оказывают пять ключевых стратегических категорий: *покупатели; конкуренты; данные; инновации; ценность*. Все эти категории необходимо рассматривать с точки зрения требуемых преобразований и принятия управленческих решений, где важными атрибутами являются: порядок внедрения изменений; изучение пользовательского или клиентского опыта; уровень используемых коммуникаций; вовлеченность клиентов в процессы организации; адаптация, обучение лиц и подразделений, участвующих в цепочке создания ценности, включая IT-команду и др.

В процессе цифровой трансформации происходят наиболее значимые изменения по направлениям, сгруппированным в виде пяти ключевых блоков, представленным двумя уровнями (рис. 4, 5).

Отсутствие одного или нескольких блоков в этой цепочке является барьером в реализации процесса цифровой трансформации. Даже простое изменение последовательности может прервать процесс в целом [7].

Рис. 4. Блоки первого уровня, обеспечивающие процессы цифровой трансформации

Рис. 5. Блоки второго уровня, поддерживающие изменения в процессе цифровой трансформации

Взаимодействие в «цифровом смысле» внутренних и внешних связей для создания ценности с использованием цифровых инструментов и междисциплинарной бизнес-модели создает новые возможности цифровой трансформации. К ключевым возможностям цифровых решений в бизнесе можно отнести: омниканальность бизнеса (SMM, мобильные приложения, IoT, облачные технологии); совместимость внутренних и внешних взаимоотношений (web-сайт, мобильные устройства, чат-боты); цифровизация и алгоритмизация маркетинга и продаж (CRM, мобильные приложения); повышение производительности (комплекс MarTech).

Набор (стек) технологий MarTech. Важно использовать программные продукты, которые позволяют обрабатывать данные в режиме реального времени. Набор технологий должен охватывать все сферы взаимодействия компании с клиентами: от изучения клиентского опыта до омниканального обслуживания.

Цифровая трансформация бизнеса может быть представлена в виде схемы, объединяющей все активности организации в единую бизнес-архитектуру, построенную на единой цифровой платформе, где все цифровые сервисы «работают» на результат: получение прибыли за счет разработки и предоставления рынку ценностных предложений, удовлетворяющих потребности клиентов и соответствующих их ожиданиям и ценностям (рис. 6) [8–9].

Рис. 6. Процессы и технологии реализации стратегии цифрового бизнеса

К цифровой трансформации ведут разные пути и путь каждой организации может быть уникальным, учитывающим навыки и экспертизу исполнителей: внедрить *искусственный интеллект* или *облачные вычисления*, чтобы улучшить качество обслуживания клиентов; делать более *точные прогнозы* по развитию своего продукта, которые покупатели захотят покупать через несколько месяцев, а затем перенастроить производство в соответствии со спросом. В цифровом бизнесе можно измерить все, что требуется для принятия решений, поэтому развитие компетенций управленческого персонала в рамках CDTO способствует выявлению наиболее актуальных показателей и обеспечивает их измерение, что позволяет более эффективно взаимодействовать с рынком и принимать соответствующие бизнес-решения.

Динамичное развитие цифровых технологий создает необходимость в постоянном получении новых знаний для управления и поддержания стратегии организации в актуальном состоянии. Стратегический подход обеспечивает реализацию цифровой трансформации всей совокупности бизнес-процессов компании в долгосрочном периоде развития. Прогресс в цифровой трансформации бизнеса зависит от эффективно выбранных цифровых стратегий, эффективно работающей цифровой экосистемы, а также от того, насколько

новое мышление персонала и организационная культура включены в процесс создания ценности, обеспечивая готовность прогнозировать, заниматься инновациями и участвовать в каждом этапе цифровой трансформации. Стратегическое взаимодействие внутренних и внешних связей для создания ценности с использованием цифровых инструментов создает новые возможности в области Change-менеджмента и современных ИКТ. Комплексный подход обеспечивает плавное включение стратегии цифровой трансформации в бизнес – архитектуру организации, гарантируя, что каждый аспект трансформации бизнеса будет соответствовать стратегическим целям организации и способствовать продвижению культуры инноваций.

Список использованных источников

1. Digital Transformation Strategy. The essential guide to growing your business with digital transformation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smartinsights.com/essential-guides/digital-transformation-strategy/>. – Дата доступа: 14.12.2023.
2. Стратегические пути к трансформации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bpms.ru/post/20190903-digital-enterprises-an-approach/>. – Дата доступа: 04.01.2024.
3. CDO: две должности в одной аббревиатуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sales-generator.ru/blog/cdo-dve-dolzhnosti-v-odnoy-abbreviation/>. – Дата доступа: 03.12.2023.
4. Руководитель цифровой трансформации CDTO – кто это? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dis-group.ru/blogs/rukovoditel-tsifrovoj-transformatsii-cdto-kto-eto-i-chem-zanimaetsya-direktor-po-tsifrovizatsii/>. – Дата доступа: 05.11.2023.
5. Кто такой CDTO и как им стать: задачи, навыки, зарплата и опыт реальных специалистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finacademy.net/materials/article/cdto>. – Дата доступа: 17.12.2023.
6. Digital Transformation Strategy Framework: 10 Key Steps for Strategic Planning [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalleadership.com/blog/key-activities/>. – Дата доступа: 07.12.2023.
7. *Архипова, Л. И.* От цифровой трансформации к цифровому бизнесу: проблемы управления / Л. И. Архипова, Л. Ф. Медведева // Научные труды Республиканского института высшей школы: сборник науч. ст.: в 3 ч. Вып. 20 / редкол.: В. А. Гайсёнок (гл. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – Ч. 1. – С. 335–343.
8. Цифровая экономика, цифровая трансформация. Как определить, измерить, повысить? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.broadcasting.ru/articles2/Oborandteh/tsifrovaya-ekonomika--tsifrovaya-transformatsiya-kak-opredelit--izmerit--povysit>. – Дата доступа: 05.12.2023.
9. Стратегические пути к трансформации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bpms.ru/post/20190903-digital-enterprises-an-approach/>. – Дата доступа: 12.12.2023.

10. What is digital transformation? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.accenture.com/ae-en/insights/digital-transformation-index#:~:text=Digital%20transformation%20is%20the%20process,for%20employees%2C%20customers%20and%20shareholders.> – Дата доступа: 14.12.2023.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

И. М. Вашко

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. M. Vashko

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ИННОВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ¹

CONCEPTUAL APPROACHES TO ENSURING THE EFFECTIVENESS OF INDUSTRIAL POLICY ON AN INNOVATIVE BASIS

Исследованы ключевые аспекты промышленного развития Беларуси и методологические подходы к формированию промышленной политики на инновационной основе. Выявлены проблемные вопросы в ее формировании. Обоснована необходимость формирования инновационной стратегии промышленного развития. Определены методологические подходы к формированию инновационной промышленной политики.

Ключевые слова: инновационное развитие национальной экономики; инновационная стратегия; промышленная политика.

The key aspects of industrial development of Belarus and methodological approaches to the formation of industrial policy on an innovation basis have been studied. Problematic issues in its formation have been identified. The necessity of forming an innovative strategy for industrial development is substantiated. Methodological approaches to the formation of innovative industrial policy have been identified.

Keywords: innovative development of the national economy; innovation strategy; industrial policy.

Промышленная политика, определяемая в исследованиях ОЭСР как меры, направленные на структурное обеспечение повышения эффективности сектора коммерческих предприятий, находится в особом ракурсе внимания большинства стран после мирового финансового кризиса 2008 г. Цели промышленной политики в ряде случаев выходят за рамки роста ее эффек-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г23-110 от 02.05.2023, номер гос. регистрации 20231097).

тивности на основе активизации инновационной деятельности и включают обеспечение устойчивости экономической деятельности организаций, стабильность развития общественного производства или стратегическую автономию [1, с. 5].

В условиях жесткой межстрановой конкуренции разработка, производство, продвижение на мировых рынках высокотехнологичных продуктов рассматривается как один из приоритетов промышленной политики. В этом процессе важную роль играет трансфер и диффузия технологий, взаимодействие субъектов хозяйствования в рамках открытых инновационных процессов. В условиях воздействия санкционных ограничений со стороны ряда развитых стран в отношении Республики Беларусь данные возможности сужаются, что ставит задачу разработки и реализации системы мер, направленных на преодоление угроз значимого технологического разрыва в экономическом развитии в условиях глобальной конкуренции стран.

Целью исследования является определение концептуальных подходов к обеспечению эффективности промышленной политики на инновационной основе.

Исследование базируется на аналитическом подходе к изучению методологических подходов к разработке и реализации промышленной политики на инновационной основе, мета-анализе, системном анализе и синтезе.

Четвертая промышленная революция вызывает переформатирование цепочек добавленной стоимости, усиление конкурентной борьбы на глобальных рынках. Новые прогрессивные технологии обеспечивают рост возможностей для развития капиталоемких и трудосберегающих децентрализованных производств. Динамичность рынков, технологические изменения, рост цен на ресурсы, растущая глобальная нестабильность лежат в основе прогнозов, что глобальные цепочки стоимости и их влияние на глобальное производство в будущем может сильно отличаться от ситуации, сложившейся в прошлом [2]. Игнорирование данных тенденций, сохранение ориентации на эволюционный путь инновационного развития может привести Республику Беларусь к нахождению в глобальной периферии технологического развития в долгосрочной перспективе [3, с. 11].

Результаты анализа позволяют отметить, что экспортные доходы Беларуси в значительной степени определяются экспортом сырья и продуктов его переработки. Вне рамок сырьевого сектора – экспорт транспортных услуг и информационных технологий, развитие которых неразрывно связано с возможностями использования инновационного потенциала человеческого капитала. Недостаточность кооперационных связей между производителями сложных технических продуктов и снижение темпов модернизации технологической базы обусловили значительный объем импорта технологического оборудования и других важных узлов и компонентов для производства различного вида продуктов, оказания услуг.

Макроструктурные показатели экономики Беларуси отражают значительную экспортно-ориентированность и импортозависимость. Согласно

результатам исследования, проведенного Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации, внутренний спрос Беларуси оказывает воздействие на формирование ВВП в размере 59 %. Анализ и прогнозное моделирование сценариев изменения ВВП отражает значимое воздействие не только внешних факторов, определяющих макроэкономические структурные показатели, но и реализуемого варианта экономической политики, а также более высокую прогнозную эффективность национальной экономики при реализации стимулирующей политики [3, с. 238–241].

Анализ методологических подходов, направлений разработки и реализации политики структурных преобразований в промышленном секторе Беларуси позволяет сделать выводы, что промышленная политика реализуется преимущественно на основе программно-целевого подхода, включающем разработку государственных и отраслевых программ, целевое финансирование инновационно-инвестиционных проектов, направленных на использование прогрессивных экономических моделей, в том числе создание территориальных инновационных структур в виде инновационных кластеров и др.

Тем не менее, результаты анализа ключевых макроэкономических показателей инновационного табло позволяют сделать вывод, что на данном этапе в развитии промышленного сектора преобладает эволюционный путь технологического развития (таблица 1).

Таблица 1

**Отдельные показатели Европейского инновационного табло (EIS-2021)
по Республике Беларусь**

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Доля расходов на НИОКР в коммерческом секторе в ВВП, %	0,42	0,37	0,34	0,30
Доля занятости в наукоемких видах деятельности (производство и услуги) к общей занятости, % (на конец года)	35,41	36,04	36,35	35,22
Доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров, %	30,7	32,1	33,9	31,7
Доля экспорта наукоемких услуг в общем объеме экспорта услуг, %	42,6	47,5	52,3	54,6
Доля отгруженных новых для рынка и новых для организации инноваций в общем объеме отгруженной продукции, %	17,25	15,27	15,66	18,02

Примечание: составлено по данным [4, с. 26].

Как отмечается в исследовании Института экономики НАН Беларуси, изменение показателя комплексной оценки инновационной восприимчивости национальной экономики, отражающего инновационный потенциал, инновационный климат, инновационную активность и ее результативность, в последнее десятилетие не имеет положительной динамики [5, с. 55]. Про-

блемными аспектами в развитии промышленного сектора являются несогласованность аспектов стратегического видения инновационного развития и существующей практики инновационной деятельности субъектов хозяйствования; недостаточная эффективность экономических рычагов, направленных на поддержание устойчивости экономической деятельности, и экономических стимулов инновационного развития, обеспечения кадровых потребностей организаций для активизации инновационной деятельности; недостаточное развитие инновационной экосистемы и др.

Как отмечает ряд зарубежных исследователей, системная, ориентированная на стратегическую миссию устойчивого развития страны инновационная политика должна основываться на системном анализе и прогнозе (форсайте). Это требует не только выявления недостающих звеньев, сбоев и узких слабых мест или проблем национальной инновационной системы, но и признания ее сильных сторон. Предвидение необходимо для тщательного изучения будущих возможностей и определения того, как сильные стороны могут быть использованы для преодоления слабостей. На этих результатах анализа должна базироваться разработка конкретных стратегий, новых институтов и новых связей в инновационной системе [6, с. 807]. Ценностно-ориентированный подход, основанный на создании конкурентных преимуществ на основе имеющихся достижений и инновационных возможностей с учетом результатов форсайта, является обоснованным с точки зрения его результативности и опыта применения в ряде стран.

В рамках форсайта могут рассматриваться сценарии реализации трех видов промышленных стратегий для Беларуси: сырьевая стратегия, пространственная и (или) инновационная стратегии [3, с. 248].

Сырьевая стратегия направлена на дальнейшее использование ресурсов, которые являются ключевыми для экспорта. Реализация данного вида стратегии имеет значительные риски в условиях глобальной регионализации и санкционных ограничений. Следует принимать во внимание тенденции глобального технологического развития, которые отражают направленность глобальной экономики на ресурсосбережение.

Пространственная стратегия нацелена на преимущественно экстенсивный тип экономического роста, более широкое использование имеющихся в стране ресурсов. Данный вектор развития имеет ресурсные ограничения.

Инновационная промышленная стратегия направлена на активное использование прогрессивных технологий, развитие Индустрии 4.0, формирование информационного общества.

Можно отметить ряд проблемных аспектов для реализации инновационной промышленной стратегии: недостаточный инновационный, в том числе технологический, потенциал стран ЕАЭС, оцениваемый на основе сводного индекса готовности к развитию передовых технологий, определяемого экспертами ЮНКТАД (таблица 2), невысокая наукоемкость ВВП, ограниченность ресурсных возможностей, недостаточная внутристрановая и межстрановая адаптация к факторам инновационного развития.

Таблица 2

Индекс готовности к развитию передовых технологий

Индикаторы	Позиция в глобальном рейтинге				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Применение ИКТ	77	45	62	112	39
Навыки и знания (квалификация кадров)	69	35	42	97	28
Научно-исследователь- ская и опытно-кон- структорская деятель- ность	103	91	56	127	11
Промышленный потенциал	105	63	75	98	66
Доступность для финансирования передовых технологий	67	109	114	120	45
Общий рейтинг/оценка	83/0,39	59/0.53	63/0.50	115/0.25	27/0.75
Уровень готовности к передовым техноло- гиям	Ниже среднего	Выше среднего	Выше среднего	Ниже среднего	Высокий

Примечание: составлено по [7, с. 137–142].

Следует принимать во внимание макроэкономические факторы, влияющие на экономический рост, к которым относятся [8]:

- развитие общественных институтов, институциональной среды, способствующей поддержке экономического роста на инновационной основе, соответствующее нормативное правовое регулирование экономических отношений;
- совершенствование денежно-кредитного регулирования с учетом стадий экономических циклов развития общественного производства, обеспечения его направленности на увеличение объемов сбережений и инвестиций, используемых для финансирования инновационно-инвестиционной деятельности;
- активное стимулирование НИОКТР, разработку и коммерциализацию передовых технологий и инновационных разработок, эффективное использование интеллектуальной собственности;
- подготовка высококвалифицированных кадров для инновационной экономики и расширенное воспроизводство трудового потенциала;
- интеграция страны в систему глобальных экономических связей, цепочек добавленной стоимости, обеспечивающая рост ее конкурентоспособности, включая научно-технологическое сотрудничество, трансфер технологий и др.

Повышение эффективности промышленной политики на инновационной основе обуславливает необходимость проведения структурных реформ и реструктуризации промышленного сектора. Политика структурных преобразований является важным компонентом экономической политики и имеет комплексный характер, включая инновационную, инвестиционную, научно-техническую политику и др.

Следует учитывать ключевые факторы, положительно воздействующие на динамику производительности труда в национальной экономике (уровень среднемесячной заработной платы в секторах экономики; инвестиции в основной капитал; налоговую нагрузку; объем затрат на НИОКР) [9, с. 147].

Опыт экономического развития ряда стран показывает, что формирование и реализация структурной промышленной политики обуславливается значимым регулирующим воздействием органов государственного управления. Главной целью структурной промышленной политики является формирование условий для экономического развития на основе оптимизации технологической структуры общественного производства, обеспечения импортозамещения, коммерциализации научно-технических разработок и внедрения финансовых, организационных, коммерческих инноваций. Это определяет необходимость выделения и таргетирования ключевых стратегических приоритетов, направлений их реализации с учетом целей социального развития.

Комплекс мероприятий в рамках реализации структурной промышленной политики должен быть направлен на решение следующих задач:

- повышение эффективности инвестиций в продуктовые и процессные инновации, создание производств с высокой добавленной стоимостью V и VI технологического укладов;
- привлечение инвестиционного капитала в отрасли, определяющие перспективные направления и повышающие уровень технико-технологического развития общественного производства;
- эффективное управление организациями в высокотехнологичных и традиционных отраслях, использование передовых технологий в традиционных видах экономической деятельности и др.;
- внедрение инструментов и механизмов для формирования Индустрии 4.0, создание условий для разработки и продвижения на рынке интернет-продуктов, развития цифровых производств и услуг, цифровых бизнес-моделей и информационных и технологических платформ;
- развитие пространственных и отраслевых инновационных экосистем.

На основе проведенного исследования можно сделать ряд итоговых выводов.

1. Разработка инновационной промышленной политики включает: формирование концепции и выбор стратегии научно-технологического развития; разработку программ, направленных на реформирование структуры национальной экономики на основе инновационных бизнес-моделей; совершенствование нормативной правовой базы для обеспечения процессов структурного реформирования и реорганизации систем менеджмента.

2. Рассматривая подходы к реализации промышленной политики на инновационной основе можно выделить следующие подходы: а) эволюционный, представляющий постепенное поэтапное преодоление структурных диспропорций, и б) путь технологических прорывов, означающий переход на качественно новый уровень структурно-экономических и технологических преобразований, обеспечивающий более динамичные темпы экономического роста.

3. Совокупность приоритетов промышленной политики целесообразно формировать на основе выделения стратегических отраслей, которые могут обеспечить инновационный прорыв и иметь эффект мультипликатора в смежных отраслях. Политика таргетирования научно-технологического развития, направленная на поддержку высокотехнологичных отраслей, эффективно реализованная в Японии во второй половине XX в., послужила концептуальной основой для промышленных политик ряда стран.

4. Значительную роль в обеспечении эффективности промышленной политики Беларуси играет оптимизация направлений и форм реструктуризации промышленных предприятий, внедрение прогрессивных бизнес-моделей, повышение экономической заинтересованности субъектов хозяйствования в экономических результатах инновационной деятельности, стимулирование предпринимательской активности в инновационной сфере. Реализация указанных подходов позволит формировать новые цепочки создания добавленной стоимости, повысить технологический уровень общественного производства, обеспечить эффективное импортозамещение.

5. Для обеспечения экономического роста на инновационной основе необходимым является комплексное системное развитие структурных преобразований, учет воздействия ряда внутренних и внешних факторов, связанных с рыночным механизмом и воздействием государственных регулирующих воздействий, использование возможностей их оптимизации на инновационной основе.

Список использованных источников

1. Quantifying industrial strategies (QuIS): Measuring industrial policy expenditures [Electronic resource] / C. Criscuolo [and others] // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. – 2022. – № 5. – Mode of access: <https://dx.doi.org/10.1787/ae351abf-en>. – Date of access: 10.02.2024.

2. *Kaplinsky, R.* Global value chains, where they came from, where they are going and why this is important [Electronic resource] / R. Kaplinsky // IKD Working Paper. – 2013. – № 68 // The Open University – Mode of access: <https://www.open.ac.uk/ikd/sites/www.open.ac.uk.ikd/files/files/working-papers/ikd-working-paper-68.pdf>. – Date of access: 10.02.2024.

3. Россия и Беларусь в глобальных цепочках стоимости: монография / П. В. Арфьев [и др.]; под ред. А. А. Быкова, С. А. Толкачева; Финансовый университет при Правительстве РФ. – М.: Прометей, 2022. – 470 с.

4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2022. – 94 с.

5. Механизмы инновационного развития экономики Республики Беларусь: монография / Д. В. Муха [и др.]; науч. ред. Д. В. Муха; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2022. – 445 с.

6. *Mazzucato, M.* Mission-oriented innovation policies: challenges and opportunities [Electronic resource] / M. Mazzucato // *Industrial and Corporate Change*. – 2018, – Vol. 27. – № 5. – P. 803–815. – Mode of access: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4667792/mod_resource/content/1/Mazzucatto.pdf. – Date of access: 10.02.2024.

7. Technology and innovation report 2021. Catching technological waves Innovation with equity [Electronic resource] / UNCTAD, TIR. – 2021. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020_en.pdf. – Date of access: 20.02.2024.

8. *Kuznets, S.* Modern Economic Growth: Findings and Reflections [Electronic resource] / S. Kuznets // *American Economic Review*, 1973. – V. 63. – P. 247–258. – Mode of access: <http://www.piketty.pse.ens.fr/files/Kuznets1973.Pdf>. – Date of access: 10.02.2024.

9. Налоговое стимулирование развития промышленности России в условиях санкционных ограничений: монография / М. Р. Пинская [и др.]. – М.: Прометей, 2021. – 226 с.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

Г. Д. Веренич, С. В. Марцева

Белорусский национальный технический университет, Минск

G. D. Verenich, S. V. Martseva

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 61.007

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

SPECIFICITY OF MODERN BUSINESS PROCESSES IN THE HEALTHCARE SYSTEM

В данной статье рассматриваются особенности медицинской услуги как экономической категории, представлены специфические черты бизнес-процессов в системе здравоохранения и тенденции развития бизнес-аналитики в данной отрасли.

Ключевые слова: здравоохранение; медицинская услуга; бизнес-процессы; цифровизация; пациент.

This article discusses the features of medical services as an economic category, presents the specific features of business processes in the healthcare system, and trends in the development of business analytics in this industry.

Keywords: healthcare; medical service; business processes; digitalization; patient.

Одним из приоритетных направлений социально-экономического развития любой страны является развитие системы здравоохранения.

Здравоохранение – отрасль деятельности государства, целью которой является организация и обеспечение доступного медицинского обслуживания населения [1].

Здравоохранение – это система государственных, общественных и медицинских мероприятий, состоящих в предоставлении обществу потребительской стоимости, направленной на предупреждение и лечение заболеваний, укрепление здоровья населения, продление жизни людей.

В последние годы здравоохранение стало одной из областей, наиболее активно применяющих информационные технологии. Концепция развития системы электронного здравоохранения занимает центральное место в этом процессе, предлагая инновационные подходы к сбору, хранению и обмену медицинскими данными с использованием современных информационных и коммуникационных технологий.

Вопросами применения цифровых инструментов в системе здравоохранения занимается ряд белорусских ученых.

Так, Н. Шандора отмечает, что основными вопросами цифровой трансформации здравоохранения являются: информированность пациентов о показателях здоровья и благополучия населения, доступность получения информации о е-медицине, разработка нормативно-правовых актов по внедрению электронного здравоохранения. Политика, проводимая государством в области цифровизации здравоохранения, предполагает обмен информацией между всеми уровнями оказания медицинской помощи и внедрения системы информационной поддержки клинических решений [8].

А. А. Ермоленко указывает на то, что внедрение электронного здравоохранения позволит объединить действия всех заинтересованных сторон: пациентов, врачей, организаций здравоохранения и органов управления здравоохранением. Данный автор отмечает, что для создания е-медицины есть все технические предпосылки: в части развития телекоммуникационных технологий Республики Беларусь в 2019 г. заняла 2-е место в рейтинге европейских стран по уровню проникновения волоконно-оптических линий связи в домохозяйствах. Кроме этого, локальные электронные медицинские карты имеются уже во многих медицинских информационных системах, эксплуатируемых в учреждениях здравоохранения страны. Данный автор также отмечает, что имеются определенные проблемные вопросы по внедрению электронного здравоохранения: не до конца проработаны вопросы разработки необходимых нормативно-правовых актов, отсутствует концепция сопровождения эксплуатируемых в настоящее время медицинских информационных систем и положение о закупках новых медицинских информационных систем [6].

Т. Н. Беляцкая и О. М. Маклакова отмечают, что при внедрении электронного здравоохранения возникают проблемы в области технической безопасности, такие как зависимость от платформ, которые обеспечивают

хранение персональных медицинских данных. Также возникают проблемы, связанные с киберпреступностью. Авторы отмечают, что для безопасности при применении цифровых инструментов в медицине необходимо разработать устойчивость системы электронного здравоохранения к кибератакам, осуществлять мониторинг безопасности и надежности в режиме реального времени, обеспечить осведомленность персонала об основных угрозах кибербезопасности [2].

Г. Г. Головенчик определяет электронное здравоохранение как систему деятельности медицинских учреждений, основанную на использовании информационно-коммуникационных технологий и унифицированную в национальных или международных рамках правовой базы [3].

Когда речь идёт об использовании электронных информационно-коммуникационных технологий, следует структурировать деятельность системы здравоохранения и, соответственно, возникает вопрос об описании бизнес-процессов, которые подвергаются автоматизации.

Бизнес-процесс – это логически взаимосвязанная, периодически или постоянно повторяющаяся, определенная последовательность действий, которая происходит с участием человека, в результате которой используются внешние ресурсы, достигается поставленная цель и создается потребительская стоимость. Управление бизнес-процессами называют процессным подходом.

Термин «бизнес-процесс» возник в 70-е гг. XX в., когда активно начали применяться информационные системы и сложность организации труда значительно увеличилась.

Использование в работе искусственного интеллекта привело к использованию не абстрактной, а конкретной, регламентированной информации, которая строилась по определенному алгоритму и в определенной очередности ввода и обработки данных. Соответственно, возникала необходимость стандартизации информации, которая была бы понятна и для машины, и для восприятия человеком.

Для бизнес-процессов характерно не одно действие, а целый комплекс. Все действия при этом связаны друг с другом и организованы определенным образом, чтобы был получен определенный результат. Бизнес-процессы начинаются с входа, это заявка. Конечным результатом является выход – готовый товар, услуга или информация.

Если речь идёт о системе здравоохранения, то результатом может выступать выполнение работ (например, стоматологических) или оказание услуг (медицинская консультация) для потребителя – пациента.

Исследование бизнес-процессов в здравоохранении является необходимым, так как их эффективность снижается, если их не совершенствовать, не обновлять.

Бизнес-процессы в системе здравоохранения имеют определенные особенности, которые связаны со спецификой медицинской услуги как экономической категории и спецификой отрасли в целом.

Для медицинских услуг характерны следующие особенности: результат оказанной услуги всегда индивидуален, воплощен в самом человеке, как правило, имеет сложную структуру, разнообразен по срокам проявления, физическому объему, необходимостью повторного воздействия.

Медицинская услуга персонифицирована в силу индивидуального подхода к каждому пациенту и зачастую требует взаимодействия различных категорий медицинского персонала. При оказании услуги невозможно точно определить величину требуемых ресурсов и, как правило, нет прямой связи между затратами на лечение и конечным результатом. При этом качественно оказанная медицинская услуга обеспечивает длительное воздействие результата лечения на организм пациента после его завершения.

Медицинские услуги выступают как социально значимым, общественным, так и экономическим благом. Спрос на них определяется предложением и существует неопределенность возникновения спроса на медицинскую услугу.

Медицинская услуга имеет характер доверительных благ, так как пациент не может самостоятельно определить объем и стоимость услуг, оценить соотношение цены и качества. В силу индивидуальности каждого пациента требуется дифференцированный подход в диагностике и лечении, исходя из этого, медицинские услуги носят персональный характер. Для медицинских услуг характерна необратимость воздействия. Медицинские услуги требуют разумного участия в лечении не только со стороны медицинского персонала, но и со стороны потребителя (пациента). Результат лечения не зависит напрямую от затрат.

Таким образом, специфическими особенностями медицинской услуги являются: зачастую невозможность её ощутить, то есть неосвязаемость, индивидуальный характер, несохраняемость во времени, неопределенность ожиданий пациента, непосредственная связь с источником оказания услуги (врачом), нематериальность, асимметрия информации при получении медицинских услуг, непостоянство качества. Создание и реализация медицинских услуг является основной целью деятельности медицинских организаций, основой их бизнес-процессов.

Каждая медицинская организация имеет определенные, типичные бизнес-процессы, которые связаны друг с другом. Бизнес-процессы в здравоохранении можно подразделить на клинические и организационные.

К клиническим бизнес-процессам можно отнести: информирование пациентов, профилактику, диагностику, лечение, наблюдение, реабилитацию, паллиативную помощь и донорство, то есть всё то, в чём непосредственно участвует пациент.

К организационным бизнес-процессам можно отнести разработку нормативно-правовых актов, обучение медицинских работников, финансирование, лицензирование и контроль.

Бизнес-процессы медицинских учреждений можно также подразделить на основные и вспомогательные. К основным бизнес-процессам можно от-

нести услуги по оказанию качественной медицинской помощи пациенту. К вспомогательным процессам можно отнести процессы по созданию благоприятных условий для осуществления лечебно-диагностических действий, то есть по формированию инфраструктуры учреждения здравоохранения. Так, в рамках стационара предполагается, что в больницу приходит больной пациент. В результате его лечения медицинским персоналом, из больницы выходит здоровый пациент. Бизнес-процессы в данном случае можно подразделить на запись пациента, его регистрацию, обследование, лечение и закрытие истории болезни. Для записи пациента необходимо, чтобы он лично пришел в регистратуру или позвонил по телефону. В результате уточняется врач и время приема, данные заносятся в информационную систему.

Процессный подход необходим при решении различных задач и при переходе на электронное здравоохранение, и для осуществления совершенствования управления медицинским учреждением, и при оптимизации деятельности медицинского учреждения, разработки концепции построения информационных систем здравоохранения, интеграции информационных систем здравоохранения внутри системы и за ее пределами, внедрении информационных систем в медицинском учреждении.

Для современных бизнес-процессов в здравоохранении характерны пять следующих инноваций.

Первая инновация – это внедрение инструментов цифровизации для анализа медицинских данных в работе врачей. Медицинские работники, как правило, сталкиваются с большим объемом информации, которая генерируется из различных источников, таких как электронные медицинские карты, снимки, данные с носимых устройств и мобильных приложений для здоровья. Грамотный анализ этих данных играет важную роль в повышении качества оказания медицинской помощи и общей эффективности системы здравоохранения. Использование искусственного интеллекта в реальном времени для отражения медицинской аналитики предоставляет врачам информацию, необходимую для правильной диагностики заболевания и принятия обоснованных решений для назначения лечения.

Существует ряд платформ, применяющих аналитику и алгоритмы машинного обучения в медицинской отрасли. Они позволяют диагностировать заболевание, автоматизируют выявление патологий на рентгенологических снимках, компьютерной и магнитно-резонансной томографии, а также в маммограмах. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении имеет большой потенциал для совершенствования диагностики, профилактики и лечения заболеваний, что будет способствовать более эффективной работе системы здравоохранения в целом.

Вторая инновация: использование технологий облачного хранения медицинских данных.

Поскольку медицинский персонал сталкивается с большими объемами данных историй болезней пациентов, облачные технологии в здравоохранении позволяют грамотно управлять этими данными. Облачные техноло-

гии позволяют хранить и обрабатывать данные электронных медицинских карт, изображений рентгенологических снимков, снимков компьютерной и магнитно-резонансной томографии. Облачные решения также предоставляют удобный доступ к медицинской информации пациента и улучшают эффективность лечения. Облачные технологии способствуют также взаимодействию между медицинскими работниками. Использование облачных технологий позволяет резервное копирование данных, что гарантирует сохранность информации длительное время. Облачные технологии способствуют также развитию телемедицинских услуг, улучшают доступ к медицинской помощи для пациентов, проживающих в удаленных и труднодоступных районах [4].

Третья инновация: распространение электронных медицинских карт.

В последние годы осуществляется постепенный переход с использования бумажных на электронные медицинские карты. При этом программисты продолжают работать над повышением точности, доступности и удобства использования данных пациентов в электронных медицинских картах, улучшения функциональной совместимости данных и возможности обмена информацией между различными системами. Цифровая трансформация медицинских карт предоставляет медицинскому персоналу онлайн-доступ к полной истории болезни пациента, что улучшает процессы диагностики, лечения и мониторинга состояния здоровья. Объединение искусственного интеллекта с электронными медицинскими данными позволяет достичь более точную диагностику заболеваний и назначение эффективного лечения [5].

Четвертая инновация: рост популярности использования медицинских носимых устройств.

Цифровые технологии позволили создать медицинские носимые устройства, которые позволяют осуществлять мониторинг различных физиологических параметров человека, различных показателей его здоровья. Эти устройства достаточно популярны. К таким устройствам можно отнести смарт-часы и фитнес-браслеты. Смарт-часы позволяют отслеживать различные показатели здоровья и получать соответствующие уведомления пользователю. Фитнес-браслеты предоставляют возможность определить количество сожженных калорий, частоту сердечных сокращений, характер сна и уровень физической активности. Существуют также носимые мониторы здоровья (как холтер, аппарат для суточного мониторинга давления), которые регистрируют жизненные показатели и предупреждают пользователей о любых отклонениях.

Данные устройства особенно необходимы для пациентов с хроническими заболеваниями. Они дают возможность медицинскому персоналу оказать качественную помощь пациенту до возникновения серьезных осложнений. При этом пациенты лучше осведомлены о состоянии своего здоровья и могут принимать взвешенные решения о необходимости получения медицинской помощи. Всё это ведёт к повышению эффективности лечения и удовлетворенности пациентов от получения медицинской помощи [7].

Пятая инновация: возможность удаленного мониторинга пациентов.

Использование искусственного интеллекта позволяет поставщикам медицинских услуг использовать удаленный мониторинг состояния пациентов и дает возможность контролировать здоровье пациентов онлайн. Использование телекоммуникационных технологий позволяет получать пациентам медицинскую помощь в комфортной для них обстановке – дома. Что оказывает положительное влияние на уровень удовлетворенности пациентов оказанной услугой. Удаленный мониторинг здоровья особенно эффективен при оказании помощи для пациентов с ограниченной подвижностью, для людей, проживающих в отдаленных районах, где доступ к медицинским услугам ограничен, а также для старшего поколения пациентов. Удаленный мониторинг позволяет своевременно обнаруживать изменения в состоянии здоровья пациентов и своевременно принимать соответствующие меры, включая консультации и коррекцию лечения и предотвращая развитие осложнений. Достоинством телемедицины и удаленного мониторинга здоровья является также снижение потребности в стационарном лечении и снижении расходов на здравоохранение.

В заключение можно отметить, что использование цифровых инструментов в здравоохранении является актуальным и важным направлением развития этой отрасли. Беларусь, поддерживая данное направление, реализует государственные программы и инициативы, способствующие внедрению цифровых технологий в медицинскую практику.

Текущие бизнес-процессы в развитии системы здравоохранения подтверждают значимость использования информационных технологий.

Использование инструментов аналитики медицинских данных, облачного хранения информации, электронных медицинских карт, медицинских носимых устройств и телемедицины характеризует перспективы и показывает преимущества, которые цифровые технологии приносят в систему здравоохранения.

Грамотно построенные бизнес-процессы с использованием информационных технологий в здравоохранении способствуют созданию более эффективной, доступной и ориентированной на пациента системы. Они позволяют оптимизировать работу медицинского персонала, повышают качество диагностики и лечения, и активно вовлекают пациентов в процесс поддержания и улучшения своего здоровья.

Список использованных источников

1. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 г. № 2435–XII (в ред. Закона от 17.07.2023 №300-3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19302435>. – Дата доступа: 09.02.2024.

2. *Беляцкая, Т. Н.* Электронное здравоохранение в контексте национальной безопасности Республики Беларусь / Т. Н. Беляцкая, О. М. Маклакова // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях циф-

ровой трансформации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 дек. 2019 г.: в 5 т. / Институт национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Т. 4. – С. 106–109.

3. Головенчик, Г. Г. Цифровая экономика: учеб.-метод. комплекс / Г. Г. Головенчик. – Минск: БГУ, 2020.

4. Грибова, В. В. Облачный сервис для формирования формализованных историй болезни / В. В. Грибова, Л. А. Федорищев // Врач и информационные технологии. Специальный выпуск. – 2020. – № 1. – С. 51–57.

5. Гусев, А. В. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении / А. В. Гусев, С. Л. Добридниук // Информационное общество. – 2017. – № 4–5. – С. 78–93.

6. Ермоленко, А. А. Реализация государственной политики по цифровой трансформации здравоохранения Республики Беларусь // Веснік сувязі. – 2021. – № 6. – С. 44–47.

7. Лебедев Г. С. Интернет медицинских вещей: первые шаги по систематизации / Г. С. Лебедев [и др.] // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2017. – № 3. – С. 128–135.

8. Шандора Н. Цифровизация системы здравоохранения: опыт и перспективы // Наука и инновации. – 2020. – № 2. – С. 38–43.

(Дата подачи: 22.02.2024 г.)

С. М. Воронин

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

S. M. Voronin

Academy of Administration under the auspices
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.4

ВОПРОСЫ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ САНКЦИЙ¹

ISSUES OF THE RELEVANCE OF INDUSTRIAL POLICY IN BELARUS IN THE CONDITION OF EXTERNAL SANCTIONS

В статье рассматриваются важность проведения промышленной политики в Беларуси в условиях внешних санкций. Дано определение промышленной политики. Обоснована актуальность проведения промышленной политики в стране в контексте факторов, повлиявших на усиление интереса к промышленной политике в мире. Отмечено, что в условиях внешних санкций, введенных рядом западных стран в отношении Беларуси, особую актуальность приобретают вопросы реализации промышленной политики на основе импортозамещения.

¹ Исследование выполнено в рамках договора с БРФФИ № Г23-110 от 02.05.2023 г. (номер гос. рег. 20231097).

Ключевые слова: промышленная политика; промышленность; международная конкурентоспособность; экспорт; инновации; технологическое развитие; импортозамещение.

The article discusses the importance of pursuing industrial policy in Belarus in the context of external sanctions. A definition of industrial policy is given. The relevance of industrial policy in the country is substantiated in the context of factors that influenced the increased interest in industrial policy in the world. It is noted that in the context of external sanctions imposed by a number of Western countries against Belarus, the implementation of industrial policy based on import substitution is of particular relevance.

Keywords: industrial policy; industry; international competitiveness; export, innovation; technological development; import substitution.

Промышленная политика является неотъемлемой частью участия правительства в экономическом развитии развитых и развивающихся стран. В политических и академических кругах многих стран мира сложился консенсус, что в современных условиях промышленная политика играет существенно роль в экономическом развитии национальной экономики и промышленности.

В Беларуси промышленная политика также находится в центре внимания органов государственной власти и организаций. Так, в 2015 г. решением Совета Министров Республики Беларусь была создана Комиссия по вопросам промышленной политики, которая «образована в целях выработки стратегии развития и повышения конкурентоспособности промышленного комплекса» страны [1].

Цель данной статьи – определить актуальность проведения промышленной политики в Республике Беларусь в современных условиях.

Отметим, что в настоящее время общепринятого определения промышленной политики не существует. В данной статье под промышленной политикой мы понимаем «политику, которая направлена на улучшение деловой среды или структуры экономических видов промышленной деятельности в направлении тех секторов и технологий, которые, как ожидается, будут способствовать промышленному и экономическому росту или росту благосостояния общества» [2].

В этом определении есть пять основных моментов. Во-первых, определение делает упор на государственную политику в области промышленности. Во-вторых, промышленная политика нацелена как на улучшение деловой среды промышленности, так и на изменение ее структуры. В-третьих, промышленная политика может быть направлена на переключение ресурсов не только на конкретные сектора, но также и на определенные технологии. В-четвертых, промышленная политика в зависимости от этапа развития экономики либо содействует формированию новых видов экономической деятельности промышленности, либо ее укреплению и развитию, либо стимулированию сложившегося потенциала. В-пятых, промышленная политика преследует не только цели повышения производительности, занятости

или роста промышленности, но и другие цели, способствующие социальному благосостоянию общества.

В начале XXI в. на усиление интереса к промышленной политике в мире повлиял ряд факторов. На них указывают как исследователи, так и официальные органы управления, в частности, Европейская комиссия [3].

Рассмотрим некоторые из этих факторов с точки зрения их влияния на актуальность проведения промышленной политики в Беларуси [4].

Во-первых, негативные последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., эпидемии Covid-19 и последующее снижение экономического роста в стране. Промышленность, и особенно обрабатывающая промышленность, является основой белорусской экономики. Она вносит важный вклад в экономический рост, инновационную деятельность и занятость. Кроме того, благодаря ее мультипликативному эффекту на другие отрасли экономики, можно говорить о серьезном влиянии промышленности на экономику страны в целом. По мнению многочисленных экономистов и экспертов, после финансового кризиса 2008–2009 гг. промышленный сектор в мире стал рассматриваться как предпосылка инновационной и быстрорастущей экономики [5], поэтому формирование и реализация промышленной политики в стране может стимулировать ее экономическое развитие.

Во-вторых, ослабление международной конкурентоспособности отечественного промышленного производства. Сильный производственный сектор должен помочь белорусским промышленным организациям стать более конкурентоспособными на мировых рынках, что позволит им приумножить свой экспорт, доходы и число воспроизводительных рабочих мест.

В-третьих, по мнению большинства экспертов, инновации сейчас играют решающую роль в экономическом развитии любой страны. Большая часть исследований и разработок в Беларуси осуществляется в промышленном секторе. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, 98 % всех затрат на инновации в Беларуси приходится на промышленные организации (рассчитано по [6, с. 75]). Благодаря этому они (промышленные организации) являются основным драйвером технического прогресса и инструментом повышения конкурентоспособности [5].

В-четвертых, промышленная продукция составляет большую часть белорусского экспорта. В 2022 г. ее доля в общем объеме экспорта страны составила 58,7 % [7, с. 13], а в структуре экспорта товаров – 90,4 % [7, с. 8]. Поэтому можно предположить, что сильная промышленность позволяет получать дополнительный доход за счет увеличения реализации промышленной продукции на внешних рынках [3, с. 24].

В-пятых, внешняя среда постоянно меняется, экономики различных стран, в том числе и Беларуси, сталкиваются с различными вызовами, связанными с инновационным развитием, новой индустриализацией, цифровизацией, формированием «зеленой» экономики и усилением конкуренции на внутреннем и глобальном рынках.

Новая индустриализация предполагает дальнейшее развитие реального сектора экономики на основе распространения новых прорывных технологий. Это тесно связано с цифровизацией. Цифровая трансформация является сегодня основной тенденцией экономического развития в мире. Промышленная политика в условиях цифровизации должна, прежде всего, быть направлена на внедрение технологий четвертой промышленной революции, подготовку кадров для цифровой экономики и создание институциональной среды.

Концепция «зеленой» экономики все еще находится в зачаточном состоянии. В то же время, например, все стратегические документы Евросоюза содержат обязательные положения о «зеленой» экономике. Кроме того, «зеленые» технологии лежат в основе Национальной стратегии устойчивого развития Беларуси на период до 2035 г.

Особую актуальность вопросы промышленной политики приобретают в связи с возникшими новыми внешними политическими и экономическими угрозами и вызовами для Республики Беларусь. Как отмечают белорусские эксперты «Почти пятая часть экономики оказалась под прямым воздействием санкций, введенных недружественными странами в отношении Республики Беларусь в 2021–2022 гг.» [8].

Следует отметить, что «в период кризисов промышленная политика естественным образом перенацеливается на ближнесрочную перспективу, на предотвращение негативных изменений, компенсацию проблем наиболее уязвимых секторов. Это связано и с риском социальных последствий – увольнений, сокращения доходов, взлета социально значимых цен, и с риском утраты важнейших элементов технологического потенциала страны» [9, с. 7].

В этих условиях значимым направлением промышленной политики в Республике Беларусь становится импортозамещение. Более того, это направление превращается в один из важнейших источников экономической безопасности страны [10, с. 58].

В проекте новой Концепции национальной безопасности страны под экономической безопасностью понимается «состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь» [11].

Целью политики импортозамещения является улучшение экономического положения государства, увеличение качественных изменений в ее экономическом развитии, влияние на темпы импорта и внутреннего производства. Эти направления сконцентрированы как на защите от внешних угроз (например, введение необоснованных экономических санкций), так и на нейтрализации внутренних угроз (например, «отставание от других стран, прежде всего сопредельных, по уровню экономического развития») [11]. Понятно, что политика импортозамещения в данном случае выступает в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности страны [12].

Эффективная политика импортозамещения позволяет улучшить баланс внешней торговли страны. С помощью импортозамещения, а также производств, связанных с экспортом высококачественной выпускаемой продукции, республика имеет возможность получить дополнительные источники валового внутреннего продукта, что, в свою очередь, может гарантировать ее экономическую безопасность.

«Ускоренное развитие высокотехнологичных и наукоемких секторов с высокой добавленной стоимостью» [11], создание «производств на местных ресурсах, перераспределением трудовых, финансовых и материальных ресурсов в новые и перспективные секторы» [11] промышленности позволят осуществить структурные преобразования экономики и нейтрализовать часть внутренних источников угроз экономической безопасности.

Результативная политика импортозамещения может выражаться в росте выпуска новой инновационной, импортозамещающей продукции, способной конкурировать как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Это позволит снизить влияние внешних факторов на национальную экономику и увеличить ее независимость, что также является важным признаком экономической безопасности государства.

Еще одним ответом отечественной экономики на внешние санкции может стать выпуск конкурентоспособных инновационных промежуточных товаров (комплектующих изделий и деталей), замещающих импорт. Это позволит снизить затраты на производство и реализацию отечественной продукции, в первую очередь, за счет снижения импортоемкости производства.

Нынешнее социально-экономическое положение Республики Беларусь, обусловленное введением международных санкций со стороны недружественных государств, побуждает государство к решению чрезвычайно актуальной на сегодня проблемы обеспечения технологического суверенитета.

Для Беларуси технологический суверенитет предполагает формирование собственной технико-экономической базы для промышленности, а также создание высокотехнологичных производств, замещающих импорт.

Кроме того, он (технологический суверенитет) подразумевает создание и использование перспективных информационно-коммуникационных, цифровых и других промышленных технологий, которые будут способствовать повышению эффективности и конкурентоспособности промышленности.

Западные санкции значительно усложнили процесс внешней торговли, создав тем самым препятствия для приобретения республикой необходимых для промышленного комплекса комплектующих и запасных частей для используемого иностранного оборудования, что снижает его технологический и промышленный потенциал. Данные обстоятельства дали толчок политике импортозамещения в отраслях, в определённой степени зависящих от западного оборудования и технологий. Это позволяет обеспечить научно-техническое развитие технологий и инфраструктуры для достижения независимости этих отраслей от поставок зарубежных изделий.

Таким образом, в сложившейся ситуации актуальность реализации политики импортозамещения в промышленности с точки зрения технологического суверенитета Беларуси усиливается следующими факторами: созданием собственной технико-экономической базы для промышленности; созданием высокотехнологичных производств, замещающих импорт; внедрением и использованием передовых информационно-коммуникационных и других технологий в промышленном секторе экономики; поиском альтернативных способов приобретения и (или) производства необходимых для промышленности комплектующих и запасных частей.

Сегодня большое внимание в мире уделяется продовольственной безопасности. Проблема ликвидации голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства включены в 17 целей в области устойчивого развития до 2030 г. под вторым номером (после ликвидации нищеты).

Важным направлением сохранения продовольственной безопасности Беларуси выступает импортозамещение в промышленности. Отрасль производит: сельскохозяйственную технику; оборудование для животноводства, птицеводства, свиноводства и молочного скотоводства; подвижный состав для автомобильных и железнодорожных перевозок. Все это имеет ключевое значение для бесперебойного производства и поставок продовольствия [13, с. 14].

В современных условиях для обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности в большинстве стран мира на первый план выходят инновации и перевод «экономики на инновационный путь развития» [14].

В Республике Беларусь также «инновационный путь развития выдвинут в качестве приоритетного направления» [15] повышения конкурентоспособности национальной экономики. Так в качестве задач, обозначенных в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. выделяют создание новых и ускоренное развитие существующих наукоемких и высокотехнологичных производств, в том числе импортозамещающих; формирование на основе Комплексного прогноза научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2021–2025 гг. и на период до 2040 г. и реализация в каждой области республики инновационных проектов по созданию экспортоориентированных и импортозамещающих производств, базирующихся на технологиях V и VI технологических укладах [16].

В условиях внешних санкций инновационная политика Беларуси нацелена на стимулирование развития отечественных наукоемких и высокотехнологичных производств, достижение независимости от импортных технологий, обеспечение защиты внутреннего рынка научно-технической продукции и создания экспортоориентированных и импортозамещающих производств, путем совершенствования механизма осуществления процедуры государственных закупок в сферах научно-технической и инновационной деятельности, и улучшение качества жизни граждан.

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что актуальность проведения промышленной политики в Республики Беларусь вызвана (связана) со следующими факторами:

- падением темпов экономического роста в стране в связи с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. и эпидемией Covid-19;
- снижением конкурентоспособности отечественной промышленности на международных рынках;
- ростом важности инноваций для экономического развития республики, значительная часть которых приходится на предприятия промышленности;
- большим вкладом промышленного сектора в экспорт страны;
- проблемой новой индустриализации, цифровизации, формированием «зеленой» экономики и ростом конкуренции на внутренних и мировых рынках;
- возникновением новых внешних политических и экономических угроз и вызовов для Республики Беларусь в связи с введением внешних санкций (экономической безопасности, технологического суверенитета, продовольственной безопасности, ускорения инновационного развития).

Список использованных источников

1. О Комиссии по вопросам промышленной политики [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 июня 2015 г., № 525 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. *Воронин, С. М.* Механизм реализации промышленной политики в условиях цифровой трансформации экономики: проектный подход / С. М. Воронин // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – Вып. 24. – С. 186–197.
3. *Kawecka-Wyrzykowska, E.* A new industrial policy in the EU: in search for a new paradigm of public intervention / E. Kawecka-Wyrzykowska // New Challenges for the European Union's Industrial Policy: climate change, servitisation, digitalization. SGH Publishing House, 2020. – Pp. 11–36.
4. *Воронин, С. М.* Промышленная политика: причины интереса / С. М. Воронин // Инжиниринг и управление: от теории к практике: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 апр. 2021 г.: сб. материалов / Белорус. нац. техн. ун-т; редкол.: С. Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2021 – С. 179–180.
5. A ‘Manufacturing Imperative’ in the EU – Europe’s Position in Global Manufacturing and the Role of Industrial Policy / R. Stöckinger et al. // Research Reports, The Vienna Institute for International Economic Studies. – 2013. – № 391. – Pp. 81.
6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2022: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 94 с.

7. Промышленность Республики Беларусь, 2023: стат. буклет / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 31 с.

8. 21 декабря на базе Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь состоялось заседание Общественного совета по формированию и мониторингу стратегий устойчивого развития [Электронный ресурс] // Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://niei.by/ru/news-ru/view/21-dekabrja-na-baze-nauchno-issledovatel'skogo-ekonomicheskogo-instituta-ministerstva-ekonomiki-respubliki-342/>. – Дата доступа: 21.01.2024.

9. Симачёв, Ю. В. Новые контуры промышленной политики / Ю. В. Симачёв, А. А. Федюнина, М. Г. Кузык: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. – 73 с.

10. Мешкова, А. П. Оценка эффективности политики импортозамещения в контексте экономической безопасности / А. П. Мешкова, Е. О. Вострикова // BENEFICIUM. – 2022. – № 3(44). – С. 57–66. – DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2022.3(44).57-66.

11. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 21.01.2024.

12. Кириленко, Я. В. Основные аспекты политики импортозамещения как инструмента обеспечения экономической безопасности страны // Я. В. Кириленко, А. З. Толстова // Международный журнал «Инновационная наука». – 2022. – № 1-1. – С. 46–49.

13. Продовольственная безопасность и раскрытие агропромышленного потенциала Евразийского региона // Доклады и рабочие документы 23/1 / редкол.: Е. Винокуров (ред.) [и др.]. – Алматы: Евразийский банк развития, 2023. – 128 с.

14. Русак, Е. С. Тенденции инновационного развития экономики Республики Беларусь / Е. С. Русак, С. М. Воронин // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь: в 2 ч. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – № 15. – Ч. 1: Экономика. – С. 369–377.

15. Воронин, С. М. Инновационная политика России и Беларуси: сравнительный анализ и перспективы согласованного развития / С. М. Воронин // Инновационное развитие российской экономики: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. – Т. 1. – С. 160–162.

16. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ.

Беларусь № 348 от 15 сентября 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

(Дата подачи: 22.02.2024 г.)

Б. И. Гусаков, В. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет, Минск

B. Gusakov, V. Loiko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 334.025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

INTELLECTUAL TRAINING OF AN ENTREPRENEUR AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Начинающие предприниматели, реализующие инвестиционные проекты развития малого и среднего бизнеса, полны оптимистических ожиданий и часто не готовы реагировать на изменения конъюнктуры рынка, поэтому даже в развитых странах в течение двух-трех лет 60–70 % вновь созданных предприятий уходят с рынка. В статье приведена система рекомендаций предпринимателям по принятию управленческих решений, адекватных динамике конъюнктуры рынка, на различных стадиях жизненного цикла инвестиционного проекта малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: инвестиции; малый и средний бизнес; предпринимательские способности; жизненный цикл инвестиционного проекта; эффективность; риск.

Start-up entrepreneurs implementing investment projects for the development of small and medium-sized businesses are full of optimistic expectations and are often not ready to respond to changes in market conditions, therefore, even in developed countries, 60–70 percent of newly created enterprises leave the market within two to three years. The article provides a system of recommendations to entrepreneurs on making managerial decisions adequate to the dynamics of market conditions at various stages of the life cycle of an investment project of small and medium-sized businesses.

Keywords: investments; small and medium-sized businesses; entrepreneurial abilities; the life cycle of an investment project; efficiency; risk.

Для успешного ведения и развития бизнеса необходим редкий и ценный ресурс – предпринимательские способности, представляющие собой индивидуальные качества управленца, дополненные в процессе обучения и накопления опыта предпринимательской деятельности.

Умение предпринимателя планировать и принимать обоснованные ситуационные решения при различных конъюнктурах рынка, стабилизирует функционирование действующего бизнеса и развитие нового предприятия,

снижает риск банкротства. К. Маркс подчеркивал, что самого плохого архитектора от самой совершенной пчелы, умеющей делать идеальные соты, отличает то, что архитектор будущее здание сначала спроектирует мысленно в своей голове и лишь затем перенесет на бумагу, сделает его чертеж, а пчела свои соты создает инстинктивно [1].

В Беларуси проблемы реализации инвестиционных проектов в соответствии с бизнес-планом возникают на крупных, малых и средних предприятиях. На крупных предприятиях финансовая поддержка со стороны государства помогает их решить. Средний и малый бизнес может рассчитывать на свои ресурсы и консультации специалистов. Консалтинговая помощь не заменяет финансовую поддержку, однако помогает реагировать на возникающие проблемы, тем самым частично заменяет финансовую поддержку.

Консультационная поддержка предпринимателям в Беларуси предоставляется в форме краткосрочных курсов. Десятилетний опыт доказал их эффективность. Консалтинг начинается с изучения структурированных задач каждой из четырех стадий инвестиционного проекта.

1. Первая прединвестиционная стадия имеет задачи: найти объект, создание которого стоит дешево, а готовый объект будет стоить дорого; найти источник ресурсов для создания объекта (собственные или заемные); произвести (организовать) техническое и бизнес-проектирование объекта. Для реализации первой стадии нужна предпринимательская инициатива.

Результаты первой стадии: технический проект объекта, бизнес-план, расчет плановой затратной и рыночной стоимости объекта бизнеса.

Технический проект представляет комплекс решений по оснащению объекта бизнеса площадями, оборудованием, технологиями, а также разработанной системой организации производства и сбыта продукции. Важное требование к техническому проекту малого бизнеса – долгосрочные активы должны быть многопрофильными. Это позволит их ликвидировать (продать) или перепрофилировать с минимальными потерями.

Бизнес-план – это комплекс расчетов в потребности ресурсов на создание и оснащение объекта бизнеса активами для производства продукции или оказания услуг, динамику их во времени в стоимостном и натуральном выражении, оценку эффективности проекта и рисков бизнеса.

2. Вторая инвестиционная стадия имеет задачи: реализовать все решения технического проекта; создать объект бизнеса в установленные сроки, не допустить потерь привлеченных инвестиционных ресурсов.

Потери ресурсов могут быть в трех формах: хищение части активов; некачественная выполнение строительно-монтажных работ; использование нестандартных материалов и комплектующих. Потери времени возникают при увеличении сроков создания объекта и проблемах с привлечением и подготовкой кадров для работы на создаваемом объекте бизнеса. Реализация второй стадии представляет инвестиционную деятельность.

Результаты второй стадии: готовый к эксплуатации объект, имеющий запланированные технические и финансово-экономические показатели.

3. Третья эксплуатационная стадия имеет задачи: обеспечить плановый срок достижения проектной мощности по объему производства продукции или оказания услуг заданного качества, удовлетворяющего потребителей, сохранение высоких эксплуатационных параметров долгосрочных активов.

Реализация третьей стадии требует от предпринимателя активной производственной и сбытовой деятельности.

Результаты третьей стадии: быстрое по срокам достижение безубыточности бизнеса, получение плановой величины чистого дохода от производства продукции и услуг, возврат инвестиций за расчетный период.

4. Четвертая ликвидационная стадия обусловлена физическим и моральным старением технологии производства. Она имеет задачи: ликвидации устаревших долгосрочных активов; подготовка работоспособных долгосрочных активов для дальнейшего использования; распродажа остатков устаревшей продукции; рекультивация загрязненной территории.

Реализация четвертой стадии включает прединвестиционную подготовку сохранившихся долгосрочных активов для использования в новом проекте.

Результаты четвертой стадии: минимизация потерь при ликвидации (перепрофилирование производства).

Все вышеперечисленные стадии взаимосвязаны и требуют системного подхода. Неправильные управленческие решения на любой из стадий могут повлиять на общее качество проекта и его эффективность.

Для оценки качества бизнеса и управленческих решений используются показатели и критерии эффективности инвестиций собственника, определяемые как соотношение результатов и затрат, обеспечивающее рациональное использование активов и времени.

Понятие «эффективность» является общим для всех видов деятельности человека. Приведем несколько примеров.

1. При десятибалльной системе оценивания четыре балла является общественно признаваемым критерием эффективности обучения. Ваши результаты – четыре балла, ваши затраты – время и плата за семестр обучения. Вы рационально использовали время и деньги, поскольку свободны от пересдачи экзамена и оплаты за нее.

2. Вы купили ведро картофеля с машины у дома за 10 белорусских рублей. Результат – ведро картофеля, затраты – 10 бел. руб., критерий – стоимость ведра картофеля в магазине или продовольственном рынке. Если она больше чем ваши затраты, то покупка эффективна.

В бизнесе оцениваются различные виды эффективности, позволяющие оценить рациональность управленческих решений и использование ограниченных ресурсов предпринимателя – материальных и финансовых.

Рациональность частных управленческих решений оценивается на основе показателей технической, Парето и Харви эффективности. Критерии эффективности решений управленца устанавливаются рыночными правилами, соблюдение которых позволяет предприятию занять и удерживать позицию на рынке.

При равенстве финансово-экономических показателей бизнеса, если хотя бы один технический или эксплуатационный показатель продукции проекта лучше, чем у конкурента, – можно говорить о технической эффективности. Продукция, выпускаемая при функционировании проекта, будет пользоваться устойчивым спросом на мировом рынке, если по техническим показателям соответствует продукции первоклассных мировых производителей. Информационной базой такой продукции является система ООН «COMFAR_3 Expert», которая доступна для использования.

Полный перечень показателей, характеризующих улучшение технических характеристик, приводится в официальной методике. [2]

Достижение Парето эффективности означает, что инвестору обеспечена финансовая эффективность, а все субъекты сопряжения инвестиционного проекта (физические и юридические лица) имеют полезный эффект или экономию.

Полезный эффект – это дополнительный результат, в виде льгот и преференций, стимулирующий длительное сотрудничество или компенсирующий негативные последствия от функционирования проекта. Эффект определяется, если в качестве базы мы принимаем затраты.

Примеры полезного эффекта: продавцам в магазине для поощрения направляется часть прибыли, а для постоянных покупателей действует бонусная программа, на предприятии с вредными условиями труда обеспечивается льготное питание.

Экономия представляет собой сокращение затрат ресурсов. Она определяется, если в качестве базы мы принимаем результаты.

Харви эффективность подразумевает выбор решения, обеспечивающего минимум потерь, если инвестиции в отдельные части проекта не приносят прибыли. Пример – на предприятии имеют место выбросы вредного газа, возможны следующие варианты решения проблемы: установить газоуловители; платить штрафы; перенести производство в другое место. В странах западной Европы штрафы за нарушения экологического закона так велики, что вопрос решают переносом вредного производство в страны третьего мира.

Рациональность использования капитала оценивается по показателям финансовой и аллокативной (избирательной) эффективности. Первоочередной является финансовая эффективность инвестиций собственника, при оценке которой налоги выступают как затраты.

Государство регулирует привлекательность некоторых видов бизнеса предоставлением налоговых льгот или даже дотаций. Например, в Беларуси льготы по налогам предоставляются инновационным предприятиям, производителям продуктов питания для детей, дотируются организации коммунального хозяйства.

Аллокативная (избирательная) эффективность наиболее подходит для оценки работы малых, динамичных производств, обладающих возможностью быстрого перепрофилирования. Выбирается такой вариант развития

бизнеса, который обеспечивает максимальные темпы роста активов (наибольшую рентабельность инвестиций при одинаковом уровне риска).

Риск бизнеса – это возможность негативного-неблагоприятного (потери прибыли) или опасного события (банкротства), обусловленного неопределенностью будущего. Высокая неопределенность будущего предпринимательской деятельности формируются при стихийных бедствиях, пандемиях, военных конфликтах. В этих условиях малому и среднему бизнесу без государственной поддержки выжить трудно, поэтому преобладают краткосрочные проекты.

Аллокативная эффективность является частным случаем финансовой.

Критерием финансовой эффективности от реализации проекта является барьерная ставка, которая представляет собой минимальную рентабельность инвестиций, способную привлечь активы и предпринимательские способности в бизнес.

Прибыль на уровне барьерной ставки называется «нормальной», выше – «экономической». В пользу этой величины «нормальной» прибыли приведем примеры:

- если прибыль будет на уровне процента по депозиту, то лучше положить деньги в банк и не трудиться;
- бизнес не может развиваться без кредитных ресурсов, и если рентабельность инвестиций ниже ставки платы за кредит, то при его привлечении и для обслуживания потребуются финансовые ресурсы со стороны.

Для оценки эффективности инвестиций достаточным будет сравнить их рентабельность с барьерной ставкой. Но следует учесть, что в реальном бизнесе появляются четыре проблемы:

- в период строительства бизнес не приносит прибыль;
- в период эксплуатации прибыль и рентабельность не стабильны и изменяются в соответствии с фазой проекта (трудный ребенок – звезда – дойная корова – злая собака);
- реальные долгосрочные активы по мере эксплуатации обесцениваются из-за физического и морального износа;
- реальные активы, в отличие от финансовых, могут давать прибыль после их возврата.

Барьерная ставка определяет границу, на одной стороне которой рыночная стоимость бизнеса меньше затратной, а на другой – больше.

Поясним это на примере: вы построили новое предприятие, затратили 1000 тыс. долл. и получаете прибыль за год 100 тыс. долл. Ваш сосед тоже построил предприятие, затратив 1000 тыс. долл., и получает прибыль за год 200 тыс. долл. Ставится вопрос: «какое предприятие при равной затратной стоимости будет продано дороже, поскольку имеет большую рыночную стоимость?». Ответ – второе, его рыночная стоимость больше. Если ожидается, что оба предприятия устойчиво будут иметь стабильную прибыль длительное время, то рыночная стоимость нового второго предприятия, определенная методом доходности, будет гораздо больше.

Первоначальная оценка эффективности проекта на его прединвестиционной стадии носит прогнозный характер.

На инвестиционной и эксплуатационной стадиях реализации проекта часто возникают затруднения в принятии решения, вызванные изменениями конъюнктуры рынка. Предпринимателю необходимо проводить постоянный мониторинг динамики рыночной ситуации и принимать оперативные корректирующие решения для достижения запланированных результатов.

На стадии инвестирования, как показал анализ деятельности 100 малых и средних предприятий Беларуси, предпринимателю следует иметь запас финансовых средств не менее 15 % от расчетной величины инвестиций. Дополнительные издержки возникают из-за удорожания необходимых для бизнеса средств и предметов труда, низкой квалификации работников, а также ошибок в проектных решениях.

На стадии эксплуатации, в зависимости от фазы проекта и динамики рынка продукции, существует несколько вариантов сохранения устойчивости малого и среднего бизнеса в зависимости от динамики рынка (таблица 1). Годовой темп роста рынка 4 % и более – высокий, менее 3 % – низкий, 4 % – неопределенный.

Высокий темп роста рынка продуктов малого и среднего бизнеса обусловлен строительством жилых или крупных промышленных объектов в районе шаговой доступности. Продукция малого и среднего бизнеса успешно реализуется на трех первых эксплуатационных стадиях проекта.

Поведение крупных игроков рынка существенно влияет на стратегии развития средних и малых предприятий.

Таблица 1

**Профилактика рисков при различной динамике
рынка продукции среднего и малого бизнеса**

Фаза проекта	Показатели предприятия	Риск	Профилактика риска
«Трудный ребенок»	• малая доля рынка; • высокий темп роста; • возможна деятельность в убыток	При высоком темпе роста рынка	
		высокий риск убытков из-за быстрого поглощения финансовых ресурсов	• резервировать 10–13 % финансовых ресурсов от объема продаж; • активно вкладывать ресурсы в продукт для увеличения доли рынка и быстрого перевода бизнеса в категорию «Звезда»
		При низком темпе роста рынка	
		• постоянный риск банкротства из-за быстрого поглощения финансовых ресурсов; • падение спроса на продукт и переход фазы в «Злую собаку»	• резервировать 13–15 % финансовых ресурсов от объема продаж; • отказ от производства убыточного и неперспективного продукта

Фаза проекта	Показатели предприятия	Риск	Профилактика риска
«Звезда»	• высокий темп роста; • большая доля рынка; • высокая прибыль	При высоком темпе роста рынка	
		частичный риск банкротства из-за чрезмерно оптимистичных прогнозов прибыли и необоснованного расширения производства	• постоянный мониторинг уровня рентабельности и поддержание оптимальной доли рынка за счет приносимой прибыли; • резервировать 5–7 % финансовых ресурсов от объема продаж
		При низком темпе роста рынка	
		замедление спроса на продукт и переход на фазу в «Дойную корову» с последующей стагнацией	• корректировать программу выпуска в соответствии с уровнем спроса; • резервировать 7–10 % финансовых ресурсов от объема продаж
«Дойная корова»	• низкий темп роста • большая доля рынка • стабильная прибыль	При высоком темпе роста рынка	
		• перегрев производства	• постоянное отслеживание сверхнормативных запасов
		При низком темпе роста рынка	
		• дальнейшее падение спроса на продукт	• продажа бизнеса (ликвидация при убытках) до момента перехода фазы в «Злую собаку»
«Злая собака»	• низкий темп роста • малая доля рынка • низкая прибыль	При высоком темпе роста рынка	
		• высокий риск банкротства при падении спроса	• при сокращении объема продаж до 45 % – следует покинуть рынок
		При низком темпе роста рынка	
		• очень высокий риск банкротства	• ликвидация (перепрофилирование) с минимальными потерями убыточного производства

Медленный темп развития рынка продуктов малого и среднего бизнеса связан с ухудшением экономической ситуации в стране или сокращением спроса, когда потребители переходят на другие товары или услуги.

Если большие компании уходят с рынка данной продукции или уменьшают свою деятельность на нём, то для малых и средних предприятий рынок становится растущим, поскольку спрос на их услуги – увеличивается. Обратная ситуация, когда крупные предприятия остаются на рынке и снижают цены, это приводит к банкротству малых и средних.

Таким образом, управленцы должны уметь планировать и принимать обоснованные ситуационные решения при различной динамике рынка, предпринимать активные действия по профилактике рисков на каждой фазе реализации инвестиционного проекта.

Недостаток предпринимательских способностей, а также слабая информационно-методическая база – являются основными причинами банкротства предприятий в первые годы его работы.

Список используемых источников

1. *Маркс, К.* Капитал: критика политической экономии: в 3 т. / К. Маркс; пер. И. И. Степанова-Скворцова. – Л.: Госполитиздат, 1951. – Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. – IV, 794 с.
2. Правила по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов. В ред. постановления Минэкономики Беларуси от 29.02.12 № 15-Минск. – 73 с.
3. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Утверждены Минэкономики РФ, Минфином РФ и Госстроем РФ от 21 июня 1999 г. № ВК 477. – Москва. – 93 с.
4. *Гусаков, Б. И.* Логическая модель оценки эффективности инвестиций собственника / Б. И. Гусаков // материалы 11-й междунар. науч.-практ. конф. «Шумпетерские чтения». – Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2022. – С. 106–119.

(Дата подачи: 19.02.2024 г.)

А. Ю. Жевлакова

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Yu. Zhaulakova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 339.54

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE EXPORT STIMULATION STRATEGY IN THE SYSTEM OF STATE REGULATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Статья посвящена исследованию особенностей реализации стратегии стимулирования экспорта в рамках регулирования внешнеэкономической деятельности. Автором проведена систематизация теоретических исследований в области стимулирования экспорта. На основании приведенной автором систематизации разработана методика дифференцированного выбора варианта государственной поддержки экспорта. Определены основные этапы реализации методики и критерии определения срока, формы и объема необходимой государственной поддержки с учетом достижения необходимых показателей эффективности.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность; экспорт; государственное регулирование; внешнеторговая политика; национальные интересы.

The article is devoted to the study of the features of implementing an export promotion strategy within the framework of regulation of foreign economic activity. The author systematized theoretical research in the field of export promotion. Based on the systematization given by the author, a methodology for differentiated selection of an option for state support for exports has been developed. The main stages of implementation of the methodology and criteria for determining the period, form and volume of necessary state support are determined, taking into account the achievement of the necessary performance indicators.

Keywords: foreign economic activity; export; government regulation; foreign trade policy; national interests.

Одним из наиболее актуальных направлений развития внешнеэкономической деятельности является стимулирование товарного экспорта. Выступая в качестве инструмента регулирования, стимулирование товарного экспорта разрешено на международном законодательном уровне.

С научной точки зрения исследование стимулирования товарного экспорта активно начинает развиваться в конце двадцатого века [1, с. 108].

Теория стратегической внешнеторговой политики выступает одним из первых направлений теоретических исследований в области стимулирования товарного экспорта. Данную теорию в своих работах рассматривают такие известные экономисты, как Дж. Гроссман [2, 3], У. Корден, Дж. Итон [4], Б. Спенсер [5]. Используя метод дифференциальных и интегральных исчислений при построении моделей, авторы приходят к выводу, что поддержка отечественных производителей как сказывается благоприятно на развитии экспорта, так и способствует наращиванию благосостояния государства.

В этот же временной период помимо метода дифференциальных и интегральных исчислений в работах ученых находит свое отражение и метод корреляционно-регрессионного анализа. Именно этот метод заложен в основу построения гравитационной модели, которая представляет собой еще одно направление исследования. В рамках данного направления наибольший интерес представляют работы таких ученых, как М. Веду, К. Мозер, Т. Урл и П. Эггер [6]. Основной целью исследований являлось установление зависимости экспорта от политических рисков стран-импортеров, а также от уровня гарантийного покрытия, предоставляемого такой страной.

Следует также отметить важность такого направления исследования, как институциональное. Данное направление основано на общенаучных методах. Представителями данного направления выступают такие зарубежные и отечественные авторы, таких как П. Еванс [7, 8], У. Клайн, Е. Л. Давыденко, А. Е. Дайнеко, В. В. Пыхтин.

В работах ученых Республики Беларусь Е. Л. Давыденко, А. Е. Дайнеко, М. М. Ковалева рассматриваются вопросы развития внешнеторговой политики Республики Беларусь, в том числе в перспективе вступления во Всемирную торговую организацию. Отдельное внимание авторы уделяют инструментам тарифного и нетарифного регулирования торговли. Также подчеркивается возможность использования внешнеторговых отношений

в рамках антикризисного регулирования, которое, в свою очередь, оказывает влияние на стимулирование экспорта [9, с. 24].

Все это свидетельствует о сложности такого направления, как стимулирование товарного экспорта и его тесной взаимосвязи с инструментами внешнеторговой политики [10]. Именно поэтому возникает необходимость разработки методики дифференцированного выбора варианта государственной поддержки экспорта.

Методика дифференцированного выбора варианта государственной поддержки экспорта состоит из трех последовательных этапов.

Первый этап включает в себя оценку необходимости государственной поддержки экспорта отдельных категорий товаров.

На втором этапе предусмотрена разработка вариантов государственной поддержки с использованием различных инструментов, которые могут применяться для выбранной категории товаров.

Третий этап является наиболее значимым и представляет собой отбор наиболее эффективного и перспективного варианта государственной поддержки экспорта.

Схема реализации методики дифференцированного выбора варианта государственной поддержки стимулирования экспорта приведена на рисунке 1.

В рамках реализации первого этапа методики дифференцированного выбора варианта государственной поддержки экспорта выполняются последовательно следующие действия.

Первоначально осуществляется оценка эффективности производства и экспорта рассматриваемого товара на основе следующих показателей:

- коэффициент общей эффективности производства;
- трудоемкость и фондоотдача продукции;
- базовый коэффициент экономической эффективности экспорта;
- валютная эффективность экспорта.

Использование приведенных показателей позволяет провести комплексный анализ с учетом различных критериев. Наиболее целесообразно также при оценке экспорта учитывать его географическую направленность, которая также может быть скорректирована в дальнейшем при реализации методики.

Коэффициент общей эффективности производства рассчитывается на основании соотношения полученной прибыли при реализации товаров с затратами, понесенными предприятиями при его производстве. Если весь полученный результат и затраты можно оценить количественно, то для расчета коэффициента общей эффективности используется формула:

$$K_{EF} = \frac{\sum P}{\sum Z}, \quad (1)$$

где K_{EF} – коэффициент общей эффективности производства;

P – полученный результат в форме прибыли;

Z – затраты на производство в денежном эквиваленте.

Значения данного коэффициента должны превышать 1 для рентабельных производств.

Возникновение необходимости стимулирования экспорта

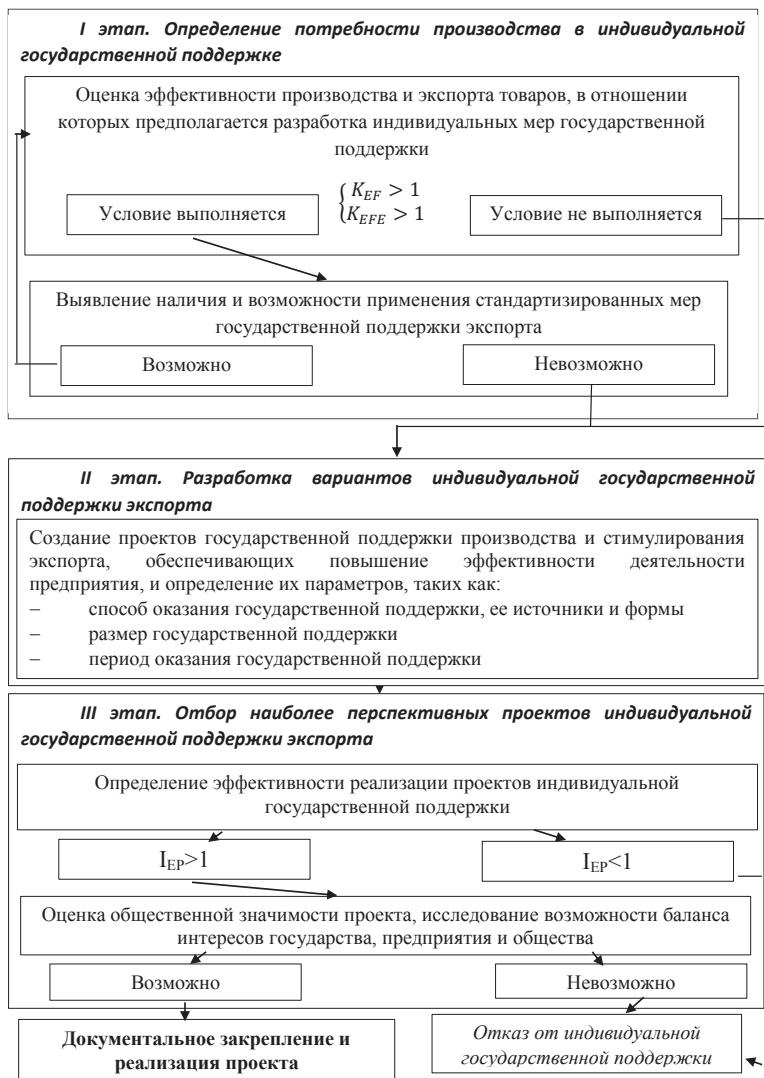

Рис. 1. Методика дифференцированного выбора варианта государственной поддержки стимулирования экспорта

Показатели трудоемкости и фондоотдачи продукции соответственно характеризуют эффективность использования трудовых ресурсов и основных производственных фондов и рассчитываются по формулам:

$$TE = \frac{T_{PR}}{V_{PROD}}, \quad (2)$$

где TE – трудоемкость;

T_{PR} – время, необходимое работнику для производства продукции;

V_{PROD} – объем произведенной продукции.

$$FO = \frac{V_{PROD}}{C_{OF}}, \quad (3)$$

где FO – фондоотдача;

C_{OF} – среднегодовая стоимость основных производственных фондов.

Что же касается непосредственно экспорта товаров, то для оценки в качестве обобщенного показателя целесообразно использовать базовый коэффициент экономической эффективности экспорта. Данный показатель отражает, насколько эффективно предприятие реализует свою продукцию за пределами государства, то есть является индикатором рентабельности экспорта. Для оценки используется формула:

$$K_{EFE} = \frac{V_{VF} + V_R}{V_{ZE}}, \quad (4)$$

где K_{EFE} – базовый коэффициент экономической эффективности экспорта;

V_{VF} – сумма отчислений в валютный фонд предприятия в белорусских рублях по курсу;

V_R – выручка от продажи части валюты государству;

V_{ZE} – сумма затрат на экспорт товаров с учетом затрат на производство и реализацию продукции.

Чем больше значения данного показателя, тем более эффективным является внешнеторговая деятельность предприятия, а именно экспорт товаров. Пороговым значением для данного коэффициента является 1.

В свою очередь, показатель валютной эффективности экспорта позволяет определить минимально допустимый курс валют, при котором реализация на внешнем рынке целесообразна. Данный показатель может рассчитываться как для единичной экспортной операции, так и в отношении целого ряда операций за определенный период со стабильным курсом валют в соответствии с формулой:

$$K_{VEFE} = \frac{C_K + K_{VAL}}{V_{ZE}}, \quad (5)$$

где K_{VEFE} – показатель валютной эффективности экспорта;

C_K – цена товаров в иностранной валюте;

K_{VAL} – курс валют на период оценки (средневзвешенное значение коэффициента использования валютной выручки).

Также с учетом представленных данных и исходя из формулы выше может также быть рассчитан минимальная цена товара в рамках обеспечения рентабельности экспорта. Такая цена определяется как соотношение затрат на производство продукции и средневзвешенного значения коэффициента использования валютной выручки в соответствии с формулой:

$$C_{MIN} = \frac{V_{ZE}}{K_{VAL}}, \quad (6)$$

где C_{MIN} – минимальная цена экспортной продукции.

С учетом приведенных показателей осуществляется поэтапный анализ, то есть первоначально определяется эффективность производства, а далее экспорта.

Если один или оба показателя не соответствуют нормативным значениям, то для данного товара целесообразно применять существующие, то есть стандартизированные решения.

Наибольший интерес представляют категории товаров, которые и после применения стандартизированных решений характеризуются неудовлетворительными показателями. Именно такие товары являются перспективными для разработки индивидуальных государственных решений по поддержке экспорта, и далее осуществляется переход ко второму этапу реализации методики.

На данном этапе осуществляется разработка вариантов государственной поддержки экспорта, в том числе обеспечивающих достижение удовлетворительных значений показателей. При этом определяются:

- способ оказания государственной поддержки, ее источники и формы;
- размер государственной поддержки;
- период оказания государственной поддержки.

Также необходимо произвести оценку экономической эффективности предложенных вариантов в рамках реализации второго этапа.

В рамках такого анализа целесообразно использовать такие показатели, как коэффициент рентабельности и срок окупаемости.

Расчету коэффициента рентабельности предшествует прогнозирование доходов и расходов, которые возникнут в результате реализации того или иного варианта государственной поддержки.

Следующим этапом в рамках реализации методики является категорирование производства в соответствии с уровнем его эффективности и определение необходимых форм государственной поддержки.

Условно существуют производства с высоким и достаточным уровнем эффективности, с низким уровнем, а также полностью неэффективные. От того, к какой группе относится производство, зависят и формы государственной поддержки.

Например, для производств с высоким и достаточным уровнем эффективности прямая финансовая поддержка нецелесообразна. В силу этого следует применять формы косвенной поддержки, такие как информационное содействие или содействие в организации производства, улучшении инфраструктуры, налоговые льготы.

В отношении производств с низким уровнем эффективности требуется применение как прямых, так и косвенных форм государственной поддержки.

Что же касается неэффективных производств, то здесь возможна лишь прямая поддержка в виде субсидирования или совместного финансирования.

При определении необходимого объема государственной поддержки следует учитывать основное назначение этой поддержки, а также результаты, которых планируется достичь.

На следующем этапе реализации методики по стимулированию экспорта выполняется отбор наиболее перспективного варианта государственной поддержки.

Для этого с использованием методов статистического анализа и математического моделирования производится прогнозирование результатов деятельности предприятия, в том числе в области внешнеэкономической деятельности.

Для оценки финансовой эффективности используется показатель эффективности финансового стимулирования. Расчет данного показателя производится исходя из спрогнозированных значений прироста валовой или товарной продукции, полученного с учетом финансовой государственной поддержки, в соответствии с формулой:

$$I_{EF} = \frac{\Delta C}{C_G}, \quad (7)$$

где I_{EF} – показатель эффективности государственного стимулирования;

ΔC – прирост валовой или товарной продукции, бел. руб.;

C_G – объем государственной поддержки, бел. руб.

Далее производится оценка экономической эффективности на основании следующих показателей.

Одним из критериев экономической эффективности проекта является показатель окупаемости государственной финансовой поддержки, который рассчитывается по формуле:

$$I_{OK} = \frac{R_t - R_b}{\left| \frac{C_{Gt}}{C_{Gb}} \times 100 - 100 \right|}, \quad (8)$$

где I_{OK} – показатель окупаемости государственной финансовой поддержки;

R_t – уровень рентабельности деятельности предприятия в текущем периоде, %;

R_b – уровень рентабельности деятельности предприятия в базисном периоде, %.

Если показатель имеет отрицательные значения, то государственная поддержка является неэффективной. При значениях от 0 до 1 эффективность государственной поддержки оценивается как средняя, а наиболее эффективной государственная поддержка является в случае, если показатель окупаемости государственной финансовой поддержки превышает 1.

Для оценки эффективности развития экспорта продукции используется следующая формула:

$$I_{EK} = \frac{K_V}{K_{ST}}, \quad (9)$$

где I_{EK} – показатель эффективности деятельности по развитию экспорта;

K_V – доля выручки от экспорта товаров в общем объеме прибыли;

K_{ST} – соотношение объема экспорта товара в год к общей стоимости произведенной продукции в стране.

При этом, если экспорт отсутствовал, то значение коэффициента считается равным 1.

И еще одним критерием экономической эффективности является показатель общественной значимости проекта, который рассчитывается по следующей формуле:

$$I_{OZ} = \frac{D_{MAX}}{D_{PR}}, \quad (10)$$

где I_{OZ} – показатель общественной значимости проекта;

D_{MAX} – среднемесячный доход населения в регионе с наиболее эффективными производствами, бел. руб.;

D_{PR} – среднемесячный доход населения в регионе, где реализуется проект, бел. руб.

Сам показатель экономической эффективности можно определить путем перемножения представленных показателей.

Следует также ввести понятие интегрального показателя эффективности проекта (I_{EP}), который находится путем умножения коэффициентов фи-

нансовой и экономической эффективности. Для данного показателя существует пороговое значение, а именно проект признается эффективным, если значения интегрального показателя превышают 1.

Если невозможно найти баланс между интересами государства и общественными интересами, а также значение интегрального показателя эффективности проекта не превышает установленное пороговое значение, то принимается решение об отказе от индивидуальной государственной поддержки стимулирования экспорта такого товара. Однако для данного вида товара остаются доступными стандартные инструменты поддержки, предусмотренные нормативными правовыми актами в рамках конкретного государства или объединения.

Следует также учитывать, что выбранный перспективный вариант является предварительным и далее трансформируется в окончательный после согласования с предприятиями, в рамках которых он будет реализовываться.

Таким образом, в рамках проведенного анализа выделены существующие подходы к изучению деятельности по стимулированию экспорта и предложена методика дифференцированного выбора варианта государственной поддержки стимулирования экспорта. Основным преимуществом данной методики является возможность отбора производств для осуществления индивидуальной государственной поддержки на основе приведенных критериев, а также определения срока, формы и объема государственной поддержки и последующей оценки эффективности. Это позволяет использовать приведенную методику непосредственно государственными органами для оценки целесообразности поддержки экспорта конкретных предприятий или товаров, а также предприятиями для оценки имеющихся слабых сторон и возможности их устранения для дальнейшего совершенствования производства и стимулирования внешнеэкономической деятельности.

Список используемых источников

1. *Артемов, П. П.* Международный опыт оказания государственного содействия экспортерам промышленной продукции: теоретико-методологические основы и практика реализации / П. П. Артемов. – Минск: Право и экономика, 2019. – 308 с.
2. *Grossman, G.* Introduction / G. Grossman // *Imperfect Competition and International Trade* / ed. G. Grossman. – Cambridge; London: MIT Press, 1992. – P. 1–20.
3. *Grossman, G.* Strategic Export Promotion: A Critique / G. Grossman // *Strategic Trade Policy and the New International Economics* / ed. P. Krugman. – Cambridge; London: MIT Press, 1986. – P. 47–68.
4. *Eaton, J.* Optimal Trade and Industrial Policy under Oligopoly / J. Eaton, G. Grossman // *Quarterly Journal of Economics*. – 1986. – Vol. 101, № 2. – P. 383–406.
5. *Spencer, B.* What Should Trade Policy Target? / B. Spencer // *Strategic Trade Policy and the New International Economics* / ed. P. Krugman. – Cambridge; London: MIT Press, 1986. – P. 69–90.

6. Egger, P. Public Export Credit Guarantees and Foreign Trade Structure: Evidence from Austria / P. Egger, T. Url // The World Economy. – 2006. – Vol. 29, № 4. – P. 399–418.

7. Evans, P. International Competition: Conflict and Cooperation in Government Export Financing / P. Evans, K. Oye // Ex-Im Bank in the 21st Century. – Washington DC: Institute of International Economics, 2002 – P. 113–158.

8. Evans, P. International Regulation of Official Trade Finance: Competition and Collusion in Export Credits and Foreign Aid: dissertation ... doctor of philosophy in political science / P. Evans. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2005. – 362 p.

9. Петровская, Л. М. Стимулирование экспорта и экспортные барьеры: теоретические и практические аспекты: [монография] / Л. М. Петровская, А. В. Данильченко. – Минск: Право и экономика, 2007. – 95 с.

10. Овечкина, О. М. Внешнеэкономическая деятельность Республики Беларусь: динамика, приоритеты, перспективы / О. М. Овечкина // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Респ. Беларусь. – 2016. – № 4. – С. 37–48.

(Дата подачи: 20.02.2024 г.)

И. Н. Кандричина, Е. Г. Богданович

Белорусский национальный технический университет, Минск

I. N. Kandrichina, E. G. Bogdanovich

Belarusian National University of Technology, Minsk

УДК 331.1:658.3.07

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: ДОСТОИНСТВА, НЕДОСТАТКИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

INTELLIGENT PERSONNEL MANAGEMENT: ADVANTAGES, DISADVANTAGES, PROMISING OPPORTUNITIES AND RISKS

В связи с внедрением технологий искусственного интеллекта в сферу кадрового менеджмента начинается постепенный переход от электронного управления персоналом к интеллектуальному. В статье рассмотрены основные характеристики интеллектуального управления персоналом как этапа развития HR-менеджмента. Акцент сделан на преимуществах, рисках и проблемах использования интеллектуальных технологий в сфере управления персоналом.

Ключевые слова: управление персоналом; HR-менеджмент; электронное управление персоналом; интеллектуальное управление персоналом; интеллектуальные технологии; технологии искусственного интеллекта.

In connection with the introduction of artificial intelligence technology in the field of personnel management, a gradual transition from electronic personnel management to in-

tellectual management begins. The article discusses the main characteristics of intelligent personnel management as a stage in the development of HR management. The emphasis is placed on the advantages, risks and problems of using intelligent technologies in the field of personnel management.

Keywords: personnel management; HR management; electronic personnel management; intelligent personnel management; intelligent technologies; artificial intelligence technologies.

Отделы кадров различных организаций повсеместно используют уже ставшие традиционными за последние два десятилетия автоматизированные системы HR-менеджмента и кадровый электронный документооборот (далее – КЭДО). Данное обстоятельство констатировало переход от административной служебной кадровой деятельности к электронному управлению персоналом. Сегодня КЭДО, системы автоматизации отдельных функций и операций кадрового менеджмента, автоматизированные комплексные системы управления персоналом и информационные системы управления персоналом охватывают весь комплекс задач кадрового менеджмента: от трудоустройства до планирования и развития карьеры работника. Они способствуют автоматизации кадрового делопроизводства и расчета заработной платы, упорядочению учетных и расчетных процессов, минимизации потери и рисков. Однако диджитализация продолжается, и сегодня наблюдается поворотный момент – развитие и имплементация во все направления и виды деятельности организации интеллектуальных технологий. Не избежал инновационных преобразований и кадровый менеджмент. Теперь кадровые операции, связанные с учетом персонала, подготовкой отчетной документации, управлением выплатами заработной платы и иных вознаграждений, агрегированием данных, ответами на онлайн-запросы, поддержанием контактов и проведением коротких собеседований с потенциальными кандидатами на замещение вакантных мест, могут выполняться посредством интеллектуальных технологий, в частности искусственного интеллекта. Началось становление так называемого «интеллектуального управления персоналом».

Крупные технологические компании, например, IBM, уже начали разрабатывать приложения для HR-менеджмента, использующие когнитивные вычисления, самообучающиеся системы, модели машинного обучения для имитации работы мозга. Количество программных продуктов, используемых для разработки разнообразных кадровых решений, продолжает расти, что, в конечном счете, приведет к созданию автоматизированной IT-модели, способной выполнить задачи и решать проблемы без помощи человека.

Д. Ульрих [1] предположил, что интеллектуальные технологии сделают информацию доступной и объединят людей в виртуальном пространстве, повлияют на внешнюю и внутреннюю среды организации и трудовые отношения, изменят рабочее место и рабочую силу. Данные изменения повлекут за собой преобразования кадровой службы и системы управления персоналом, приведут к становлению «виртуального отдела кадров».

Дж. Лоулер и Р. Эллиот [2] утверждают, что в скором времени интеллектуальные технологии станут неотъемлемой частью производственного процесса. Искусственный интеллект получит широкое распространение и станет остро востребованным, а сфера управления персоналом будет зависеть от сложных IT-продуктов.

С внедрением интеллектуальных технологий в сферу управления персоналом начались дискуссии о том, как данные технологии могут быть использованы при решении конкретных задач HR-менеджмента с целью повышения эффективности работы с персоналом организации. С. Штрмайер и Ф. Пьяцца [3] определили шесть возможных направлений использования потенциала технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом: прогнозирование текучести кадров, поиск кандидатов на замещение вакантных должностей, учет кадров, анализ настроений персонала, сбор данных о соискателях и резюме, самообслуживание сотрудников.

Одна из первых выдающихся попыток по внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность кадровой службы была предпринята компанией IBM. Эта компания приступила к разработке виртуального продукта под названием «Watson» еще в 2007 г. Сегодня Watson превратился в большой набор пакетов программного обеспечения, использующих разнообразные алгоритмы и аналитические модули. Эта когнитивная система предназначена для создания систем ответов на вопросы DeepQA, а также хранения и обработки большого количества данных. Watson работает по следующему алгоритму: 1) анализ вопроса и выявление его основных характеристик; 2) генерация набора гипотез путем поиска информации, потенциально содержащей допустимый ответ по всей базе данных; 3) сравнение языка вопроса и языка каждого потенциального ответа с помощью алгоритмов рассуждения; 4) оценка (присвоение баллов) каждому алгоритму рассуждения; 5) сопоставление баллов со статистической моделью, отражающей оценку работы алгоритма по формулированию выводов; 6) повторение процесса для каждого из возможных ответов до тех пор, пока не найден самый «сильный» вариант.

Согласно данным исследования IBM Institutions [4], половина опрошенных руководителей отделов кадров признали, что технология искусственного интеллекта обладают потенциалом для преобразования ключевых аспектов управления персоналом, а две трети генеральных директоров считают, что она может значительно повысить эффективность HR-менеджмента. Несомненно, Watson обладает различными возможностями и преимуществами, связанными с деятельностью по управлению персоналом. Он может получать вербальные, визуальные и слуховые сигналы и анализировать неструктурированную информацию для определения ключевых слов и шаблонов. Этот процесс основан на способности Watson к рассуждению, включающей в себя формулирование гипотез и их проверку путем поиска в базе и синтеза информации для получения релевантных и значимых ответов в таком случае, как, например, выбор подходящего кандидата на вакантную должность.

Он также считывает и систематизирует контент, полученный из разных облачных хранилищ, планово-отчетной и нормативно-правовой документации, создает собственную широкую базу данных с актуальным контентом непосредственно для отдела кадров. Watson предлагает помощь в подборе и управлении персонала благодаря широкому спектру программных решений, например, таких приложений, как: привлечение талантов, помощник кандидата, подбор персонала, подбор талантов, фреймворки талантов, карьерный тренер и оценка талантов.

По мнению Э. Бокельберга [4], искусственный интеллект способен сделать процесс обучения персонала более гибким и персонализированным посредством учета индивидуальных требований и потребностей, стремлений и ожиданий работников. Он также способствует лучшему пониманию HR-специалистами настроений персонала, выявлению потенциальных рисков и возникающих проблем, влияющих на мотивацию сотрудников и результативность обучения. Искусственный интеллект быстрее выявляет талантливых сотрудников посредством анализа и оценки социально-психологических типов работников, их целей и представлений о карьерном росте, компетенций и квалификационного уровня.

Несмотря на то, что привычные автоматизированные системы управления персоналом достаточно успешно справляются с рядом кадровых операций (обучение и развитие персонала, управление разнообразием, набор и отбор персонала, начисление заработной платы, вознаграждение, управление эффективностью, кадровое планирование, управление знаниями и расходами, делопроизводство и поддержание внешних контактов с государственными органами, банками, аутсорсинговыми агентствами и другими организациями), интеллектуальные технологии позволяют HR-менеджерам управлять данными операциями с помощью когнитивных агентов, способных анализировать сложные данные и предоставляют пользователям более точную информацию в более сжатые сроки.

Имплементация искусственного интеллекта в кадровый менеджмент может привести к некоторым организационным преимуществам. Так, например, интеллектуальные технологии, используемые в процессе найма, адаптации и развития талантов, могут повысить производительность труда работников, сэкономить их время и полезный фонд рабочего времени HR-менеджеров, снизить общие затраты компании.

Интеллектуальное управление персоналом, как и любой другой этап эволюции, имеет свои отличительные характеристики. Во-первых, управление кадровыми операциями, внутренней и/или внешней организационной деятельностью осуществляется посредством автономных и самоуправляемых систем искусственного интеллекта на разных уровнях. Как только какой-либо вид данных открыт для доступа онлайн, системы работают с этой информацией, развиваются и обновляются самостоятельно, и это, как следствие, потенциально облегчает выполнение некоторых сложных задач в области управления персоналом. Однако существуют

и потенциальные риски использования автономных и самоуправляемых интеллектуальных систем.

Во-вторых, технологии искусственного интеллекта в значительной степени ориентированы на логику, и поэтому решения, принимаемые посредством когнитивных вычислений, будут рационально обоснованными, что потенциально создает определенные конкурентные преимущества.

В-третьих, интеллектуальное управление персоналом зависит от виртуального пространства. Для реализации кадрового менеджмента здесь необходимы современные компьютерные и мобильные системы, сети и облачные технологии. Следовательно, организациям требуются системы защиты информации и приложения WorkWise, чтобы обеспечить безопасность коммерческих персональных компьютеров и данных. В то же время специалисты по персоналу могут выполнять свои обычные должностные обязанности, координировать и контролировать кадровые процессы в любом месте и в любое время, поскольку современные компьютерные и мобильные системы в основном работают через онлайн-сети, к ним легко получить доступ с персональных компьютеров и различных мобильных устройств.

Несмотря на существование определенных преимуществ использования интеллектуальных технологий в HR-менеджменте, нельзя не упомянуть о возможных рисках использования искусственного интеллекта. Так, например, П. Капелли [5] утверждал, что наука о данных, представляющая собой междисциплинарную область исследования и раздел компьютерной науки, изучающий проблемы анализа, обработки и представления данных в цифровой форме с целью извлечения значимой информации для бизнеса, находится в стадии становления и, следовательно, еще недостаточно проверена практикой и не является универсальным продуктом, средством и/или инструментом. Машинное обучение частично зависит от имеющегося опыта решения множества сходных задач и работы с данными в цифровой форме, а прогнозы могут повторять, дублировать прошлые тенденции и, следовательно, не соответствовать критерию верифицируемости – достоверности, точности и обоснованности. Кроме того, небольшой опыт работы специалистов в данной области, недостаточная апробация методов поиска, отбора, сбора и анализа данных, источники информации, на которые опираются интеллектуальные технологии и продукты, актуализируют и обостряют проблемы конфиденциальности, права и дискриминации. По мнению П. Капелли, использование информации о кандидатах на вакантную должность из таких источников, как социальные сети, блоги или веб-сайты, может нарушать конфиденциальность лиц, устраивающихся на работу, поскольку соискатели размещали свои виртуальные публикации не в целях трудоустройства. Возможно, было бы несправедливо и неэтично принимать решение о найме на основе личных сообщений и публикаций в социальных сетях, сделанных несколько лет назад. Интеллектуальные технологии, использующие информацию из всех возможных баз данных и облачных хранилищ, могут способствовать раскрытию конфиденциальной и персо-

нальной информации, вторжению в личную жизнь пользователей интернета, нарушению этических норм и законов о неприкосновенности частной жизни. Нарушение принципа недискриминации также может иметь место при использовании технологии искусственного интеллекта при подборе и расстановке персонала.

Однако особенно острой проблемой представляется сегодня информационная безопасность. Проблема безопасности включает в себя все вопросы предотвращения несанкционированного доступа и просмотра, использования и раскрытия, искажения и модификации, записи и уничтожения информации. Информационные компьютерные технологии и системы и любое устройство, работающее на программном обеспечении и имеющее доступ к сети, являются уязвимыми и, следовательно, открыты для эксплуатации, неправомерного использования и манипуляций. Перебои в доступе к данным, их модификации, фальсификации, потери, утечки или другие проблемы часто обусловлены человеческим фактором (ошибки пользователя, дефекты в коде, злонамеренные действия и другие). Когда информационная система организации подвергается вмешательству со стороны третьих лиц, это может привести к нарушению, по крайней мере, одного из трех основных требований: конфиденциальности, целостности и/или доступности. В контексте отдела кадров это повышает риски, связанные с разглашением личной и организационной информации, нарушением порядка кадровых процессов и операций, ограничением использования и динамичного развития имеющихся баз данных и другими техническими, юридическими и этическими проблемами.

Независимо от того, насколько строгие меры принимаются для обеспечения информационной безопасности организации, даже самые современные информационные и интеллектуальные технологии и системы подвержены различным видам угроз ИТ-безопасности. Случайно или намеренно люди допускают ошибки или находят способ взломать и использовать в своих целях информационные системы. В таком случае результаты использования технологии искусственного интеллекта могут быть сомнительными и вводить в заблуждение.

Помимо безопасности, дискуссионным вопросом являются источники получения данных, используемых технологиями искусственного интеллекта. Интеллектуальные системы могут получать информацию как из проверенных, так и из непроверенных источников. Надежные источники состоят из официальных баз данных государственных и частных учреждений, аффилированных организаций и личных веб-страниц. Непроверенные источники являются общедоступными, неофициальными и открытыми для комментариев и изменений третьими лицами (публикации в профессиональных и социальных сетях, веб-страницы информационных агентств и организаций). Поэтому достоверность данных из таких источников всегда будет спорной. Использование недостоверной информации искусственным интеллектом может привести к предвзятому анализу при принятии важнейших кадровых решений.

Еще один момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что искусственный интеллект является в высшей степени логичным механизмом, который не учитывает эмоциональный фон и настроение. Интеллектуальные системы зависят от созданных человеком алгоритмов, которые строго следуют логическим принципам. Однако для управления персоналом логики не достаточно, различные виды кадровой деятельности, например, прием на работу, назначение на подходящую должность, продвижение по службе, создание команд и разрешение конфликтных ситуаций, требуют эмоциональной составляющей и интуиции.

Долгосрочный успех организации зависит от эффективного управления персоналом, сочетающего человеческую и технологическую составляющую. Интеллектуальное управление персоналом пытается объединить логику когнитивных вычислений с чувственностью и эмоциональностью человека. Расширенная универсальность информационных машин, направленная на минимизацию и недопущение человеческих ошибок, здесь сочетается с присущими человеку социально-психологическими характеристиками, которых не хватает машинам.

Несмотря на то, что сегодня технологии искусственного интеллекта успешно применяются в управлении персоналом для просмотра резюме и ранжирования кандидатов, агрегирования данных, прогнозирования результатов введения в должность и адаптации кандидата, создания чат-ботов и обучения персонала, интеллектуальное управление персоналом не является универсальным средством решения всех проблем HR-менеджмента. Это новый способ управления работниками организации, позволяющий автоматизировать повторяющиеся коммуникационные задачи, оптимизировать процессы и процедуры кадрового менеджмента, минимизировать ошибки человека-пользователя и, как следствие, способствующий экономии полезного фонда рабочего времени, овладению новыми навыками и повышению эффективности деятельности отдела кадров, персонала и организации в целом. Становление интеллектуального управления персоналом изменит профили должностей и усилит потребность в квалифицированных, способных управлять рисками внедрения искусственного интеллекта в кадровый менеджмент организаций, специалистах.

Список использованных источников

1. *Ulrich, D.* HR of the future: conclusions and observations. / D. Ulrich // Human Resource Management. – 2017. – № 36(1). – P. 175–179.
2. *Lawler, J.* Artificial intelligence in HRM: an experimental study of an expert system / J. Lawler, R. Elliot // Journal Management. – 2016. – № 22(1). – P. 85–111.
3. *Strohmeier, S.* Artificial intelligence techniques in human resource management: a conceptual exploration / S. Strohmeier, F. Piazza // Intelligent techniques in engineering management. – 2021. – P. 149–171.

4. Extending expertise: how cognitive computing is transforming HR and the employee experience / E. Bokelberg [et al.]. – IBM Institution, 2019. – P. 103.

5. *Capelli, P.* Data science can't fix hiring yet. / P. Capelli // Human-Intelligent Systems Integration. – 2020. – № 2. – P. 62–85.

(Дата подачи: 12.02.2024 г.)

С. А. Касперович

Брестский государственный технический университет, Брест

М. В. Бойко

Республиканский институт высшей школы, Минск

S. Kasperovich

Brest State Technical University, Brest

M. Boiko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 378.3

ФИНАНСИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

FINANCING HIGHER EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье рассмотрена действующая система финансирования учреждений высшего образования Республики Беларусь (УВО). Выявлены и описаны существующие проблемы финансового обеспечения различных направлений деятельности вузов, проанализированы основные источники доходов и расходов бюджета учреждений высшего образования. Также предложены подходы к совершенствованию финансирования УВО путем расширения перечня источников получения внебюджетных средств от осуществления его деятельности, включая привлечение спонсорской помощи.

Ключевые слова: система финансирования; учреждения высшего образования; бюджет вуза; источники финансирования; доходы; расходы; коммерциализация результатов научной деятельности, экспорт образовательных услуг; спонсорская помощь; эндаумент-фонды; государственное-частное партнерство.

The article considers the current system of financing higher education institutions in the Republic of Belarus (HEI). The article identifies and describes the existing problems of financial support of various activities of HEI, analyses the main sources of income and expenses of the budget of HEI. The article also suggests ways to improve the financing of HEI by increasing the extra-budgetary funds received from the implementation of their activities, including attracting sponsorship.

Keywords: funding system; higher education institutions; university budget; sources of funding; income; expenses; commercialization of research results; export of educational services; sponsorship; endowments; public-private partnership.

В Республике Беларусь вопросу диверсификации источников финансирования УВО уделяется особое внимание, так как от качества подготовки высококвалифицированных кадров, ориентированных на потребности рынка, зависит развитие всех отраслей экономики страны.

На данный момент актуальным является вопрос выработки подходов к совершенствованию системы финансирования в связи с существующей проблемой недостаточности и неоднородности финансового обеспечения отдельных направлений деятельности УВО. Вузы вынуждены осуществлять поиск и привлекать дополнительные источники финансирования для обеспечения деятельности, направленной на внедрение инновационных методов обучения и создание необходимых условий для развития научной деятельности, результаты которой впоследствии могут быть практически использованы бизнес-сообществом.

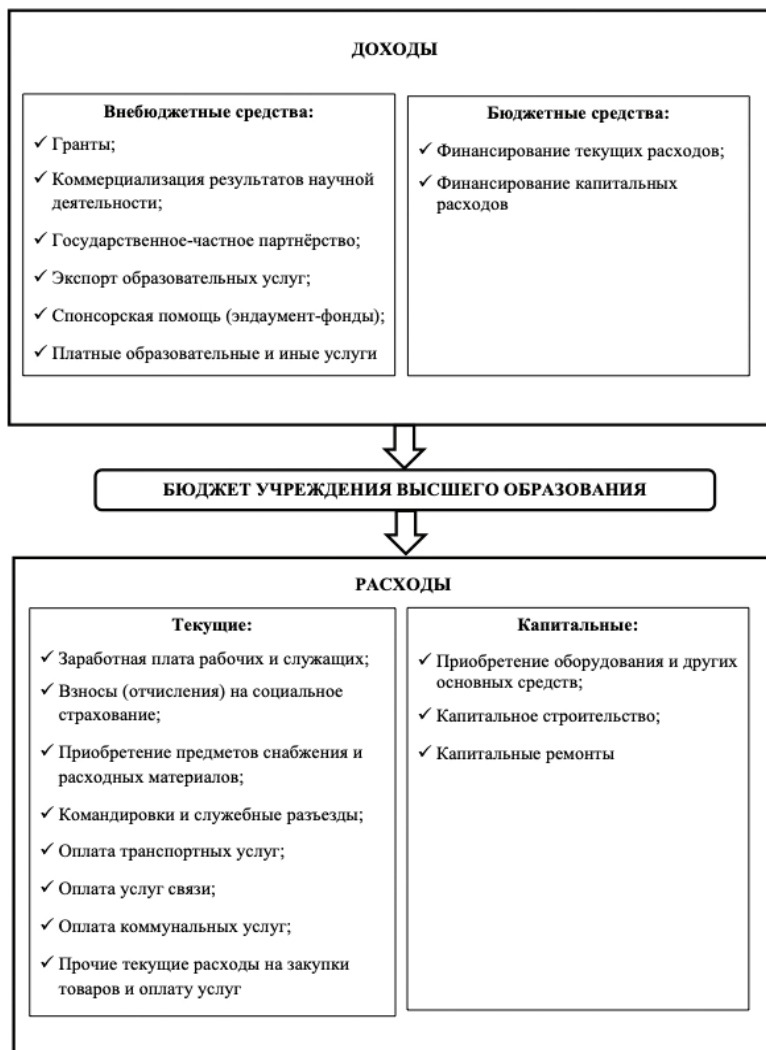
В рамках действующей системы финансирования деятельности учреждений высшего образования в Республике Беларусь, представленной на рисунке, существует ряд проблем, связанных с недостаточностью средств для опережающего темпы износа обновления материально-технической базы, повышения заработной платы профессорско-преподавательского состава, недостаточностью новых общежитий и других объектов инфраструктуры, в частности, для привлечения иностранных студентов и поднятия престижа национальной системы высшего образования на мировой арене. Руководство вузов вынуждено перераспределять средства из внебюджетных фондов на покрытие расходов, связанных с обучением белорусских студентов на платной форме. Остается нерешенным вопрос разработки нормативно-правовой базы в области создания и функционирования эндаумент-фондов в Республике Беларусь, до настоящего времени не реализован ни один проект государственного-частного партнерства в сфере высшего образования.

Экспорт образовательных услуг, являющийся дополнительным источником внебюджетного дохода, реализуется не всеми вузами в достаточных объемах. Прибыль от коммерциализации результатов вузовского сектора науки извлекается только ведущими университетами, в целом не выработаны универсальные организационно-экономические механизмы, позволяющие развить это направление в каждом УВО.

Важнейшим источником финансирования являются средства, выделяемые из государственного бюджета, которые направляются на покрытие расходов, связанных с выплатой заработной платы сотрудникам УВО, стипендий студентам, коммунальные платежи и иные текущие затраты.

Государством осуществляется стимулирование и поддержка наиболее одаренных обучающихся и исследователей путем присуждения грантов на реализацию проводимых исследований, в том числе для привлечения талантливой молодежи в науку. Создается благоприятная среда для обучения и комфортного проживания студентов, способствующая привлечению абитуриентов, в том числе иностранных. Финансируется развитие инфраструктуры университетов, строятся и вводятся в эксплуатацию физкультурно-оз-

доровительные комплексы, бассейны, спортивные площадки, общежития и другие объекты. Из республиканского бюджета предоставляются средства на проведение капитальных и текущих ремонтов, обновление материально-технической базы УВО в целом.

Примечание – авторская разработка.

Рис. Система финансирования УВО

Тем не менее сохраняется проблема нехватки мест в студенческих общежитиях, это связано с увеличением количества иностранных студентов. Так, в период с 2016 по 2023 г. их число возросло почти на 10 тысяч человек [1]. Строительство новых общежитий, в которых создана современная комфортная среда для проживания, может способствовать повышению интереса у абитуриентов к обучению в белорусских вузах и, соответственно, повышению экспорта образовательных услуг.

Другим значимым источником финансирования являются внебюджетные средства УВО. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов эффективное привлечение вузом дополнительных средств является важной составляющей его стратегического развития и национальной системы высшего образования в целом [2, с. 208].

Одним из способов совершенствования подходов к финансированию служит развитие предпринимательства в вузе путем коммерциализации результатов научной деятельности. По состоянию на февраль 2024 г. в Республике Беларусь научно-исследовательскими разработками в вузах занято порядка 5 тысяч научно-педагогических работников [3]. В 2023 г. сотрудниками государственных учреждений высшего образования совместно с коллегами из зарубежных стран было выполнено 145 проектов, осуществлено около 300 договоров на экспорт научно-технической продукции [3].

Разработки ведущих отечественных университетов широко используются в реальном секторе экономики и имеют высокий социальный эффект. Так, например, в 2023 г. наноспутник BSUSat-2, изготовленный по полному производственному циклу в Белорусском государственном университете, был запущен на околоземную орбиту; также совместно с Белорусским государственным университетом информатики и радиоэлектроники создана видеоспектральная аппаратура «СОВА»; Белорусским национальным техническим университетом получен сертификат на производство эндопротеза коленного сустава, порядка 600 изделий были переданы в учреждения здравоохранения, на данный момент проводятся успешные операции по их установке пациентам [3].

Однако во многих белорусских учреждениях высшего образования по-прежнему отсутствует выработанный организационно-экономический механизм, позволяющий налаживать тесные связи с производством, затраченные денежные средства на научно-исследовательскую работу превышают реальный доход от полученных результатов, что приводит к убыткам.

Еще одним внебюджетным источником доходов УВО служит экспорт образовательных услуг. В частности, в Республике Беларусь магистратура является наиболее приоритетной траекторией, там обучаются порядка 25 % иностранных граждан [4]. Также значительным спросом пользуется образовательная программа аспирантуры, направленная на подготовку кандидатов наук. Нарращивание данного вида деятельности способствует развитию материально-технической базы университетов, покрытию расходов, связанных с платным образованием для граждан Беларуси, которое в насто-

ящее время является убыточным, поддержанию заработной платы сотрудников [4].

Фактическая убыточность платного образования является серьезной проблемой в системе высшего образования, процент покрытия затрат на обучение студентов колеблется в пределах 50–70 % [5], оставшиеся издержки возмещаются университетами, что не позволяет динамично увеличивать заработную плату сотрудников, поддерживать инфраструктуру, восполнять текущие и иные расходы. Поэтому необходимо разработать комплекс мер, направленный на снижение затрат УВО, а также планомерного увеличения стоимости платного образования для обучающихся.

В настоящее время в Республике Беларусь уделяется внимание развитию культуры спонсорской помощи, в частности, обсуждаются вопросы создания эндаумент-фондов, фондов поддержки развития УВО. На заседании Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования, прошедшем 27 мая 2021 г., рассматривался вопрос совершенствования подходов к финансированию: проанализирован зарубежный опыт, в том числе Российской Федерации, где чаще применяется термин «целевой капитал», признана необходимость создания благоприятной среды для функционирования эндаумент-фондов, также акцентировано внимание на отсутствии нормативно-правовой базы для функционирования таких фондов в нашей стране [6].

В настоящее время спонсорская помощь, оказываемая бизнес-сообществом, способствует обновлению материально-технической базы, оснащению учебных помещений мультимедийной техникой для проведения учебных занятий, например, тренажерами-симуляторами виртуальной реальности, различным программным обеспечением для проведения учебного процесса и научных исследований, открытию новых научно-исследовательских лабораторий с современными комплексами научного практико-ориентированного оборудования, что в совокупности обеспечивает подготовку специалистов, обладающих необходимыми заказчику кадровыми навыками. В целом Партнерство между государством и представителями частного сектора в сфере высшего образования позволяет привлечь дополнительные инвестиции для развития инфраструктуры университетов, внедрить новые эффективные методы управления, развить инновационную среду обучения студентов [7].

Однако существует серьезная проблема финансирования текущей деятельности УВО, связанная с объективной необходимостью поддержания и увеличения заработной платы сотрудников, проведением текущих ремонтов, обновлением материально-технической базы, осуществлением коммунальных платежей, особенности той части расходов, которые осуществляются за счет доходов, полученных в результате реализации образовательного процесса на платной основе. Таким образом, вопрос выработки подходов к совершенствованию системы финансирования деятельности учреждений высшего образования является актуальным на данный момент, в условиях

ограниченности бюджетных ресурсов, выделяемых государством, диверсификация внебюджетных источников способствует динамичному развитию УВО, расширению возможностей выстраивать эффективные взаимосвязи с организациями – заказчиками кадров, научными партнерами вузов и другими субъектами экономики.

Список использованных источников

1. В Беларуси около 80 тыс. студентов проживают в 120 общежитиях [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 2023. – 2 нояб. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-okolo-80-tys-studentov-prozhivajut-v-120-obschezhitjah-597525-2023/>. – Дата доступа: 04.02.2024.

2. Балыхин, Г. А. Управление развитием образования: организационно-экономический аспект / Г. А. Балыхин. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2003. – 428 с.

3. Иванец: несмотря на санкции, международное сотрудничество в науке активно развивается [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 2024. – 23 янв. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/ivanets-nesmotrja-na-sanktsii-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-nauke-aktivno-razvivaetsja-611284-2024/>. – Дата доступа: 04.02.2024.

4. Иванец: экспорт образовательных услуг – престиж высшего образования и хорошее подспорье для вузов [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 2022. – 4 сент. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/ivanets-eksport-obrazovatelnyh-uslug-prestizh-vysshego-obrazovanija-i-horoshee-podsporje-dlja-vuzov-521964-2022/>. – Дата доступа: 05.02.2024.

5. Стоимость, места, распределение. Министр образования дал разъяснение по платному обучению в вузах [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 2023. – 28 нояб. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/stoimost-mesta-raspredelenie-ministr-obrazovanija-dal-razjasnenie-po-platnomu-obucheniju-v-vuzah-602234-2023/>. – Дата доступа: 05.02.2024.

6. Республиканский совет ректоров учреждений высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://srrb.niks.by/#gsc.tab=0>. – Дата доступа: 07.02.2024.

7. Касперович, С. А. Нормативно-правовые основы реализации проектов государственно-частного партнерства в Республике Беларусь / С. А. Касперович, Е. В. Шарапа // Тр. Белорус. гос. технол. ун-та. Сер. 5, Экономика и упр. – 2021. – № 1. – С. 55–62.

(Дата подачи: 29.02.2024 г.)

Л. С. Климченя

Белорусский государственный экономический университет, Минск

L. S. Klimchenia

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 339.37

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРГОВЛИ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ

TRADE TRANSFORMATION: ESSENCE, TYPES

В статье исследуется сущность трансформации как экономической категории. Целью настоящего исследования является развитие теоретических представлений о трансформации отрасли, в частности торговли. Автором сформулировано определение трансформации торговли и показана ее роль в торговом обслуживании. В статье выделены характеристики трансформации отрасли, охарактеризованы разработанные автором с учетом объектов преобразований виды трансформации торговли.

Ключевые слова: трансформация; трансформация торговли; торговля; ресурсная трансформация; технологическая трансформация; организационно-экономическая трансформация.

In the article, the author explores the essence of transformation as an economic category. The purpose of this research is to develop theoretical ideas about the transformation of the branch, in particular trade. The author has formulated a definition of trade transformation and shows its role in trade services. Based on the results of the research, the author identified the characteristics of branch transformation and characterized the types of trade transformation developed by the author, taking into account the objects of transformation.

Keywords: transformation; trade transformation; trade; resource transformation; technological transformation; organizational and economic transformation.

На рубеже XX–XXI вв. начались изменения в экономической деятельности, а именно ее бизнес-моделей, которые многие авторы характеризуют как трансформацию. Особое внимание уделяется цифровой трансформации [1–4]. Вопросам трансформации уделено внимание и на государственном уровне. В Государственной программе Республики Беларусь «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. как приоритетное направление выделена «комплексная цифровая трансформация регионального и отраслевого развития» [5]. При этом в академической среде не сформировался единый подход как к сущности трансформации на уровне отрасли, так и к выделению ее видов.

Для осмысления сущности трансформации отрасли, а в частности торговли, следует изучить в целом представление о трансформации, выделив ее ключевые характеристики. В процессе исследования дефиниции «трансформация» как процесса анализировались как ее энциклопедические трактовки, так и авторские. Согласно Современному экономическому словарю «трансформация – преобразование структур, форм и способов экономической де-

тельности, изменение ее целевой направленности» [6, с. 435]. Большой экономический словарь определяет трансформацию как «преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности деятельности» [7, с. 474]. Согласно приведенным определениям, отличием выступает только вид деятельности: в первом определении это экономическая деятельность, а во втором – деятельность в широком смысле. Трансформация же по своей сути является преобразованием, изменением в рамках заданных целей.

В словаре «Методология научных исследований. Терминологический словарь» дефиниция трансформация трактуется как «действие или процесс изменения формы, вида, природы или характера общества, или отдельной структуры» [8]. Из приведенных трактовок можно отметить, что исследуемый процесс обеспечивает: во-первых, радикальные изменения; во-вторых, переход к новому качественному состоянию, т. е. изменения затрагивают качественные параметры какой-либо структуры или общества в целом.

Исходя из представленных нами в работе энциклопедических трактовок исследуемой дефиниции можно отметить, что трансформацию связывают с качественными изменениями элементов или компонентов деятельности, в том числе и экономической, так как именно они обеспечивают изменение структур, форм и способов этой деятельности.

Изучение и обобщение результатов научных работ по трансформации позволяет отметить, что вектор исследования смещен в направлении трансформации экономической системы/экономики, что нашло отражение во многих теориях, затрагивающих вопросы преобразования ее структуры и общества в целом. Значительно меньше научных работ по исследованию отраслевой трансформации.

Исследователь С. А. Анохин, изучая взаимосвязь трансформационных процессов и конкурентоспособности предпринимательства, характеризует трансформацию как «объективно-субъективный процесс, с одной стороны, происходящий в соответствии с объективными законами, а с другой – иницируемый и регулируемый субъектами с целью его ускорения и придания ему определенной направленности» [9, с. 141]. Трансформационный процесс исследуется автором как процесс, который можно регулировать, т. е. реализовывать функции управления со стороны субъектов, которые должны быть в нем заинтересованы. Важно указать, что именно трансформация выступает базовым условием выхода системы на новый уровень функционирования. Схожей точки зрения придерживаются исследователи Ю. М. Соловьева и Р. П. Соловьева, указывая на то, что процесс трансформации является иницируемым и регулируемым со стороны субъектов в целях обеспечения направленности, перехода системы в новое качественное состояние. Авторы трактуют трансформацию как «инновационный способ реформирования экономики, при котором функциональное развитие, связанное с сохранением относительно стабильного состояния, устойчивости и системного качества общества, по мере накопления преобразований переходит в трансформационное развитие» [10, с. 277]. В контексте исследова-

ния Соловьевых речь идет об инновационном реформировании экономической системы, т. е. требуются инициаторы и организаторы таких реформ. Нельзя согласиться с авторами, что трансформация включает только реформационные преобразования.

Исследователь Е. М. Ильинская определяет трансформацию экономики как «переход к системному подходу к инновационной деятельности» [11, с. 52]. Такой переход возможен посредством внедрения продуктовых, технологических и маркетинговых и управленческих инноваций.

В коллективной монографии, посвященной вопросам инновационной инженерии в предпринимательстве приведено, на наш взгляд, лаконичное определение исследуемой дефиниции: «Трансформация – организационные, экономические, юридические и другие виды преобразований» [12, с. 355]. Следует подчеркнуть, что данную дефиницию авторы исследуют применительно к субъектам предпринимательской деятельности, а также отмечают, что толчком к трансформации работы являются возникающие противоречия между динамично развивающейся внешней средой и внутренней средой организации.

С учетом представленных подходов к сущности трансформации, собственных результатов исследований, можно выделить ряд ее характеристик, а именно:

- 1) объективно-субъективный характер;
- 2) качественные изменения компонентов системы, связей между ними, а в дальнейшем ее структуры;
- 3) изменения затрагивают все или большинство компонентов системы;
- 4) протекает во времени и в экономическом пространстве;
- 5) наличие интервалов в виде экономических кризисов;
- 6) направленность, интенсивность и темп трансформации определяются субъектами системы и зависят от их компетентности;
- 7) создается инновационная экономическая среда.

В рамках исследования трансформации отрасли выявлено, что большая часть публикаций можно отнести к обзорным исследованиям. Исследование трансформации в секторах сферы обслуживания проводилось в сравнении с трансформацией производственного сектора экономики, в рамках которого обобщены научные работы по вопросам трансформации промышленности и сельского хозяйства. Отметим, что чаще научные публикации связаны с различными вопросами цифровой трансформации, но есть и работы, трактующие трансформацию более широко. Так, Г. Г. Ибрагимов исследуя вопросы трансформации пищевой промышленности, связывает ее с внедрением современных технологий производства и переработки продукции, обновлением технологической базы производств [13, с. 20]. Автор заключает, что такие преобразования обеспечат повышение конкурентоспособности продукции за счет эффективного использования имеющихся ресурсов. Следовательно, трансформация рассматривается как преобразование технологий производства.

Аналогичные исследования проведены и в сфере АПК. Трансформацию отрасли увязывают с применением цифровых технологий исследователи Ю. С. Коротких, В. Г. Рябчикова [14], формируя рейтинг данных технологий; Л. В. Попова и Т. Т. Хунх, исследовавшие применение инновационных цифровых технологий в культивировании и переработке кофе [15].

Обобщив результаты исследований трансформации в разных отраслях экономики, отметим:

- во-первых, реальные условия ее протекания опережают теоретическое осмысление трансформации как экономической категории, как результат этого большая часть научных работ ориентирована на обзор применяемых технологий в отраслевых сегментах экономики;
- во-вторых, наиболее часто трансформация отрасли сводится только к одному из ее направлений, а именно цифровой трансформации;
- в-третьих, в научных публикациях отсутствует не только единый подход к определению термина «трансформация отрасли», но и не представлено ни одно определения трансформации конкретных отраслей экономики.

С учетом выше представленных характеристик трансформации под трансформацией отрасли, на наш взгляд, следует понимать направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие количественно-качественные изменения в деятельности субъектов отрасли.

При этом исследуя трансформацию отрасли, автор придерживается позиции исследователя Е. К. Карпуниной, что трансформация – «это момент преобразования, а не сам процесс преобразования» [16, с. 31].

Преломим предложенную дефиницию «трансформация отрасли» непосредственно к торговле. Торговля как вид экономической деятельности постоянно присутствует на рынке, обеспечивая товарно-денежный обмен. Свою экономическую и социальную роль торговля приобретает, обслуживая процесс товарного обращения. Как писал профессор И. Шерр: «Усложнение и увеличение производства, рост городов и потребностей вызывает абсолютный рост занятых в торговле» [17, с. 11]. При этом по мере развития промышленного производства, по мнению И. Шерра, видоизменяется и «самый характер торговли».

Исходя из выполняемой роли посредника на товарном и потребительском рынках, решаемых задач, торговля способствует развитию ряда отраслей экономики, обладает экономической полезностью как вид деятельности и целесообразностью. Отметим, что на протяжении достаточно длительного исторического периода торговля проходила свое развитие, что находило отражение в формах, качестве торгового обслуживания. Так, до средних веков доминировала на рынке разносная форма торговли. Развитие городов, переход к оседлому образу жизни внесли изменения в формы осуществления торговли: появились первые стационарные торговые объекты – магазины, выполнявшие первоначально функции магазинов-складов. Такие изменения можно охарактеризовать как трансформацию, так как состоялся переход от внемагазинной продажи товаров к магазинной.

С учетом изложенного под *трансформацией торговли* мы понимаем *направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие количественно-качественные изменения ресурсов, форм осуществления торговли и ее технологий и повышение качества торгового обслуживания*. В рамках авторской трактовки дефиниции «трансформации торговли» отметим, что конечной целью трансформации торговли является именно повышение качества торгового обслуживания населения, которое обеспечивает выполнение торговлей ее социальной роли. Параллельно повышается и эффективность деятельности субъектов торговли, т. е. реализуется ее экономическая функция.

В рамках характеристики трансформации торговли целесообразно выделить ее виды с учетом объектов преобразований. Рассматривая торговлю как совокупность субъектов хозяйствования, оказывающих однородные услуги, использующих при этом определенные отраслевые технологии, ресурсы, возможными объектами трансформации могут выступать: торговые технологии, ресурсы и формы осуществления деятельности. В зависимости от объекта трансформации согласно предложенной нами классификации для торговли характерны три вида трансформации: ресурсная, технологическая и организационно-экономическая. Характеристика видов трансформации торговли представлена в таблице

Таблица

Виды трансформации торговли

Вид трансформации	Содержание	Разновидность
Ресурсная	Направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие изменения ресурсов, используемых торговыми организациями в организации торгово-технологических процессов и повышающие качество торгового обслуживания	Инновационная цифровизация
Технологическая	Направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие изменения торговых технологий в целях повышения эффективности торговой деятельности	Трансформация: методов доставки; методов продажи; форм осуществления продажи
Организационно-экономическая	Направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие как появление новых организационных форм торговли, приводящих к повышению эффективности торговой деятельности и качества торгового обслуживания, так и межотраслевых форм взаимодействия	Цифровая конвергенция

Разработанная классификация основана на том, что для торговли характерна присущая только ей специфика, заключающаяся в следующем: необходима специализированная материально-техническая база для организации обслуживания покупателей (торговые объекты, торговое оборудование, транспортные средства для доставки товаров); профессиональная подготовка работников и двойственный характер их труда; наличие торгово-технологических процессов; отраслевые методы и технологии торгового обслуживания.

В качестве примеров ресурсной трансформации выступает использование субъектами торговли инновационных ресурсов, как торговых объектов (новые типы торговых и торгово-развлекательных объектов – гипермаркеты, универмаги, торгово-развлекательные центры), так и инновационного торгового оборудования: кассы-самообслуживания, умные полки, смарт-тележки для покупателей. Примером технологической трансформации является внедрение метода самообслуживания в 1916 г. в США, который принципиально изменил роль покупателя в процессе торгового обслуживания. Использование новых технологий в строительстве позволило возводить товарные склады высотой более 12 м, что привело к использованию новых методов хранения товаров, в первую очередь адресного хранения. Примером организационно-экономической трансформации является создание и активное вовлечение в торговое обслуживание цифровых торговых платформ, аналогов которых ранее в торговом обслуживании не было.

Таким образом, трансформация как экономическое явление должна изучаться на всех уровнях: макроуровне, мезоуровне и микроуровне. Трансформация отрасли представляет собой направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие количественно-качественные изменения в деятельности субъектов отрасли и учитывающие специфику отрасли. Направленность преобразований (трансформации отрасли) обуславливается их субъективно-объективным характером, при этом субъекты отрасли не только должны инициировать такие преобразования, но и определять цель и задачи отраслевых преобразований.

Применительно к торговле трансформация представляет собой направленные коренные необратимые преобразования, обеспечивающие количественно-качественные изменения ресурсов, форм осуществления торговли и ее технологий, и повышающие качество торгового обслуживания. Исходя из представленного понимания трансформации торговли разработана авторская классификация ее видов, в рамках которой учтены субъекты трансформации, объекты трансформации: ресурсная, технологическая, организационно-экономическая. Каждый предложенный вид трансформации в рамках выделенных объектов трансформации торговли представлен соответствующими подвидами, которые учитывают специфику торговых бизнес-процессов и торгово-технологических процессов.

Список использованных источников

1. Бубнова, Ю. Б. Трансформация бизнес-модели банка в условиях цифровой экономики / Ю. Б. Бубнова // Известия Байкальского государственного университета. – 2019 – Т. 29, № 3. – С. 425–433.
2. Avdeeva, A. I. Digital Transformation Projects for Organisations: Main Stages and Key Performance Indicators [Electronic resource] / A. I. Avdeeva, E. A. Sharikova // Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling. – 2022 – Т. 9, № 4. – Mode of access: <https://resources.today/PDF/55ECOR422.pdf>. – Date of access: 20.12.2023.
3. Климченя, Л. С. Электронная торговля в контексте трансформации торговых процессов. / Л. С. Климченя // Научные труды РИВШ. – Минск: РИВШ, 2022. – С. 57–64.
4. Климченя, Л. С. Цифровая трансформация экономики как результат цифровой трансформации бизнес-процессов / Л. С. Климченя // Научные труды РИВШ. – Минск: РИВШ, 2021. – С. 178–185.
5. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/bannerpage-gosprogramma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025>. – Дата доступа: 09.02.2024.
6. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2023. – 512 с.
7. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2006. – 543 с.
8. Подольская, Е. А. Методология научных исследований. Терминологический словарь [Электронный ресурс] / Е. А. Подольская. – Режим доступа: <https://terme.ru/slovari/metodologija-nauchnyh-issledovani-terminologicheskii-slovar-harkov-izd-vo-nua-2016.html>. – Дата доступа: 09.02.2024.
9. Анохин, С. А. Характер трансформационных процессов и их влияние на конкурентоспособность предпринимательства [Электронный ресурс] / С. А. Анохин // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 141–144. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-transformatsionnyh-protsessov-i-ih-vliyanie-na-konkurentosposobnost-predprinimatelstva>. – Дата доступа: 11.12.2023.
10. Соловьева, Ю. М. Трансформация как способ инновационного развития экономической системы страны / Ю. М. Соловьева, Ю. П. Соловьева // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2020. – № 9. – С. 276–279.
11. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – 807 с.
12. Технологии и инструменты внедрения инновационной инженерии в предпринимательстве / под ред. проф. А. Н. Асаула, М. А. Икримова. – Т.: Инновацион ривожланиш нашриет-матбаа уйи, 2023. – 460 с.

13. *Ibragimov G. G.* Theoretical Approaches to Food Industry Transformation [Electronic resource] / G. G. Ibragimov // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 1–4 (69). – С. 19–22. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_44803027_69380776.pdf. – Дата доступа: 20.01.2024.

14. *Korotkikh Yu. S.* Agroindustrial Complex of Russia: Digital Transformation / Yu. S. Korotkikh, V. G. Ryabchikova // Наука без границ. – 2021. – № 8 (60). – Р. 24–28.

15. *Huynh T. T. D.* Dynamics and Economic Efficiency of Digital Transformation of Vietnam's Coffee Industry / T. T. D. Huynh, L. V. Popova // Regional Economy. South of Russia. – 2023. – Т. 11. – № 1. – Р. 125–134.

16. *Карпунина Е. К.* Трансформация как способ развития экономической системы / Е. К. Карпунина // Вестник ТГУ. – 2011. – Вып. 4 (96). – С. 27–35.

17. *Шерр И.-Ф.* Учение о торговле / И.-Ф. Шерр; под общ. ред. М. И. Нахимсона. – М.: Изд-во «Экономическая жизнь», 1925. – 546 с.

(Дата подачи: 14.02.2024 г.)

Е. С. Лешук, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет, Минск

E. S. Leshchuk, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 331.1

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

THE HISTORY OF THE FORMATION OF INTERNATIONAL HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

В статье рассмотрено историческое развитие HR-менеджмента и становление так называемого «международного управления персоналом». Акцент сделан на анализ изменений проблемного поля, основных функции, задач и направлений современного международного управления персоналом.

Ключевые слова: управление персоналом; HR-менеджмент; международное управление персоналом; глобальные компетенции; международное управление талантами.

The article examines the historical development of HR management and the formation of the so-called «international personnel management». The emphasis is on the analysis of changes in the problem field, the main functions, tasks and directions of modern international personnel management.

Keywords: personnel management; HR management; international human resources management; global competencies; international talent management.

Развитие международной конкуренции и четвертая волна международных сделок слияний и поглощений обусловили становление в конце 1970-х

и начале 1980-х гг. международного управления персоналом как области научного знания и специфической практической деятельности, включающей в себя рекрутинг, обучение, развитие, оценку производительности и вознаграждение работников международных и глобальных организаций.

Десятилетие 1960-х гг. ознаменовалось появлением и внедрением в маркетинг финансового и операционного менеджмента, различных математических алгоритмов, вычислительных подходов и систем. В результате произошел переход от рассмотрения стратегии как индивидуального искусства лидера к толкованию ее как интегрированной науки принятия решений, основанной на данных. Ведь ранее стратегия ведения и развития бизнеса зависела от способностей лидеров, предвидеть будущее и действовать в соответствии с этим видением. Ученые и аналитики 1960-х гг. отмечали, что мощь математической оптимизации и вычислений позволяет стратегии стать более аналитической и менее субъективной, а подходу к управлению, основанному на математических моделях, а не на интуиции – более эффективным. Появляются и приобретают популярность классические концепции управления: концепция стратегического менеджмента И. Ансоффа и финансовый менеджмент Дж. Ф. Уэстона, теория инновационной экономики и предпринимательского общества П. Ф. Друкера, теория управленческих решений (теория ограниченной рациональности) Г. А. Саймона. Широкое распространение получают количественные и статистические методы анализа, моделирование при принятии решений и планировании деятельности организации. Количественный подход в менеджменте казался наиболее продуктивным и перспективным, поскольку позволял организациям расти, оперативно, собирая и обрабатывая информацию о множестве регионов и рынков, предоставляя возможность выбора из имеющихся альтернатив наилучшего варианта решения управленческой проблемы, повышая скорость принятия управленческих решений и точность научно обоснованных прогнозов, возможностей и эффективности выхода на новые рынки. Декolonизация и проблемы экономического развития стран третьего мира пробудили веру в «колониальную модель 1960-х гг.» становление и развитие крупного глобального бизнеса как единственного пути к лучшей жизни для всех (развитых и развивающихся стран).

Однако распространенная в 1960-х гг. вера в то, что количественный подход и эффективность вычислительных машин сделает стратегические решения более алгоритмичными и что глобальный бизнес естественным образом повысит всеобщее благосостояние и социальную справедливость, не учитывала особенности структуры организации, человеческого фактора, потенциальной непредсказуемости развития и рисков, возникающих в процессе глобализации бизнеса.

В 1970-е гг. идея стратегического планирования, основанного на использовании математических методов и инженерных расчетов, потеряла свою популярность как следствие, составление стратегических планов, как вид деятельности организаций, прекращается. Распространяются взгляд на ри-

скогенность и непредсказуемость развития. Транснациональные корпорации начинают рассматриваться как источник социально-экономического неравенства.

В 1980-х гг. Япония становится глобальной экономической сверхдержавой. Японский подход к управлению подчеркивал важность вовлеченности сотрудников, инвестиций в обучение и развитие человеческого потенциала, культуры, лидерства и кайдзэн, т. е. практики непрерывного совершенствования процессов производства, вспомогательных бизнес-процессов и управления, всех аспектов жизнедеятельности. Успех японского менеджмента подтвердил, что «не западные» подходы к менеджменту, учитывающие национальные и социокультурные особенности, могут быть эффективными и конкурентоспособными.

В данный период увеличивается количество и расширяется география научных исследований проблемного поля управления персоналом, изучаются взаимосвязи между многочисленными организационными проблемами и национальными культурами. Вопросы ведения бизнеса и управления персоналом признаются менее универсальными и более специфичными для различных культур и регионов. Появляются публикации, описывающие методы и стили управления в Японии, Китае, Германии, Франции, Великобритании, Индии, Южной Корее и других странах.

Международное управление человеческими ресурсами появилось как отдельная область изучения в 1970-х гг. вслед за развитием международной конкуренции и четвертой волной международных сделок слияний и поглощений. Акцент был перенесен с рассмотрения глобальных организаций как математически смоделированных двигателей экономического роста, на их анализ как сложных структур, характеризующихся наличием человека как активного ресурса и активного субъекта, выполняющего определенные цели интернационального бизнеса. Международное управление персоналом рассматривается как процесс отбора, найма, обучения, развития, оценки и вознаграждения работников в международных и глобальных организациях. Культурные конфликты и национальные различия, ожидания, выходящие за рамки экономических результатов, социально-политические дилеммы, ценности и нормы персонала становятся актуальными и дискуссионными вопросами. Однако исследования проблемного поля международного управления персоналом отстают от бизнес-практик и не приобретают лидирующих позиций. Значительно большее внимание уделяется проблемам трудовых отношений, вопросам занятости и безработицы, таким направлениям управления персоналом, как начисление и выплата компенсации, а также предоставление льгот. По-видимому, в 1980-х и даже в 1990-х гг. особое внимание уделялось проблемам экономики и межнационального бизнеса, несмотря на растущее количество свидетельств о необходимости использования комплексного подхода, выходящего за рамки трудовой экспатриации американской модели, и воплощенного в японской модели менеджмента. Позже исследователи международного управления

персоналом стали целенаправленно рассматривать возможность переноса акцента с практики управления человеческих ресурсов на управление талантливыми сотрудниками.

Снижение глобального экономического доминирования США в 1990-е годы привело к зарождению идеи социально-ответственного предпринимательства, постулируя, что социальные взносы организаций должны отражать тройной результат: людей, планету и прибыль.

Началось становление информационной экономики с присущим ей переходом на массовость и глобальный характер хозяйственного взаимодействия, распределение созданных благ среди потребителей в глобальном масштабе, менеджмент, инновационное предпринимательство, информационный инжиниринг и автоформализацию экономических процессов.

Бизнес становится информационным, поскольку ценностные предложения быстро перешли от физических активов к данным и интеллектуальным активам. Обычная розничная торговля разрушена цифровыми покупками. Совместное размещение команд нарушено из-за возможности удаленного доступа и дистанционной работы. Диджитализация бизнеса открыла возможность передать производство, которое раньше лучше всего выполнялось внутри одной организации и в центральном офисе, на аутсорсинг в несколько филиалов по всему миру. Растущая взаимосвязанность и непосредственная видимость глобальных событий и перспектив привели к более глубокому пониманию важности и ценности альтернативных культурных традиций, а цели, ранее считавшиеся независимыми или даже не имеющими отношения к корпорациям, теперь должны достигаться одновременно.

Аналогичная закономерность, соответствующая этим тенденциям, но с задержкой во времени, прослеживается и в исследованиях проблемного поля международного управления персоналом. С 1990-х гг. и до 2010 г. наблюдался заметный скачок в исследованиях проблемы экспатриантов, повышение внимания к вопросам конкурентоспособности персонала, прибывшего из других стран и/или материнской организации в дочернюю, на глобальном уровне, эффективности трудовой деятельности в рамках местных культур, и приобретение международных и глобальных компетенций и навыков управления и наращивания человеческого капитала как внутри отдельной организации, так и за ее пределами, в корпорации в целом. Это отражает отставание теоретических разработок от практических, поскольку все больше внимания менеджеры тех лет сосредотачивали на более комплексных вопросах, выходящих за рамки простой экспатриации и практики управления персоналом.

Нехватка нефти, терроризм и колебания фондового рынка в 1970-х гг. отразились на событиях начала XXI в.: проблемы доступности чистой воды, воздуха и энергии, обусловленные глобальными изменениями климата, близкий крах финансовых институтов, худшая глобальная рецессия почти за сто лет и шок от терактов. Появляется и признается новой «нормой» после 2001 г. «VUCA-мир» – концепция современного мира, основанного на

нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. Популярные теории и тенденции в области управления включали фаллибилизм, признание важности редких событий и возможности экспертных ошибок при прогнозировании событий и тенденций, ведь в современной переменной бизнес-реальности трудно делать точные предсказания и строить планы.

Можно выделить восемь «супертрендов», формирующих будущее бизнеса в XXI в.: микросегментация потребительских рынков, ценностный таргетинг, китайизация, приоритет знаниям над информацией, кибермобилизация через временные веб-сообщества, уязвимость защиты интеллектуальной собственности, противодействие американизму, регионализация.

Институт будущего, некоммерческий аналитический центр США, специализирующийся на долгосрочном планировании, поддерживающий исследовательские программы, посвященные будущему технологий, здравоохранения и организаций, и выпускающий ежегодное издание «Будущее сейчас», краткое изложение результатов исследований института, выявил десять наиболее необходимых навыков, универсальных компетенций, для достижения успеха организаций и работника [3]: приращение смысла, социальный интеллект, адаптивное мышление, межкультурная компетентность, вычислительное мышление и рассуждение на основе данных, медиа-грамотность и убедительность, междисциплинарное понимание и интеграция, дизайнерское мышление во внешней среде, управление когнитивной нагрузкой, виртуальное сотрудничество.

Усиление внимания к набору персонала, укомплектованию штата, управлению эффективностью, увольнению и выходу на пенсию, отражает необходимость дифференциации отношений между работником и работодателем и их результатов. Тем не менее, управление экспатриантами продолжает оставаться важным направлением деятельности международного управления персоналом и активной областью исследований, в то же время все большее значение приобретают такие направления HR-менеджмента, как управление гражданами принимающей страны и третьих стран, интеграция мировых практик управления персоналом и развитие менеджмента, недостаточная степень участия практиков в развитии теории и методологии управления. Рассматривая широкие области управления талантами и персоналом во всем мире, кажется, что исследования в целом следуют некоторым более широким тенденциям в бизнесе, но с акцентом на практику управления персоналом и результаты на индивидуальном или командном уровне, без прямого внимания к конкретным ключевым кадровым резервам, связанным с возникающими проблемами и стратегическим успехом.

Произошел переход от изучения международных HR-практик к поиску глобальных компетенций. Этот сдвиг является своевременным, поскольку более широкие социальные, экономические и деловые изменения предполагают все более меняющийся и взаимосвязанный мир, который лучше всего будет рассматриваться с помощью исследований международного управле-

ния персоналом и управления талантами на глобальном уровне, отражающих все проблемы и уровни анализа. Глобальная компетентность представляется более плодотворной платформой, чем сосредоточение внимания на практике управления персоналом как таковой или управлении экспатриантами, хотя и то, и другое является ключевыми компонентами поиска глобальной компетентности. Это позволяет отдельным лицам, корпорациям и национальным государствам охватывать весь мир дальше, быстрее, глубже и дешевле. Это постоянно растущее взаимодействие, взаимосвязь и интеграция отдельных лиц, компаний, культур и стран подразумевает, что каждый бизнес и каждый человек сталкивается с постоянным глобальным давлением, требующим конкурентного превосходства. Это затрагивает любой аспект каждой организации, и управление персоналом не является исключением.

Проблемное поле современного международного управления персоналом, таким образом, эволюционировало от первоначального акцента на системах HR-менеджмента, ориентированных на управления экспатриантами к более разнообразному набору кадровых стратегий и процедур, включающих в себя: перемещение иностранных сотрудников из одной страны в другую, согласование основной кадровой политики с местными потребностями и использование уникальных перспектив и опыта, присущих уроженцам определенных регионов. Функции и задачи международного управления персоналом в настоящее время можно систематизировать и разделить на три достаточно широкие области:

1) привлечение и удержание сотрудников во многих разных странах для достижения стратегических глобальных бизнес-целей, управление мобильными сотрудниками на международном уровне;

2) приведение основных политик и практик в области управления персоналом в соответствии с требованиями международной конкуренции при одновременном реагировании на местные проблемы, нормативные правовые акты и институциональные требования в каждой стране присутствия. Так, например, активизации усилий правительства Китая по борьбе со взяточничеством и монополиями инициировала рассмотрение деятельности ряда международных организаций, при проведении исследований в отношении таких компаний, как GlaxoSmithKline, Microsoft и Qualcomm, уполномоченные лица обращались за юридической консультацией в области международного права, чтобы обеспечить соблюдение местных правил;

3) развитие глобальных компетенций и возможностей создания глобальных центров передового опыта, центров совместного обслуживания и овладения кадровой экспертизой, необходимой при трансграничных слияниях и поглощениях.

Сегодня международное управление персонала наиболее активно развивается в двух направлениях: поиск глобальных компетенций и международное управление талантами.

Глобальная компетентность определяется как многомерная способность изучать глобальные и межкультурные проблемы, понимать и уважать раз-

личные мировоззрения, плюрализм мнений, уважительно взаимодействовать с другими людьми в целях достижения всеобщего благополучия и устойчивого развития. Компетенции здесь понимаются как индивидуальные качества и характеристики, знания и навыки, способности и способы мышления, способствующие достижению личных и профессиональных целей, выполнении должностных обязанностей. Глобальные компетенции представляют собой не конкретные навыки, а сочетание знаний, умений, взглядов и ценностей, успешно применяемых при кросскультурном взаимодействии и межкультурной коммуникации, а также при решении глобальных проблем.

Общество управления человеческими ресурсами, профессиональная ассоциация членов отдела кадров США, продвигая роль HR-менеджмента как профессии, разработала модель компетенций SHRM, которая является основой для сдачи международных экзаменов SHRM Certified Professional и SHRM Senior Certified Professional. Данная модель призвана отразить знания и навыки, требуемые от специалистов по персоналу в любой точке мира, и включает 9 компетенций: экспертные знания в области HR-менеджмента, управление взаимоотношениями, управленческое консультирование, руководство и координация, деловая хватка, этическая практика, критическая оценка, глобальная и культурная эффективность и коммуникация. Первая из них воплощает технические компетенции в области управления персоналом, которые условно подразделяются на четыре широкие функциональные области: люди (привлечение и удержание талантов, вовлечение сотрудников, обучение и развитие, вознаграждение персонала); организация (структура функции управления персоналом, организационная эффективность и развитие, методы управления персоналом, отношения с сотрудниками, технологии и информационное обеспечение); рабочее место (управление персоналом в глобальном контексте, разнообразие и инклюзивность, управление рисками, корпоративная социальная ответственность, трудовое законодательство и нормативные акты); стратегия (бизнес- и кадровые стратегии). Остальные восемь компетенций являются поведенческими.

Другой значимой областью международного управления персоналом, появившейся вслед за интернационализацией бизнеса, является так называемое «глобальное управление талантами», ориентированное на анализ и разработку организационных инициатив, способствующих привлечению, отбору, развитию и удержанию лучших сотрудников на важных должностях по всему миру.

Итак, международное управление персоналом как области HR-менеджмента, зародившись в конце XX в., сегодня оно рассматривается как научная прикладная теория и технология кадрового менеджмента, направленная на повышение конкурентоспособности и эффективности организации в глобальной сфере. Исследование проблемного поля международное управление персоналом отражают ключевые изменения в бизнес-среде и актуализирует научный поиск глобальных компетенций и универсальных технологий управления талантами.

Список использованных источников

1. Wright, P. W., Kinard, J., & Iverstine, J. (1982). The developing world to 1990: Trends and implications for multinational business. *Long Range Planning*, 15(4): 116–125.
2. Taylor, B. (1986). Corporate planning for the 1990s: The new frontiers. *Long Range Planning*, 19(6): 13–18.
3. Davies, A., Fidler, D., & Gorbis, M. (2011). *Future Work Skills 2020*. Palo Alto, CA: Institute for the Future.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

И. В. Мальгина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. V. Malgina

Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.22.021.1

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ КЛУБЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ENTREPRENEURIAL CLUBS IN THE SPACE OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP

В статье рассматриваются основные положения функционирования бизнес-клубов. Особое внимание уделяется рассмотрению функционирования бизнес-клубов Российской Федерации. Рассмотрены отдельные бизнес-клубы Республики Беларусь.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; пространство; бизнес-клуб; бизнес-экосистема.

The article discusses the main provisions of the functioning of business clubs. Particular attention is paid to the functioning of business clubs in the Russian Federation. Individual business clubs of the Republic of Belarus are considered.

Keywords: small and medium entrepreneurship; space; business club; business ecosystem.

Развитие пространства малого и среднего предпринимательства (далее – ПМСП) играет значительную роль в экономическом и социальном развитии страны. Одно из центральных мест занимают бизнес-клубы (далее – БК) предпринимателей. БК способствуют налаживанию и поддержанию бизнес-связей, обучению и обмену опытом между предпринимателями.

Понятие клуб существует очень давно. Рассмотрение различных дефиниций понятия «клуб» приводит к пониманию понятия «бизнес-клуб» (таблица 1).

Таблица 1

Различные значения понятия «клуб»

Автор	Содержание
Толковый словарь Ожегова	Общественная организация, объединяющая людей на основе общности, сходства, близости интересов занятий. Учреждение или общественная организация (обычно международная), занимающаяся финансовой или коммерческой деятельностью
Исторический словарь галлицизмов русского языка	Общественная организация, объединяющая людей определенного круга для совместного отдыха, развлечений, занятий спортом и т. п.
Социологический энциклопедический словарь	Форма добровольной обществ, организации, объединяющей людей в целях общения на основе совместных интересов (полит., научных, художественных и др.)
Большая советская энциклопедия	Общественная организация, добровольно объединяющая группы людей в целях общения, связанного с политическими, научными, художественными, спортивными и др. интересами, а также для совместного отдыха и развлечений; существует на основе вносимых членами клуба взносов
Этимологический словарь Семёнова	Организация, объединяющая людей по интересам
Фразеологический словарь Михельсона	Постоянное общество, в котором собираются члены его, внесшие в складчину известную сумму
Большой словарь иностранных слов	Общественная организация, объединяющая группы людей в целях общения, связанного с политическими, научными, художественными, спортивными и другими интересами
Большой энциклопедический словарь	Общественная организация, объединяющая группы людей в целях общения, связанного с политическими, научными, художественными, спортивными, досуговыми и другими интересами
Толковый словарь Ушакова	Общественная организация, объединяющая лиц одного социального круга для совместного отдыха и развлечения
Толковый словарь Даля	Собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении, для беседы и увеселений

Примечание: собственная разработка на основе [1–9].

Бизнес-клуб – это клуб предпринимателей, деловых людей. Можно понимать под бизнес-клубом общественную организацию, объединяющую предпринимателей и деловых людей в целях обмена опытом, обучения, создания сети (нетворкинга).

Бизнес-клубы отличаются от ассоциаций (союзов) предпринимателей. Оба типа организаций представляют собой организованные группы людей, преследующие определенную цель. Ассоциация обычно представляет собой более формальную группу с более определенным механизмом. Ассо-

циация обычно относится к группе лиц или организаций, которые объединились для определенной цели, например, профессиональная ассоциация или торговая ассоциация. Ассоциации часто создаются для продвижения определенной отрасли или профессии и могут предоставлять членам такие ресурсы, как сетевые возможности, образование.

Клуб обычно менее формальный и носит развлекательный характер. В отличие от ассоциации, клуб обычно создается в интересах его членов, а не для какой-то конкретной цели или отрасли. Клубы могут быть некоммерческими или коммерческими, и они часто имеют менее формальную структуру, чем ассоциации. Члены клуба обычно платят членские взносы, что дает им доступ к удобствам и мероприятиям клуба. Их цель, в широком смысле, состоит в том, чтобы обеспечить благополучие этих членов и их сообществ.

Бизнес-клубы можно разделить на несколько категорий: начинающих предпринимателей, студенческие и школьные бизнес-клубы, устоявшихся предпринимателей, иностранных предпринимателей, отраслевые и др.

В. Г. Матвиенко отмечает, что «в формировании элементов экономического мышления чрезвычайно большую роль играет работа школьного бизнес – клуба» [10]. Рассматривая студенческие бизнес-клубы, Г. Ф. Бедулина констатирует, что «устойчивость модели студенческого наставничества обеспечивается возможностью практического использования полученных знаний и навыков через деятельность студенческого клуба «Бизнесьютор» [11].

Бизнес-клубы получили распространение во всех странах мира. Так, сегодня в Российской Федерации можно выделить более 20 наиболее значимых бизнес-клубов (таблица 2).

Таблица 2

Характеристики наиболее значимых бизнес-клубов Российской Федерации

Название	Год создания	Описание сообщества	Цель/Предназначение	Количество членов, чел.
Клуб Первых	2017	Крупнейшее деловое сообщество для собственников и топ-менеджеров среднего и крупного бизнеса	Создание пространства доверия, где в открытом диалоге решаются сложные бизнес-задачи, реализуются совместные проекты и открываются новые возможности для роста и развития бизнеса каждого из участников	более 800
Атланты	2017	Сообщество для тех, кто уже завоевал мир и стоит на бизнес-Олимпе	Место обмена опытом и поддержки предпринимателей	более 650

Название	Год создания	Описание сообщества	Цель/Предназначение	Количество членов, чел.
Клуб 500	2016	Закрытый премиальный бизнес-клуб	Бизнес-клуб для предпринимателей, которые хотят не просто усилить свои профессиональные качества, но и улучшить качество жизни	более 1000
ЭКВИ-УМ	2016	Сообщество high-impact предпринимателей и ролевых моделей	Важно объединять людей, которые не только смогут построить многомиллиардную компанию, но и будут поддерживать социально преобразующую деятельность, которая меняет жизнь общества к лучшему	более 900
Business Family	2013	Деловое сообщество, объединяющее предпринимателей и бизнесменов крупных российских и западных компаний, проводящее регулярные встречи на премиум-площадках страны	Мы верим, что делать бизнес нужно с людьми, которых знаешь лично	более 500 000
Деловар	2003	Частное объединение владельцев бизнеса, созданное предпринимателями	Помощь в создании, развитии и ведении своего бизнеса посредством организации площадки для обмена опытом между предпринимателями и проведения мероприятий, полезных для развития бизнеса	Более 900

Примечание: собственная разработка на основе [12–17].

Очень часто внутри бизнес-клубов образуются другие клубы. Так, например, бизнес-клуб «Атланты» (Российская Федерация) имеет в своем составе более 17 различных инициатив (таблица 3).

Таблица 3

Различные инициативы бизнес-клуба «Атланты» (Российская Федерация)

Инициатива	Описание
Инвестиционный клуб	Передача успешного опыта инвестирования от одних членов клуба к другим. Синдицирование инвестиционных сделок с членами клуба. Обучение у лучших экспертов. концентрат актуальной информации, делимся опытом друг с другом по сделкам
Клуб цифровой трансформации	Существенная трансформация основного бизнеса и модели производства за счёт цифровых технологий. выход на новые рынки и освоение новых ниш с помощью цифровизации
Атланты JUNIOR	Новое поколение будущих атлантов. стратегическое мышление, готовность пробовать новое, желание создавать что-то своё и менять мир к лучшему – эти качества формируются с детства
Книжный клуб	Совместный разбор книг, которые выбирают участники клуба; расширение границ; новые грани/новое прочтение; понимание себя
Спортивный клуб	Совместные занятия спортом, походы, поездки на матчи и соревнования
Банный клуб	Любители попариться собираются вместе и круто проводят время. Вот это уровень близости и дружбы!
Синемалогия	Собираемся, чтобы вместе смотреть фильмы с последующим бизнес-разбором. Звучит забавно, но это серьёзная технология. синемалогия – это метод проективного разбора собственных стратегий для бизнеса и личной жизни на примере просмотренного фильма
Atlanty adventure	Путешествия для своих, собираем сообщество путешественников, где сами участники организуют путешествия для себя, куда приглашают других, не зарабатывая на них
Публичные атланты	Люди – главный актив клуба. некоторые из них являются не просто резидентами, но и амбассадорами бренда «атланты». они часто выступают публично, делятся своим предпринимательским опытом и тем, как клуб помогает им расти
Женский клуб	Прекрасная половина бизнес-клуба. Сильные, мудрые и успешные как в бизнесе, так и в семье встречаются, чтобы обмениваться энергией и знаниями, как успевать и совмещать
ВЭД	Вместе покоряем рынки других стран и обсуждаем подводные камни внешнеэкономической деятельности компании
Клуб безопасности	Риски предпринимательства, взаимодействие с правовыми структурами, личный опыт решения спорных вопросов, успешные кейсы судебных разбирательств, истории предотвращения рейдерских захватов
Атланты. Производство	Как повысить рентабельность производства в России, где размещать площадки, какие ресурсы использовать для кратного роста, особенности подбора персонала и др.

Инициатива	Описание
Клуб управленческих поединков	Провести переговоры, презентовать бизнес-план, выступить перед персоналом, мотивировать команду, договориться о выгодном контракте. успешный предприниматель обязан быть хорошим оратором
Атланты IT	Информационные технологии изменили мир и дали толчок к развитию новых направлений бизнеса. Как технологии помогают зарабатывать и какие тренды важно не упустить
Global sales	Как выбирать страны и локации для открытия магазинов; как находить b2b клиентов и вести переговоры; и главное – как получить вдохновение и начать уже захватывать мир!

Примечание: собственная разработка автора на основе [13].

Бизнес-клубы обычно имеют правила приема. Так, бизнес-клуб «Атланты» (Российская Федерация) установил следующие критерии для вступления в бизнес-клуб: минимальный оборот собственника 60 млн рос. руб.; минимальный оборот компании топ-менеджера – 5 млрд рос. руб. в год. Клуб 500 предлагает три разных тарифа с единовременным вступительным взносом 600 тыс. руб. и ежемесячными платежами, которые зависят от количества мероприятий.

Процесс принятия в члены бизнес-клубов также разнится. Так, бизнес-клуб «Атланты» имеет следующую процедуру: презентация клуба – интервью-проверка службы безопасности – проверка резидентами клуба – подбор группы. Клуб 500 – проверка службой безопасности; проверка налоговых выписок; собеседование с директором клуба; рекомендации резидентов клуба.

Бизнес-клубы могут иметь внутренний распорядок. Так, Клуб Первых имеет «Кодекс делового сообщества CLUBFIRST», в котором обозначены такое направление как ключевые ценности, которое включает следующие элементы: описание сообщества, развиваемого участниками; форумы – важнейший формат клуба; лидерство равных; уважение к многообразию, чужому мнению и личности собеседника, защита безопасного пространства и конфиденциальности; ответственность за достоверность информации; взаимное обучение и развитие; поддержка рекомендаций; соблюдение правил и др. Клуб «Эквиум» также имеет внутренний Кодекс, который содержит три важных постулата: популяризация предпринимательства – это продвижение лучших примеров влияния бизнеса на социальные преобразования и улучшение жизни общества; все средства, которые сообщество получает в виде членских взносов, направлены на организацию мероприятий и развитие инфраструктуры сообщества. Никто, кроме самих предпринимателей, не знает, что лучше для предпринимателя: коуч или консультант не расскажут, как делать бизнес.

Как правило бизнес-клубом руководит правление. Клуб 500 предъявляет следующие требования к членам: соблюдение правил и устава клуба; на-

личие совета клуба; система исключения за нарушения; верификация инвестиционных сделок.

Немаловажным является наличие собственного клубного пространства, в котором члены клуба собираются и могут проводить не только встречи клуба, но и деловые переговоры с партнерами. Так, Клуб «Атланты» имеет «Дом Атлантов» (Собственное премиальное пространство 500 м от Кремля).

Важно также наличие своего телеграм-канала, страницы в соцсетях, наличие персонального менеджера или мобильного приложения. Так, Клуб «Атланты» имеет собственный телеграм-канал (число подписчиков 13 280); Клуб 500 (17578); Business Family (966 подписчиков), Деловар (1078). Собственное мобильное приложение, например, имеют клуб «Атлант», Клуб 500 и др.

В Республике Беларусь также получили развитие различные бизнес-клубы. Так, функционируют Республиканский Клуб директоров, Клуб «Про бизнес», Бизнес-клуб «Свои», Бизнес-клуб «Эквиум» Беларусь, сообщество бизнеса «Owner» и др. Произведенный нами анализ позволил выявить характерные черты бизнес-клубов Беларуси, представленные в таблице 4.

Таблица 4

Характеристики отдельных бизнес-клубов Республики Беларусь

Название	Год создания	Описание сообщества	Цель/Предназначение	Количество членов, чел.
Республиканский Клуб директоров	1992	Объединяет руководителей организаций Республики Беларусь на принципах общей заинтересованности в обмене опытом управленческой деятельности и в активном влиянии на динамику экономических процессов в обществе. Клуб является одной из форм уставной деятельности БСПН имени Кунявского	1. Постоянный обмен мнениями по наиболее актуальным экономическим и социально-трудовым проблемам, выработка путей и механизмов их разрешения. 2. Доведение до сведения руководства государства и правительства, местных органов власти и средств массовой информации позиции директорского корпуса по проблемам экономического развития Республики Беларусь, отдельных регионов, отраслей и предпринимательства. 3. Конструктивный диалог с представителями государственной власти и управления, профсоюзов и некоммерческих организаций, международных организаций по наиболее актуальным социально-экономическим проблемам	Около 100

Название	Год создания	Описание сообщества	Цель/Предназначение	Количество членов, чел.
			4. Обсуждение проектов законодательных и нормативных правовых актов, выработка замечаний и предложений к ним, анализ их реализации в Республике Беларусь. 5. Обсуждение вопросов социального партнерства для их постановки и рассмотрения в Национальном совете по социальным и трудовым вопросам. 6. Установление деловых контактов и сотрудничества с аналогичными объединениями руководителей в странах СНГ и других странах. 7. Определение роли руководителя в процессе развития предпринимательства. Решение вопросов социальной и юридической защиты руководителя. Организация спортивного и культурного досуга членов Клуба. 8. Налаживание контактов между руководителями для совместного делового сотрудничества	
Клуб «Про бизнес»	2019	Самое большое сообщество предпринимателей и руководителей в Беларуси	Внутри Клуба создана уникальная механика нетворкинга, которая помогает получить экспертную поддержку других участников сообщества, обсудить кейс, проблему, вопрос по бизнесу. Полезный практический опыт коллег – руководителей и предпринимателей из разных сфер, помогают находить решения для бизнеса	Более 1700

Название	Год создания	Описание сообщества	Цель/Предназначение	Количество членов, чел.
Бизнес-клуб «Свои»	–	Клуб осознанных успешных и счастливых людей	Клуб для предпринимателей, которые не просто успешны в бизнесе и занимаются тем, что любят, а по-настоящему счастливы благодаря балансу во всех сферах жизни	142
Бизнес-клуб «КАKTUS»	2018	Для развития предпринимательского потенциала студентов на факультете психологии ГрГУ имени Янки Купалы	–	
Бизнес-клуб «Эквиум» Беларусь	–	Сообщество high-impact предпринимателей и ролевых моделей	Предприниматель «Эквиум» – это ролевая модель, пример влияния на преобразование, которые улучшают качество жизни через проактивность, с фокусом семейные ценности и филантропию. Мы верим, что качественное изменение макроэкономических процессов и улучшение благосостояния человека возможно через развитие предпринимательства и популяризацию правильных ролевых моделей. Важно объединять людей, которые смогут построить многомиллиардную компанию и будут совместно стараться менять жизнь общества к лучшему	39
Сообщество бизнеса «Owner»		Экспертное сообщество бизнеса Беларуси	Разбираем вопросы продаж, маркетинга, бизнес-процессов и персонала. Помогаем предпринимателям находить решения в бизнесе и в своём деле. Создаём качественный полезный контент, проводим нетворкинги, бизнес-форумы, семинары, мастер-классы и бизнес-завтраки	8 172+

Примечание: собственная разработка на основе [18–23].

Произведенный нами анализ деятельности бизнес-клубов Беларуси показал определенное сходство с Российской Федерацией (таблица 5).

Таблица 5

Различные инициативы бизнес-клубов Беларуси

Инициатива	Описание
Клуб «Про бизнес»	
Основная встреча Клуба ежемесячно	Мозговой штурм; мастермайнд; бизнес-знакомство; бизнес-игра
Тематические встречи ежемесячно	Продажи; маркетинг; управление сотрудниками; проблемы менеджмента
Промышленные экскурсии	Для обмена опытом посещаются известные компании и предприятия
Форматы для отдыха и неформального нетворкинга	Совместный яхтинг; походы на байдарках; путешествия
Экспериментальные форматы	English-ужины; винные дегустации; другие форматы, которые предлагают участники Клуба
Бизнес-клуб «Свои»	
Курс по выбору ниши «Модули»	Суть и нюансы выбора ниши; тренды и спрос; распаковка ваших интересов; плюсы и минусы различных сегментов рынка; оценка собственных ресурсов; окончательный выбор ниши и др.
Профессия: инвестор 2.0	Описание отсутствует в открытом доступе
Команда	
Система бизнеса	
Сообщество бизнеса «Owner»	
Бизнес-завтраки	Разбор скрытых рисков в бизнесе в 2024-м году; востребованный продукт; как стать миллионером за 7 лет; БелВЭБ-Касса в пользование в пакете услуг БИЗНЕС-СМАРТ и др.
Бизнес-форумы	Каждые полгода собирают оунеров
Авторский практикум	Выступления тренеров по продажам и ведению переговоров и др.
Нетворкинги	Ключевое действие в вашем бизнесе; как находить своих клиентов и находить много!; партнёрство – как выбрать и оценить потенциал? и др.

Примечание: собственная разработка на основе [19; 20; 23].

Республиканский Клуб директоров имеет «Положение о РКД», утвержденное на II заседании Республиканского Клуба Директоров 5 февраля 1993 г. (на XXV заседании Республиканского Клуба Директоров 29 октября 1999 г. внесены изменения и дополнения; на XXXXI заседании Республи-

канского Клуба Директоров 30 октября 2003г. утверждено в новой редакции) [18].

Бизнес-клуб «Свои», Клуб «Про бизнес», бизнес-клуб «Эквиум» Беларусь, сообщество бизнеса «Owner» имеют собственные сайты. Бизнес-клуб «Эквиум» Беларусь представлен в социальных сетях Фейсбук (26 подписчиков) и Инстаграм (4212 подписчиков), канал в Ютуб (205 подписчиков), мобильное приложение. Сайт сообщества бизнеса «Owner» обладает актуальностью, сообщество также имеет Бизнес-бот Вера, сообщество в телеграме (3491 подписчика). Сайт Клуба «Про бизнес» обладает актуальностью, представлен в социальных сетях Фейсбук (29 подписчиков) и Инстаграм (3397 подписчиков). Стать членом клуба можно по подписке, которая включает несколько форматов: единоразовая встреча; участие на 3 месяца; участие на 6 месяцев; участие на 1 год (таблица 6). Стоимость единоразовой встречи зависит от масштаба мероприятия и варьируется от 150 до 250 руб.

Таблица 6

Различные подписки Клуба «Про бизнес»

Подписка	Стоимость, руб.	Описание
Разовое посещение Клуба	150	Тематическая встреча (возможные форматы: выступление эксперта, мастер-класс, бизнес-игра и т. д.)
	210	Большая встреча (выступление экспертов; мозговой штурм/практика; фуршет и нетворкинг)
Участие на 3 месяца	810	Общение 24/7 в telegram чате Клуба; 3 общие большие встречи Клуба, отель «Ренессанс»; 3 тематических встречи; неформальная ежеквартальная вечеринка для участников Клуба; специальные условия на все конференции и форумы «Про бизнес»
Участие на 6 месяцев	1380	Общение 24/7 в telegram чате Клуба; 6 общих больших встреч Клуба, отель «Ренессанс»; 6 тематических встреч; специальные условия на все конференции и форумы «Про бизнес»
Участие на 1 год	2540	Общение 24/7 в telegram чате Клуба; 12 общих больших встреч Клуба, отель «Ренессанс»; 12 тематических встреч; 4 неформальные ежеквартальные вечеринки для участников Клуба; специальные условия на все конференции и форумы «Про бизнес»

Примечание: собственная разработка на основе [19].

Отличительной чертой бизнес-клуба «Эквиум» Беларусь является строгий отбор участников, который осуществляется после подачи заявки и заполнения вступительной анкеты. Это связано с тем, что в Беларуси действует отделение бизнес-клубов России и соблюдаются все процедуры головного клуба.

Как отмечают российские ученые, для учредителей бизнес-клубов, зачастую функционирующих в статусе некоммерческих организаций, важно отслеживать уровень своей деловой репутации – гудвилла [24]. Они выделяют несколько показателей для оценки уровня гудвилла бизнес-клуба: внешняя среда (имидж, качество услуг), внутренняя среда (профессионализм, ресурсы). Формирование бизнес-экосистемы бизнес-клуба весьма затруднительное дело, поскольку необходимо не только следить за современными тенденциями развития экономики и бизнеса, но и находить время для связи с формирующимся сообществом.

Функционирование бизнес-клубов в любой стране является одним из элементов предпринимательской экосистемы и предпринимательского климата. Одним из элементов предпринимательской экосистемы является культура предпринимательства, формированию которой как раз и способствуют бизнес-клубы [25]. Наряду с такими классическими организациями, как инкубаторы малого предпринимательства, центры поддержки предпринимательства, коворкинги и др., бизнес-клубы способствуют формированию предпринимательского сообщества страны, обмену опытом и совместному решению имеющихся проблем. Немаловажно отметить также программы обучения, которые имеют характер однодневных семинаров, что позволяет оперативно реагировать на современные вызовы. В связи с вышеизложенным целесообразно обратить большое внимание на формирующиеся бизнес-клубы Республики Беларусь для изучения опыта существования бизнес-сообщества и вероятно оказания государственной поддержки.

Список использованных источников

1. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
2. *Епишкин, Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.
3. *Осипов, Г. В.* Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Г. В. Осипов // Энциклопедический словарь / Г. В. Осипов [и др.]; под ред. З. Т. Голенкова. – Инфра-М., 1998. – 488 с.
4. *Семёнов, А. В.* Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я» / А. В. Семёнов. – М.: Изд-во «ЮНВЕС», 2003. – 704 с.
5. *Михельсон, М. И.* Большой толково-фразеологический словарь русского языка: в 3 т. / М. И. Михельсон. – М.: ЭТС, 2005. – 2208 с.
6. Большой словарь иностранных слов / сост. В. Ю. Никитина. – М.: Дом Славянской книги, 2021. – 939 с.
7. Большой Российский Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2008. – 1887 с.
8. *Ушаков, Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М.: Дом Славян. кн., 2008. – 959 с.

9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2004. – 576 с.

10. Матвиенко, В. Г. Программа деятельности школьного бизнес-клуба / В. Г. Матвиенко // Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей X Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 30 мая 2023 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. – С. 237–240.

11. Бедулина, Г. Ф. Модель клуба студентов-наставников» бизнес-тьютор» для сопровождения ученических бизнес-компаний / Г. Ф. Бедулина // Непрерывная система образования «Школа-университет». Инновации и перспективы: сборник статей II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 фев. 2018 г. – Минск: Белорусский национальный технический университет, 2018. – С. 31–33.

12. Клуб Первых [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://clubfirst.ru>. – Дата доступа: 14.01.2024.

13. Бизнес-клуб «Атланты» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://club.atlanty.ru>. – Дата доступа: 14.01.2024.

14. Бизнес-клуб «Клуб 500» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.club500.com/>. – Дата доступа: 14.01.2024.

15. Бизнес-клуб «ЭКВИУМ» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://equium.community>. – Дата доступа: 14.01.2024.

16. Бизнес-клуб «Business Family» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://bizfam.ru>. – Дата доступа: 14.01.2024.

17. Бизнес-клуб «Деловар» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://delovar.ru>. – Дата доступа: 14.01.2024.

18. Республиканский Клуб директоров [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <http://bspn.by/materialy-meropriyatij/respublikanskij-klub-direktorov>. – Дата доступа: 11.04.2024.

19. Клуб «Про бизнес» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://club.probusiness.io>. – Дата доступа: 11.04.2024.

20. Бизнес-клуб «Свои» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://svoiclub.by/>. – Дата доступа: 11.04.2024.

21. Бизнес-клуб «КАКТУС» начал работу в ГрГУ имени Янки Купалы [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГрГУ имени Янки Купалы. – Режим доступа: <https://www.grsu.by/glavnaya/edu/srednee-spetsialnoe-obrazovanie/tehnologicheskij-kolledzh/item/25684-biznes-klub-kaktus-nachal-rabotu-v-grgu-imeni-yanki-kupaly.html>. – Дата доступа: 11.04.2024.

22. Бизнес-клуб «Эквиум» Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://equium-club.by/>. – Дата доступа: 11.04.2024.

23. Сообщество бизнеса «Owner» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа: <https://owner.by/>. – Дата доступа: 11.04.2024.

24. Титова, Н. Ю. Методика оценки гудвилла для некоммерческих организаций (на примере бизнес-клубов) / Н. Ю. Титова // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 6 (53). – С. 264–266.

25. Предпринимательские экосистемы как основа инновационного развития страны [Электронный ресурс] // Официальный сайт БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/predprinimatelskie-ekosistemy-kak-osnova-innovatsionnogo-razvitiya-strany-6933/>. – Дата доступа: 11.04.2024.

(Дата подачи: 01.02.2024 г.)

О. В. Мойсеёнок

Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь, Минск

O. Moyseynok

National Research Institute of Economics
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 346.7: 337.7

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

THE LEGAL BASIS FOR CONDUCTING SOCIALLY ORIENTED ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассмотрены социальные направления предпринимательства, выявлены отдельные инструменты для их развития в Государственных программах Республики Беларусь, основные нормативные и правовые акты, регулирующие деятельность социально ориентированных субъектов хозяйствования. Определена необходимость внесения изменений в действующее законодательство, касающееся предпринимательской деятельности, формирования реестра социальных предприятий, создания ресурсных центров, а также цифровой информационной платформы для оказания поддержки и продвижения проектов и идей в решении социальных задач общества.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; правовое регулирование; законодательные акты; организационно-правовые формы.

The article examines the social directions of entrepreneurship, identifies individual tools for their development in the State programs of the Republic of Belarus, the main normative and legal acts regulating the activities of socially oriented business entities. The need to amend the current legislation on entrepreneurship, the formation of a register of social enterprises, the creation of resource centers, as well as a digital information platform to support and promote projects and ideas in solving social problems of society has been identified.

Keywords: social entrepreneurship; legal regulation; legislative acts; organizational and legal forms.

Республика Беларусь реализует социальную политику в государственном управлении. Приоритетными направлениями такой политики являются обеспечение эффективной занятости населения, сохранение и укрепление

здоровья граждан, доступное и качественное образование, решение других социальных задач, стоящих перед обществом.

Государственные органы по объективным причинам не всегда могут охватить весь круг социальных вопросов, которые лежат в плоскости экологии, здравоохранения, образования.

Одной из возможностей участия человека в решении этих проблем является гражданское общество, а социальное предпринимательство рассматривается как наиболее значимая составляющая в его успешном развитии. В полной мере это касается и Республики Беларусь.

Социальные направления предпринимательства достаточно многообразны в виду их широкого спектра:

- социальных прав граждан Республики Беларусь, выраженных в необходимости удовлетворения их физиологических, психологических и духовных нужд (право на достойный уровень жизни, на жилище, на отдых, на социальную защиту (в том числе в старости), на охрану здоровья и благополучие окружающей среды и пр.);
- сфер экономической деятельности, обеспечивающих благосостояние народа и реализацию прав и законных интересов граждан (промышленность, сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт и коммуникации, использование и охрана природных ресурсов, социально-культурная сфера и образование, здравоохранение и пр.);
- вопросов, возникающих и требующих разрешения в отдельных социальных уязвимых группах (определяются на уровне международного и национального законодательства о правах человека: национальные меньшинства, дети, женщины, инвалиды, др.).

Следовательно, социальное предпринимательство может проявить себя и свою заботу в любой сфере экономической деятельности. В свою очередь эта забота по кругу лиц может распространяться не только на отдельные социальные группы, нуждающиеся в дополнительной защите, но и на тех граждан, которые в силу различных жизненных обстоятельств (например, неблагоприятная территория проживания, пенсионный возраст, семейное насилие) оказались в ситуации, требующей со стороны государства и общества мер повышенного внимания и реагирования.

На заседании Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь 23.11.2021 г. был рассмотрен вопрос о развитии законодательства о социальном предпринимательстве в Республике Беларусь, и было признано «целесообразным поручить Министерству юстиции, Министерству труда и социальной защиты, Министерству экономики совместно с иными заинтересованными государственными органами и организациями подготовить концепцию правового регулирования социального предпринимательства в Республике Беларусь» [1].

По мнению начальника управления социального законодательства Национального центра законодательства и правовых исследований Е. Дობровольскай, в Беларуси при правовом регулировании социального пред-

принимательства действует модель, когда на законодательном уровне не закрепляется понятие социального предпринимательства, но при этом государство на уровне нормативно-правовых актов предусматривает меры поддержки, льготы, преференции для тех организаций, которые выполняют какую-то социально значимую функцию [2].

Так, ряд государственных программ включает развитие данного направления либо его составляющих (таблица 1). В большинстве из них обозначена инклюзивная занятость, нацеленная на повышение уровня жизни граждан с низкой конкурентоспособностью на рынке труда. Это возможно, в первую очередь за счет вовлечения их в социально-трудовую деятельность, создания для них специализированных и доступных рабочих мест, развития инклюзивного образования и гибких режимов труда, обучения основам семейного бизнеса и самозанятости.

Таблица 1

**Направления социального предпринимательства
в государственных программах Республики Беларусь**

Название стратегии	Инклюзивная занятость	Гибкие режимы труда, самозанятость	Новые формы инвестирования: облигации соц. воздействия, микрофинансирование	Информационная поддержка
Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г.	+	+	+	
Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г.			+	+
Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.	+	+		
Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 гг.	+			

Источник: авторская разработка на основании [3].

На сегодняшний день субъекты социального предпринимательства осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательными актами, регулирующими предпринимательскую деятельность. В том числе: Указы и Декреты Президента Республики Беларусь («О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров индивидуальными пред-

принимателями и иными физическими лицами», «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности», «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» др.) Кодексы Республики Беларусь (Гражданский кодекс, Трудовой кодекс, Налоговый кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, др.), Законы Республики Беларусь («О поддержке малого и среднего предпринимательства», «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», др.), постановления Совета Министров Республики Беларусь («О Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», «О некоторых вопросах приостановления деятельности индивидуального предпринимателя»), Государственные программы, др.

В соответствии с законом «О правах инвалидов и их социальной интеграции» от 30 июня 2022 г. № 183-З¹ применяются квоты для приема на работу инвалидов в отношении средних и крупных предприятий и определяются в процентах к среднесписочной численности работников. Предполагается создание фонда квотирования, который позволит финансировать мероприятия по содействию занятости инвалидов в организациях.

Внедрение механизма квотирования нашло реализацию и в постановлении Совета Министров Республики Беларусь № 475 «Об установлении брони для приема на работу» от 20 июля 2022 г.² Положение определяет порядок установления местными исполнительными и распорядительными органами брони для нанимателей по приему на работу граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда. При этом, к таким лицам отнесены дети-сироты, родители в многодетных и неполных семьях, а также воспитывающие детей-инвалидов; инвалиды; лица, освобожденные из мест лишения свободы; впервые ищущие работу в возрасте до 21 года; лица предпенсионного возраста и др.

В законодательстве Республики Беларусь нет специальной организационно-правовой формы, которая бы применялась в рамках осуществления социально ориентированного предпринимательства. Субъекты хозяйствования, которые позиционируют себя как социальные, в зависимости от вида юридического лица применяют различные организационно-правовые формы, предусмотренные нормами гражданского права. Однако наиболее часто используемыми малым и средним бизнесом, являются организационно-правовые формы, характерные для коммерческих организаций, такие как унитарное предприятие, общество с ограниченной ответственностью (иные хозяйственные товарищества и общества), производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства – п. 2 ст. 46 Гражданского Кодекса

¹ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 05.07.2022, 2/2903. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200183>.

² Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.07.2022, 5/50495. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200475/>.

(далее – ГК) Республики Беларусь. Также с социальной деятельностью связаны некоторые индивидуальные предприниматели.

Что касается некоммерческих организаций (далее – НКО), то в соответствии с п. 3 ст. 46 ГК Республики Беларусь они создаются в форме общественных или религиозных организаций (объединений), фондов, учреждений, потребительских кооперативов и в иных формах, предусмотренных законодательными актами. Их деятельность предполагает достижение социальных, природоохранных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и юридических лиц, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи в соответствии с законодательством, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

При анализе НКО как субъекта предпринимательской деятельности, обращают на себя внимание следующие факты.

1. Предпринимательская деятельность НКО осуществляется для выполнения своих уставных целей, отвечает предмету деятельности, однако получение прибыли как основная цель таких организаций рассматриваться не может.

2. В случаях, предусмотренных ГК и другими законодательными актами, некоммерческие организации могут создаваться для удовлетворения материальных (имущественных) потребностей граждан либо граждан и юридических лиц (абз. 3 п. 3 ст. 46 ГК).

Возможность некоторых видов НКО иметь материальные цели своей деятельности, говорит о разнообразии вариантов условий экономического существования этих организаций в зависимости от организационно-правовой формы, формы собственности, конкретной сферы деятельности и правового регулирования.

При этом, деятельность НКО регулируется широким кругом нормативных правовых актов: Указом Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по упорядочению деятельности фондов», Кодексом Республики Беларусь об образовании, Кодексом Республики Беларусь о культуре Законами Республики Беларусь «Об общественных объединениях», «О свободе совести и религиозных организациях» и др.

В целом, приведенные факты свидетельствуют о том, что при решении вопроса о НКО как субъектах социального предпринимательства, следует учитывать их многообразие и особенности, вытекающие из норм законодательства и практической деятельности, хотя в настоящее время в научной среде превалирует мнение, что данный вид юридических лиц не соответствует главным критериям социального предпринимательства – обязательное осуществление предпринимательской деятельности, получение дохода, самоокупаемость и масштабирование, инновационные способы решения социальных проблем [4].

Несмотря на то, что ремесленническая деятельность не является предпринимательством и осуществляется без прохождения государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, тем не менее она предполагает деятельность физических лиц по изготовлению и реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг с применением ручного труда и инструмента и направлена на удовлетворение бытовых потребностей граждан. При этом, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 09.10.2017 № 364 (ред. от 24.08.2022) «Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности» [5], был расширен перечень видов деятельности, дана возможность осуществлять обучение ремесленной деятельности на безвозмездной основе (не более 3 человек), а также использовать различные способы реализации своих товаров (рекламировать на своей странице в социальных сетях, собственном интернет-сайте, через электронную почту). Ремесленник имеет возможность заключать смешанные договора для реализации своих изделий, например, договор подряда и комиссии. Для некоторых категорий граждан предусмотрены льготы по уплате единого налога: пенсионеров, инвалидов, родителей в многодетной семье, родителей ребенка-инвалида (от 20 до 100 %) [6]. В то же время невозможность привлечения физических лиц по трудовым договорам, а также использования дополнительных способов реализации продукции (например, интернет-магазина) является существенным ограничением.

Данный вид деятельности может применяться уязвимыми группами населения для решения проблемы с трудоустройством и организации занятости на период освоения новых навыков.

Возникает вопрос, является ли модель, используемая в Республике Беларусь, по отношению к социально ориентированной предпринимательской деятельности достаточной для успешного развития социального предпринимательства или необходимо в отдельном законодательном акте конкретизировать это понятие, указать круг субъектов по виду юридических лиц, характер деятельности, меры поддержки, которые они вправе предоставлять, и те возможности, на которые они смогут рассчитывать, будучи в статусе социального предпринимателя.

Если обратиться к сообщению пресс-службы Конституционного Суда Республики Беларусь по итогам заседания Совета, то дальнейшее развитие законодательства о социальном предпринимательстве связывается с принятием отдельного комплексного закона, направленного на решение этих вопросов: «Закрепление в законодательстве социального предпринимательства как самостоятельного института позволит вывести развитие данного института на качественно новый уровень, более широко задействовать его потенциал в решении задач государственного и общественного значения».

При отмеченных плюсах такой модели нормативного регулирования, усматриваются и определенные проблемы.

Так, представляется, что принятие отдельного законодательного акта, устанавливающего границы по всем перечисленным выше точкам (уста-

новление круга субъектов социального предпринимательства, определение характера их деятельности и мер поддержки, которые они могут оказать нуждающимся, возложение обязанности координации вопросов социального предпринимательства на отдельный государственный орган и т. д.) на практике может привести к сужению рядов участников социального предпринимательства с их творческими деловыми инициативами и бизнес-идеями, направленными не только на развитие своего коммерческого успеха, но и на общее благо.

Кроме того, это может быть воспринято участниками экономического рынка как исчерпывающий перечень прав и предпринимательских свобод, и привести к ущемлению тех прав и свобод, которые не вошли в этот перечень. Закономерным итогом может стать утрата интереса со стороны субъектов хозяйствования к созданию и реализации в рамках своей деятельности социальных программ и мероприятий, требующих обязательного одобрения со стороны государства, и, возможно связанных с цепочкой сложных и длительных административных процедур и согласований.

Предпринимательство по сути своей предполагает достаточную экономическую свободу и интерес к самостоятельному коммерческому опыту, к воплощению идей по развитию социальных проектов в бизнесе не должен находиться в плену слишком жесткой системы упорядочения общественных отношений в данной сфере.

На это ориентирует государство и общество Директива Президента Республики Беларусь № 4 от 31 декабря 2010 г. «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», в которой отмечается важность либерализации условий осуществления хозяйственной деятельности, устранения излишнего вмешательства государственных органов в деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, упразднения необоснованных административных барьеров для развития деловой инициативы [7].

В связи с этим гораздо более верным решением, по нашему мнению, кажется принятие тех законов и иных нормативных правовых актов, которыми будут вноситься изменения и дополнения в существующее правовое регулирование с целью его совершенствования и мобильного реагирования на социальные явления, происходящие в обществе.

Так, Республика Беларусь продолжает формировать и совершенствовать правовую базу в рамках ЕАЭС, Союзного государства, проводятся мероприятия по унификации норм гражданского законодательства с Российской Федерацией, регулирующих хозяйственную деятельность. Учитывая данный аспект и имеющуюся практику соседних стран, которые уже внесли изменения в действующие законодательные акты (Российская Федерация и Республика Казахстан), определив понятие «социального предпринимательства» и механизм его регулирования, на наш взгляд, целесообразно внести изменения в Закон Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» для согласованности законодательства по указанному вопросу.

Очевидна необходимость в формировании реестра социальных предприятий в Республике Беларусь, который позволит его участникам иметь право на особые преференции и льготы. Кроме того, разумным представляется использование действующей инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства в республике и создание на их базе ресурсных центров развития субъектов социального предпринимательства, а также цифровой информационной платформы для формирования устойчивых партнерских сетей, поддержки и продвижения проектов и идей в данном направлении.

Социальное предпринимательство является неотъемлемой частью развитой рыночной экономики. Оно может способствовать социальной интеграции населения, увеличению занятости и инновационному развитию общества, а также формированию деловой репутации страны, отдельных организаций, закладывает новые стандарты бизнес-культуры.

Список использованных источников

1. Законодательство о социальном предпринимательстве в Беларуси обсудили на заседании Совета по вопросам правовой и судебной деятельности. Новости PRAVO.BY. 25.11.2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/november/67423/> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Дата доступа 29.01.2024.

2. Перспективы развития социального предпринимательства в Беларуси. Общественно-политические новости. 25.10.2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2021/october/66861/>. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Дата доступа 29.01.2024.

3. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>. – Дата доступа: 15.01.2024.

4. Попкова, А. С. Социальное предпринимательство: зарубежный опыт и белорусская практика / А. С. Попкова, О. Л. Шулейко, В. Г. Герасимова. – Минск: Право и экономика, 2022. – 231 с.

5. Указ Президента Республики Беларусь от 09.10.2017 № 364 (ред. от 24.08.2022) «Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности» [Электронный ресурс] // Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by>. – Дата доступа: 10.02.2024.

6. Кодекс Республики Беларусь от 29.12.2009 N 71-3 (ред. от 29.12.2023) [Электронный ресурс] «Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть)» // Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by>. – Дата доступа: 12.02.2024.

7. Директива № 4 от 31 декабря 2010 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-4-ot-31-dekabrja-2010-g-1400>. – Дата доступа: 29.01.2024.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Н. Н. Морозова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск

N. Morozova

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 331.5

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ТРУДА И ТЕОРИИ РЫНКА ТРУДА ОТ АНТИЧНОСТИ ДО МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ

THE EVOLUTION OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF LABOR AND LABOR MARKET THEORY FROM ANTIQUITY TO MARXIST THEORY

Труд в силу своей тесной взаимосвязи трудовых отношений с аспектами хозяйственной деятельности является значимой категорией экономики. Процесс трансформации подходов проходил в рамках исторической смены формаций общественного строя, что постоянно вносило коррективы в понятийный аппарат. В статье рассмотрена эволюция человеческой мысли относительно природы изучаемых категорий труда и рынка труда, начиная с античной философии до марксистской теории, явившейся основой формирования современных взглядов.

Ключевые слова: труд; рынок труда; рабочая сила; занятость; безработица; античная философия; схоластика; меркантилизм; классицизм; марксизм.

Due to its close relationship between labor relations and aspects of economic activity, labor is an important category of the economy. The process of transformation of approaches took place within the framework of the historical change of formations of the social system, which constantly made adjustments to the conceptual apparatus. The article examines the evolution of human thought regarding the nature of the studied categories of labor and the labor market, starting from ancient philosophy to marxist theory, which was the basis for the formation of modern views.

Keywords: labor; labor market; labor force; employment; unemployment; ancient philosophy; scholasticism; mercantilism; classicism; marxism.

Роль природы человека, его труда, трудовой деятельности, побудительных мотивов и активности имеют эволюционную историю. В то время как ключевым аспектам, связанным с процессами занятости и безработицы, спроса и предложения на рабочую силу, ученые стали уделять внимание именно с развитием рыночной экономики. В системе социально-трудовых

отношений, труд выступает источником средств существования человека, способом реализации своих умственных способностей и физиологических возможностей, элементом самовыражения человека, важным процессом воспроизводства и развития человеческого капитала. Поэтому исследование труда не теряет своей актуальности, поскольку меняются не только социально-трудовые отношения, но и условия труда, его формы. Истоки данного вопроса в экономической литературе зачастую исходят из классической политэкономии, однако терминология понятий и отношение к труду, с учетом проработанной нами литературы, позволяет утверждать, что эволюция человеческой мысли относительно категории труда может быть представлена гораздо раньше.

Цель данного исследования заключается в формировании и оценке периодизации развития учений о труде и рынке труда. Основой послужили научные труды разных исторических эпох, а также работы зарубежных и отечественных ученых, посвященные исследованию труда.

К первому периоду генезиса труда следует отнести древний мир и средневековье, рассмотрев античную философию и направление средневековой западноевропейской философии как схоластика, которое развивалось с XI по XVII в. В аристотелевской этике труд рассматривался как средство самореализации человека, способ достижения счастья и гармонии. Аристотель (384–322 гг. до н. э.) утверждал, что труд не только необходим для удовлетворения материальных потребностей человека, но также является важным средством самовыражения и саморазвития. Аристотель придавал большое значение труду, как способу создания и поддержания благоденствия в обществе, различал формы труда по степени нравственного и интеллектуального содержания считая, что интеллектуальный труд (например, наука) ценится более высоко, чем физический или ремесленный труд. Однако, он также понимал важность всех видов труда для общества. Аристотель трудовой процесс разделял на активную деятельность (нацелена на потребление), и продуктивную (ориентация на производство). Когда человек является предметом пользования – он раб, а когда орудием производства – ремесленник [1]. Аристотель считал труд порой рабским не в силу технической природы, а из-за социальной организации. Общество делает рабский труд необходимым и закономерным, поскольку люди, неспособные к ремеслу, зарабатывают средства исключительно физическим трудом [2, с. 406]. В античной философии могло отсутствовать достаточное внимание к социальным аспектам труда: рабство, эксплуатация, дискриминация на рабочем месте, неравенство между мужчинами и женщинами на рынке труда. Культурные различия и многообразие форм труда были недостаточно освещены. Большинство античных философов в своих работах склонялись к обсуждению этических и моральных вопросов, а не к анализу экономических процессов или рыночных явлений. Древнегреческие мыслители особое внимание уделяли, разделению труда: Ксенофонт отмечал связь степени разделения труда с размерами спроса и качеством продукта – чем больше

рынок, тем уже специализация и выше качество продукции. Современник Ксенофонта, философ Платон (V–IV вв. до н. э.), фундаментально рассматривал проблему разделения труда, утверждая, что оно лежит в основе существования человеческого общества. При этом каждый человек имеет много разных потребностей, но только одну какую-либо способность, на которой специализируется и в результате затраты труда у него меньше, а качество выше. После происходит обмен результатами своего труда. По мнению Платона, люди вынуждены существовать в обществе, чтобы получать все необходимые предметы потребления путём обмена с другими людьми. Значение разделения труда в обществе Платон рассматривает не с точки зрения работника, производящего продукт, а исключительно с точки зрения потребителей [3, с. 132]. К вопросу рынка труда Аристотель подходил в контексте общественной справедливости и справедливой организации общества считая, что это обеспечит равноправный доступ всех граждан к работе и вознаграждению за труд. Он выступал против эксплуатации трудящихся и призывал к справедливой оплате труда, осуждая жадность и несправедливость в отношении к работающим. Рынок труда должен быть организован так, чтобы уважать достоинство каждого работника, обеспечивая им возможность развития и самореализацию через труд. Он подчеркивал важность баланса между потребностями общества и правами индивидуума на рынке труда. Философы древности жили в совершенно другой эпохе и не располагали знаниями о современной экономической теории и рыночных механизмах. Их представления о рынке труда были ограничены и не охватывали все аспекты экономических отношений.

Схоластики (А. Аврелий, П. Абеляр, Ф. Аквинский, Д. Скотт), вдохновляясь христианским учением, придавали труду и рынку труда особое значение, считая труд неотъемлемым аспектом человеческой жизни, связанный с творчеством, упорством и справедливостью. Они призывали людей трудиться с уважением и справедливостью, не злоупотребляя своим положением на рынке труда. Истинная ценность труда заключалась не только в материальных выгодах, а в служении Богу, другим людям как способ проявления любви к ближнему. Бог в толкованиях Ф. Аквинского выступал как «первый работник», архитектор мира [4]. Именно труд – единственный правомерный источник собственности и богатства. В сочинениях крупнейшего богослова средневековья обнаруживаются зачатки так называемой «трудоу теории стоимости». Схоласты поддерживали идею справедливости в оплате труда и призывали к уважению прав работников на справедливое вознаграждение за их усилия и труд, осуждали эксплуатацию рабочей силы. Цели труда состояли в удовлетворении потребностей, в устранении праздности и в благотворительности. Однако, человек не может сам удовлетворить все свои потребности, и поэтому есть разделение труда и множество различных специальностей. Труд по своей специальности – это служение Богу, а рабство оправдано тем, что кому-то нужно выполнять тяжелый физический труд. К недостаткам можно отнести идеализацию труда. В рамках схоластики

рынок труда рассматривался в свете моральных и этических принципов, сосредоточенных вокруг идеи справедливой оплаты труда и обязанностей работодателей по отношению к работникам. Подчеркивалась важность человеческого достоинства, справедливость в трудовых отношениях, взаимная ответственность и обязательства по отношению к ближнему (таблица 1).

Итак, по мнению представителей античной философии, труд преподносился как способ служения и средство самореализации человека, а в понимании рынка труда не учитывались факторы предложения и спроса, гибкость, гендерное равенство и др.

Второй период генезиса труда характеризуется комплексностью проводимых исследований в сфере трудовой стоимости и благосостояния. Меркантилизм как школа эпохи первоначального накопления капитала возник в XVI в., который делят на ранний (до великих географических открытий) и поздний (2-я половина XVI – середина XVII в.). Представитель итальянской школы меркантилизма А. Серра считал труд средством обогащения и полагал:

- чем больше уровень разделения труда в экономической системе, тем большую добавленную стоимость она генерирует;
- чем больше создается рабочих мест, тем выше рост числа денег, которые на этом можно было бы заработать;
- если жители страны по своей природе трудолюбивы и изобретательны, то они будут торговать не только у себя в стране, но и с другими странами, а также искать, где и каким способом можно еще применить свой труд.

В период меркантилизма рынок труда представлен развитием ремесленного производства, в ущерб развитию сельского хозяйства. Поощряется трудолюбие и изобретательность населения, развивается торговля, проводится благоприятная политика правительства. Ремесла являются главным в ряду средств, приводящих к изобилию денег в государстве и городе, если они производят товары в объеме, превышающем внутренние потребности. Т. Манн предлагал помимо торговли обрабатывать земли под культуры, которые помогли бы избавиться от ввоза некоторых товаров (льна, табака) и отказаться от чрезмерного потребления иностранных товаров в питании и одежде путем введения законов о потреблении товаров собственного производства. В труде «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» отражен аспект трудолюбия: труд делает некоторые страны, которые сами по себе бедны (природными ресурсами и драгметаллами) более богатыми и сильными с помощью других стран, которые имеют больше возможностей, но менее трудолюбивы [5, с. 135]. Считалось, что всем в целом и каждому в отдельности следует напрячь силы ума и сообразительности, чтобы помочь увеличению естественного богатства страны с помощью труда, развития ремесел (таблица 2).

Таблица 1

Первый период отношения к труду в античной философии и схоластике

Учение и представитель	ТРУД		РЫНОК ТРУДА	
	Сущность понятия	Недостатки	Сущность понятия	Недостатки
Античная философия Аристотель (384-322 гг. до н.э.)	Труд – средство самореализации человека, удовлетворение его материальных потребностей. Различают формы труда по степени нравственного и интеллектуального содержания. Наличие неодушевленных и одушевленных орудий труда. Труд является рабским ввиду социальной организации, а общество делает рабский труд необходимым и закономерным.	Труд свободных и труд рабов. Нет внимания к социальным аспектам труда, гендерному равенству. Обусуждение этических и моральных вопросов, а не к анализ экономических процессов.	Рынок труда регулируется в контексте справедливого общества, обеспечивающего равноправный доступ всех граждан к работе и вознаграждению за труд. Есть эксплуатация трудящихся и несправедливость в отношении к работающим. Рынок труда должен обеспечивать работника возможностью развития и самореализации через труд. Важен баланс между потребностями общества и правами человека на рынке труда.	Отсутствие понимания современных экономических принципов. Античные философы не располагали знаниями о современной экономической теории и ее принципах, как спрос и предложение, теория ценности, макро- и микроэкономика.
	Схоластика Ф. Аквинский (1225-1274) - средневековый итальянский философ "Суммы теологии" и "Суммы против язычников" – труды, где синтезировалась аристотелевская философия с христианством.	Схоластика может идеализировать понятие труда как чистого и нравственного, игнорируя его реальные аспекты, такие как конкуренция, эксплуатация и неравенство.	Рынок труда рассматривался в свете моральных и этических принципов, справедливой оплаты труда. Схолисты акцентировали внимание на понятиях свободной воли, взаимной ответственности и обязательств по отношению к ближнему.	Средневековые схоластики могли неадекватно понимать динамику рынка труда, не учитывая факторы предложения и спроса, гибкости рыночных условий.

Примечание – Таблица разработана автором по результатам собственных исследований [2, 3, 4].

Таблица 2

Отношения к труду в период меркантилизма

Учение и представители	ТРУД		РЫНОК ТРУДА	
	Сущность понятия	Недостатки	Сущность понятия	Недостатки
Антонио Серра (кон. XVII в.-нач. XVIII в.), итальянский философ и экономист XVIII в., автор сочинения: «Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов».	Труд средство обогащения. Чем больше уровень разделения труда в экономической системе, тем больше добавленная стоимость. Чем больше рабочих мест можно создать, тем больше заработать.	Отсутствие трудолюбия у жителей, не позволяют производить товары в достаточном количестве, либо недостаточно искусно изготавливать, что вынуждает привозить их из-за границы и оплачивать.	Рынок труда представлен развитием ремесленного производства за счет поощрения трудолюбия и изобретательности.	Предпочтение ремеслам в ущерб развитию сельского хозяйства. Большая роль государственного регулирования.
Томас Ман (1571 – 1641) – английский экономист «Расуждение о торговле Англии с Ост-Индией», «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства».	Труд направлен на производство продуктов не столько для собственного потребления, сколько для обмена и накопления, развитие торговли (смысл денег в том, чтобы с их помощью увеличивать денежное богатство всех).	Непонимание принципов международного разделения труда. Пропаганда трудовой этики в духе христианской морали.	Рынок труда представлен состоянием купцов, мануфактурщиков. Сторонник создания ремесленных школ. Источник обогащения всех – торговля, в которой вывоз товаров преобладает над ввозом.	Допускало косвенное стимулирование импорта, так как производства дадут работу множеству бедного народа и, увеличат вывоз товаров за границу.
Самуил Фортрейд (1622–1681) – английский земледелец, сын торговца, паштет «Выгода и благосостояние Англии, заключающиеся в увеличении запасов и расширении торговли этого королевства»	Труд бедных слоев населения необходим для обогащения богатых. Доход зависит только от работы людей.	Бедность одних необходима, как богатство других. Роскошь богатых полезна для народа и надо принудить большее количество бедняков работать больше. Колличество бедняков растет, что наносит ущерб народу.	Рынок труда включал деятельность ремесленников, купцов, лавочников, приказчиков и промышленных предпринимателей. Для защиты местной промышленности и сохранения рабочих мест предлагал облагать импортные товары высокими пошлинами.	Ограничение ввоза импортных товаров ведет к снижению конкуренции и качеству продукции, но обеспечивает занятость. Упор на источник богатства через труд: Труд → Производство → Богатство.

Учение и представители	ТРУД		РЫНОК ТРУДА	
	Сущность понятия	Недостатки	Сущность понятия	Недостатки
Жан-Батист Кольбер (1619 – 1683) - французский государственный деятель	Старался облегчить труд крестьян за счет снижения налогов. Не допускал идею коммерциализации труда и земли.	Реформы отрицательно сказались на крестьянах. Повышение предложения труда связывают с необходимостью более низкой, а не высокой заработной платы.	Рынок труда расширялся за счет новых отраслей мануфактурного производства. Производительным трудом являлся лишь труд, занятый в экспортных отраслях.	Аграрный рынок труда, как и отрасль находились в упадке.
А. Де Монкретьен (1575 - 1621) - французский экономист, «Трактат политической экономии».	Счастье людей - в богатстве, а богатство - в труде. Каждому нужно дать работу по способностям. Идеал - экономически активный человек, честный и трудолюбивый, и страна, похожая на хорошо управляемое предприятие.	Максимально труд земледельцев, ремесленников, кушцов, не оставлять ни клочка земли невозделанной. Богатство нации связывалось с ростом численности населения. Сокращение население страны, происходит из-за недостатка продуктов.	Рынок труда представлен торговлей как главным источником прибыли, увеличением числа ремесел и мануфактур, поддержке нации, развитии сельского хозяйства, производство отечественных товаров.	Колоннальная политика вызывала разрушение производительных сил, задерживала экономическое и политическое развитие этих стран.
И. Т. Посошков (1652-1726) - русский ремесленник, изобретатель, иконописец, знатком богословия, блестящий публицист, "Книга о скудности и богатстве", "О ратном поведении", "Завещание отеческое к сыну"	Труд связан с крестьянами и купечеством: бедные крестьяне - бедное государство, богатые крестьяне - богатое государство. Предлагал отдавать крестьянам земли их в вечное владение, что увеличит в земледелии производительность труда.	Не был противником крепостного права.	Рынок труда развивался созданием мануфактур, торговли и производством отечественных товаров. Расширялись исследования месторождений полезных ископаемых.	Издержки на оплату труда (цена труда) и сырье в России были ниже, что сказывалось на доходах населения, но в то же время цена товара могла быть ниже.

Примечание – Таблица разработана автором по результатам собственных исследований [5, 7].

Первым русским экономистом, представителем меркантилизма, считается И. Посошков (1652–1726), в работе которого «Книга о скудости и богатстве» 1724 г. наряду с духовными проблемами рассматривались и экономические вопросы. Он считал, что необходимо не только богатство материально-вещественное, но и невещественное – христианская любовь между людьми [6, с. 69]. И. Посошков независимо от французских физиократов формулирует их излюбленную аксиому: бедные крестьяне – бедное государство, богатые крестьяне – богатое государство [7]. Не будучи противником крепостного права, предлагал внести в отношения между помещиками и крестьянами гуманность и экономическую рациональность, ограничить законом размер крестьянских повинностей помещику, отделить крестьянские земли от помещичьих и отдать их крестьянам в вечное владение, ожидая резкого роста производительности труда в земледелии.

В современных условиях, придерживаясь принципов меркантилизма, для всестороннего развития страны и сотрудничества со странами ЕАЭС участие стран в международном разделении труда и ориентации на мировой рынок сегодня является важным критерием развития национальных экономик.

Школа классической политэкономии идейно складывалась в период с конца XVIII в. до начала XIX в. Основоположником данной идейной традиции принято считать А. Смита и его труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Яркими представителями периода являются Ж. Б. Сэй, Д. Рикардо, У. Петти. Они верили рыночным регуляторам, полагая обеспечение полной занятости, вследствие сбалансированности спроса и предложение на рынке труда. Если меркантилисты источником богатства страны считали благоприятный торговый баланс – экспорт превышает импорт, физиократы богатство видели в земле и природных ресурсах, то А. Смит главную роль отводил человеческому труду, используя который в производстве, создается богатство нации. При этом труд в классическом понимании выступал товаром и фактором производства. Относительно полной занятости, ее обеспечение в условиях рыночной экономики вполне возможно по А. Смиуту и реализуемо при помощи так называемой «невидимой руки», предполагающей конкурирующие силы как спрос и предложение. Преимущество отдавалось трудящимся мужского пола, так как это виделось А. Смиуту естественным порядком вещей, а женщины в качестве наемной рабочей силы не воспринимались. На малом рынке разделение труда не имеет смысла, потому трудящийся должен обладать множеством умений. Заработок определяется приятностью или неприятностью самих занятий, легкостью и дешевизной или трудностью и дороговизной обучения, постоянством или непостоянством занятий ... [8, с. 66]. Особое внимание уделялось формированию платы за труд: А. Смит утверждал, что непозволительно платить людям минимум, либо меньше естественной планки (рыночной стоимости труда). Оптимальный заработок – это немногим более, чем необходимо для стабильного проживания работника и его семьи. Однако, чересчур высокий заработок – это тоже недопустимая грань, в связи с тем,

что при таком раскладе происходит нерациональное использование средств и ресурсов нанимателя.

Д. Рикардо (1722–1823) ввел понятие естественной нормы заработной платы, необходимой для нормального воспроизводства работников, что соответствовало физиологическому минимуму [9, с. 201]. В случае роста зарплаты выше минимума происходит увеличение предложения труда, что обусловлено исторически ранней фазой индустриализации, когда капитал ещё не играл решающей роли в образовании стоимости продукта. Ж. Б. Сэй (1767–1832), изучая роль рынка в удовлетворении потребностей населения, обосновал теорию рынка труда, заключающуюся в единении трёх факторов производства: труд создаёт заработную плату, капитал – процент, земля – ренту (Закон Сэя). С. Сисмонди (1773–1842) в противовес предшественникам не видел возможности для полной занятости в условиях рыночной экономики, из-за ограничения фонда потребления, складывающегося за счёт заработной платы. Уменьшение расходов на покупки приводит к сокращению объемов производства и занятости. С. Сисмонди констатирует, что машины вытесняют людей: «хотя изобретение машин, увеличивающих силы человека, и является для человека благодеянием, однако несправедливое распределение прибыли, доставляемой ими, превращает машины в бич для бедняков» [10, с. 139]. Рабочего заставляют работать тем больше, чем производительнее его труд [10, с. 379]. Этот тезис также звучит в работе Ж. Б. Сэя «Трактат политической экономии»: орудия и машины расширяют власть человека; они заставляют физические тела и силы служить человеческому разуму; в употреблении их заключается наибольший прогресс промышленности; с меньшим трудом получить тоже количество полезностей или получить больше полезностей при том же количестве труда [11, с. 26]. Проблемой рынка труда считалось значительное предложение труда, поскольку равновесие зависит от размера заработной платы и потребностей населения, что нашло отражения в исследованиях Т. Мальтуса [12, с. 165]. У. Петти развивал теорию стоимости, считая источником стоимости труд.

Итак, по мнению представителей классической экономической школы, рыночный механизм в идеале в состоянии обеспечить полную занятость населения, когда каждый желающий может найти работу и нет места вынужденной безработицы (таблица 3).

Таблица 3

Отношение к труду в период классицизма и марксизма

Учение и представители	ТРУД		РЫНОК ТРУДА	
	Сущность понятия	Недостатки	Сущность понятия	Недостатки
Классицизм Основоположник: А. Смит "Исследование о причинах богатства народов" 1776 г. Представители: Д.Рикардо, Ж.Б. Сэй, С. Сисмонди, Т. Мальтус, У. Петти	Труд - субстанция любой стоимости, товар имеет естественную цену, которая определяется издержками производства в виде средств, необходимых работнику и его семье. Труд бывает производительный и непроизводительный, полезен для души. Увеличение объема производительного труда влечет за собой обогащение, рост цены на труд и ее оплаты. Разделение труда - естественный итог человеческой трудовой эволюции благодаря возможности обмена одних благ на другие.	В реальности рост производительного труда не всегда влечет за собой рост заработной платы. В понятии "труд" не хватает психологического аспекта.	Модель рынка труда А. Смита отражает взаимосвязь между спросом на работников и фондами для выплаты заработной платы. На рынке труда имеет действие "невидимая рука" по установлению рыночной ставки заработной платы, которую нельзя опускать ниже определенных рынком границ. Рынок труда представлен тремя областями: мануфактура, сельское хозяйство и торговля. Вынужденная безработица невозможна.	Гендерное неравенство - преимущество отдается мужчинам. Негибкая система оплаты труда. Продолжительное обучение не нужно, так как человек скорее должен начинать зарабатывать и воспитывать в себе привычку к труду. Безработица лишь из-за сокращения производства.
Марксизм Карл Маркс (1818- 1883) — немецкий философ, экономист, публицист, общественный и политический деятель Труд - "Капитал" 1867г	Труд - процесс, совершающийся между человеком и природой. При производственном труде изготавливается особая потребительная стоимость. Только трудом создаются все виды доходов. Источник прибавочной стоимости — продолжение потребления рабочей силы дольше времени в течение которого воспроизводится ее собственная стоимость. Маркс делил прибавочную стоимость на: • абсолютную: создается путём удлинения рабочего дня, • относительную: возникает из-за удушевления рабочей силы и сокращения необходимого рабочего времени. Норма прибавочной стоимости – выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом или рабочего капиталистом.	Теория прибавочной стоимости, что учитывает, что предпринимательский труд, управление, является источником ценности товара, создает доход. Трудовая теория стоимости не согласуется с практикой, ибо труд разнороден и отличается не только по затраченному времени, но и по результатам.	Рынок труда – это рынок, где товаром является рабочая сила, которая в процессе труда создает стоимость. Рабочая сила, будучи товаром, влияет на цену, спрос и предложение. Избыточного предложения труда по сравнению со спросом объясняется экономическими причинами. Если уровень заработной платы поднимается выше стоимости рабочей силы, капиталисту выгоднее осуществлять замену труда работников машинами. В результате уменьшающегося спроса на рабочую силу, образуется незанятый потенциал работников – безработные.	У человека отбирается все для блага общества, труд всех на всех, человек вынужден трудиться на блага других людей.

Примечание – Таблица разработана автором по результатам собственных исследований [8, 11, 13, 14]

В последующем в фундаментальном труде К. Маркса «Капитал» получила развитие трудовая теория стоимости; обоснована теория двойственного характера труда (труда конкретного и труда абстрактного с эффектом полезности); разработана теория прибавочной стоимости, создана теория относительного перенаселения, обосновывающая безработицу [13, с. 102]. К. Маркс ввел понятия «труд», «рабочая сила», «рынок труда», трактуя как:

- «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [14, с. 184];

- «рабочая сила или способность к труду ... совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [14, с. 173–174];

- «рынок труда особое подразделение товарного рынка» [14, с. 175];

- «стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она определена рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи» [14, с. 178, 401].

Были сформулированы условия товарности рабочей силы: возможность человека свободно распоряжаться своей рабочей силой при найме на определенный срок; лишение владельца рабочей силы возможности продавать товары, в которых воплощен его труд, – отчуждение работника от средств производства и результатов труда. Таким образом, марксистская теория до сих пор является основой формирования современных взглядов на сущность труда и рынка рабочей силы.

Итак, изучение начальных этапов теории труда и рынка труда, эволюции научных взглядов отечественных и зарубежных ученых показало, как менялась природа труда, особенности к его стоимостной оценке и восприятию. Основные элементы и подходы к труду можно наблюдать и в современной политике. Для выбора белорусской модели социально-трудовых отношений и уменьшения рисков в результате негативных последствий внутренней и внешней среды, сопровождаемых демографическими аспектами, цифровизацией и глобализационными процессами, необходимо обеспечить регуляторную функцию уровня оплаты труда, достигая роста производительности и устраняя дисбаланс между спросом и предложением на рабочую силу.

Список использованных источников

1. *Склярова М. Е.* Генезис взглядов на труд как объект собственности [Электронный ресурс] / М. Е. Склярова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 31–35. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/46007.htm>. – Дата доступа: 28.01.2024.

2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.

3. *Асмус, В.* Платон / В. Асмус. – М.: Изд-во «Мысль», 1975. – 222 с.
4. *Аквинский, Ф.* Сумма теологии: с комментариями и объяснениями / Ф. Аквинский; пер., сост., предисл., коммент. К. Бандуровского. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 320 с.
5. Меркантилизм / под ред. И. С. Плотникова. – Ленинград, 1935. – 340 с.
6. *Клюня, В. Л.* История экономических учений [Электронный ресурс]: курс лекций / В. Л. Клюня, А. В. Черновалов, Ж. В. Черновалова. – Минск: БГУ, 2016. – 359 с.
7. *Посошков, И. Т.* Книга о скудости и богатстве и др. сочинения / ред. проф. Б. Б. Касренгауза. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 413 с.
8. *Маккреди К.* «Богатство народов» Адама Смита / К. Маккреди; пер. с англ. П. А. Самсонов. – Минск: «Попурри», 2010. – 160 с.
9. *Шакиров, Н. Ш.* Эволюция теории рынка труда: от истоков до постиндустриальной эпохи / Н. Ш. Шакиров // Научный Татарстан. – 2010. – № 1. – С. 200–208.
10. *Сисмонди, Ж. С.* Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению / Ж. С. Сисмонди; пер. А. Ф. Кона. – М., 1937. – 388 с.
11. *Сэй, Ж.-Б.* Трактат политической экономии / Ж.-Б. Сэй; пер. З. С. Ясновской. – М., 1896. – 414 с.
12. *Мальтус, Т. Р.* Опыт о законе народонаселения / Т. Р. Мальтус; пер. И. А. Вернер. – М.: К. Т. Солдатенков, 1895. – С. 251.
13. *Морозова, Н. Н.* Методологические подходы к оценке рынка труда и интеллектуального потенциала его субъектов в условиях цифровой экономики / Н. Н. Морозова // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – Вып. 24. – С. 99–117.
14. *Маркс, К.* Капитал / К. Маркс; пер. И. И. Степанова-Скворцова. – Кн. 1. – Т. 1. – М., 1952. – 795 с.

(Дата подачи: 23.02.2024 г.)

Н. С. Павлова

Республиканский институт высшей школы, Минск

А. В. Данильченко

Белорусский национальный технический университет, Минск

N. S. Paulava

National Institute for Higher Education, Minsk

A. V. Danilchanka

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 338.462

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСЛУГ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

CURRENT TRENDS OF INTERNATIONALISATION OF HIGHER EDUCATIONAL SERVICES

На основе анализа баз данных ВТО, ЮНЕСКО и ОЭСР, материалов международных и национальных организаций/агентств и собственных расчетов объемов предоставляемых услуг высшими учебными заведениями (вуз), предпринята попытка охарактеризовать важнейшие тенденции интернационализации услуг в сфере высшего образования.

Ключевые слова: интернационализация услуг высшего образования; международная торговля услугами; четыре способа (режимы) предоставления услуг высшего образования; поставщик и потребитель услуг высшего образования.

Based on an analysis of statistics from WTO, UNESCO and OECD, data from international and national organisations/agencies and personal estimates of the volume of services delivered by higher educational establishments, an attempt has been made to determine the main trends in the internationalization of services in the field of higher education.

Keywords: internationalization of higher education services; international trade in services; four modes of delivery of higher education services; supplier and user of higher education services.

Рынок образовательных услуг в условиях формирования экономики знаний происходит под влиянием процессов глобализации и интернационализации, которые обуславливают растущий спрос на человеческие ресурсы с высоким международно признанным уровнем образования, а соответственно – предложением высококачественных услуг в сфере высшего образования [1]. Несмотря на растущее значение международной торговли услугами высшего образования, до сих пор единственный аналитический обзор был сделан Всемирным банком в 2007 г. [2].

Целью настоящего исследования является выявление тенденций интернационализации услуг высшего образования (УВО) с учетом четырех способов их предоставления (в соответствии с принятой классификацией

ГАТС), которые в теории обозначаются как различные формы интернационализации деловой активности вузов. При этом под интернационализацией услуг высшего образования нами понимается активный динамичный процесс переноса деловой экономической активности поставщика услуг высшего образования (вуза) за пределы национального государства, которые осуществляются в таких формах, как дистанционное и онлайн образование, коммерческого франчайзинга, рекрутмента иностранных потребителей услуг, через организацию филиалов, представительств, транснациональных кампусов, а также предоставление услуг иностранным потребителям представителями поставщика услуг в стране потребителя услуги [3].

Таблица 1

Способы поставки услуг в сфере высшего образования по классификации ГАТС

Способы поставки услуг по классификации ГАТС				
	1	2	3	4
Характеристика	Предоставление услуг потребителю (студенту), находящемуся за границей государства-поставщика	Предоставление услуг в стране поставщика потребителю (студенту), прибывшему в страну из-за рубежа	Оказание услуги потребителю (студенту), находящемуся за границей, через коммерческое присутствие в стране потребителя услуги	Предоставление услуг представителем (-ями) поставщика (профессорами, лекторами, исследователями) за границей государства-поставщика в стране потребителя услуги
Формы интернационализации образовательных услуг	Дистанционное онлайн образование, франчайзинг образовательной программы, лицензирование части образовательной программы	Прямой экспорт образовательных услуг (программы ВО для иностранных студентов, совместные/ двойные программы, твиннинг программы)	Образовательные программы, предоставляемые через кампус-сателлит за рубежом, филиал вуза за рубежом, включая совместное предпринимательство	Все формы, включающие академическую мобильность персонала (например, франчайзинг, лицензирование)
Источники стоимостных данных в статистике платежного баланса	«Образовательные услуги» в разделе «другие личные, культурные и рекреационные услуги»	«Расходы, связанные с образованием» в разделе «туризм-личные поездки»	Доходы от продаж иностранных филиалов (FATS) и прямые иностранные инвестиции (FDI)	«Образовательные услуги» в разделе «другие личные, культурные и рекреационные услуги»

Источник: разработка автора на основе Руководства ведения статистики ГАТС и А. В. Жук [4].

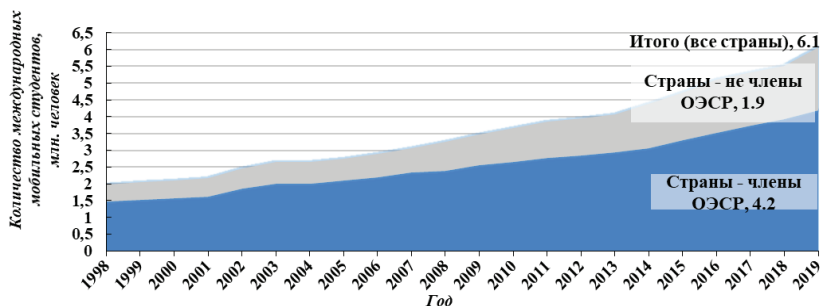
Перечисленные формы интернационализации услуг вуза в международной торговле и в статистике классифицируются Всемирной торговой организацией (ВТО) в рамках Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) со стороны спроса, т. е. с позиций конечного потребителя услуг. ГАТС выделяет четыре способа (режима) предоставления услуг высшего образования: 1) потребителю, находящемуся за границей государства-поставщика услуги (например, онлайн программы высшего образования); 2) потребителю, переезжающему за пределы национальной границы в страну-исполнителя услуг (например, когда студент отправляется учиться в вуз, находящийся за рубежом; 3) потребителю, находящемуся за границей, посредством коммерческого присутствия за рубежом (например, когда иностранное высшее учебное заведение, предоставляющее УВО, создает филиал кампуса за рубежом); 4) потребителю, находящемуся за границей, посредством выезда представителя поставщика услуги в страну потребителя услуги (например, приглашенным лектором из зарубежного вуза).

Далее представим результаты собственных расчетов объемов предоставляемых УВО по четырем способам, используя данные платежного баланса

(ПБ)¹ стран, обобщенные Всемирной торговой организацией. Ввиду того, что данные ПБ стран не охватывают должным образом все формы торговли образовательными услугами, помимо стоимостных, будут учтены и натуральные, количественные значения экспорта и импорта УВО, с использованием баз данных ЮНЕСКО и ОЭСР.

На рисунке 1 показан стремительный рост количества международных мобильных студентов (ММС), что подтверждает актуальность данного исследования. Так, по данным ЮНЕСКО, количество студентов, обучающихся за пределами своих стран, за последние десятилетия увеличилось в три раза с 2 млн в 1998 г. до 6,1 млн в 2019 г. Согласно исследования HolonIQ, объём рынка международного образования в 2019 г. составил 196 млрд долларов США и прогнозируется его рост до 433 млрд к 2030 г. [5].

Способ 1: предоставление УВО потребителю, находящемуся за границей государства-поставщика, т. е. дистанционное онлайн-образование и программы ВО, предоставляемые за рубежом по лицензионным соглашениям, включая франчайзинг [6].

Источник: OECD/UIS Eurostat (2023).

Рис. 1. Рост количества международных мобильных студентов в секторе высшего образования в мире с 1998 по 2019 гг., млн человек

Оценить объем рынка дистанционных услуг в сфере высшего образования представляется крайне сложным ввиду отсутствия факта перемещения студентов за рубеж. В статистиках ПБ стран в разделе «иные услуги» – «личностные, культурные и рекреационные услуги» под термином «образовательные услуги» отражено предоставление образовательных услуг учреждениями образования-резидентами страны за рубеж двумя способами: (1) через Интернет, почту или телевидение, и (2) при помощи лектора-резидента, выезжающего за границу от имени учебного заведения. Следовательно, вышеуказанные данные частично фиксируют предоставление образовательных услуг по первому и четвертому способам ГАТС, а по рекомендации ВТО оба

¹ Платежный баланс – статистический отчет, обобщающий операции между резидентами и нерезидентами страны за определенный период времени (Международный Валютный Фонд, <https://data.imf.org/?sk=7a51304b-6426-40c0-83dd-ca473ca1fd52>).

компонента целесообразно отнести к первому способу. По подсчетам ВТО, все «иные личные, культурные и рекреационные услуги» составляют 3 % от всей торговли онлайн-услугами. Однако большинство стран в своих статистиках ПБ не предоставляют разбивки этих расходов по секторам, и, кроме того, источники данных по этому виду торговли весьма варьируются, поскольку многим учреждениям образования сложно оценить эту деятельность с использованием существующих систем управления и учета. В статистике ВТО представлены данные по доходам от предоставления образовательных услуг первым и четвертым способом для США, Германии, Франции, Швеции и Швейцарии. Если сравнить их с доходами от второго способа предоставления услуг, то первые окажутся незначительными, например по статистике в США доходы от первого и четвертого способов поставки УВО в 2017 г. составили всего 5 % от доходов по второму способу [7].

Статистика по количеству иностранных студентов, обучающихся дистанционно, ведется в США и Великобритании. Согласно данным Bay View Analytics, в 2016 г. всего 45 475 иностранных студента обучались в государственных и частных вузах США дистанционно, т. е. онлайн, что составило 1,5 % всех студентов, обучавшихся дистанционно, и всего 5 % от количества зарубежных студентов, получавших дневное очное высшее образование [8, с. 21]. Согласно статистике британского агентства HESA, в 2017 г. количество дистанционных иностранных студентов составило 10 % от числа всех иностранных студентов, получавших образование на территории и за пределами Великобритании [9].

Статистические данные по объему торговли франшизами включены в статистику ПБ страны под категорией «роялти и лицензионные платежи», содержащей «франшизы и аналогичные права», и «прочие роялти и лицензионные платежи». Несмотря на то, что данные по образовательным услугам в этой категории отсутствуют, можно отметить общемировую тенденцию роста объема торговли услугами в этой категории (по франшизам) – с 2010 по 2021 г. он увеличился на 80 % [10].

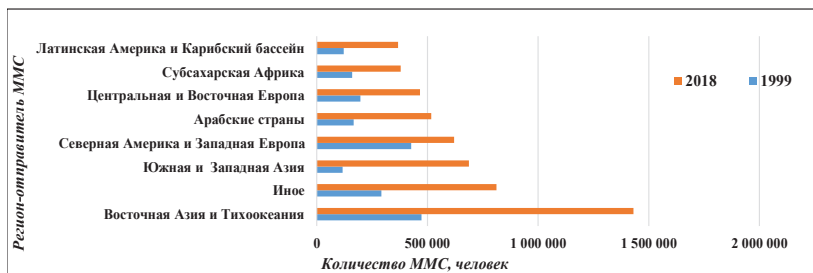
Статистика агентства HESA по количеству студентов, получающих британское образование по иным трансграничным формам предоставления услуг, включающих франшизы, подтверждает общемировой тренд – с 2017 г. их количество выросло на 52 % до 224 730 человек, а доля среди всех иностранных студентов – на 45 %, составив 18,5 % от всех иностранных студентов, т. е. количественно они заняли второе место после иностранцев, обучающихся на территории Великобритании (56,1 %) [11].

Ввиду недостаточности и разрозненности стоимостных и количественных данных по странам по предоставлению УВО первым способом по ГАТС, выявление тенденций представляется затруднительным. Однако на примере статистики по Великобритании одной из лидирующих стран по экспорту УВО и общемировой тенденции развития таких форм предоставления услуг, как франчайзинга и лицензионных соглашений, можно прогнозировать активный рост объема поставки УВО первым способом.

Способ 2: потребление образовательной услуги посредством выезда потребителя, международного мобильного студента (ММС), за пределы национальной границы в страну поставщика УВО.

Изучив количественные и стоимостные объемы прямого экспорта и импорта УВО, проведем сравнительный анализ стоимости экспорта услуг с объемом «официальной помощи в целях развития» (ОПР), большая часть которой как раз и идет на финансирование обучения за рубежом.

Анализ количества ММС по региону-отправителю, или импортеру УВО, показывает наибольший рост в абсолютных цифрах среди восточноазиатских студентов, количество которых увеличилось до более, чем 1,4 млн, или 26 % от всех ММС в 2018 г. (рис. 2). На втором месте по темпам роста – ММС из Юго-Западной Азии, численность которых выросла в 6 раз и в 2018 г. составила 12 % от общемирового количества иностранных студентов. В период с 1999 по 2018 г. ММС из стран Африки к югу от Сахары продемонстрировали устойчивый рост в 2,5 раза, из Арабских стран и Латинской Америки в 3 раза, а стран Центральной и Восточной Европы – в 2 раза, в то время как ММС из Северной Америки и Западной Европы показали наименьший из всех регионов рост в 1,5 %, но занимают третье место на рынке ММС в 11%. Показатели импорта УВО из стран Центральной Азии и ЕС, обучающихся за пределами ЕС, показали незначительный рост в 16,7 % и 10 %, соответственно. Стоит отметить, что студенты из азиатского региона в 2018 г. составили 45 % от общего числа ММС, что пропорционально соответствует и общей доле населения данного региона от общемирового.

Источник: база данных ЮНЕСКО.

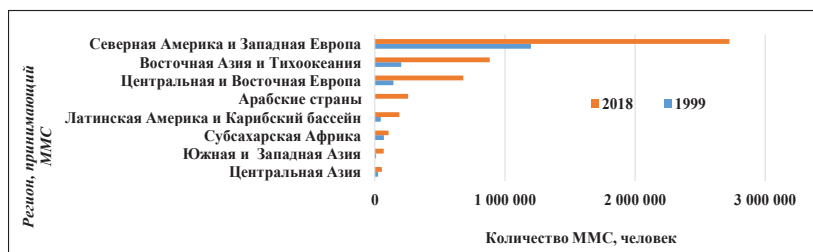
Рис. 2. Количество международных мобильных студентов по региону-отправителю (импортеру УВО), 1999–2018 гг.

Если рассматривать изменения доли рынка принимающих регионов, то наиболее важным представляется быстрое становление стран Восточной Азии и Тихого океана¹, а также стран Центральной и Восточной Европы в качестве принимающих сторон для иностранных студентов, на долю кото-

¹ Согласно классификации регионов мира ЮНЕСКО (URL: www.uis.unesco.org).

рых приходилось более 30 % всех студентов в 2018 г. по сравнению с 20 % в 1999 г. (рис. 3). За 20-летний период количество ММС в данных регионах увеличилось более чем в 4 и 5 раз соответственно. Характерным трендом является снижение доли рынка стран Северной Америки и Западной Европы, на которые в 2018 г. приходилось около 55 % ММС, по сравнению с 70 % в 1999 г. Для Латинской Америки также характерен высокий темп роста, но, ввиду изначально небольшого числа ММС, ее доля составила всего 4 % от общемирового объема. Наименьшую долю рынка ММС заняли страны Южной Азии и Субсахарской Африки; в последних за рассматриваемый период наблюдалось практически двукратное сокращение количества ММС.

Несмотря на тренд сокращения долей мирового рынка УВО лидирующих экспортеров и появление в топовой десятке новых экспортеров (Китая и Турции), ведущими экспортерами ММС остались страны ОЭСР (рис. 4). В 1999 г. шесть стран ОЭСР приняли более 50 % от общего числа ММС, в 2018 г. их общая доля снизилась до 47 %, и между странами этой группы произошло перераспределение студенческих потоков. В частности, снизилась доля иностранных студентов в США – с 22 % до 16 %, в Великобритании – с 11 % до 8 %, во Франции – с 6 % до 4 %, в то время как доли Австралии, Германии, Канады и Японии выросли до 8 %, 5 %, 5 % и 3 %, соответственно. Следует отметить более, чем двукратный рост доли Российской Федерации до 5 %, а также появление новых значимых экспортеров – Китая (3 %) и Турции (3 %).

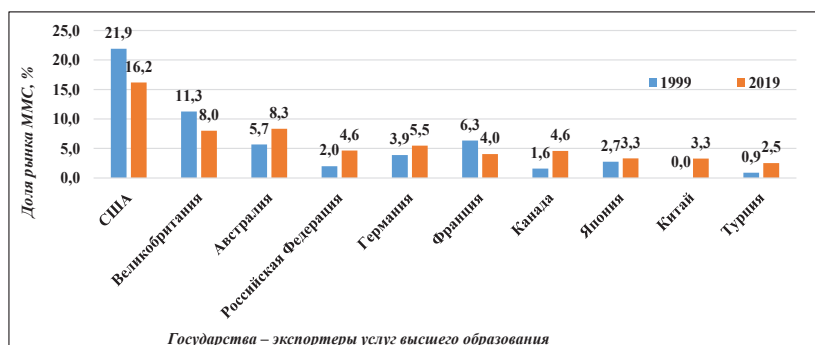

Источник: база данных ЮНЕСКО.

Рис. 3. Количество международных мобильных студентов по принимающему региону (экспортеру УВО), 1999–2018 гг.

Если рассматривать изменения по регионам происхождения ММС, то в США в последние 20 лет едут студенты из Арабских стран, Азии и Тихого океана; последние составили там наибольшую долю ММС и по количеству в разы превзошли своих мобильных соотечественников в других странах. США были выбраны в качестве страны для получения высшего образования подавляющим большинством ММС из Латинской Америки и Карибского бассейна, но к ним существенно упал интерес (на 14 %) со стороны студентов Центральной и Восточной Европы, большинство из которых вы-

брали образование в Германии и Великобритании. Также следует отметить повышение спроса на обучение в Великобритании со стороны ММС из Южной, Центральной и Западной Азии. ММС из Арабских стран предпочитают Францию в качестве страны для получения высшего образования, но вторым наиболее популярным для них направлением стала Турция, а на третьем месте – США. Однозначным лидером по экспорту УВО в страны Центральной Азии продолжала оставаться Российская Федерация, принявшая из данного региона практически половину всех ММС. Но следует отметить значительный рост (по сравнению с 1999 г.) количества студентов из Центральной Азии в Канаде и Австралии.

Источник: база данных ЮНЕСКО.

Рис. 4. Изменение доли рынка международных мобильных студентов топ-10 стран экспортеров УВО, %, 1999–2019 гг.

Таким образом, количественные изменения в потоках ММС во многом отражают количественные изменения народонаселения стран-импортеров, а смещение векторов потоков ММС свидетельствуют об их регионализации, т. е. появлении новых региональных стран лидеров (например, Китая и Турции), привлекающих к себе ММС из своего региона.

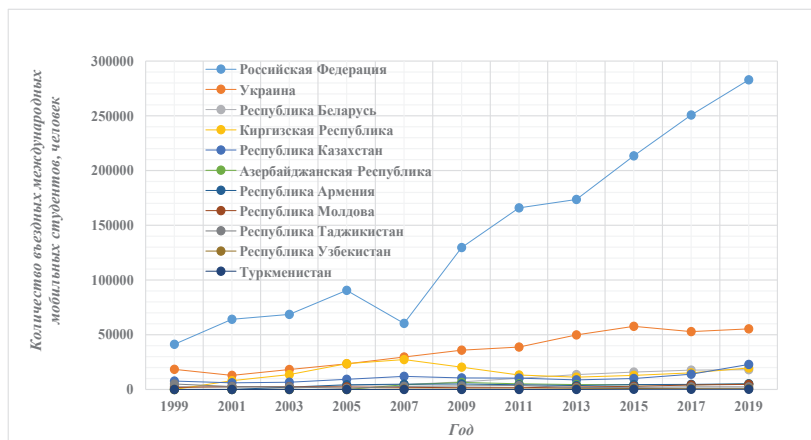
Далее проанализируем динамику ММС по второму способу предоставления УВО среди стран Содружества Независимых Государств (СНГ).

Статистические данные подтверждают важную роль региональных интеграционных объединений, территориальной близости и общего историко-культурного прошлого в географическом распределении потоков международных мобильных студентов.

Положение Республики Беларусь среди стран, принимающих ММС (экспортеров УВО), ухудшилось и сместилось с 37-го на 41-е место за 1999–2018 гг. (из 240 стран, представленных в статистике ЮНЕСКО). Для определения уровня интернационализации УВО рассмотрим позиции страны относительно других стран-участниц крупнейшего на постсоветском про-

странстве регионального объединения – СНГ¹.

Согласно статистике, Российская Федерация выступает безусловным лидером среди стран СНГ по количеству принятых ММС, ее доля составила 68 % от всех других государств Содружества в 2019 г., на втором месте с долей в 13 % была Украина, а Республика Беларусь находилась на 5-м месте с долей в 4 %, незначительно уступая Республике Казахстан и Киргизской Республике (рис. 5).

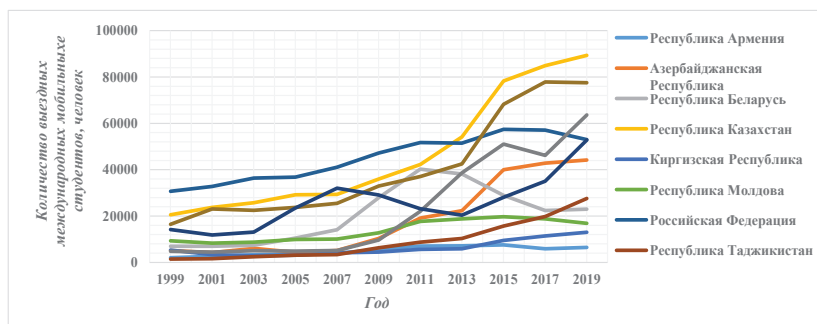
Источник: база данных ЮНЕСКО.

Рис. 5. Количественные изменения по въездным международным мобильным студентам за 1999–2019 гг.

Данные по количеству ММС, выехавших из стран СНГ, показывают стремительный рост импорта УВО Казахстана, Украины, Узбекистана и Туркменистана, их совокупная доля в 2019 г. составила более половины всех ММС из стран СНГ (рис. 6).

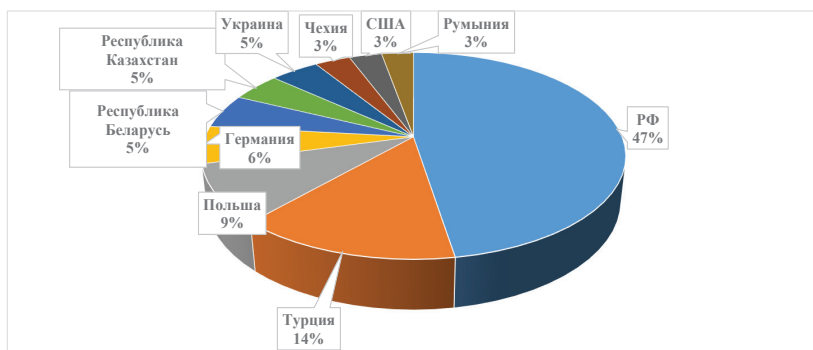
Если по каждой из рассматриваемых стран выбрать топ-10 зарубежных стран, в которые выезжают на учебу их студенты и консолидировать данные, то первую десятку возглавит Российская Федерация, принявшая у себя практически половину всех ММС из стран СНГ в 2019 г., а Республика Беларусь окажется в первой пятерке после Турции, Польши и Германии (рис. 7). Согласно статистике основными конкурентами Республики Беларусь за ММС из стран СНГ с равными долями рынка выступают Казахстан и Украина, однако если учесть более стремительный рост объемов экспорта УВО этих стран, существует вероятность снижения доли Беларуси из-за неприятия должных мер по его стимулированию.

¹ Ввиду рассмотрения данных с 1999 г., в статистику включены данные по Украине, вышедшей из СНГ в 2018 г. и Туркменистану, находящемуся в статусе ассоциированного члена-наблюдателя с 2005 г.

Источник: база данных ЮНЕСКО.

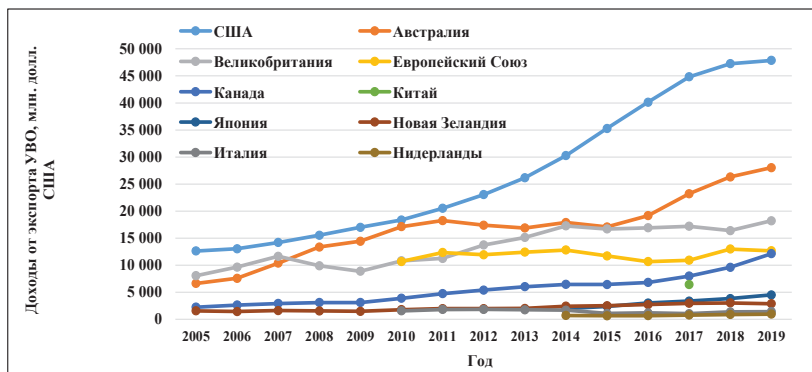
Рис. 6. Количественные изменения по выездным международным мобильным студентам за 1999–2019 гг.

Источник: база данных ЮНЕСКО.

Рис. 7. Распределение ММС из стран СНГ по принимающим странам (топ-10 стран в 2019 г.)

Проанализируем стоимостные объемы экспорта и импорта УВО. Относительно небольшое количество стран собирают или предоставляют финансовые данные о размерах прямого импорта и экспорта образовательных услуг в своих ПБ. Из восьми топ-экспортеров по количеству принятых иностранных студентов соответствующую статистику предоставляют только 5 стран – Австралия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Канада и Япония (рис. 8). Данные по Франции, Германии и России отсутствуют, примечательно, что из них Франция и Германия являются ключевыми донорами финансовой помощи на цели образования, т. е. самостоятельно финансируют приток иностранных студентов из развивающихся стран.

Источник: база данных ВТО.

Рис. 8. Доходы от экспорта коммерческих УВО
ключевых стран-экспортеров, млн долл. США, 2005–2019 гг.

В 2019 г.¹ общая стоимость экспорта образовательных услуг в четырех лидирующих странах составила более половины от предполагаемых 200 млрд долл. США общемирового дохода, причем только на Соединенные Штаты приходилось примерно 48 млрд долл. США, за которым следовали Австралия (28 млрд долл. США) и Соединенное Королевство (22 млрд долл. США)². Статистика показывает наиболее быстрый рост экспорта образовательных услуг из Канады и Японии, который увеличился более чем в два раза в период с 2016 по 2019 г., в то время как в Соединенных Штатах и Великобритании за тот же период экспорт вырос менее, чем на 20 %. Европейский союз³ в целом занял третье место по доходу от второго способа предоставления образовательных услуг, получив 12,7 млрд долл. США в 2019 г. и показав рост в 15 % с 2016 г. Следует отметить, что Китай, по единственному имеющимся данным за 2017 г., опередил Японию по экспорту образовательных услуг, заняв шестое место после Канады (6,423 млрд долл. США), что подтверждает усиление его позиции в привлечении иностранных студентов.

Одновременно с ростом экспортных доходов от оказания УВО можно отметить тренд роста доли экспорта в ВВП у ключевых стран, привлекающих к себе иностранных студентов (табл. 2). Доля экспорта УВО в ВВП США выросла в более, чем два раза с 2010 по 2017 г., Канады – в 1,8 раза,

¹ В статье рассмотрены данные до 2019 г. включительно, ввиду наличия актуализированных данных за эти годы и неполноты сведений за последующие годы, вызванной в том числе ситуацией в мире в связи с эпидемией SARS COVID.

² Данные по стоимости экспорта не дезагрегируются по уровням образования, однако они характеризуют, главным образом, высшее образование, за исключением Австралии, где значительное число иностранных студентов получают среднее и профессионально-техническое образование.

³ Ввиду отсутствия данных по отдельным странам-членам Европейского Союза (ЕС), в этой и последующих таблицах приведена совокупная статистика.

Великобритании и Новой Зеландии – в 1,4 и 1,3 раза соответственно, это свидетельствует об увеличении роли торговли УВО в их экономике. Однако наибольшая доля экспорта УВО в ВВП отмечена в Австралии (1,9 %) и Новой Зеландии (1,5 %), что говорит о большей зависимости в этих странах получения доходов от образовательного сектора экономики.

Данные платежных балансов по импорту коммерческих образовательных услуг за 2017 г. отражаются в статистике ВТО, однако уточненных данных конкретно по услугам высшего образования найдено не было (таблица 3).

Таблица 2

**Доли экспорта образовательных услуг
в ВВП у ведущих стран-экспортеров и ЕС, %**

Страна-экспортер	Доля экспорта образовательных услуг в ВВП страны, %	
	2010 г.	2017 г.
США	0,109	0,230
Австралия	1,730	1,950
Великобритания	0,407	0,561
Европейский союз	0,062	0,057
Канада	0,255	0,452
Новая Зеландия	1,094	1,457
Италия	0,062	0,042

Источник: база данных ВТО.

Таблица 3

**Объемы импорта коммерческих образовательных услуг
у ведущих стран-импортеров и ЕС за 2017 г.**

Страна	Объем импорта коммерческих образовательных услуг, млн долл. США	Объем импорта образовательных услуг в % от ВВП	Объем внутренних государственных расходов на образование в % от ВВП
США	10 776	0,055	5,11
Европейский Союз	8 241	0,043	4,61
Китай	6 635	0,033	3,67
Республика Корея	3 732	0,177	4,33
Германия	2 807	0,064	4,87
Индия	2 750	0,033	4,31
Канада	2 660	0,151	4,96
Нигерия	2 296	0,232	0,53

Страна	Объем импорта коммерческих обра- зовательных услуг, млн долл. США	Объем импорта образователь- ных услуг в % от ВВП	Объем внутренних государственных расходов на образо- вание в % от ВВП
Тайланд	2 031	0,168	3,47
Япония	2 022	0,038	3,13
Казахстан	137	-	-

Источник: база данных ВТО.

Совокупная стоимость импорта услуг высшего образования рассчитывается путем умножения количества иностранных граждан, обучающихся в конкретной стране-экспортере, и средней платы за обучение и стоимости жизни. Соответственно, существует четкая взаимосвязь между объемом импорта, потоками студенческой мобильности и финансовой помощью импортирующим странам со стороны экспортирующих стран. Например, Казахстан занимает 9-е место по количеству выехавших за рубеж студентов, а по денежным расходам по импорту находится на 32-м месте¹. Это объясняется тем, что большинство граждан Казахстана уехали на обучение в относительно недорогие и территориально близкие страны – Россию, Турцию, Кыргызстан. В то же время, объемы импорта США превысили показатели Китая на 40 %, что представляется нереалистичным, поскольку только количество китайских студентов, отправившихся за дорогостоящим обучением в англоязычные страны, в 20 раз превысило количество американских студентов, выехавших по соизмеримым по стоимости направлениям, что можно объяснить либо намеренным «занижением» статистических данных, либо финансовой помощью, предоставленной Китаю как развивающейся стране. Аналогичные вопросы к статистике возникают и по Индии, где количество мобильных студентов в три раза превысило студентов из Республики Корея, а объемы импорта оказались на 30 % ниже (2,8 и 3,7 млрд долл. США соответственно).

Тем не менее, даже учитывая возможные отклонения от реальных цифр, данные показали, что ежегодный отток денежных средств очень велик в абсолютном и относительном выражении. Итого восемь из одиннадцати топовых стран-импортеров потратили 28,7 млрд долл. США в 2017 г. на импорт УВО.

Если сравнивать государственные расходы на импорт образовательных услуг и на развитие сферы образования внутри страны, то даже у развивающихся стран первый занял незначительную часть, более того, можно отметить тренд снижения доли расходов на импорт УВО в ВВП у большинства топовых стран-импортеров.

Проанализируем размеры «официальной помощи в целях развития» (ОПР) для международных мобильных студентов. В настоящее время

¹ Среди стран, выделяющих услуги в сфере высшего образования в своих СПБ.

наиболее полным источником глобальных данных ОПР после окончания средней школы является «Единый стандарт отчетности ОЭСР». Речь идет о финансовой поддержке обучения иностранных граждан со стороны принимающих государств у себя в стране. Несмотря на то, что приведенные выше оценки экспорта УВО касаются только десяти основных экспортеров и только для второго способа предоставления услуг, они превышают нынешние потоки ОПР для высшего образования.

Основными финансовыми донорами иностранных обучающихся в 2019 г. были Германия (1,71 млрд долл. США), Франция (897 млн долл. США) и Япония (344,46 млн долл. США), обеспечившие более половины всех выплат в рамках помощи в области высшего образования, однако с 2004 г. их доля упала с 80 % до 54 % (таблица 4). Из доноров, не входящих в Комитет содействия развитию (КСР)¹, наиболее заметна роль Турции и Саудовской Аравии (6 % и 3 % соответственно). Региональная разбивка показывает, что исторически сложилось так, что большая часть финансирования нацелена на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, что составило 35–40 % годовой ОПР ВО (1,9 млрд долл. США в 2019 г.). Вторым и третьим целевыми регионами были арабские государства и страны Африки, которые получили 978 млн долл. США и 797 млн долл. США соответственно в 2019 г. Данные по ключевым донорам показывают, что как для Франции, так и для Германии эта помощь тесно связана с числом студентов из стран-получателей помощи, обучающихся в соответствующей стране-доноре, т. е. фактически страны-доноры финансируют импорт УВО стран-реципиентов, и в итоге финансовая помощь «оседает» в странах-донорах.

Китай и Индия были крупнейшими получателями помощи в 2019 г. (8 % и 7 % от общего объема, соответственно). Примечательно то, что Китай, являясь основным получателем ОПР, также выступил и крупным донором ОПР, поскольку количество объявленных правительством стипендий выросло с 11 до 76,8 тыс. за 2009–2012 гг. в основном для развивающихся стран Африки и Азии (точных данных о количестве предоставленных стипендий за 2019 г. не имеется). Но ввиду того, что страна не сообщает о размерах оказываемой ОПР, сложно оценить реальные масштабы помощи. Данные свидетельствуют о том, что в значительной степени помощь обусловлена политическими целями страны-донора, которые могут заключаться в содействии миграции квалифицированных кадров, создании условий для иностранных инвестиций, проникновении на внешние рынки или продвижении других геополитических интересов.

¹ Комитет содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) проводит работу по поощрению и гармонизации помощи, оказываемой странами-членами ОЭСР развивающимся странам.

Таблица 4

**Основные страны-доноры и получатели официальной помощи
на развитие высшего образования, 2019 г.**

	Страны-доноры ОПР	Размер помощи, млн долл. США	Доля от всех доноров, %		Страны-получатели ОПР	Размер помощи, млн долл. США	Доля от всех получателей, %
1	Германия	1 712,13	31,90	1	Китай	427,31	7,96
2	Франция	897,48	16,72	2	Индия	349,67	6,51
3	Япония	344,46	6,42	3	Сирия	195,28	3,64
4	Турция	309,36	5,76	4	Марокко	176,62	3,29
5	США	162,13	3,02	5	Вьетнам	154,9	2,89
6	Саудовская Аравия	159,62	2,97	6	Украина	147,8	2,75
7	Великобритания	159,23	2,97	7	Пакистан	134,11	2,50
8	Австрия	134,31	2,50	8	Египет	127,56	2,38
9	Польша	130,98	2,44	9	Алжир	124,81	2,33
10	Китай	96,61	1,80	10	Иран	108,99	2,03

Источник: база данных ЮНЕСКО.

Таким образом, географическая и финансовая составляющие распределения студенческих потоков отражают западные концепции структурных подходов – теории мировых систем и новой экономической географии, которые рассматривают студенческую мобильность как результат не только личного выбора индивида или семьи, но и влияния глобальных экономических и политических систем.

Рассмотрим третий способ предоставления услуг – коммерческое присутствие за рубежом. Анализ статистических данных показал ежегодный рост количества зарубежных филиалов вузов, а именно на 44 % с 2015 г. При этом заметна диверсификация как стран, предоставляющих УВО через коммерческое присутствие (оффшорные кампусы) (на 26 %), так и стран, в которые данные кампусы размещены (на 19 %) (таблица 5). Примечательно, что из существующих 333 зарубежных кампусов, 68 % организованы пятеркой лидирующих экспортеров УВО, однако их доля снизилась за последние 8 лет на 4 %, при этом значительно упали доли США (на 28 %), Австралии (на 14 %), а выросли доли Российской Федерации (на 30 %) и Франции (на 63 %).

**Изменение количества зарубежных кампусов
у стран-поставщиков и в принимающих странах, с 2015 по 2023 гг.**

	Государства, предоставляющие УВО через коммерческое присутствие за рубежом	2015 г.		2023 г.			Государства, имеющие на своей территории зарубежные кампусы	2015 г.		2023 г.	
		Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %			Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %
1	США	82	35	84	25	1	Китай	31	13	47	14
2	Великобритания	33	14	46	14	2	ОАЭ	24	10	30	9
3	Россия	20	9	39	12	3	Сингапур	13	6	16	5
4	Австралия	16	7	20	6	4	Малайзия	9	4	15	5
5	Франция	20	7	38	11	5	Катар	11	5	11	3
6	Другие страны	60	27	106	32	6	Иные страны	143	62	214	64

Источник: C-BERT.

Основными импортерами услуг через коммерческое присутствие остались государства азиатско-тихоокеанского и ближневосточного регионов, однако при тенденции роста количества кампусов в этих странах, заметно незначительное снижение их доли на рынке с 2015 г. с 38 % до 36 %, т. е. в них осталось менее половины всех кампусов. Доли Китая и Малайзии выросли на 9 % и 13 % соответственно, в то время как Объединенных Арабских Эмиратов, Сингапура и Катара упали на 10 %, 20 % и 34 % соответственно. Следует отметить, что данные C-BERT¹ не учитывают частные учебные заведения, принадлежащие крупным корпоративным группам. В таких случаях у различных вузов, находящихся за рубежом, может быть один владелец, но каждый вуз предлагает собственные, аккредитованные на национальном уровне программы. При этом финансовые поступления таких вузов учитываются в ПБ стран по месту их регистрации, что делает проблематичным корреляцию количественных и стоимостных значений третьего способа предоставления услуг.

В статистике платежного баланса размеры доходов от «коммерческого присутствия» в стране определяются данными от деятельности иностранных филиалов (СИФ – FATS)² и объемом вложенных прямых иностранных инвестиций (ПИИ – FDI), включая сделки по слияниям и поглощениям³.

¹ C-BERT (Cross-Border Education Research Team) – источник данных по вузам, имеющим международные кампусы за рубежом (URL: <https://www.cbert.org/>).

² СИФ включает деятельность (доход от продаж, обороты) филиалов страны, базирующихся за рубежом, а также вклад в экономику от иностранных филиалов, являющихся резидентами этой страны.

³ Статистика по ПИИ показывает размеры сделок между прямыми инвесторами в одной стране и их филиалами, являющимися резидентами другой страны (потоки), а также инвестиционные позиции (измерение стоимостного объема ПИИ).

По статистике максимальный объем продаж (т. е. предоставленных образовательных услуг) был зафиксирован в британских зарубежных кампусах – 11,6 млрд долл. США (с 2014 по 2019 г. рост составил почти 10 млрд).

Таблица 6

Динамика доходов от объема продаж филиалов, базирующихся за рубежом, и иностранных филиалов в принимающих странах за 2014 – 2019 гг.

	Страна	СИФ образовательного сектора, исходящие продажи, млн долл. США			Страна	СИФ образовательного сектора, входящие продажи, млн долл. США	
		2014 г.	2019 г.			2014 г.	2019 г.
1	Великобритания	1 709	11 597	1	США	2086	3039
2	США	6 954	6 729	2	Канада	561	733
3	Япония	1 241	1 124	3	Швейцария	406	609
4	ЕС	418	931	4	Вьетнам	170	170
5	Швеция	74	362	5	Израиль	79	89
6	Германия	115	263	6	Япония	186	83
7	Франция	70	200	7	Таиланд	16	68
8	Дания	322	157	8	Всего	3504	4791
9	Мальта	113	135				
10	Норвегия	97	106				
11	Италия	41	65				
12	Ирландия	56	45				

Источник: база данных ВТО.

У американских кампусов объем продаж составил в 2019 г. 6,7 млрд долл., а у японских – 1,1 млрд долл. США, причем произошло их незначительное падение (таблица 6). В целом, если учитывать данные по всем странам, ведущим статистику СИФ, доходы зарубежных филиалов увеличились более, чем в два раза с 2014 по 2017 г., составив 21,7 млрд долл. США, а затем к 2019 г. снизились на 7 %.

Из стран, импортирующих услуги зарубежных кампусов, данные СИФ предоставляют США, Канада, Швейцария, Вьетнам, Израиль, Япония и Таиланд. Наибольший доход показали США – 3 млрд долл., а темп роста дохода за последние годы выше всех у Таиланда, при этом общий доход по всем вышеуказанным странам вырос на 37 %, составив 4,8 млрд долл. США.

Анализ прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в образовательный сектор показал, что количество инвестиционных проектов возобновило допандемийный рост, увеличившись до 169 в 2021 г., из которых 32 относились к сектору высшего образования [12]. За 2019–2021 гг. на развитие

страны по-прежнему приходилась большая часть притока и вывоза инвестиций в сектор образования. Таким образом, в то время как зарубежные филиалы создаются преимущественно в развивающихся странах, потоки ПИИ по способу предоставления услуг путем коммерческого присутствия в основном осуществляются между развитыми странами.

Среди стран СНГ, Украины и Туркменистана ключевым организатором коммерческого присутствия за рубежом является Российская Федерация с 28 кампусами, 23 из которых находятся в странах СНГ и Украине (таблица 7).

Главными странами локализации коммерческого присутствия выступают Республика Армения и Республика Узбекистан, в каждой из которых размещены по 8 международных кампусов, причем – если в первой все кампусы российского происхождения, то в последней география, помимо РФ, включает Великобританию, Сингапур и Республику Корею.

Таблица 7

Количество зарубежных филиалов в принимающих странах, 2020 г.

Страна	Количество зарубежных филиалов
Республика Армения	8
Республика Узбекистан	8
Российская Федерация	5
Республика Казахстан	4
Киргизская Республика	2
Республика Беларусь	2
Азербайджанская Республика	1
Республика Таджикистан	1
Украина	1

Источник: база данных ВТО.

К четвертому способу предоставления УВО относятся как поездки академического персонала для предоставления услуг за рубежом, так и занятость иностранного персонала в зарубежных филиалах. Ввиду отсутствия отдельной статистики по предоставлению образовательных услуг четвертым способом, сложно сделать какие-либо выводы о масштабе торговли. Можно лишь предположить, что глобальная мобильность преподавательского состава, а соответственно, и объем торговли будет расти с расширением взаимодействия между учреждениями образования в рамках совместных учебных и исследовательских программ, лицензионных соглашений и совместного предпринимательства.

Несмотря на ограниченность данных, проведенное исследование позволило выявить ряд характерных тенденций в области интернационализации деловой активности вузов и рынка образовательных услуг.

Во-первых, стремительный рост международной студенческой мобильности, числа иностранных студентов и доходов от экспорта образовательных услуг, отраженного в статистике платежного баланса ведущих стран-экспортеров, подтверждают увеличение объема и стоимости международной торговли услугами в сфере высшего образования.

Во-вторых, в экспорте образовательных услуг по-прежнему доминируют шесть стран ОЭСР (США, Великобритания, Франция, Австралия, Германия и Канада), а основными импортерами услуг являются страны Восточной Азии и Тихого океана, Южной и Западной Азии, Северной Америки и Западной Европы.

В-третьих, несмотря на рост объемов прямого импорта УВО в стоимостном выражении для основных стран-импортеров, заметна тенденция снижения доли расходов на импорт в сравнении с объемом внутренних государственных расходов на высшее образование, и обратная тенденция характерна для экспорта УВО, т. е. доходы от экспорта УВО среди стран-экспортеров растут более быстрыми темпами в сравнении с объемом государственных расходов на высшее образование.

В-четвертых, годовой объем экспорта услуг в области высшего образования пяти основных стран-экспортеров в 23 раза превышает ежегодную двустороннюю и многостороннюю правительственную помощь на развитие высшего образования, большая часть которой идет на финансирование обучения за рубежом. И в то время как основной формой предоставления УВО выступает прямой экспорт и импорт УВО – физическое перемещение студентов в университеты за рубежом (способ 2), активно развиваются такие новые формы интернационализации, как зарубежные филиалы (способ 3), дистанционное онлайн образование и франшизы (способ 1) и академическая мобильность (способ 4).

Тем самым подтверждается вывод А. В. Жука и А. В. Данильченко [4] о том, что в сфере высшего образования в первой четверти XXI в. наметилась тенденция к транснационализации деловой активности вузов за счет организации предоставления образовательных услуг зарубежными кампусами местным потребителям. И в то время, как для Республики Беларусь по-прежнему основной формой интернационализации УВО остается прямой экспорт услуг на коммерческой основе, среди ее основных стран-конкурентов на постсоветском пространстве, помимо экспорта, активно развиваются новые формы транснационального предоставления и потребления услуг высшего образования.

С учетом выявленных тенденций для Республики Беларусь представляется важным глубокий анализ преимуществ и недостатков новых форм интернационализации УВО, в первую очередь, в граничащих с ней странах и государствах-членах СНГ для выявления наиболее оптимальных форм интернационализации УВО и создания условий для их имплементации в качестве мер повышения конкурентоспособности собственной системы высшего образования.

Список использованных источников

1. Данильченко, А. В. Экономика знаний в контексте постиндустриального развития Республики Беларусь / А. В. Данильченко, С. А. Харитонович // Новости науки и технологий. – 2019. – № 1 (48). – С. 8–15.
2. *Bashir, S.* (2007). Trends in International Trade in Higher Education: Implications and Options for Developing Countries (No. 6) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldbank.org/education. – Дата доступа: 10.05.2023.
3. Павлова, Н. С. Сущность интернационализации услуг в области высшего образования / Н. С. Павлова, А. В. Данильченко // Научные труды Республиканского института высшей школы / редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 401–411.
4. Жук, А. В. Эволюция экспортных стратегий на мировом рынке образовательных услуг высшего образования / А. В. Жук, А. В. Данильченко // Журнал международного права и международных отношений. – 2021. – № 1. – С. 36–43.
5. Holoniq [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holoniq.com/notes/196b-international-education-market-set-to-reach-433b-by-2030>. – Дата доступа: 10.05.2023.
6. *Knight, J.* (2015). Transnational education: a classification framework and data collection guidelines [Электронный ресурс] / J. Knight, J. Mcnamara. – Режим доступа: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/tne_classification_framework-final.pdf. – Дата доступа: 20.06.2023.
7. OECD 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/oecd-international-direct-investment-statistics-2022_deedc307-en#page1. – Дата доступа: 10.07.2023.
8. Grade Increase. Tracking distance education in the United States. Bay View Analytics [Электронный ресурс] / J. Seaman [et al.]. – Режим доступа: <https://www.bayviewanalytics.com>. – Дата доступа: 10.02.2024.
9. HESA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/where-from>. – Дата доступа: 15.07.2023.
10. Worldbank, 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.ROYL.CD?end=2022&start=1960&view=chart>. – Дата доступа: 18.07.2023.
11. HESA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hesa.ac.uk/news/19-01-2023/sb265-higher-education-student-statistics/location>. – Дата доступа: 12.07.2023.
12. Investmentmonitor FDI in education in 2021: Sofia Karadima The state of play [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.investmentmonitor.ai/fdi-data/fdi-in-education-in-2021-the-state-of-play/>. – Дата доступа: 10.05.2023.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

А. К. Петрашкевич

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. K. Petrashkevich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 33.338

СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ

SCENARIO FORECASTING: TYPOLOGIZATION AND THE ALGORITHM FOR DEVELOPING THE BASIC MODEL

В статье рассматривается типологизация сценарного подхода как основного метода стратегического планирования развития организации, его возможности и ограничения. Акцент сделан на типологию сценариев по различным точкам зрения и анализе алгоритма разработки сценариев и описание этапов их формирования.

Ключевые слова: сценарное планирование; сценарий; типы сценариев; прогнозирование; алгоритм разработки сценариев.

The article considers the typologization of the scenario approach as the main method of strategic planning for the development of an organization, its possibilities and limitations. The emphasis is on the typology of scenarios from different points of view and the analysis of the algorithm for developing scenarios and describing the stages of their formation.

Keywords: scenario planning; scenario; types of scenarios; forecasting; scenario development algorithm.

Развитие глобальных финансовых и экономических кризисов привело к глубокой неопределенности в экономике и обществе. Многие компании и организации осознали, насколько важно и необходимо заранее предвидеть пути развития.

Когда окружающая среда компании характеризуется высокой степенью неопределенности, которая может быть результатом неясности и/или быстрых изменений, практически невозможно сформулировать только одно представление о том, как факторы окружающей среды повлияют на жизнедеятельность организации.

Для современной организации крайне рискованно довольствоваться одной альтернативой развития. Сценарный метод или метод сценарного прогнозирования предназначен для оценки возможных последствий управленческих решений и предоставлении менеджерам и высшему руководству организации различных сценариев развития событий.

Сценарии представляют собой заслуживающие доверия альтернативные точки зрения на то, как может развиваться окружающая среда компании в будущем, основанные на ключевых факторах изменений с высокой степенью неопределенности.

По определению Кана, «под сценарием понимают динамическую последовательность возможных событий, фокусирующую внимание на при-

чинно-следственной связи между этими событиями и точками принятия решений, способных изменить их ход и траекторию движения во времени всей рассматриваемой системы в целом или отдельных ее подсистем» [1].

По мнению А. В. Белошицкого, сценарное прогнозирование как метод принятия управленческих решений предполагает разработку нескольких альтернативных вариантов возможного развития экономической системы, порой разительно отличающихся друг от друга. В такой ситуации выбор управленческого решения во многом зависит от опыта и интуиции руководителя и высшего менеджмента, что позволяет определить критические возможные последствия вариантов решений [2].

Другой автор, М. Томкович, полагает, что важным достоинством сценарного планирования принято считать возможность формирования эффективных стратегий в условиях неопределенности. Разработка таких стратегий позволяет субъектам управления заранее подготовиться и составить план действий в экстремальных ситуациях. При этом даже неполное совпадение данных сценариев с реальным развитием событий дает неоспоримое преимущество, связанное с возможностью реализации превентивных мероприятий, а также с сокращением продолжительности «периода растерянности» лиц, принимающих решения [3].

С точки зрения автора сценарий представляет собой описание возможной позиции организации в будущем и указывает направление развития, ведущее к достижению этой цели. Чтобы достичь этой позиции, необходимо принять решение об определении этого будущего и разработать меры по нивелированию рисков и влияющих факторов, чтобы желаемое будущее действительно могло быть достигнуто.

Сценарный метод, в первую очередь ориентирован на предприятия и регионы, находящиеся в очень нестабильной среде, с целью достижения необходимого уровня безопасности в процессе планирования, который мог бы оказать стабилизирующее воздействие на политическое и экономическое развитие.

Процедура применения сценарного метода может быть выполнена относительно просто, но альтернативные меры обычно готовятся заранее. Важной положительной особенностью сценарного метода является то, что факторы окружающей среды и их воздействие можно и необходимо регулярно отслеживать на основе системы раннего предупреждения. Благодаря этому система может развить особую чувствительность к наступлению положительных или отрицательных явлений во внешней или внутренней среде организации.

Существуют следующие типы подходов, которые организации могут использовать при разработке сценариев:

1. Количественные сценарии – это финансовые модели, которые учитывают наилучшие и наихудшие сценарии развития событий путем изменения ограниченного числа переменных/факторов [4]. Они используются для годовых прогнозов. Например, наилучший/наихудший прогноз выручки, осно-

ванный на увеличении продаж на 10 %, или прогнозы расходов с использованием переменных затрат, таких как материалы по высокой или низкой цене.

2. Нормативные сценарии. Данные сценарии описывают предпочтительное или достижимое конечное состояние, ориентированное больше на цели, чем на объективное планирование. Его можно комбинировать с другими типами. Например, сценарий лидерства на рынке в течение 5 лет в новой категории продуктов или сценарий соответствия требованиям, описывающий шаги по соблюдению новых стандартов.

3. Сценарии стратегического управления – эти «альтернативные варианты будущего» фокусируются на среде, в которой потребляются продукты/услуги, что требует широкого взгляда на отрасль, экономику и мир в целом. Например, это может быть комплексный промышленный сценарий внедрения новой прорывной технологии, изменяющей потребности потребителей, сценарий глобальной рецессии со снижением спроса на основных рынках или сценарий энергетического кризиса, требующий альтернативных источников и экономии ресурсов.

4. Операционные сценарии. Данные сценарии представляет собой изучение непосредственного воздействия события на организацию и формирование краткосрочных стратегических последствий и мер при наступлении сценарного прогноза.

Автор рассматривает сценарный метод со следующих точек зрения:

- с точки зрения содержания сценария;
- точки зрения вероятности реализации и влияния отдельных явлений комплексных сценариев на организацию;
- с точки зрения экономической оценки сценария.

1. С точки зрения содержания сценария.

При разработке сценариев компании сначала сталкиваются с методологическими, информационными и организационными проблемами создания списка явлений, которые придают сценарию содержание. Сценарный метод отличается тем, что он определяет сценарий будущего без прямого влияния прошлых философий организации.

Существует несколько методов создания сценария, которые различаются некоторыми деталями. Однако сначала определяется ключевая миссия компании, затем те стратегические явления, которые, как ожидается, будут наиболее важными для организации. Они, в частности, исходят как из внешней среды, так и из внутренней среды предприятия.

Факторами во внешней среде компании являются участники рынка, общественность и носители социальной инфраструктуры, финансовая система государства, а также различные государственные институты. Все эти акторы могут иметь желаемые или нежелательные исходы по отношению к компании, которые могут способствовать или препятствовать будущему развитию и функционированию организации.

Интересы и поведение внутренних участников компании также важны. Речь идет о руководителях и менеджерах, сотрудниках и подрядчиках. Эту

часть сценария контролировать проще, поскольку в компании организован доступ к актуальным знаниям и сформирована управляемость системой внутренней среды, а, следовательно, и предсказуемость поведения внутренних факторов организации больше и проще по сравнению с внешними.

Для будущего организации может возникнуть несколько различных вариантов развития событий. Для каждой альтернативы компания должна разработать свой собственный сценарий. Различные сценарии являются основой для разработки нескольких вариантов планов развития организации, а также ее функционирования и поведения. С их помощью предприятие определяет, что она будет делать в случае реализации одного сценария и что будет делать в случае воплощения иного.

2. С точки зрения вероятности реализации и влияния отдельных явлений комплексных сценариев на организацию.

При разработке и выборе сценариев компании сталкиваются с проблемами оценки вероятности реализации этих явлений и оценки их влияния на организацию. Влияние отдельного явления может быть прямым или косвенным (через другие явления в силу их взаимозависимости).

Вероятности реализации и влияния ожидаемых явлений могут быть определены различными способами: простыми и сложными.

Простые основаны на интуиции и опыте, в то время как сложные базируются на знаниях математической статистики и теории вероятностей. Кроме того, для определения влияния прогнозируемых явлений на предприятие могут использоваться разнообразные методы. Обычно это различные методы корреляции и взвешивания.

3. С точки зрения экономической оценки сценария.

Организации в основном являются экономическими системами. Существование и развитие каждой компании зависит от экономических последствий ее функционирования, а также от ее текущей деятельности и поведения.

Организация может делать выводы о прогнозируемых явлениях, оценивая экономическую основу этих явлений. Следовательно, каждый сценарий должен быть определен экономически. По сути, это экономическая оценка последствий реализации сценария для компании. Данная оценка основана на сравнении предполагаемых воздействий или результатов реализации соответствующих сценариев с необходимыми ресурсами для этого воплощения.

Автор определяет экономические последствия конкретного сценария для предприятия по следующим расчетным параметрам:

- доходы и поступления от реализации прогнозируемого сценария;
- необходимые (и возможные) инвестиции компании в реализацию предполагаемого сценария;
- ожидаемая сумма расходов, связанная с этими инвестициями, и ожидаемая сумма расходов по сценарию вовлеченных производителей, а также ожидаемая сумма сборов по различным налогам и взносам;
- размер необходимого (также возможного) капитала и его оценка.

Все упомянутые параметры связаны с реализацией в сценарии выявленных явлений. Тем не менее, для того, чтобы сценарий можно было воплотить, его необходимо сначала создать.

Автором статьи предлагается следующий алгоритм разработки сценариев, который послужит базовой составляющей для внесения последующих корректировок с учётом факторов внешней и внутренней среды организации.

Алгоритм разработки сценариев включает в себя следующие этапы:

1. Определение миссии. Как и в классическом стратегическом планировании, необходимо сначала определить рамки планирования (предмет) и установить миссию. Эта миссия является эталонной базой, в соответствии с которой измеряются все элементы процесса планирования и оценивается их актуальность.

Поэтому определению миссии и последующей философии должно быть уделено максимальное внимание, если организация хочет, чтобы процесс был действительно успешным, а необходимым условием успеха является максимально широкая командная работа. В этом метод сценариев совпадает с классическим стратегическим планированием.

2. Определение факторов и параметров влияния. На развитие данного предмета стратегического планирования влияют многие факторы. Они действуют в ближайшем окружении субъекта, в региональном, национальном и наднациональном кругу, континентальном и глобальном.

С помощью мозгового штурма или другого подходящего метода групповых экспертных оценок необходимо выявить как можно больше факторов, влияющих на детерминант, всегда в связи с принятой миссией и стратегией. Чем шире спектр соответствующих влияющих факторов, которые нам удастся сгенерировать, тем лучше. Поэтому необходима качественная командная работа под руководством опытных людей, поддерживающих направленные на достижения положительного эффекта идеи.

3. Объединение факторов и параметров. Определив факторы и параметры влияния, организация должна установить взаимосвязь между ними. С помощью связей, взаимосвязей и общих характеристик факторы влияния постепенно объединяются в единые движущие силы. В этом процессе, помимо опыта, большую роль играет креативность и нестандартное мышление руководства.

Следует тщательно отслеживать природу определенных движущих сил, которые обозначаются как «данности». Существуют движущие силы, действие которых является однонаправленным, имеет относительно четко определенную скорость или силу и хорошо, если в миссии и философии организации можно определить три или четыре таких «данности».

Другие движущие силы далеко не столь односторонни и могут развиваться с различной интенсивностью. Это неопределенности, которые могут по своей значимости и характеру их развития фундаментально повлиять на будущее субъекта стратегического планирования.

Основная цель состоит в том, чтобы объединить эти факторы неопределенности в два основных, более или менее независимых и поддающихся измерению фактора, которые затем формируют базовую структуру сценариев. Командная работа, фасилитаторы и приглашенные эксперты способствуют успеху этого сложного этапа стратегического планирования с использованием сценариев.

4. Формирование перечня сценариев. Формирование перечня сценариев в высшей степени творческий процесс, которым можно управлять только благодаря командной работе. Движущие силы неопределенности, которые предоставляют импульсы к движению на некоторое количество полей для построения равного количества сценариев.

Первым шагом на данном этапе является проверка в отношении миссии и философии того, могут ли все комбинации детерминант развития соответствующих факторов существовать на фоне предсказуемого одностороннего развития основных данных.

Вторым шагом является создание возможных событий и идентификация их возможных участников в индивидуальных сценариях в соответствии с указанной интенсивностью развития движущих сил-неопределенностей.

При разработке сценариев команды должны работать по очереди, с одной стороны, чтобы сгенерировать как можно больше вероятных событий и их действующих лиц, с другой стороны, чтобы команды не отдавали предпочтения только «своим» сценариям. Каждый этап этого создания завершается презентацией деятельности каждой команды и ее критической оценкой всей широкой командой стратегического планирования.

Критическая оценка важна для того, чтобы постоянно соответствовать миссии и философии организации, а также для обеспечения того, чтобы события и действующие лица вызвали как можно больше доверия.

5. Выбор наиболее вероятного сценария. Для практических целей этапов стратегического планирования необходимо выбрать наиболее вероятные сценарии из перечня сценариев.

Необходимо рационально подходить к выбору сценария и выбрать тот сценарий, наступление которого является более вероятным в отношении миссии и философии организации, а также предсказуемого развития всех движущих сил, в том числе со знанием всех шансов и рисков.

6. Реализация стратегии. Выбранный сценарий послужит для определения стратегических целей и разработки плана действий по реализации избранной стратегии. Однако, поскольку удача сопутствует подготовленным и тем, кто что-то для этого делает, хорошо иметь в запасе альтернативные стратегические цели и действия или, по крайней мере, четко очерченный план.

Так, например, одной из сфер применения метода сценарного планирования является нефтегазовая (и нефтесервисная) индустрии, которые, имея высокий уровень турбулентности современного энергетического рынка,

отдают сценарному прогнозированию ключевую роль при формировании стратегий устойчивого развития вследствие наукоемкости энергетической индустрии и маловероятных скачкообразных технологических прорывов, а также последовательных технологических инноваций, что позволяют адаптировать их к планам социально-экономического развития [5].

Процесс стратегического планирования никогда не являлся статистическим процессом, поэтому прогнозы-сценарии будут сохранять свою актуальность и полезность для организации в будущем. На регулярной основе, с ежегодными интервалами, будет производиться оценка развития основных движущих сил и рисков, но прежде всего неопределенностей. Характерной чертой неопределенностей как детерминантов развития является измеримость, поэтому можно будет определить скорость и направление изменений, что позволит с легкостью проанализировать, сохраняются ли тенденции в рамках выбранного сценария или произошли сбои, которые переносят организацию в другой сценарий, заранее подготовленный резервный вариант мер и решений.

Сценарное прогнозирование – это инструмент, позволяющий оценивать возможности развития событий и принять обоснованное управленческое решение, которое отвечает требованиям большой изменчивости современного мира. Сценарное прогнозирование используется в организации при стратегическом планировании своей жизнедеятельности, разработке бизнес-моделей и управления рисками.

Цель сценариев состоит в том, чтобы сопротивляться существующим представлениям о будущем, бросить им вызов и выявить тенденции, которые могут оказаться важными в перспективе.

Сценарии также обеспечивают основу, по которой могут быть построены стратегии, планы или проекты, позволяющие оценивать последствия принимаемых решений.

При разработке сценария необходимо придерживаться базового алгоритма, которой позволяет с наименьшими затратами сформировать перечень сценариев, отвечающих современному социально-экономическим тенденциям развития внутренних и внешних факторов и позволяющих выработать предварительный комплекс мер при наступлении того или иного сценария.

Список использованных источников

1. *Войтаник, Ю. Ю.* Теоретико-методологический аспект применения сценарного подхода в зарубежной практике [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Войтаник, К. А. Семенова // Материалы X Междунар. молодеж. форума с междунар. участием. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41549633_23975655.pdf. – Дата доступа: 18.02.2024.
2. *Белошицкий А. В.* К вопросу формирования сценариев устойчивого развития нефтесервисной отрасли / А. В. Белошицкий, А. Е. Череповицын // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 95–106. – (Серия: Социально-экономические науки).

3. *Томкович, М. П.* Диагностика факторов формирования сервисной экономики в Республике Беларусь / М. П. Томкович // Банкаўскі веснік. – 2022. – № 9. – С. 37–50.

4. Oracle Netsuite [Electronic resource]: Scenario Planning: Strategy, Steps and Practical Examples. – Mode of access: <https://www.netsuite.com/portal/resource/articles/financial-management/scenario-planning.shtml>. – Date of access: 18.02.2024.

5. *Ленкова, О.* Использование метода сценариев при разработке управленческих решений по обеспечению устойчивого развития нефтесервисной компании [Электронный ресурс] / О. Ленкова, М. Жукова // Московский экономический журнал. – 2021. – № 9. – Режим доступа: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-9-2021-37/>. – Дата доступа: 18.02.2024.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

И. Н. Русак

Белорусский институт стратегических исследований, Минск

I. N. Rusak

Belarusian Institute of Strategic Research, Minsk

УДК 332.143(476)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАГНОСТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE DIAGNOSIS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE FIELD OF ANALYTICAL ACTIVITY

В статье рассмотрены методологические основы диагностики социально-экономического развития регионов Республики Беларусь как один из инструментов аналитического сопровождения управленческих решений. Автором предложены два раздела диагностики, основанные на использовании качественных и количественных индикаторов оценки и анализа развития регионов. В качестве примера проведены анализ и оценка социально-экономического развития районов Республики Беларусь с помощью ряда статистических и экономических методов. Для базовой оценки социально-экономического развития выбрана методика интегрированной оценки, на период 2015–2022 гг. Автором определены основные методологические проблемы региональной диагностики, применяемой для аналитической деятельности.

Ключевые слова: регион; социально-экономическое развитие; диагностика; Республика Беларусь; оценка; анализ; методика; аналитика.

The article considers the methodological foundations for the diagnosis of socio-economic development of the regions of the Republic of Belarus as one of the tools for analytical support

of management decisions. The author proposes two sections of diagnostics based on the use of qualitative and quantitative indicators for assessing and analyzing the development of regions. As an example, the analysis and assessment of the socio-economic development of the regions of the Republic of Belarus using a number of statistical and economic methods carried out. For the basic assessment of socio-economic development, an integrated assessment methodology selected for the period 2015-2022. In conclusion, the author identifies the main methodological problems of regional diagnostics used for analytical activities.

Keywords: region; socio-economic development; diagnostics; Republic of Belarus; assessment; analysis; methodology; analytics.

В современном мире с каждым днем увеличивается количество информации, с которой приходится работать лицам, принимающим управленческие решения. Рост не просто в разы, а в десятки раз. В условиях постоянной борьбы и конкуренции, экономической нестабильности, внешних ограничений и иных факторов необходимо четко и достаточно оперативно принимать управленческие решения, касающиеся социально-экономического развития страны. Для Республики Беларусь тема аналитического сопровождения деятельности государственной власти актуальна не только для республиканского, но и для регионального уровня.

В настоящий момент в стране отсутствует регламентированная методологическая база подготовки аналитических документов, а также не сформирована научная школа по аналитике. Министерства и ведомства выработали концепции, удобные для реализации своих функциональных задач, местные органы власти готовят аналитические документы под реализацию программы социально-экономического развития и по запросу вышестоящей инстанции. Общих единых правил пока нет. Разработками в данном направлении занимаются представители Белорусского института стратегических исследований – аналитического центра Главы государства, созданного в 2019 г. В анализе мы не будем затрагивать деятельность аналитических центров, обеспечивающих национальную и военную безопасность в силу их секретности и закрытости информации.

Рассмотрим более подробно возможные варианты сбора необходимой фактической информации для подготовки аналитических документов на региональном уровне.

Методология регионального анализа в контексте деятельности аналитика подразумевает междисциплинарный подход с использованием инструментария социологических, экономических, политических наук и статистических методов [1–5].

Рассмотрим более детально методологические основы диагностики регионального развития, которая может стать основой для подготовки аналитических документов.

На первоначальном этапе необходимо понимать, что диагностика регионального развития, которая будет являться основой аналитического документа в дальнейшем, будет представлять собой междисциплинарный

анализ. В качестве одного из вариантов предлагается осуществлять его по следующим четырем блокам:

Блок 1. Анализ социологии.

Блок 2. Анализ социально-экономических показателей.

Блок 3. Анализ нормативных правовых и иных программных документов.

Блок 4. Анализ медиаресурсов.

Таким образом, в качестве более детального представления взаимодействия социологического, статистического, экономического, политологического анализа можно говорить о возможной диагностике в рамках двух блоков.

Первый раздел может быть назван как «Оценка социальной и экономической сферы», который включает четыре больших подраздела.

Раздел 1. Оценка социальной и экономической сферы, который включает:

1.1. Оценку социального самочувствия граждан (фокус-группы, личные опросы, интервьюирование, иные технологии).

1.2. Оценку уровня и качества жизни населения по индикаторам и развитию социальной инфраструктуры (ЖКХ, образование, здравоохранение и т. п.).

1.3. Анализ документов по оценке социально-экономического развития регионов, публикуемых НИЭИ, Институтом экономики НАН Беларуси, Министерством экономики, стратегических документов местных органов власти.

1.4. Мониторинг развития «точек роста» (проблемные вопросы экономики крупнейших предприятий, сферы услуг, бизнеса и т. п.).

В рамках полученных результатов по блоку социально-экономической диагностики у аналитика появится базовая информация в динамике, мониторинг которой может быть использован для выявления проблемных вопросов на уровне региона.

Второй раздел целесообразно назвать «Анализ политической и медийной сферы», который состоит из трех подразделов.

Раздел 2. Анализ политической и медийной сферы, который включает:

2.1. Мониторинг значимых медийных выступлений губернаторов и председателей райисполкомов, представителей местных органов власти.

2.2. Оценку региональных СМИ и выявление медийных трендов.

2.3. Анализ деятельности местных органов власти (с последующим построением рейтинга районов).

Результатом по данному блоку будет являться выявление политических и медийных трендов, оценка общественной ситуации в сфере наиболее актуальных и волнующих СМИ вопросов. Также здесь может быть учтена работа местных органов власти по работе с населением, обращениями граждан и т. п. Итоговым результатом будет построение рейтинга районов, который может быть использован аналитиком как выявление районов, требующих дополнительного изучения той или иной общественно-политической проблемы и принятия управленческого решения по ней.

К примеру, проведем диагностику уровня развития предпринимательства в Беларуси.

В качестве задачи, которую необходимо определить, рассмотрим особенности функционирования микро-, малых и средних организаций на территории Республики Беларусь за 2015–2022 гг. и определим районы, в которых бизнес развивается недостаточными темпами. Рассчитаем среднее значение количества микро-, малых и средних организаций за данный период и сопоставим с численностью занятого населения. Результаты расчетов отражены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты расчета количества микро-, малых и средних организаций на 1000 человек занятого населения (первые 20 и последние 20 мест)

Наименование района, города	Значение показателя за 2015–2022 гг.	Ранг	Наименование района, города	Значение показателя за 2015–2022 гг.	Ранг
Минский	57,18	1	Мостовский	10,69	110
Бобруйский	46,78	2	Речицкий	10,47	111
Смолевичский	42,28	3	Рогачевский	10,45	112
г. Минск	40,58	4	Лоевский	10,45	113
Логойский	39,37	5	Миорский	10,37	114
Могилевский	36,90	6	Климовичский	10,36	115
Дзержинский	34,65	7	Докшицкий	10,32	116
Червенский	34,24	8	Кричевский	10,30	117
Гродненский	32,35	9	Хотимский	10,20	118
Витебский	32,15	10	Верхнедвинский	10,05	119
Узденский	32,12	11	Кормянский	10,04	120
Брестский	31,56	12	Ельский	10,00	121
Воложинский	28,68	13	Брагинский	9,78	122
Молодечненский	27,98	14	Лунинецкий	9,63	123
Пуховичский	26,84	15	Зельвенский	8,83	124
Ветковский	25,62	16	Столинский	8,60	125
Барановичский	25,48	17	Костюковичский	8,07	126
г. Брест	24,12	18	Краснопольский	7,65	127
Гомельский	23,85	19	Мстиславский	7,54	128
Борисовский	23,54	20	Вороновский	7,19	129

Примечание: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета [6].

Как видно из таблицы 1, за семь лет лидерами по количеству микро-, малых и средних организаций являются районы Минской области. Вокруг столицы сформировался центр притяжения трудовых ресурсов, экономический центр Беларуси. В Минском районе количество организаций на 1000 человек занятого населения почти в 8 раз превышает их количество в Вороновском районе Гродненской области. Если же с использованием картографических методов на карте показать топ-10 районов-лидеров и районов-аутсайдеров, то наглядно становится видно, что по количеству субъектов малого предпринимательства (число организаций микро-, малых и средних на 1000 человек занятого населения) лидирует столичный регион, а также районы областных центров Витебска, Гродно и Могилева и Бобруйский район (рис. 1).

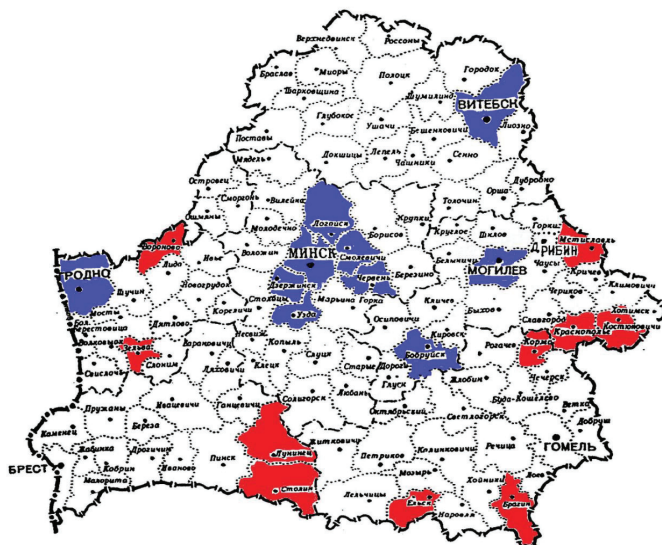

Рис. 1. Число микро-, малых организаций (единиц) на 1000 человек занятого населения (красным цветом отмечены районы-аутсайдеры; синим – районы-лидеры)

Примечание: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета [6].

Среди отстающих районов – районы Могилевской области, Полесья.

Одним из индикаторов выполнения задач социально-экономического развития страны является показатель количества инвестиций в основной капитал. Проанализировав его за 5 лет в разрезе административных районов и городов, можно сделать ряд выводов (таблицы 2–3, рис. 2).

Таблица 2

**Инвестиции в основной капитал на 1 занятого топ-лидеров
и топ-аутсайдеров, тыс. руб./чел. за 2018–2022 гг.**

Ранг	Регион	Значение	Ранг	Регион	Значение
1	Островецкий	115,49	109	Мстиславский	3,92
2	Любанский	32,87	110	Рогачевский	3,85
3	Петриковский	32,56	111	Жлобинский	3,82
4	Смолевичский	23,01	112	Краснопольский	3,81
5	Пуховичский	22,90	113	Россонский	3,64
6	Миорский	21,90	114	Чаусский	3,46
7	Солигорский	18,69	115	Дрибинский	3,25
8	Могилевский	16,75	116	Глусский	3,23
9	Сморгонский	15,39	117	Кричевский	3,12
10	Мозырский	15,27	118	Шарковщинский	2,77

Примечание: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета [6].

Таблица 3

**Инвестиции в основной капитал на 1 занятого, тыс. руб./чел.
за 2018–2022 гг. в разрезе городов**

Ранг	Регион	Значение
1	г. Новополоцк	8,87
2	г. Гродно	6,07
3	г. Минск	5,75
4	г. Брест	5,35
5	г. Пинск	5,04
6	г. Жодино	4,90
7	г. Барановичи	4,77
8	г. Гомель	4,24
9	г. Могилев	4,19
10	г. Витебск	4,08
11	г. Бобруйск	3,23

Примечание: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета [6].

Таблица 4

**Некоторые показатели социально-экономического развития
Мстиславского района за 2015–2022 гг.**

Наименование показателя	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Численность населения, чел.	21 540	20 009	19 583	19 093
Занятое население, тыс. чел.	8,8	7,3	7,3	7,2
Численность детей в учреждениях дошкольного образования, чел.	642	569	534	489
Численность учащихся в дневных учреждениях общего среднего образования, на начало учебного года, чел.	2 460	2 135	2 108	2 039
Численность учителей в дневных учреждениях общего среднего образования, на начало учебного года, чел.	420	338	333	312
Обеспеченность населения практикующими врачами в расчете на 10 тыс. чел.	21,8	24	24,1	22
Отношение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников к среднеобластному уровню (в процентах)	79,8	79,7	79,9	82
Обеспеченность населения жильем (на конец года; квадратных метров общей площади на одного жителя)	38	40,8	41,7	42,4
Число зарегистрированных преступлений (случаев на 10 тыс. чел.)	1 101	945	977	768
Количество юридических лиц, единиц	139	145	147	141
Объем промышленного производства к областному объему промышленного производства (в процентах)	0,8	0,6	0,6	0,7
Индексы производства продукции сельского хозяйства в сельскохозяйственных организациях (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)	88,1	111,8	104,1	92,5
Объем подрядных работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» (в фактически действовавших ценах, млн руб.)	78,8 (млрд руб.)	22,7	6,7	7,9
Ввод в эксплуатацию жилых домов на 1000 человек (тыс. кв. м общей площади)	249	126	110	80
Число построенных квартир по городам и районам (единиц)	72	26	13	11
Розничный товарооборот на душу населения (в фактически действовавших ценах; руб.)	26110,5 (тыс. руб.)	3658,30	4085,90	4760,70

Наименование показателя	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Товaroоборот общественного питания (в фактически действовавших ценах; млн руб.)	16 (млрд руб.)	1,7	1,8	2,3
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг (в фактически действовавших ценах; млн руб.)	1278,8 (млрд руб.)	124,7	149,8	171,5

Примечание: данные Национального статистического комитета [6].

Как видно из таблицы 4, показатели с 2015 по 2022 г. по району ухудшаются. Можно наблюдать сокращение численности населения, социальной инфраструктуры, ввода в эксплуатацию жилья, количества юридических лиц. Среди положительных моментов можно отметить рост выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг, за счет увеличения заработной платы стимулируется рост розничного товарооборота и товарооборота общественного питания, снижение числа правонарушений. Сложности с инвестициями также видны исходя из анализа статистических данных.

Таким образом, проблемная ситуация складывается в Могилевской и Гомельской областях. Некоторые районы Могилевской области, в которых реализуется государственная программа по их развитию, выделяются недостаточной предпринимательской инициативой, которая является драйвером экономики малой территории. Причинами могут быть нежелание населения заниматься бизнесом или развитие ремесленничества, индивидуального предпринимательства, а также недостаточные условия для функционирования частной инициативы и преобладание населения, которое работает в крупных государственных организациях. Также могут сыграть роль и ценностные ориентиры востока-запада Беларуси как уже исторически определенная тенденция по линии «индивидуализм – коллективизм». Некоторые районы, к примеру рассматриваемый Мстиславский, находятся в достаточно сложном положении по динамике ряда показателей социально-экономического развития.

Сложности есть и в южных районах Беларуси. Примечательно, что в число аутсайдеров по количеству юридических лиц попал Столинский район, где традиционно развиваются больше личные подсобные хозяйства и фермерство, что показывает недостаток зарегистрированных юридических лиц.

Как мы видим, диагностика, основанная на количественных методах анализа, может быть использована в дальнейшем для выявления проблем в рамках социально-экономического развития административных районов и поиске вариантов их решения, «подсвечивания» проблемных аспектов. Появились районы, в которых необходимо уделить внимание сфере развития предпринимательства, изучить возможные варианты его влияния на экономику административной единицы и определить перспективные направления действия местных органов власти в данном ключе.

Конечно, нельзя на основе анализа одного индикатора делать выводы и принимать управленческие решения. Для подготовки аналитического документа целесообразно провести комплексный анализ, основанный на рассмотрении значительного числа индикаторов и факторов социально-экономического развития, который будет способствовать итоговому управленческому решению по развитию территории.

В качестве мониторинга для второго раздела можно использовать существующий, но недостаточно эффективно функционирующий портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями Республики Беларусь. Данный портал – способ для граждан высказать свое мнение о качестве обслуживания населения государственными организациями, что способствует повышению качества оказания государственных услуг. Формирующийся на основе этих оценок рейтинг государственных организаций создает дополнительный стимул для улучшения качества работы с населением и способствует развитию открытого диалога правительства и населения. Однако, в настоящий момент, работа портала является достаточно формальной, обратной связи население не дает, оценок мало. Отдельно необходимо разрабатывать методологию анализа СМИ и медийных ресурсов.

Среди основных методологических проблем региональной диагностики для аналитической деятельности можно выделить следующие проблемы, требующие решения:

- отсутствие ряда статистических показателей, рассчитываемых на районном уровне, а также меняющаяся методология расчета некоторых основных индикаторов социально-экономического развития;
- трудоемкость анализа статистических данных;
- недостаточность открытой информации на районном уровне для факторного анализа социально-экономических условий развития районов;
- зачастую репосты региональными СМИ изданий национального уровня и неотражение специфики развития области, не говоря уже об уровне районов;
- формальное функционирование официальных сайтов органов местной власти, когда на основе анализа представленной на них информации, невозможно сделать вывод о выполнении тех или иных прогнозных и программных параметров;
- отсутствие программных документов, отражающих специфические особенности развития административно-территориальной единицы и ряд других.

Важнейшим инструментом экономического прогнозирования для местных органов власти является концепция развития территории и видения жителями и субъектами хозяйствования дальнейшего экономического развития исходя из местных условий.

В заключение отметим, что диагностика регионального развития приводит к появлению в работе аналитика базовой информации, на основе ко-

торой можно готовить аналитические документы для лиц, принимающих управленческие решения. Важной составляющей является наличие компетенций у аналитика, который будет в дальнейшем заниматься подготовкой необходимого документа. Также необходимо признать, что появляется необходимость учета случайно выявленных факторов и многовариантность предложенных управленческих решений.

Список использованных источников

1. *Русак, И. Н.* Оценка уровня конкурентоспособности регионов Республики Беларусь: моногр. / И. Н. Русак. – Минск: Энциклопедикс, 2014. – 170 с.
2. *Фатеев, В. С.* Социальные инновации и их роль в развитии регионов и городов / В. С. Фатеев, Т. Тамошюнас // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т». – Минск: БГЭУ, 2018. – С. 492–493.
3. *Полоник, С. С.* Интегрированная оценка уровня экологического состояния и его влияние на социально-экономическое развитие Республики Беларусь / С. С. Полоник, Э. В. Хоробрых, А. А. Литвинчук // Економічний вісник університету. – 2018. – Вип. 36(1). – С. 94–103.
4. *Гаркавая В. Г.* Региональная экономика: методические рекомендации по изучению учебной дисциплины / В. Г. Гаркавая, И. Н. Русак. – Минск: Четыре четверти, 2017. – 52 с.
5. *Русак, И. Н.* Система регионального управления в Республике Беларусь / И. Н. Русак // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 16. – Минск: Колорград, 2023. – С. 392–398.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 22.02.2024.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

Е. И. Сопёлкина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Sapiolkina

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 332.05

МОНИТОРИНГ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

MONITORING AND ASSESSMENT OF THE ECONOMIC SECURITY OF PARTICIPANTS IN INTERREGIONAL INTEGRATION PROCESSES

В статье раскрываются особенности мониторинга и оценки экономической безопасности участников межрегиональных интеграционных процессов. Внимание акцентируется на необходимости консолидации данных процедур и использовании системы индикаторов экономической безопасности, отражающих эффекты и риски интеграции для участников межрегиональных объединений. Представлены результаты оценки экономической безопасности стран-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: экономическая безопасность; межрегиональная интеграция; мониторинг; оценка; индикаторы.

The article reveals the features of monitoring and assessing of economic security of participants in interregional integration processes. Attention is focused on the need to consolidate these procedures and use a system of economic security indicators reflecting the effects and risks of integration for participants of interregional associations. The results of the assessment of the economic security of the EAEU member states are presented.

Keywords: economic security; interregional integration; monitoring; assessment; indicators.

Динамический характер и многоплановость факторов и условий экономической безопасности участников межрегиональных интеграционных объединений определяют важность получения как оперативной, так и с учетом обозначенных горизонтов анализа информации, позволяющей производить необходимые оценки в контексте стратегического и тактического управления данными процессами.

Решение отмеченных задач обуславливает необходимость консолидации процедур мониторинга и оценки экономической безопасности с учетом различий их содержания и технологий реализации.

Мониторинг позволяет получать с определенной периодичностью информацию об уровне индикаторов экономической безопасности, которая является необходимой, но недостаточной для оценочных процедур. Оценка экономической безопасности имеет целью на основе определенных критериев дифференцировать состояние безопасности участников

межрегиональных интеграционных процессов и определять необходимость и масштабы регулирующих действий.

Оценка экономической безопасности на различных уровнях (национальном, региональном, уровне субъектов хозяйствования) достаточно широко представлена в научных источниках. Применительно к межрегиональным интеграционным образованиям следует отметить фрагментарный характер исследований в данной области.

Предлагаемые в специальной литературе индикаторы для мониторинга экономической безопасности участников интеграционных процессов отличаются разнообразием и вариативностью в зависимости, в том числе, от вида объединения. При этом следует отметить важность разграничения целевых показателей развития интеграционного объединения и индикаторов экономической безопасности.

С нашей точки зрения ключевым при определении целевых значений показателей социально-экономического развития являются интересы конкретного интеграционного объединения в виде количественных ориентиров, отражаемых в программных и плановых документах. Так, например, в Договоре о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) декларируются следующие цели объединения: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики» [1]. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. содержат ряд целевых количественных параметров в виде эффектов для экономики ЕАЭС и необходимых условий их достижения [2].

Можно сделать вывод о том, что вопросы экономической безопасности участников ЕАЭС и ее обеспечение в некоторой степени регулируются в рамках процессов стратегического управления. Однако системное реагирование на возникающие угрозы и риски не получило своего практического решения. Перечень целевых количественных параметров не позволяет осуществлять предметно мониторинг экономической безопасности стран-членов ЕАЭС.

Принципиальное различие целевых показателей социально-экономического развития и индикаторов экономической безопасности связано как с содержательным, так и функциональным аспектами. Показатели социально-экономического развития обозначают необходимый уровень изменений и их результативность для достижения желаемого (целевого) состояния интеграционного объединения. Индикаторы экономической безопасности имеют целью информировать о наличии и уровне вызовов, рисков, угроз для участников интеграционных процессов и обозначать зоны их безопасного функционирования в рамках объединения. Относительно интеграционных объединений имеют место существенные особенности, связанные

с тем, что эффект синергии может иметь положительный характер для участников, а может привести к усилению их конкуренции и ряда рисков.

Применительно к ЕАЭС индикаторы экономической безопасности предлагается объединить в две группы, отражающие соответственно эффекты интеграции и риски интеграции. В свою очередь эффекты интеграции проявляются в виде эффектов конвергенции (выравнивание уровня экономического, социального, институционального развития участников союза) и взаимной торговли (увеличение экспортных, импортных потоков, объемов внешней торговли). Индикаторы рисков интеграции направлены на оценку валютных (возникающих при проведении внешнеторговых, кредитных, валютных операций потерь, обусловленных изменением курса иностранной валюты по отношению к национальной), таможенных (формирующихся в процессе таможенного регулирования внешней торговли), конкурентных (связанных с утратой конкурентных преимуществ, снижением конкурентного потенциала) рисков, а также рисков человеческого капитала (источником которых является изменение количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов) [3]. Разработанная система показателей для детализации эффектов и рисков интеграции представлена в таблице.

Таблица

Индикаторы экономической безопасности стран-участниц ЕАЭС

Показатели	Индикаторы
<i>Эффекты интеграции</i>	
Эффекты конвергенции	Динамика ВВП, %*
	Динамика реального ВВП на душу населения, %
	Динамика (изменение) сальдо текущего счета
	Динамика общего государственного долга, рассчитанного в % к ВВП
	Коэффициент страновой конкурентоспособности (отношение внешнеторгового сальдо к внешнеторговому обороту)
	Динамика коэффициента страновой конкурентоспособности
Эффекты взаимной торговли	Динамика объемов взаимной торговли товарами (услугами) между странами объединения, %
	Доля страны в общем объеме внешней торговли товарами (услугами) объединения, %
	Динамика доли страны в общем объеме внешней торговли товарами (услугами) объединения, %
	Доля страны в совокупном объеме импорта во взаимной торговле товарами (услугами), %
	Динамика доли страны в совокупном объеме импорта во взаимной торговле товарами (услугами), %

Показатели	Индикаторы
	Индекс роли страны в удовлетворении внутреннего спроса за счет импорта, %
	Динамика индекса роли страны в удовлетворении внутреннего спроса за счет импорта, %
<i>Риски интеграции</i>	
Валютный риск	Индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты к иностранным валютам, %
	Динамика золотовалютных резервов страны, рассчитанных, в % к ВВП
Риски человеческого капитала	Уровень безработицы (по критериям МОТ), %
	Сальдо международной миграции на 1000 чел. населения, (‰)
Таможенный риск	Доля таможенных пошлин, в % от общей суммы
	Динамика объема поступления на внутренний рынок фальсифицированной и некачественной продукции, %
Конкурентный риск	Динамика доли страны в ВВП интеграционного объединения, %
	Динамика показателей производительности труда (ВВП на одного занятого, долл./чел.)

Одной из предпосылок эффективного и полноценного осуществления процедур оценки экономической безопасности является обоснование пороговых значений соответствующих индикаторов. По мнению В. К. Сенчагова «Теория безопасности имеет практическое значение, только если она органически включает теорию предельных значений объекта» [4, с. 83].

Анализ научных источников по проблемам оценки и обеспечения экономической безопасности позволяет выделить ряд подходов к обоснованию пороговых значений предлагаемых при этом индикаторов. Каждый из обозначенных подходов имеет свои особенности, ограничения и решает соответствующие задачи.

Наиболее широкое распространение получила идея экспертных оценок как результат исследовательского и практического опыта специалистов в конкретных областях. Близким по содержанию к данному методу является метод аналогий (сравнений), позволяющий обосновать пороговые значения индикаторов на основе анализа ретроспективной информации или успешных зарубежных и национальных практик. Эмпирический подход на основе использования метода ограниченного перебора для обоснования пороговых значений экономической безопасности на отраслевом уровне предлагает В. А. Алферов [5].

Усиление неопределенности и наличие различий в обосновании уровня пороговых оценок индикаторов экономической безопасности, получаемых

на основе экспертных оценок и сравнений, стимулируют развитие математических методов решения данных задач.

Проблема обоснования пороговых значений индикаторов экономической безопасности касательно межрегиональных интеграционных объединений имеет свои сложности в силу наличия, возможно, весьма существенных различий в уровне потенциала и развития входящих в его состав участников. Кроме того, в рамках таких объединений усиливается взаимное влияние и формируются интеграционные риски. Данное обстоятельство не позволяет принять в качестве единого для всех участников объединения порогового уровня индикаторов экономической безопасности. Более приемлемым видится подход, позволяющий выделить участников интеграционного объединения, находящихся в зоне повышенного риска и имеющим более низкие значения эффектов интеграции. В данном контексте возникает необходимость обоснования не критически допустимых, а сигнальных значений индикаторов, позволяющих реализовать дифференцированный подход к участникам интеграционного объединения с позиций оценки состояния их экономической безопасности. Роль таких параметров могут выполнить как значение индикаторов, сложившееся в целом по объединению, так и их среднее (средневзвешенное) значение. Важным аспектом при этом является оценка характера динамики индикаторов экономической безопасности.

С учетом отмеченных позиций ниже представлены результаты оценки индикаторов экономической безопасности стран-участниц ЕАЭС для условий 2022 г. Исключение составляют показатели, отражающие эффекты взаимной торговли и коэффициент страновой конкурентоспособности, оценка значений которых выполнена по исходной информации за 2021 г. Это связано с тем, что начиная с 2022 г. официальная статистическая информация об объемах внешней и взаимной торговли государствами-членами ЕАЭС отнесена к сведениям ограниченного распространения.

Расчет индикаторов экономической безопасности выполнен на основе статистической и оперативной информации, докладов о состоянии взаимной торговли между государствами-членами ЕАЭС Европейской экономической комиссии [6–10].

В целом эффекты конвергенции для стран, входящих в ЕАЭС, имеют положительные характеристики. Вместе с тем можно отметить ряд позиций, требующих более углубленного анализа. При снижении ВВП в целом по ЕАЭС на 1,6 % Российская Федерация и Республика Беларусь демонстрируют более низкую динамику данного показателя (–2,1 %, –4,7 % соответственно). Большую сопоставимость данных обеспечивает анализ ВВП с учетом индекса-дефлятора в расчете на душу населения. При положительной динамике данного показателя по всем странам-членам ЕАЭС наиболее низкие темпы роста данного индикатора отмечаются в Казахстане (103,3 %), что ниже значения данного показателя в целом по ЕАЭС (125,2 %). Анализ динамики сальдо текущего счета позволяет сделать вывод о том, что практически все страны демонстрируют положительные сдвиги. В зоне повы-

шенного риска находится Кыргызстан, произошло увеличение дефицита текущего счета в 34 раза. В целом по ЕАЭС и всем странам наблюдается снижение величины государственного долга в процентах к ВВП. Вместе с тем следует отметить замедление динамики данного показателя по всем странам за исключением Армении.

Одним из наиболее уязвимых индикаторов экономической безопасности стран-участниц ЕАЭС является коэффициент страновой конкурентоспособности как результат равновесия внешнеэкономических связей во взаимной торговле. Страны, за исключением России, имеют отрицательное значение данного показателя и соответственно отрицательное сальдо по результатам взаимной торговли по результатам 2021 г. Наименее низкий уровень конкурентоспособности во взаимной торговле демонстрирует Кыргызстан, отрицательное сальдо составляет более 50 % оборота по взаимной торговле.

Данные о взаимной торговле (за 2021 г.) между странами-партнерами по ЕАЭС позволяют сделать вывод о положительных эффектах внешней торговли. В целом ЕАЭС и все страны демонстрируют положительную динамику объемов взаимной торговли. Незначительное отставание по сравнению с общим показателем и снижение динамики доли страны в общем объеме внешней торговли товарами объединения наблюдается по Армении и Республике Беларусь. Незначительные доли во взаимной торговле Кыргызстана (1,1 %) и Армении (1,2 %) предполагают оценку потенциальных резервов повышения активности во взаимной торговле данных государств. Присутствие Армении в обеспечении совокупного импорта объединения составляет только 2,9 %, риски формирует и отрицательная динамика данного показателя. В зону повышенного внимания попадает и изменение доли Казахстана в совокупном объеме импорта во взаимной торговле товарами (снижение на 5,9 %).

Наиболее зависимыми от импорта из ЕАЭС являются Беларусь и Кыргызстан. Высокие темпы роста данной зависимости демонстрирует Армения (в 1,5 раза), Беларусь (в 1,3 раза).

Индикаторы валютных рисков по интеграционному объединению имеют разнонаправленный характер. Увеличение индекса реального эффективного обменного курса по отношению к корзине валют наблюдается по Армении (186,3 %), Кыргызстану (122,5,0 %), России (103,9 %). Уязвимость позиции в данном случае определяется тем, что при прочих равных условиях национальные производители испытывают менее благоприятные условия на внутреннем и внешнем рынках. Отрицательная динамика золотовалютных резервов страны в процентах к ВВП имеет место по Российской Федерации (сокращение на 35,3 %), Кыргызстану (снижение на 29,2 %), Казахстану (снижение на 24,3 %) (рассчитано по данным [11, 12]).

Наиболее высокие риски человеческого капитала отмечаются в Армении: уровень безработицы составляет 13,0 %, что более чем в три раза превышает среднее значение данного показателя по ЕАЭС. Отрицательное сальдо международной миграции имеет Казахстан.

При оценке таможенных рисков следует отметить невысокие доли Армении (1,1 %) и Кыргызстана (1,9 %) в общей сумме таможенных пошлин [13]. Положительным является снижение по данным Международного форума «Антиконтрафакт» в 2 раза объема поступления на внутренний рынок ЕАЭС фальсифицированной и некачественной продукции [14].

Принятые нами для оценки конкурентного риска индикаторы имеют обобщающий характер. В зоне повышенного риска по индикатору «динамика доли страны в ВВП интеграционного объединения» находятся Республика Беларусь и Казахстан (снижение на 25,2 % и 8,6 % соответственно). Все страны-участницы, по которым имеется информация, демонстрируют положительную динамику производительности труда.

Таким образом, мониторинг и оценка индикаторов экономической безопасности участников межрегионального интеграционного образования на примере ЕАЭС позволяет выявить зоны повышенного риска, сигнализировать о наличии диспропорций и решать важнейшую задачу – обеспечение их взаимовыгодного и сбалансированного развития.

Список использованных источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астана 29.05.2014] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2024.
2. Стратегия-2025. Вектор развития ЕАЭС на ближайшую перспективу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d3b/prezentatsiya_t6.pdf. – Дата доступа: 21.02.2024.
3. Сапёлкина, Е. И. Индикация экономической безопасности страны в условиях межрегиональной интеграции / Е. И. Сапёлкина // Новая экономика. – 2023. – № 1(81). – С. 144–148.
4. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.
5. Алферов, В. А. Определение пороговых значений показателей экономической безопасности методом ограниченного перебора (на примере строительной отрасли) [Электронный ресурс] / В. А. Алферов. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/324/73283/>. – Дата доступа: 15.02.2024.
6. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd4/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf. – Дата доступа: 23.02.2024.
7. О платежных балансах в Евразийском экономическом союзе в 2022 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/606/express_bp_4Q2022.pdf. – Дата доступа: 23.02.2024.
8. Доклад о состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf. – Дата доступа: 29.05.2023.

9. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/upload/iblock/ff7/ff71b170169bdecf18dfbf21919e5dbb.pdf>. – Дата доступа: 18.05.2023.

10. Доклад о состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7d/Report_2020.pdf. – Дата доступа: 30.05.2023.

11. TheGlobalEconomy.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.theglobaleconomy.com>. – Дата доступа: 12.02.2024.

12. Соотношение международных резервов и ВВП по странам на 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by>. – Дата доступа: 30.05.2023.

13. Страны, входящие в Евразийский экономический союз в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://visasam.ru/emigration/economy/strany-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza.html>. – Дата доступа: 18.02.2024.

14. Вдвое снизились объемы контрафакта в ЕАЭС за 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20231006/vdvoe-snizilis-obemy-kontrafakta-v-eaes-za-2022-god--39100586.html>. – Дата доступа: 20.02.2024.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

Ю. В. Семашко, Н. Г. Аснович

Белорусский национальный технический университет, Минск

Y. Semashko, N. Asnovich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 332.1

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ РЕГИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА

MODELS OF INTERACTION OF PARTICIPANTS REGIONAL CLUSTER

В статье рассматриваются концептуальные подходы взаимодействия участников регионального кластера, целью которого является повышение инновационного развития региона за счет координации совместных усилий бизнеса, науки и государства.

Ключевые слова: кластер; региональный кластер; кластерно-сетевая структура; сетевое взаимодействие; инновационное развитие.

The article discusses conceptual approaches to interaction between participants in a regional cluster, the goal of which is to increase the innovative development of the region through coordinating the joint efforts of business, science and the state.

Keywords: cluster; regional cluster; cluster-network structure; networking; innovative development.

Поиск стратегии, способной развить и усилить инновационный потенциал страны, стал отправной точкой аналитического интереса, связанного с выбором направления региональной экономической политики, результатом реализации которой станет взаимовыгодное сотрудничество инвесторов, государства и бизнеса, и, как следствие, рост привлекательности региона.

Обострение экономического соперничества на внутренних и внешних рынках в конце XX – начале XXI в., изменило основополагающие принципы формирования стратегий регионального развития, поставив экономические инновации в рейтинге факторов конкурентоспособности на первое место. В результате крупномасштабные вертикально-интегрированные корпорации и холдинги уступили место кластерно-сетевым структурам с новой системой управления и характером внутренних связей, определившими координацию общих усилий и согласование экономических интересов главными принципами сотрудничества.

Методологическая база, лежащая в основе системы регионального управления, должна иметь теоретическое обоснование, в качестве которого зачастую используется одна из теорий регионального развития. Среди достаточного количества экономических концепций особого внимания заслуживает кластерный принцип взаимодействия, упоминание о котором присутствует в работе А. Маршалла «Принципы экономической науки», отмечавшего, что «географическая концентрация профессионалов в одной или близких видах деятельности способствует ускорению появления, распространения и практической реализации новых идей» [1].

Обоснованным можно считать суждение М. Портера, который в своем труде «Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран», определил, что «формирование кластера позволяет национальной отрасли поддерживать и развивать свое конкурентное преимущество, а не отдавать его тем странам, которые более склонны к обновлению. Таким образом предприятия кластера играют не только роль точек роста внутреннего рынка, но и базы выхода на рынки других стран» [2].

Современная парадигма региональной кластеризации заключается в объединении разрозненных географически соседствующих компаний в сетевые структуры, включающие комплементарные, по отношению к ним, организации в конкретных областях экономики. Взаимодействие предприятий, концентрирующих свои усилия вокруг научно-образовательного центра, имеющего прямые вертикальные связи с государственными органами управления, дает толчок к росту инновационной активности, генератором которой является наука, и стимулирует спрос бизнеса и государства, выступающих в роли инвесторов и потребителей инноваций. Симбиоз деловых, научных и государственных интересов становится драйвером регионально-

го развития и гарантом внешнего и внутреннего конкурентного превосходства участников сетевой структуры.

Научные исследования, касающиеся взаимодействия субъектов кластера, встречаются у европейских, американских и российских авторов. Наиболее известными считаются работы К. Кетельса, Е. Куценко и А. Маркусен. Так, президент TCI (глобальная сеть практикующих участников кластеров) Кетельс, в своей работе «От кластеров к кластерно ориентированному экономическому развитию» связывает успех развития кластерных территорий с качеством сотрудничества участников, создающих добавленную стоимость. Кетельс считает, что «кластеры возникают естественным образом в местах, где есть «связанное разнообразие» агентов экономической деятельности и необходимых для нее ресурсов и компонентов». Важным фактором является «сотрудничество и соперничество»: участники кластера находятся между собой не только в отношениях кооперации, но и жесткой конкуренции – за людей, таланты, заказчиков» [3].

Мнение Кетельса совпадает с позицией Е. Куценко – директора Центра «Российская кластерная обсерватория» ИСИЭЗ, отметившего в своем исследовании «Рациональная кластерная стратегия: маневрируя между провалами рынка и государства», что «кластерные инициативы с большей вероятностью возникают в тех регионах, где их поддерживает государство» [1].

Мировой опыт региональной кластеризации позволяет выделить два типа кооперации участников кластера.

Соблюдение интересов всех членов объединения является целью реализации первого варианта взаимодействия. Данный подход не предполагает создания отдельного юридического лица, координирующего действия контрагентов. Ритмичность действий достигается за счет проведения регулярных информационно-образовательных мероприятий, организуемых ими на добровольных началах. Постоянная и целенаправленная коммуникация между акторами, не оказывающими влияния на внутреннюю организацию и экономическое положение субъектов кооперации, многократно усиливает координирующий эффект, а свободный доступ к информации позволяет выбрать оптимальный вариант «материального» сотрудничества и улучшить адаптацию предприятий за счет расширения сетевых структур и их интеграции со смежными и обеспечивающими отраслями.

Наиболее действенными методами в данном случае являются:

- использование интернет-ресурсов. Успешные примеры рыночного продвижения кластеров разных типов подтверждают наличие положительного эффекта, возникающего от маркетингового сопровождения их деятельности. Результативным маркетинговым решением можно считать использование технологии direct-маркетинга химическим кластером Переславского технопарка. Захватывая Индийский рынок, кластер привлек к сотрудничеству крупную индийскую компанию, создав на ее базе call-центр, благодаря которому он получил около 5000 компаний – индийских резидентов, потенциально готовых сотрудничать с российским рынком;

- обучение, проведение образовательных семинаров и тренингов. Достаточно хорошо себя зарекомендовал центр обучения и подготовки специалистов в сфере промышленной фармации, организованный Обнинским институтом атомной энергетики. Используя систему дуального обучения, центр может быстро и качественно подготовить 250 человек – будущих работников Калужского кластера фармацевтики, биотехнологий и биомедицины. Помимо этого, в институте осуществляется повышение квалификации и переподготовка специалистов в сфере атомных и смежных технологий;

- организация деятельности контактно-кооперационных бирж, являющихся площадкой для установления прямых связей между представителями науки и бизнеса как внутри кластера, так и за его пределами; проведение выставок и ярмарок, целью которых является вовлечение малого и среднего бизнеса в кооперационные цепочки при производстве продукции крупными предприятиями.

Второй подход организации внутреннего взаимодействия в кластере отличается достаточно сильной интеграцией его участников, деятельность которых координируется отдельным субъектом (юридическим лицом), участвующим в создании перечня правил, согласующих поведение контрагентов. В качестве примера можно использовать историю создания кластера – лидера Канады в области биотехнологий, выращенного на базе лишь одного университета Саскачевана.

Оценивая механизмы взаимодействия в кластерах, можно сделать вывод о наличии горизонтальных одноуровневых связей между его членами, в основе которых лежит согласование общих интересов, строящееся на равенстве голосов при принятии решений. При этом кластер не преследует цель изменить взаимоотношения, сложившиеся в цепочке создания добавленной стоимости, а предлагает использовать уже имеющиеся форматы производственной деятельности, с учетом своих специфических правил функционирования.

Еще одним условием эффективного взаимодействия в кластере считается добровольный характер участия в его деятельности. Отсутствие привязки организаций-участников к определенному кластерному образованию расширяет возможности их присутствия на региональном рынке, подтверждая тем самым самостоятельность и независимость членов кластера. Например, немецкий бренд «CLAAS», занимающийся сельскохозяйственным машиностроением, одновременно входит в состав двух кластеров: по автомобиль- и машиностроению и по биоэнергетике. Также существуют предприятия или научно-исследовательские учреждения, которые вообще могут не являться участниками кластера.

Организационная структура кластера, не имея постоянных составляющих, может быть представлена в виде концептуальной схемы, включающей следующие элементы:

- блок стратегического управления, куда входят наблюдательный совет и общее собрание участников кластера;

- блок оперативного реагирования (кластерный менеджмент) – управляющая группа, действующая на постоянной основе. Данный орган отвечает за устранение барьеров как в межличностных коммуникациях между бизнесом и научной сферой, бизнесом и государством, бизнесом и бизнесом, так и во внешней среде на уровне взаимоотношений кластеров друг с другом или с игроками глобального рынка;

- консультативный орган, в роли которого может выступать экспертный совет или иной совет, принимающий решения по определенному направлению деятельности (инновационный, внешнеэкономический и т. д.);

- институты поддержки и развития кластера, куда могут входить государственные и местные органы власти, ассоциации, банки и фонды, общественные и сервисные организации, осуществляющие консультационную поддержку и оперативную помощь по формированию и реализации кластерных инициатив и укрепляющие тем самым экономическое сотрудничество между потенциальными партнерами в регионе.

Триумвират бизнеса, государства и науки, несомненно, усиливает эффект, получаемый регионом от использования инновационных и материальных ресурсов, однако следует помнить, что величина данного эффекта будет напрямую зависеть от качества взаимодействия участников кластера. Главная роль по обеспечению конструктивного диалога, поддержке науки и предпринимательства отводится государству, которое не должно пользоваться исключительно традиционными методами. Подход к кластеризации в эпоху глобализации предполагает использование современных инструментов устойчивого регионального развития, к которым следует отнести:

- дифференциацию конкурентных преимуществ кластеров за счет их вхождения в глобальные цепочки создания добавленной стоимости;

- разработку перспективных проектов, усиливающих конкурентные преимущества субъектов кластера;

- клонирование механизмов кластерного самоуправления в масштабах всего региона;

- внедрение кластерного подхода в региональную, инновационную и промышленную политику.

Выбор направления совместной деятельности в кластере зависит от того этапа, на котором находится его формирование. На первом этапе инициатор, организующий кластерную структуру, предлагает несколько потенциальных вариантов взаимодействия, исходя из своих личных предпочтений и ключевых компетенций, требующих последующего уточнения и согласования с блоком стратегического управления. На втором этапе, после появления в кластере новых контрагентов, объявляется кластерная инициатива и происходит корректировка вектора совместной деятельности.

При принятии общих решений экономические субъекты могут взаимодействовать на двух основных уровнях: внутреннем и внешнем.

Основой внутреннего взаимодействия является обеспечение деятельности кластера как самодостаточной хозяйственной системы. Процесс взаи-

модействия имеет постоянный (рутинный) характер, а для его протекания требуется наличие штатного персонала.

Внутреннее сотрудничество проявляется через выполнение определенных функций, как правило, связанных с внутренней средой кластера. К ним следует отнести:

- разработку региональной стратегии развития кластера и координацию деятельности его субъектов;
- лоббирование общих интересов членов кластера на государственных платформах, в отношениях с партнерами и подобными структурами;
- позиционирование бренда через создание интернет – ресурса кластера;
- популяризацию кластеризации и привлечение новых участников в уже существующее объединение;
- формирование инфраструктуры кластерного развития;
- создание корпоративной культуры кластера для снижения текучести кадров и привлечения нового квалифицированного персонала.

В отличие от внутреннего взаимодействия внешняя совместная деятельность реализуется посредством проведения регулярных мероприятий по важным для большинства акторов вопросам, связанным с деятельностью, выходящей за рамки кластера. Организация мероприятий проводится сторонними исполнителями, однако в редких случаях может осуществляться собственным персоналом кластерного объединения.

Внешнее взаимодействие в кластере включает следующие специфические составляющие:

- организацию совместных рекламных акций и проведение общих маркетинговых исследований;
- участие в выставочно-ярмарочной деятельности;
- корпоративное обучение персонала;
- выполнение совместных НИОКР и реализацию инноваций;
- осуществление совместных инвестиционных проектов по созданию инфраструктурных объектов.

Выгода, получаемая участниками кластерной структуры от сотрудничества, может быть представлена как экономия на издержках производства при наличии положительной отдачи от масштаба производства. Данная экономия может стать фактором роста уровня конкурентоспособности большинства субъектов кластера, что, в целом, положительно скажется и на развитии всего региона.

Если положительный эффект, получаемый от взаимодействия в кластере, напрямую зависит от цели, сформулированной при его формировании, то выбор направления совместной деятельности в определенной степени связан с организационной формой самого кластера.

Анализируя мировой опыт кластеризации, можно сделать вывод, что крупные «зрелые» кластеры стремятся развиваться как самостоятельные территориально-хозяйственные структуры, требующие всесторонней государственной поддержки. Новые кластеры или кластеры, в которых доста-

точно высок удельный вес представителей малого бизнеса, стремятся повысить эффективность кооперации и получить дополнительные конкурентные преимущества для всех своих участников.

Оценивая потенциальные варианты взаимодействия экономических субъектов в кластере, необходимо помнить, что с одной стороны, государство как инвестор заинтересовано в том, чтобы за короткий промежуток времени получить инновационные и высокотехнологичные структуры, действующие с максимальной отдачей. С другой стороны, оно должно избежать ошибки неэффективного распределения ресурсов, поддерживая бесполезные «кластерные программы». Таким образом можно утверждать, что главной задачей местных органов управления должно стать формирование системы отношений, взаимовыгодной для всех членов кластера.

Энрайт, исследовавший более чем 160 кластерных объединений, выделяет четыре основных варианта взаимодействия государства и участников кластера. К первому варианту относится поддерживающая кластерная политика, строящаяся на тесном партнерстве региональных органов управления, бизнеса и научной сферы. Стимулом развития таких кластерных формирований являются государственные инвестиции в региональную инфраструктуру, образование и маркетинг территорий. Второй вариант взаимодействия реализуется посредством реализации каталитической кластерной политики, на долю которой приходится до 20 % случаев. Сотрудничество осуществляется через установление и поддержание контактов между участниками кластера, а вмешательство государства ограничивается финансовой поддержкой проектов, отбор которых производится на конкурсной основе и отвечает заранее определенным требованиям. Директивная региональная политика, реализуемая в 5 % случаев, может рассматриваться как третий вариант взаимоотношений, в основном протекающих в рамках специальных программ развития, направленных на трансформацию специализации региона. Реже всего встречается интервенционистская политика, совмещающая директивные методы регулирования (контроль и установление лимитов) с постоянными финансовыми вливаниями (государственное субсидирование). Региональная власть в данном случае, используя метод «кнута и пряника», получает возможность не только контролировать процесс кластеризации, но и определять его дальнейший онтогенез.

Целью государственного регулирования кластеризации в Беларуси является создание сети инновационно-промышленных предприятий на основе самоорганизации субъектов малого и среднего бизнеса. Государство содействует формированию фармацевтических, биомедицинских кластеров в Витебской области, кластеризации «зеленой» экономики в Горецком районе, энергосбережения и «зеленой» экономики в Минском районе, нефтехимическому кластеру в Новополоцке и приборостроению в Минске. Региональное управление кластерными процессами реализуется через системную государственную поддержку взаимодействия инновационных белорусских предприятий, организаций НАН Беларуси, ведущих высших учебных за-

ведений Республики. Государственное содействие, прежде всего, направлено на развитие научного потенциала, диффузное расширение инноваций и обеспечение благоприятного бизнес-климата. При таких характеристиках рекомендуется использовать поддерживающую модель кластеризации, обеспечивающую условия для формирования кластера в краткосрочной перспективе и его развития в будущем.

Список использованных источников

1. *Куценко, Е. С.* Рациональная кластерная стратегия: маневрируя между провалами рынка и государства / Е. С. Куценко // Форсайт. – 2012. – № 3. – С. 6–15.
2. *Бейзеров, В. А.* Кластерный подход к развитию образовательных систем как способ повышения конкурентоспособности образования стран и регионов / В. А. Бейзеров // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2015. – № 5 (92). – С. 10–14.
3. *Кетелс, К.* Кластерный подход: почему одни регионы успешнее других // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2020. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/expertise/341444086.html>. – Дата доступа: 11.04.2024.
4. *Буянова, М. Э.* Оценка эффективности создания региональных инновационных кластеров / М. Э. Буянова, Л. В. Дмитриева // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол. – 2012. – № 2 (21). – С. 54–62.
5. *Сенюк, Н. Ю.* Возможности и механизмы инновационно-инвестиционного сотрудничества России и КНР в эпоху глобализации / Н. Ю. Сенюк // Качество. Инновации. Образование. – 2007. – № 4 (23). – С. 37–47.
6. *Семашко, Ю. В.* Модели взаимодействия государства и участников кластера / Ю. В. Семашко, Н. Г. Аснович // Управленческие технологии и приоритеты социально-экономического развития регионов: сборник научных трудов по итогам проведения круглого стола / под ред. Радько С. Г. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2023. – С. 139–144.
7. *Ускова, Т. В.* Развитие региональных кластерных систем / Т. В. Ускова // Региональная экономика. – 2008. – № 1 (1). – С. 92–104.
8. Руководящие принципы создания и организации кластеров в Республике Беларусь / Т. П. Быкова [и др.]. – Минск: Колорград, 2018. – 96 с.
9. Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика: Кол. Монография / под ред. Ю. С. Артамоновой, Б. Б. Хрусталева. – Пенза: ПГУАС, 2012. – 264 с.
10. Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности [Текст] / В. Л. Абашкин [и др.]; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 324 с.

(Дата подачи: 12.02.2024 г.)

С. Л. Флерко, Н. Е. Свирейко

Белорусский государственный экономический университет, Минск

S. L. Fliarko, N. E. Svireika

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 339.54:339.172

БИРЖЕВАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

STOCK EXCHANGE TRADING AS A TOOL TO STIMULATE FOREIGN TRADE ACTIVITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассмотрено значение Белорусской универсальной товарной биржи как эффективного инструмента внешнеторговой деятельности, который, несмотря на сохраняющееся негативное влияние внешних факторов, позволяет переориентировать экспортные потоки на альтернативные рынки. Представлены положительная динамика работы биржи, но вместе с тем отмечено, что отечественные товаропроизводители недостаточно эффективно используют электронную торговую площадку биржи для продвижения отечественной продукции.

Ключевые слова: товарная биржа; внешняя торговля; торговая площадка; товаропроизводители.

The article discusses the importance of the Belarusian Universal Commodity Exchange as an effective instrument of foreign trade activity, which, despite the continuing negative influence of external factors, allows for the reorientation of export flows to alternative markets. The positive dynamics of the exchange's work are presented, but at the same time it is noted that domestic commodity producers do not effectively use the exchange's electronic trading platform to promote domestic products.

Keywords: commodity exchange; foreign trade; trading platform; commodity producers.

Основу экономического и социального благополучия государства наряду с другими компонентами составляет экспорт. Для Республики Беларусь как страны с малой открытой экономикой, активно участвующей в деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и имеющей значительный удельный вес товарной продукции в совокупном экспорте, выработка действенных и высокоэффективных инструментов стимулирования товарного экспорта является актуальной задачей [1].

По итогам работы за 2023 г. внешнеторговый оборот товаров Республики Беларусь составил 83 424,5 млн долл. США, в том числе экспорт – 40 168,2, импорт – 43 256,3 млн долл. США. К уровню 2022 г. в текущих ценах оборот внешней торговли товарами составил 108,6 %, экспорт – 104,7 %, импорт – 112,4 % [2] (см. таблицу).

Таблица

Внешняя торговля товарами и услугами Республики Беларусь за 2022–2023 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2022 г., %
Внешнеторговый оборот товаров и услуг	89 166,8	95 259,4	106,8
Экспорт товаров и услуг	46 877,6	47 870,0	102,1
Импорт товаров и услуг	42 289,2	47 389,3	112,1
Сальдо внешней торговли товарами и услугами	4 588,4	480,7	10,5
Внешнеторговый оборот товаров	74 903,1	81 088,7	108,3
Экспорт товаров	37 644,1	39 366,2	104,6
Импорт товаров	37 259,0	41 722,5	112,0
Сальдо внешней торговли товарами	385,1	–2 356,3	–
Внешнеторговый оборот услуг	14 263,7	14 170,7	99,3
Экспорт услуг	9 233,5	8 503,8	92,1
Импорт услуг	5 030,2	5 666,8	112,7
Сальдо внешней торговли услугами	4 203,3	2 837,0	67,5

Источник: [3].

В 2023 г. сальдо внешней торговли товарами и услугами Беларуси сложилось положительным в размере 480,7 млн долл. США. Внешнеторговый оборот увеличился на 6,8 % по сравнению с прошлым годом. В целом за 2023 г. сальдо внешней торговли товарами составило минус 2,4 млрд долл. США при импорте товаров в размере 41,7 млрд долл. США, экспорте товаров – 39,4 млрд долл. США. В декабре 2023 г. оно сложилось отрицательным в размере 532,5 млн долл. США, сократившись по сравнению с декабрем 2022 г. на 13,7 %.

Анализируя показатели внешнеторговой деятельности Республики Беларусь, отметим, что 61,7 % объема торговли товарами приходится на страны СНГ. Товарооборот с этими странами за год возрос на 3,1 %. Экспорт увеличился на 4,1 %, а импорт – на 2,1 %. Второй год отмечается положительное внешнеторговое сальдо, которое увеличилось с 2,3 до 2,9 млрд долл. США.

С государствами, не входящими в СНГ, объем торговли увеличился на 18,7 %, что обусловлено ростом импорта. За год он стал выше на 29,3 %. Экспорт в данные государства увеличился на 6 %. Отрицательное внешнеторговое сальдо с государствами, не входящими в СНГ, выросло с 2,4 до 5,9 млрд долл. США.

Несмотря на положительную динамику экспорта, белорусским производителям следует более активно использовать современные способы продвижения продукции на экспорт. Сегодня белорусские производители недостаточно активно используют инструменты электронной коммерции. В этой

связи стоит рассмотреть роль биржи как эффективного метода продвижения продукции на зарубежные рынки.

В условиях конкуренции биржа реально поддерживает малое и среднее предпринимательство. В частности, электронная площадка промышленных и потребительских товаров и платформа импортозамещения создавались в первую очередь для этих субъектов хозяйствования.

В условиях санкционного давления биржевая торговля может способствовать расширению взаимодействия экономик стран ЕАЭС. В частности, ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» (БУТБ) может выступать в роли связующей площадки, благодаря которой участники из стран ЕАЭС будут приобретать готовую продукцию непосредственно у производителей, минуя посреднические структуры, а также продавать свою продукцию по сложившимся конкурентным ценам. Несомненно, это будет благоприятствовать созданию общего товарно-сырьевого рынка и свободному движению товаров и капитала.

ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» – единственная товарная биржа в Республике Беларусь и крупнейшая спотовая биржа Восточной Европы. Среднегодовой товарооборот составляет 4 млрд долл. США. Клиентами биржи являются более 31 000 компаний, при этом география участников представлена из 71 страны. На бирже представлена широкая номенклатура товаров.

БУТБ осуществляет торги через Интернет с применением электронной цифровой подписи (ЭЦП). Торговать на бирже можно двумя способами:

- самостоятельно (необходимо аккредитоваться и получить ЭЦП);
- через биржевого брокера – профессионального участника, оказывающего посреднические услуги по совершению биржевых сделок.

С биржей сотрудничают порядка 60 брокеров, в том числе зарубежные. Все допущенные к торгам товары разделены на 6 групп:

1. Металлопродукция – черные металлы, лом и отходы черных металлов, цветные металлы, лом и отходы цветных металлов, кабельно-проводниковая продукция, кокс, уголь и т. д.

2. Лесопродукция – лесоматериалы круглые, пиломатериалы, древесные плиты, фанера, бумага, картон, топливные брикеты и гранулы, щепы, услуги в сфере лесного хозяйства и т. д.

3. Сельхозпродукция – молочная продукция, шрот масличных, рапсовое масло, свекловичный жом и меласса, кормовые добавки, средства защиты растений, ветпрепараты, плодоовощная продукция, бакалея и т. д.

4. Промышленные и потребительские товары.

5. Нефтепродукты – продукция нефтехимической и химической отраслей.

6. Стройматериалы, смазочные вещества и полимеры.

Тысячи организаций как в Республике Беларусь, так и за ее пределами регулярно используют площадку БУТБ в коммерческой деятельности. Благодаря бирже субъекты хозяйствования экономят значительную сумму

средств на проведении закупочных мероприятиях, открывают новые рынки сбыта, расширяют круг деловых партнеров. Осуществляя торги на биржевой площадке, предприятия практически сводят к минимуму риск непоставки товара или неполучения платежа за отгруженную продукцию, поскольку:

- к торгам допускаются только проверенные организации с безупречной деловой репутацией;

- участники торгов могут дополнительно застраховать себя от нарушений договорных обязательств со стороны контрагента, используя субсчета биржи для взаиморасчетов. В этом случае продавец получает оплату только после подтверждения приемки товара покупателем;

- на бирже имеется управление сопровождения биржевых сделок, которое помогает решать большинство конфликтных ситуаций в досудебном порядке;

- при возникновении разногласий, которые невозможно урегулировать мирным путем, участники торгов могут обратиться в действующую на бирже Арбитражную комиссию. Она имеет статус экономического суда и оперативно выносит решения по всем спорным вопросам.

К одному из главных преимуществ на бирже можно отнести бесплатный и удаленный доступ клиентов к биржевым торгам. Кроме того, в лице биржи организации получают надежного помощника, который контролирует исполнение биржевых контрактов, проверяет новых контрагентов, предлагает на безвозмездной основе биржевые субсчета для взаиморасчетов. Несомненным преимуществом является наличие обширной клиентской базы покупателей в разных странах и разветвленной сети брокеров, что способствует продвижению продукции на внешние рынки.

В настоящее время на торгах БУТБ представлено максимальное количество товарных позиций, востребованных на рынках стран – участниц ЕАЭС, и совершаемые биржевые сделки способствуют углублению экономического взаимодействия между государствами Союза. Для создания единых рынков стоит рассматривать в качестве стратегического не только рынок энергоносителей, но и рынки лесоматериалов, сельхозпродукции и прочих товаров.

Под влиянием внешних факторов, в первую очередь санкционного давления, вектор биржевой торговли изменился. Если раньше почти 80 % биржевого экспорта приходилось на страны Балтии и Западной Европы, то сегодня на передний план выходят государства ЕАЭС, Азии и Ближнего Востока, а их удельный вес в биржевом товарообороте динамично растет. В этом контексте одну из ведущих ролей могут сыграть рынки Центральной Азии и Закавказья.

В Центрально-Азиатском регионе наиболее плодотворно развивается сотрудничество с Казахстаном. На бирже аккредитованы 109 компаний, сумма сделок за 2022 г. составила 6,1 млн долл. США. Через биржу в эту страну поставляются сахар, мясопродукция, дубленый полуфабрикат «ветблю» и пиломатериалы. Кыргызстан представлен на торгах 17 компаниями.

В прошлом году они наторговали на 1,8 млн долл. США, продавая Беларуси стальной прокат и покупая свекловичный сахар [5].

Биржевая торговля между Узбекистаном и Беларусью развивается ускоренными темпами. За прошлый год сумма сделок, заключенных узбекскими компаниями на Белорусской универсальной товарной бирже, возросла в 29 раз. В биржевых торгах участвуют около 51 компании из Узбекистана, товарооборот достиг 1,1 млн долл. США. Белорусские предприятия поставляют в Узбекистан продовольственные товары (36,7 %), древесину и изделия из нее (18,6 %), транспортные средства (тракторы, грузовые и специальные автомобили) и их комплектующие (14,6 %), фармацевтическую продукцию (4,3 %). В мае 2023 г. на БУТБ зарегистрирована первая сделка по реализации сахара в Узбекистан. Покупателем выступила брокерская компания, аккредитованная на БУТБ и на Узбекской республиканской товарно-сырьевой бирже. Объем закупки составил 134 т [4].

С Туркменистаном, где аккредитованы 14 компаний, налажено взаимодействие по поставкам пилопродукции. Реализована пробная партия пиломатериалов стоимостью 65 тыс. долл. США.

Азербайджан представлен на биржевых торгах 47 компаниями, преимущественно это покупатели пиломатериалов. По итогам 2022 г. сумма сделок составила 10 млн долл. США, однако далее планируется выйти на более высокие показатели продаж.

По Армении и Грузии статистика не такая впечатляющая, но ведь это только начало: 18 компаний и 3,2 млн долл. США в Армении и 32 компании и 1,4 млн долл. США в Грузии [5].

Значительная доля биржевого экспорта приходится на Российскую Федерацию – главного торгового партнера Республики Беларусь. Существенно увеличились продажи пиломатериалов, мясомолочной продукции, кожевенных изделий, строительных материалов и других товаров. По некоторым позициям суммы сделок выросли в разы, а биржевым механизмом воспользовались предприятия более чем из 30 субъектов России.

Помимо активизации сотрудничества с регионами России, была проделана работа по привлечению на торги предприятий из стран Азии и Закавказья. Основное внимание уделялось Азербайджану, Китаю, Казахстану, Кыргызстану, Сингапуру и Узбекистану, где спрос на товары белорусского производства традиционно высокий. Как результат, Китай, Азербайджан и Сингапур сегодня являются крупнейшими покупателями продукции деревообработки на биржевых торгах. Соответственно в Казахстан поставляются говядина и кожа «вет-блю», в Кыргызстан – сахар, в Узбекистан – нефтепродукты. Причем все это не разовые сделки, а регулярные закупки на миллионы долларов США.

С целью повышения привлекательности биржевого механизма для турецких компаний БУТБ ввела упрощенную процедуру аккредитации для резидентов этой страны. Имеется договоренность со Стамбульской товарной биржей (İSTİB) об объединении усилий с целью наращивания объемов

белорусско-турецкой торговли, в первую очередь, по продукции сельского хозяйства и деревообрабатывающей промышленности, спрос на которую стабильно высок в обеих странах.

В феврале 2022 г. на БУТБ совершена первая сделка по реализации пиломатериалов в Объединенные Арабские Эмираты, которая открывает широкие возможности для белорусских экспортеров пиломатериалов, так как Эмираты – это международный торговый и логистический хаб, объединяющий многие страны мира. Поставляя свою продукцию в Абу-Даби, Дубай или Шарджу, белорусские предприятия автоматически получают доступ к потенциальным покупателям из Африки, Юго-Восточной Азии и других регионов.

В 2023 г. основными экспортными товарными позициями на БУТБ были пиломатериалы, рапсовое масло, свекловичный жом и меласса. Кроме того, активно развивался экспорт мясомолочной продукции, кожи «вет-блю», фанеры, ДСП, ДВП, торфяных топливных брикетов, продукции нефтехимии, сахара, блоков из ячеистых бетонов, топленых животных жиров. То есть в целом структура по сырьевым товарным позициям не изменилась, тем не менее на бирже сконцентрировали усилия на расширении использования нерезидентами площадки промышленных и потребительских товаров. Белорусские кожевенные предприятия впервые в конце 2021 г. воспользовались биржевым механизмом для реализации полуфабриката «вет-блю» за рубеж. Сейчас это уже не разовые сделки, а сессионные биржевые торги, которые проводятся на постоянной основе.

Следует отметить повышение интереса китайских покупателей к биржевому механизму, который связан с более гибкой ценовой политикой отечественных экспортеров, а также с дополнительными сервисами и гарантиями, которые обеспечивает белорусская торговая платформа.

Рассматриваются две формы взаимодействия: участие в биржевых торгах в качестве посетителя, заключая сделки от своего имени и за свой счет, или получение статуса биржевого брокера, что позволит привлекать на белорусскую торговую площадку новых покупателей из КНР. Весной 2023 г. компания SUMEC International Trading, обеспечивающая около 3 % от общего объема импорта древесины и пиломатериалов в Китай, выразила заинтересованность в сотрудничестве с БУТБ по поставкам продукции деревообработки на рынок КНР.

Для участия в биржевых торгах на БУТБ в мае 2023 г. аккредитована первая компания из Монголии. Через биржевую площадку из Монголии планируют поставлять в Беларусь продукцию горнодобывающей промышленности, включая плавиковый шпат и шлаки, применяемые в металлургической отрасли, а также закупать белорусские металлоизделия и товары сельскохозяйственной группы.

С начала 2023 г. на площадке промышленных и потребительских товаров БУТБ стала активно реализовываться продажа автомобильных транспортных средства, что к концу года составило около 9,5 млн руб. Это в 6 раз

больше, чем в январе – июле 2022 г. Повышенным спросом на биржевых торгах у покупателей пользовались автомобили Geely и JAC, а также российские ГАЗ, УАЗ и Lada. На эти марки автомобилей в общей сложности пришлось около 80 % продаж.

Реализация транспортных средств с применением биржевого механизма – относительно новое направление, которое начало активно развиваться благодаря аккредитации на бирже официальных дилеров вышеперечисленных брендов. Сейчас на биржевой платформе представлен достаточно широкий ассортимент транспортных средств. Причем это не только легковые или грузовые автомобили, но и спецтранспорт. По этим товарным категориям в торговой системе размещены 120 активных заявок на продажу и 42 – на покупку.

В 2023 г. в качестве покупателей автотранспорта в биржевых торгах участвовали 19 организаций, а в качестве продавцов – 18. По итогам января – июля 2023 г. автомобили вошли в пятерку самых популярных позиций на бирже.

Межбиржевое сотрудничество, дальнейшее развитие биржевой торговли будут способствовать повышению уровня обеспеченности ЕАЭС основными видами продукции, беспрепятственному прохождению денежных потоков, минимизации и устранению «бумажных» процедур и тем самым активизировать интеграцию рынков путем объединения и сращивания банковского, финансового, таможенного, производственного и сырьевого секторов экономики стран Союза.

Биржевая торговля товарами уже прописана как один из основных инструментов для создания общих рынков в рамках ЕАЭС. Однако все еще остается ряд нерешенных вопросов, с которыми предстоит разобраться государствам-участникам. Главный – это, безусловно, гармонизация законодательства.

Для дальнейшего развития внешнеторговой деятельности на площадке БУТБ целесообразно обеспечить равенство всех участников торгов, независимо от того, какую страну они представляют и на площадке какой страны торгуют. Еще один важный момент заключается в том, что для организаторов торгов в каждой из стран ЕАЭС первостепенное значение имеет конкурентоспособность национальных участников. Соответственно, необходимо сформировать систему торговли, основанную на единых стандартах и функционирующую согласно гармонизированным правилам. Это поможет обеспечить нормальную работу общего рынка в рамках ЕАЭС.

Подводя итоги, следует отметить, что необходимо активнее рекламировать биржевую площадку среди белорусских предприятий-производителей. По сути, возможность получить доступ к максимально большому количеству местных компаний – это то, зачем иностранный бизнес вообще приходит на биржу. Поэтому чем больше представителей белорусского промышленного и аграрного секторов будут выставлять свою продукцию на торги, тем интереснее и привлекательнее станет биржа для участников-нерезидентов.

Список использованных источников

1. Продвижение белорусских товаров и услуг на потребительский рынок: монография / Г. А. Короленок [и др.]; под ред. Г. А. Короленка. – Минск: РИВШ, 2021. – 287 с.
2. Об итогах внешней торговли товарами в 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/ob_itogakh_vneshney_torgovli_tovarami_v_2023_godu.
3. Информация о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь за 2023 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/>.
4. Выход брокеров БУТБ на узбекскую биржевую площадку // Биржевой бюллетень. – 2023. – Т. 6. – № 3(73). – С. 3.
5. Башлий, А. Сверхновые горизонты / А. Башлий // Биржевой бюллетень. – 2023. – № 2(72). – С. 16–18.

(Дата подачи: 21.02.2024 г.)

И. А. Шамардина, В. С. Чубис

Белорусский национальный технический университет, Минск

I. A. Shamardina, V. S. Chubis

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 339.5

ПРОИЗВОДСТВО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЕСНЫМИ ТОВАРАМИ В СТРАНАХ ЕАЭС: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

PRODUCTION AND INTERNATIONAL TRADE OF FOREST PRODUCTS IN THE EAEU COUNTRIES: CURRENT STATUS AND PROSPECTS

В статье рассматривается производство и международная торговля товарами лесопромышленной отрасли ЕАЭС. Дана характеристика текущего состояния и перспективы развития.

Ключевые слова: лесопромышленная отрасль; ЕАЭС; лесные товары; страны-члены ЕАЭС; взаимная торговля.

The article examines the production and international trade in goods of the timber industry of the EAEU. The characteristic of the current state and prospects of development is given.

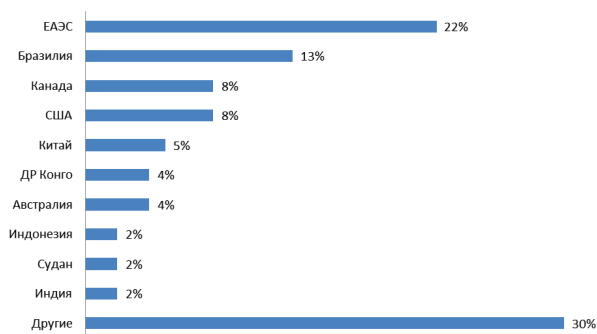
Keywords: timber industry; EAEU; forest products; EAEU member states; mutual trade.

Лесопромышленная отрасль занимает ключевое место в евразийской экономике и вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие государств-членов ЕАЭС. Имея крупнейшую сырьевую базу в мире (80 млрд куб. м), страны союза обрабатывают древесину и производят про-

дукцию различной технологической сложности, которая востребована на внутренних рынках объединения и внешних рынках третьих стран. Совокупный экспорт продукции лесопромышленной отрасли ЕАЭС составляет 8 % от мирового рынка, при этом обладает относительной устойчивостью за последние годы. Нехватка производственных мощностей объясняет структуру экспорта в третьи страны, которая преимущественно состоит из необработанной и грубо обработанной древесины (68 %). Реализуя продукцию низких пределов, ЕАЭС импортирует продукцию высоких пределов – МДФ, мебель, паркет, ламинат. Данная продукция составляет около 50 % всех импортируемых лесных товаров. Модернизация существующих и создание новых предприятий лесопромышленной отрасли может покрыть собственные потребности рынка ЕАЭС в высококачественных лесных товарах на 90 %, с сокращением суммарной доли импорта с 18 % до 9 % [1].

Вопрос обеспечения внутреннего рынка ЕАЭС лесными товарами высоких пределов является весьма актуальным. Это находит свое подтверждение в государственных программах, например, «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации» до 2030 г. [3] и «Белорусский лес» на 2021–2025 гг. [2]. Особую роль в экономике евразийских стран данной отрасли подчёркивают особые исследования, проводимые в этой области на наднациональном уровне: «О результатах анализа Деревообрабатывающей промышленности Евразийского экономического союза» [4] и «О результатах ежегодного мониторинга и анализа реализации Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» [5].

В основе сырьевой базы лесопромышленной отрасли лежат леса, а именно их древесные насаждения. На территории Евразийского экономического союза располагаются внушительные запасы древесины, их площадь составляет 1225 млн га лесных земель. Они занимают 22 % мировой площади леса (рис. 1).

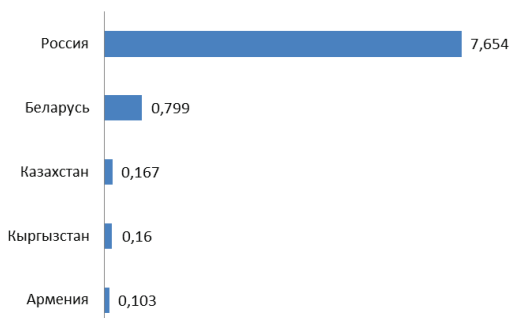

Примечание: расчеты промышленного блока ЕЭК [4, с. 14].

Рис. 1. Структура мирового запаса древесины, %

Преобладающая часть лесных ресурсов находится на территории Российской Федерации – 96,7 %. Остальной объем распределен между четырьмя странами следующим образом: Республика Казахстан – 2,4 %, Республика Беларусь – 0,8 %, Республика Армения и Кыргызская Республика соответственно 0,03 % и 0,1 % [4].

В основе производства лесных товаров используются хвойные и лиственные породы деревьев. В России около 70 % (560 млн га – хвойные породы, остальная часть – лиственные – 25 % (200 млн га). В Беларуси хвойные породы составляют 58,5 % (4385 тыс. га) основных лесобразующих пород, лиственные – 40,4 % (2970,3 тыс. га). Казахстан, обладая большим запасом лесных ресурсов, преимущественно саксаульниками (6132,4 тыс. га, или 64,9 %), располагает незначительными запасами хвойных (1691,6 тыс. га, или 17,91 %) и лиственных (1616,3 тыс. га, или 17,12 %) пород. Хвойные и Лиственные породы преобладают в Армении (334,1 тыс. га) и Кыргызстане (1132,2 тыс. га). Россия является одной из самых лесобеспеченных стран мира. В остальных странах – членах сырьевые запасы значительно ниже. К примеру, на одного человека в мире приходится около 0,52 га леса, а в России 7,65 га (рис. 2). Схожие запасы на одного человека наблюдаются в Канаде (9 га) [7].

Примечание: разработка авторов на основе [4].

Рис. 2. Запасы лесных ресурсов (хвойные и лиственные) на одного чел., га

Леса Кыргызстана и Армении не используются в производственных целях, так как имеют большое экологическое значение в глобальных процессах предотвращения негативных изменений климата и регулирования окружающей среды. В связи с этим кыргызские и армянские леса имеют природоохранный статус и не используются в экономическом производстве. А леса Казахстана распределены крайне неравномерно, что создает определенные логистические трудности.

Россия обладает значительными ресурсами, которые могут покрыть все текущие и перспективные потребности Союза. Ярko выраженная зависи-

мость от импортного сырья наблюдается в Казахстане, Армении и Кыргызстане. В то же время Беларусь располагает достаточным сырьем для удовлетворения собственных потребностей и развития экспортного потенциала в третьи страны и страны-члены ЕАЭС.

Заготавливающие, деревоперерабатывающие и деревообрабатывающие предприятия лесопромышленной отрасли ЕАЭС производят продукцию высоких (с большой долей добавленной стоимости) и низких пределов (с малой). К продукции низких пределов относят необработанную и грубо обработанную древесину, которая получается при первичной механической переработке ствола древесины (круглые лесоматериалы, пиломатериалы). Номенклатура продукции высоких пределов значительно шире. Данная продукция имеет глубокую степень переработки древесного сырья. Пройдя сложный технологический процесс, оно превращается в древесные плиты, биотопливо, деревянные дома, мебель, бумагу, картон и целлюлозу [8].

Лесопромышленная отрасль ЕАЭС производит преимущественно продукцию низких пределов. Объем производства деловой древесины в 2022 г. достиг 200 млн куб. м (68 %), пиломатериалы 43 млн куб. м (15 %), что составляет около 83 % в структуре производства лесных товаров ЕАЭС. Структура производства высоких пределов имеет следующий вид: 9 % – древесные плиты; бумага – около 5 %; остальные товары имеют незначительную долю (рис. 3) [6].

Примечание: разработка авторов на основе [6].

Рис. 3. Структура производства лесопромышленной отрасли ЕАЭС (2022 г.)

Основным производителем лесных товаров является Россия, объем производства в ЕАЭС приблизительно равен 89 %, Беларусь – 10 %, Казахстан, Кыргызстан и Армения – около 1 %.

По расчетам промышленного блока ЕЭК видно, что лесопромышленная отрасль России имеет экспортно ориентированный характер. В 2021 г. было

произведено лесных товаров на 14 539 млн долл., а совокупный экспорт составил 11 071 млн долл. (76,14 %). Сальдо торгового баланса сложилось положительным с показателем 10 546 млн долл. Производство превышает объем собственного рынка в 3,5 раза. Ориентированность на экспорт прослеживается и в Беларуси, где в 2021 г. лесных товаров произвели на 2 814 млн долл., а экспортировали на 2 002 млн долл. Объем производства превышает потребность внутреннего рынка страны в 2,8 раза. Обратная ситуация в Казахстане, Кыргызстане и Армении. В Казахстане производство удовлетворяет потребность собственного рынка всего на 11 %, а импорт покрывает необеспеченный внутренний спрос на 90 % (563 млн долл.). Подобная ситуация наблюдается в Кыргызстане: на 9 % производство покрывает потребности внутреннего рынка, импорт же обеспечивает на 91 % (68 млн долл.); в Армении: всего 3 % национального производства и импорт подавляющей части потребления 97 % (56 млн долл.). Таким образом, среди стран ЕАЭС Россия и Беларусь являются чистыми экспортерами, а Армения, Кыргызстан и Казахстан – чистыми импортерами лесных товаров [4].

При этом следует отметить активный рост объемов производства лесопромышленной отрасли с 2018 по 2021 г. в России на 41,7 % (4 280 млн долл.), в Беларуси на 65 % (1108 млн долл.) на фоне умеренного темпа в Армении, Казахстане и Кыргызстане – до 10 %. Внутренний рынок Армении и Кыргызстана стабилен, чего нельзя сказать о Казахстане, где с 2018 по 2021 г. рост составил 125 % (347 млн долл.).

Стоит особо подчеркнуть структуру взаимной торговли лесными товарами стран-членов ЕАЭС. Она характеризуется преобладанием продукции высоких пределов, а именно:

- древесные плиты (коды 4410 и 4411 ТН ВЭД ЕАЭС), доля которых составляет 65,5 % общей взаимной торговли;
- фанера (код 4412 ТН ВЭД ЕАЭС), доля 10,9 % объема взаимной торговли;
- пиломатериалы (код 4409 ТН ВЭД ЕАЭС), 6,4 % объема взаимной торговли [4].

В целом, в 2021 г. объем взаимной торговли стран-членов достиг 896,37 млн долл., что составляет 7,29 % от суммарного экспорта лесных товаров стран-членов ЕАЭС. По отношению к 2019 г. рост взаимной торговли составил 46,4 %, или 284,19 млн долл. Это свидетельствует об ориентированности экспорта товаров леса на рынки третьих стран.

Таблица 1

Анализ участия стран-членов ЕАЭС во взаимной торговле, 2020–2021 гг.

	2020 г.			2021 г.		
	Сум- марный экспорт, млн долл.	Взаимная торговля, млн долл.	Доля взаимной торговли, %	Сум- марный экспорт, млн долл.	Взаимная торговля, млн долл.	Доля взаимной торговли, %
ЕАЭС	12 240	608,45	4,97	12 297	896,37	7,29
Республика Армения	0,46	0,04	8,71	2,43	0,07	2,88
Кыргызская Республика	6,70	0,1	1,49	6,30	1,5	23,81
Республика Беларусь	1460,08	215,6	14,77	1460,08	248,10	16,99
Республика Казахстан	14,37	2,21	15,38	69,64	1,80	2,58
Российская Федерация	10758,66	390,5	3,63	10758,66	644,90	5,99

Примечание: разработка авторов на основе [4; 6].

В 2021 г. доля России во взаимной торговле лесными товарами составила 71,95 % (644,90 млн долл.), Беларуси – 27,68 % (248,10 млн долл.). Вклад Кыргызстана, Армении и Казахстана крайне незначительный, составляет всего 0,37 %. Основная часть взаимной торговли Беларуси осуществляется с Россией (223,2 млн долл., или 89,9 % от взаимной торговли Беларуси). Россия осуществляет равноправную взаимную торговлю со всеми странами – членами ЕАЭС, доля экспорта в каждую страну составляет около 25 %. В 2021 г. потребность в лесных товарах покрывалась на 62,02 %. Импорт из третьих стран составил 37,98 %, или 548,83 млн долл. Россия и Беларусь – активные участники взаимной торговли между странами-членами ЕАЭС – не могут полностью покрыть собственные потребности в лесных товарах высоких пределов. Основной причиной являются недостаточные производственные возможности. Планируется, что реализация ближайших совместных проектов России, Казахстана и Беларуси исправит ситуацию. Присутствует интерес казахстанского бизнеса в долевом участии в проектах, направленных на расширение существующих или создание новых производств плитной продукции на территории Российской Федерации.

В 2021 г. потребность в лесных товарах покрывалась преимущественно взаимной торговлей стран – членов ЕАЭС, доля взаимной торговли в совокупном импорте составила 62,02 %. Импорт из третьих стран составил 37,98 %, или 548,83 млн долл.

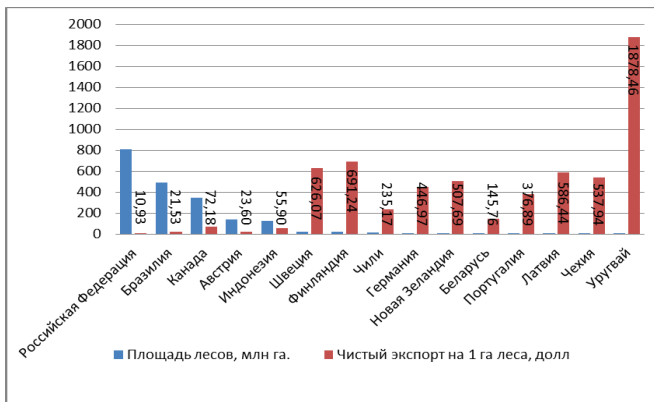
Таблица 2

Анализ покрытия импорта из стран – членов ЕАЭС, 2020–2021 гг.

	2020			2021		
	Совокупный импорт, млн долл.	Импорт из стран – членов ЕАЭС, млн долл.	Доля импорта из ЕАЭС, %	Совокупный импорт, млн долл.	Импорт из стран – членов ЕАЭС, млн долл.	Доля импорта из ЕАЭС, %
ЕАЭС	904,6	608,45	67,26	1445,2	896,37	62,02
Армения	40	16,90	42,25	56	26,2	46,79
Беларусь	121	81,11	67,03	191	130,6	68,38
Казахстан	255	244,00	95,69	563	408,8	72,61
Кыргызстан	67,60	67,60	100,00	107,2	107,2	100,00
Россия	421	198,84	47,23	528	223,57	42,34

Примечание: разработка авторов на основе [4; 6].

Лесные товары ЕАЭС имеют высокие конкурентные позиции на мировом рынке. Так, в 2021 г. Россия заняла 5-е место в мире по чистому экспорту, а Беларусь – 15-е место. Был проведен анализ взаимосвязи наличия лесных ресурсов с чистым экспортом 15 мировых лидеров, результаты которого представлены на рисунке 4.

Примечание: разработка авторов на основе [6].

Рис. 4. Взаимосвязь чистого экспорта с наличием лесных ресурсов

Было выявлено, что страны, обладающие крупнейшими запасами лесных ресурсов, имеют минимальный показатель чистого экспорта на 1 га

леса. В России он составил 10,93 долл., в Канаде – 72,18, что в 7 раз больше. Это, среди прочего, может свидетельствовать о недостаточно эффективной деятельности лесопромышленной отрасли ЕАЭС, которая экспортирует необработанную и грубо обработанную древесину (продукцию с минимальной долей добавленной стоимости), а импортирует древесные плиты, биотопливо, мебель, бумагу, картон, т. е. продукцию с высокой долей добавленной стоимостью. Страны с меньшим ресурсным потенциалом, такие как Швеция, Финляндия, Латвия, Чехия, Португалия, Беларусь, имеют более высокий показатель: от 145,76 долл. до 691,24 долл. В целом, в Беларуси наблюдается схожая ситуация с Россией, показатель отдачи чистого экспорта на 1 га леса в 2–3 раза ниже остальных стран.

Анализ показывает, что страны с небольшими запасами лесных ресурсов стараются эффективно ими воспользоваться (производят товары высоких пределов), к примеру, такие европейские страны, как: Швеция, Финляндия, Латвия и др., где долгосрочные перспективы за счет политической поддержки остаются благоприятными, в основном благодаря программам, таким как Европейский «зеленый курс», Европейская «волна ремонта» и «Новый европейский Баухаус» [9]. Исключением в данном случае являются Уругвай и Новая Зеландия, которые реализуют на мировом рынке древесное сырье в больших объемах, при этом имея незначительные лесные запасы. С крупнейшими держателями лесных ресурсов другая картина, отсутствие инфраструктуры и высокие логистические издержки вынуждают реализовывать лесные товары с минимальной степенью переработки, чтобы сохранить конкурентоспособные цены на мировом рынке.

Беларусь и Россия, находясь в лидирующих позициях на мировой арене, ведут малоэффективную экспортную деятельность. Показатель чистого экспорта на 1 га в странах, которые имеют схожие лесные запасы, значительно выше: от 2 до 5 раз. Вопрос развития лесопромышленной отрасли ЕАЭС является актуальным. Был принят ряд решений, направленных на сокращение экспорта в третьи страны продукции низких пределов, так как данная продукция является стратегически важной на внутреннем рынке.

Так, был принят запрет на вывоз грубо обработанной и необработанной древесины в России, который вступил в силу с 1 января 2022 г. (Постановление Правительства Российской Федерации № 1225 от 20 июля 2021 г.). В Беларуси действуют дополнительные меры, направленные на исключение бесконтрольного вывоза древесины с низкой степенью переработки (Декрет № 5, подписанный Президентом 12 октября 2021 г.).

На наднациональном уровне Евразийской экономической комиссией был введен общий запрет на вывоз деловой древесины в третьи страны (Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 28 декабря 2021 г. № 194). Кроме этого, была установлена единая мера нетарифного регулирования в виде количественного ограничения экспорта в отношении грубо обработанной и необработанной древесины, которая стала толчком развития внутреннего рынка ЕАЭС. Мера установила нулевую квоту на вывоз товара

(4401, 4403 и 4407 ТН ВЭД ЕАЭС) из стран Евразийского экономического союза на бессрочной основе. Она позволяет обеспечить внутренний рынок ЕАЭС необходимым сырьем, в котором испытывает нужду лесопромышленная отрасль Казахстана, Кыргызстана и Армении [10].

Среди нетарифных мер поддержки евразийской отрасли установлено квотирование объемов экспорта российского леса в рамках внутренней торговли ЕАЭС и установлены предельные объемы вывоза лесоматериалов в государства-члены. Указанные объемы потребления рассчитывались на основе статистических данных взаимной торговли России со странами – партнерами за три предыдущих года. Исходя из них, предельные объемы вывоза лесоматериалов из России в 2022 г. распределились следующим образом:

- в Беларусь – 3173 куб. м;
- в Армению – 1265 куб. м;
- в Кыргызстан – 29 680 куб. м;
- в Казахстан – 477 497 куб. м [11].

Обеспечение внутреннего рынка стран-членов необходимым сырьем является первоочередной задачей развития лесопромышленной отрасли. Отсутствие сырья в Казахстане, Кыргызстане и Армении ограничивало развитие лесопромышленной отрасли ЕАЭС. Вышеописанные меры воздействия временно снизят конкурентные позиции на мировом рынке, но в дальнейшем могут показать значительный рост.

Проблема сокращения производства продукции низких пределов активно решается. На данный момент в России запущено множество предприятий, производящих продукцию высоких пределов. Работает 40 заводов по производству плит ДСП, основными являются предприятия холдинга «Увадрев» – 315 тыс. куб. м ежегодно, «Кроношпан Башкортостан» – 500 тыс. куб. м ежегодно, Кроношпан Электрогорск – 250 тыс. куб. м ежегодно. Были введены в эксплуатацию производства древесных плит ООО «Кастамону Интегрейтед Вуд Индастри» и ПДК «Апшеронск» с совокупным объемом выпуска в год 1500 тыс. куб. м плит с возможностью увеличения до 1850 тыс. куб. м. Основные производители плит ОСП – ДОК «Калевала», «Хиллман», Нововятский лыжный комбинат, «Кроношпан Егорьевск», а также имеются еще не реализованные проекты. В будущем объемы производства будут превышать 3 млн м кв. плит ОСП в год [4].

В Беларуси был создан холдинг «BYSPAN», в состав которого вошли крупнейшие белорусские производители: ОАО «Ивацевичдрев», ОАО «Борисовдрев», ОАО «Витебскдрев», ОАО «Гомельдрев», ОАО «Могилевдрев», ОАО «Мозырский ДОК», ОАО «Мостовдрев», ОАО «Новосверженский лесозавод», ОАО «Речицадрев», ОАО «ФанДОК». Деятельность данных предприятий сосредоточена на производстве древесных плит. Модернизация и организации производств ОАО «ФанДОК», ОАО «Витебскдрев», ОАО «Борисовдрев», ОАО «Речицадрев», «Мозырский ДОК» увеличили производственную мощность данных предприятий до 660 тыс. куб. м [4; 12].

В Казахстане также реализуются проекты производства древесных плит. Завод ДСП «КЕНЖЕ» осуществил переоборудование для выпуска ДВП плит и завод по производству OSB-плит «Мелисса».

Реализованные проекты станут первым толчком развития лесопромышленной отрасли ЕАЭС. Производство плитной продукции обеспечит внутренние потребности рынка ЕАЭС. Древесные плиты, являясь продукцией с высокой долей добавленной стоимости, не являются конечным продуктом. Многофункциональность обеспечивает широкий диапазон применения. В дальнейшем плиты будут основой развития косвенных предприятий лесопромышленной отрасли ЕАЭС, к ним можно отнести предприятия, производящие мебель и деревянные дома. Реализация полного потенциала плит в мебельном производстве и домостроении позволит получить максимальную добавленную стоимость.

Проведенный анализ текущего состояния производства лесопромышленной отрасли и международной торговли лесными товарами в странах ЕАЭС позволяет сформулировать следующие выводы:

- анализ ресурсного потенциала лесопромышленной отрасли ЕАЭС показал доминирующее положение на мировом рынке, 22 % от мирового запаса древесины, около 50 % мирового запаса хвойной древесины. Располагая значительной сырьевой базой, прослеживается зависимость от импортных лесных товаров высоких пределов, которые составляют 50 % всех импортируемых лесных товаров. Обладая крупнейшими мировыми запасами леса, лесопромышленная отрасль ЕАЭС не имеет возможности глубоко переработать древесину;
- выявлены лидирующие экспортные позиции на мировом рынке, по чистому экспорту: Россия – 5-е место, Беларусь – 15-е. Показатель отдачи чистого экспорта на 1 га леса в 2–3 раза ниже остальных стран. Подтверждая малоэффективностью лесопромышленной отрасли ЕАЭС, которая импортирует продукцию с высоко добавленной стоимостью, а экспортирует с малой;
- перспективным направлением является развитие производства древесных плит, которые покроют потребности внутреннего рынка ЕАЭС и расширят экспорт. Данные проекты активно реализуются в России, Казахстане и Беларуси. Планируются совместные проекты России и Казахстана, России и Беларуси;
- для повышения конкурентоспособности на мировом рынке следует реализовать полный потенциал древесных плит. Не экспортировать древесные плиты как конечный продукт, а реализовывать мебель и деревянные дома, где древесные плиты являются основным конструктивным элементом.

Список использованных источников

1. Доклад о результатах анализа потенциально перспективных для совместного выхода государств – членов Евразийского экономического союза рынков третьих стран для развития евразийского промышленного экспорта / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2020. – 101 с.

2. О Государственной программе «Белорусский лес» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 янв. 2021 г. № 52 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100052>. – Дата доступа: 20.01.2024.

3. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ, 11 февр. 2021 г., № 312-р // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102170022>. – Дата доступа: 28.01.2024.

4. О результатах анализа Деревообрабатывающей промышленности Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2022. – 67 с.

5. Доклад о результатах ежегодного мониторинга и анализа реализации Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2018. – 86 с.

6. FAOSTAT // Food and Agriculture Organization [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FO> – Date of access: 10.02.24.

7. Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 / ФАО. – Рим, 2018. – 63 с.

8. Глебов, И. Т. Лесное товароведение с основами древесиноведения: учебное пособие / И. Т. Глебов. – Екатеринбург: УГЛТУ, 2018. – 170 с.

9. Проект заявления о состоянии рынка лесных товаров 2023 / ФАО. – Сан-Марино, 2023. – 11 с.

10. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Минск, 2024. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-unifitsiru-et-eksportnye-mery-v-otnoshenii-otdelnyh-vidov-lesomaterialov/>. – Дата доступа: 04.02.2024.

11. О вывозе отдельных видов лесоматериалов с территории Российской Федерации в государства – члены Евразийского экономического союза: постановление Правительства РФ, 16 март. 2021 г., № 380 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203170006>. – Дата доступа: 28.01.2024.

12. Ивацевичидрев [Электронный ресурс]. – Минск, 2024. – Режим доступа: <https://idrev.by/kompaniya/xolding-byspan/>. – Дата доступа: 07.02.2024.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Баньковская Ю. Л.</i> СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ «АКТОР» В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ ОБЩЕСТВА	3
<i>Баравостов П. А.</i> СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ГИБРИДИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В ИНСТИТУТЕ ПРАВА	8
<i>Беляева Е. В.</i> КАТЕГОРИЯ МОГУЩЕСТВА В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	16
<i>Беркова О. В.</i> ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	22
<i>Браницкая И. Н.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА	29
<i>Климович А. И.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ	37
<i>Коховец Я. А.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЗАРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ГНОСТИЦИЗМА	43
<i>Круглова Г. А.</i> КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	51
<i>Ксенофонтов В. А.</i> МИРОВОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ	57
<i>Лукьянович Н. М.</i> ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ДРАМАТИЗАЦИЯ ИДЕЙ В КОНЦЕПЦИИ ЖИЛИЯ ДЕЛЁЗА	66
<i>Мижевич О. М.</i> АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ОСОБЕННОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЭПОХУ «ОБЩЕСТВА ПЕРЕЖИВАНИЙ»	73
<i>Мизякина С. Н.</i> МОДА КАК МЕХАНИЗМ ГЛОКАЛИЗАЦИИ	80
<i>Наумов Д. И.</i> ТРАКТОВКА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ	87
<i>Озджан Айдын.</i> КОРАНИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСЛАМСКОГО МОДЕРНИЗМА	95
<i>Павлова В. В.</i> РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ ЭТИКИ ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ	101
<i>Середа Ю. П.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ	108
<i>Сидоренко И. Н., Личевский Г. А.</i> ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО НЕОМАРКСИЗМА	116

<i>Струтинская Н. В.</i> ПРАКТИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	123
<i>Филиппович А. В.</i> ИДЕИ ЭЗОТЕРИЗМА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	131
<i>Шалупенко М. М.</i> ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ	139
<i>Швабовская О. В.</i> ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	145

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Архипова Л. И., Медведева Л. Ф.</i> СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА	153
<i>Вашико И. М.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ИННОВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ	162
<i>Веренич Г. Д., Марцева С. В.</i> СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	169
<i>Воронин С. М.</i> ВОПРОСЫ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ САНКЦИЙ	176
<i>Гусаков Б. И., Лойко В. И.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА	184
<i>Жевлакова А. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	191
<i>Кандричина И. Н., Богданович Е. Г.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ: ДОСТОИНСТВА, НЕДОСТАТКИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ.....	200
<i>Касперович С. А., Бойко М. В.</i> ФИНАНСИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	207
<i>Климченя Л. С.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРГОВЛИ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ.....	213
<i>Лешук Е. С., Кандричина И. Н.</i> ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	220
<i>Мальгина И. В.</i> ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ КЛУБЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	227
<i>Мойсеёнок О. В.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	240

<i>Морозова Н. Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ТРУДА И ТЕОРИИ РЫНКА ТРУДА ОТ АНТИЧНОСТИ ДО МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ	248
<i>Павлова Н. С., Данильченко А. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСЛУГ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	260
<i>Петрашкевич А. К.</i> СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ	279
<i>Русак И. Н.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАГНОСТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	286
<i>Сапёлкина Е. И.</i> МОНИТОРИНГ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	297
<i>Семашко Ю. В., Аснович Н. Г.</i> МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ РЕГИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА.....	304
<i>Флерко С. Л., Свирейко Н. Е.</i> БИРЖЕВАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	312
<i>Шамардина И. А., Чубис В. С.</i> ПРОИЗВОДСТВО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЕСНЫМИ ТОВАРАМИ В СТРАНАХ ЕАЭС: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	319

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 23

В 2 частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *Я. И. Былинович*

Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 17.07.2024. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 19,4. Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 50 экз. Заказ 70.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.